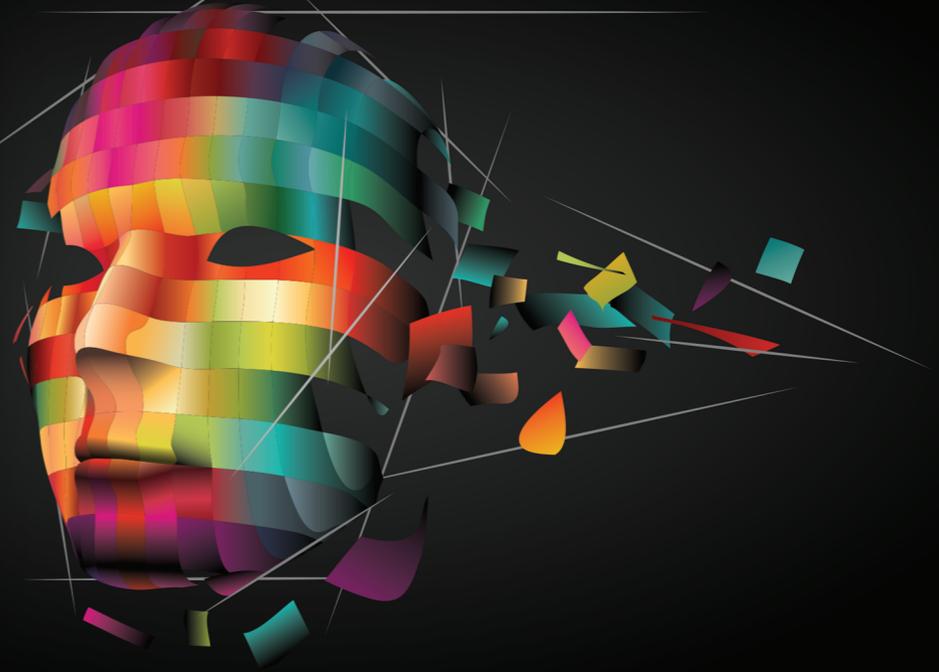

«МЯГКАЯ СИЛА», «ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ»
И ТЕХНОЛОГИИ СМЕНЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

А. О. НАУМОВ

А. О. НАУМОВ

«МЯГКАЯ
СИЛА»,
«ЦВЕТНЫЕ
РЕВОЛЮЦИИ»

И ТЕХНОЛОГИИ СМЕНЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ
РЕЖИМОВ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Факультет государственного управления МГУ
им. М.В. Ломоносова

А.О. НАУМОВ

**«МЯГКАЯ СИЛА»,
«ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ»
И ТЕХНОЛОГИИ СМЕНЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ
В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

МОНОГРАФИЯ

Москва
АРГАМАК-МЕДИА
2016

УДК 32(075.4)
ББК 66.73
Н34

Рецензент:

декан факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор исторических наук В.А. Никонов

Наумов А.О.

Н34 «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2016. – 274 с.

ISBN 978-5-00024-071-7

Монография посвящена проблеме трансформации политических режимов в странах Восточной Европы, постсоветского пространства и Северной Африки в 2000–2014 годах. Основной акцент сделан на анализе технологий «мягкой силы», которые использовались США и их союзниками для осуществления государственных переворотов в Сербии, Грузии, Украине, Киргизии, Тунисе, Египте и вновь на Украине. Организованные Западом с помощью новейших приемов геополитической инженерии «цветные революции» привели к драматическим последствиям как для системы глобального управления, так и для внутреннего развития указанных стран. Международные кризисы, перманентная политическая турбулентность, социально-экономический коллапс, утрата реального суверенитета — таковы основные итоги «цветных революций».

УДК 32(075.4)
ББК 66.73

ISBN 978-5-00024-071-7

© Наумов А.О., 2016
© АРГАМАК-МЕДИА, 2016

Редактор *Е.А. Кречетова*
Корректор *Л.Н. Макарова*
Компьютерная верстка *Т.В. Андреева*

Подписано в печать 25.10.2016.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Гарнитура NewtonС.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,3. Уч.-изд. л. 18,5.
Тираж 300 экз. Заказ №

ООО «АРГАМАК-МЕДИА»
105043, г. Москва, Измайловский б-р, д. 14/36, корп. 1
Тел./факс: (499) 163 27 18
<http://www.argamak-media.com>
E-mail: postroit@yandex.ru

Оглавление

Введение.....	5
---------------	---

Раздел I.

Теоретические и практические аспекты применения «мягкой силы» в современном мире

Глава 1. «Мягкая сила»: теоретический обзор.....	13
Глава 2. «Мягкая сила»: внешнеполитический опыт США.....	24
Глава 3. Технологии «мягкой силы» и «цветные революции»	45

Раздел II.

«Цветные революции» в начале XXI века

Глава 4. «Бульдозерная революция» в Сербии	65
Глава 5. «Революция роз» в Грузии.....	90
Глава 6. «Оранжевая революция» на Украине (Наумов А., Наумова А.).....	118
Глава 7. «Тюльпановая революция» в Киргизии.....	157
Глава 8. «Арабская весна» (на примере Туниса и Египта).....	186
Глава 9. «Евромайдан», или «революция гідности» на Украине (Наумов А., Наумова А.).....	228
Заключение	247
Библиография	257

Введение

“Экспорт социальных экспериментов, попытки подстегнуть перемены в тех или иных странах, исходя из своих идеологических установок, часто приводили к трагическим последствиям, приводили не к прогрессу, а к деградации. Однако, похоже, никто не учится на чужих ошибках, а только повторяет их. И экспорт теперь уже так называемых «демократических» революций продолжается... Но что получилось на деле? Агрессивное внешнее вмешательство привело к тому, что вместо реформ государственные институты да и сам уклад жизни были просто бесцеремонно разрушены. Вместо торжества демократии и прогресса — насилие, нищета, социальная катастрофа, а права человека, включая и право на жизнь, ни во что не ставятся. Так и хочется спросить тех, кто создал такую ситуацию: «Вы хоть понимаете теперь, что вы натворили?»”.

Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН

28 сентября 2015 года

Система глобального управления в настоящее время находится в глубоком кризисе. Нарастает геополитическая напряженность и турбулентность. Одной из ключевых причин данного процесса является нарушение норм международного права, незаконное вмешательство во внутренние дела суверенных государств. К подобной практике особенно активно прибегают западные страны, которые пытаются удержать полученное после окончания «холодной войны» глобальное доминирование всеми возможными способами. Для достижения своих целей на международной арене они используют различные приемы геополитической инженерии, одним из которых в начале XXI века стали технологии по ненасильственной смене политических режимов — «цветные революции».

Большинство отечественных исследователей сходятся во мнении, что сегодня «цветные революции» являются одним из наиболее разру-

шительных и наименее изученных явлений мировой политики. Правда, несмотря на важность проблемы, пристальное внимание к ней высших государственных лиц, экспертного и научного сообщества, в современном общественно-политическом дискурсе до сих пор нет единого мнения относительно трактовки понятия «цветная революция»¹. На наш взгляд, «цветная революция» — это осуществленный на фоне массовых уличных протестов государственный переворот, ненасильственная смена власти с использованием технологий, механизмов и инструментов «мягкой силы».

«Мягкая сила» в классическом понимании основателя этой концепции Дж. Ная-мл. — это внешнеполитическая стратегия, позволяющая достигать целей на международной арене путем убеждения и привлечения симпатий других акторов². Политика «мягкой силы» реализуется посредством популяризации языка и культуры, достижений государства в области экономического и технологического развития, распространения привлекательных гуманитарных и политических идеалов, собственной оригинальной системы ценностей, которую хотели бы импортировать другие субъекты международных отношений.

Наивно, однако, полагать, что стратегическая цель политики, основанной на технологиях «мягкой силы», состоит исключительно в гуманистическом распространении собственной культуры, языка, общественно-политической модели, экономического уклада и цивилизационных ценностей с целью создания более справедливого и гармоничного миропорядка. В современном глобальном мире «мягкая сила» является не менее эффективным оружием, чем «жесткая сила». В Концепции внешней политики Российской Федерации от 12 февраля 2013 года наряду с положительными чертами «мягкой силы» как инструмента международной политики отмечается, что «усиление глобальной конкуренции и накопление кризисного потенциала ведут к рискам подчас деструктивного и противоправного использования «мягкой силы» и правозащитных концепций в целях оказания политического давления

¹ Различные трактовки термина «цветная революция» представлены в данных трудах: Марков С. Цветная революция — это новый тип политических технологий по смене политической власти // URL: <http://www.km.ru/glavnoe/2005/11/15/arkhiv/smarkovtvetnaya-revoljutsiya-eto-novyi-tip-politicheskikh-tekhnologii-po>; Гапич А., Лушников Д. Технологии цветных революций. М., 2010; Почепцов Г. Революция.com: Основы протестной инженерии. М., 2005; Пономарева Е. Секреты «цветных революций». Современные технологии смены политических режимов // Свободная мысль. № 1/2. 2012; Пономарева Е., Рудов Г. «Цветные революции»: природа, символы, технологии // Обозреватель-Observer. 3/2012; Ситнова И.В. Сравнительный анализ «цветных революций» на постсоветском пространстве // Власть. 2011. № 5; Манойло А. Цветные революции и гибридные войны. Стратегия России. Июль 2015.

² См.: Nye J.S. “Soft Power” // Foreign Policy. 1990; Nye J.S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. N.Y., 1990; Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N. Y., 2004; Най Дж.С. Будущее власти. М., 2014.

на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, дестабилизации там обстановки, манипулирования общественным мнением и сознанием¹.

Практику использования «мягкой силы» в зависимости от ее целеполагания, содержания и направленности применяемых технологий можно достаточно четко поделить на два типа. В первом случае «мягкую силу» действительно, следует рассматривать как позитивную технологию, позволяющую улучшать взаимопонимание между государствами и народами. Но существует и другой путь, когда ресурсы «мягкой силы» применяются как орудие дестабилизации государственного управления и государства в целом. По сути, речь идет о реализации технологий «мягкой силы» для подрыва государственного и социального устройства другой страны с помощью влияния на происходящие в этом государстве процессы². В этом случае как раз можно говорить о технологиях, на которых и базируются «цветные революции».

В геополитическом плане «цветные революции» — собирательное название процессов смены политических режимов с использованием технологий и ресурсов «мягкой силы» в странах Восточной Европы, Центральной Азии и Северной Африки в 2000–2014 годах. Эпоха «цветных революций» началась в 2000 году на площадях югославского Белграда. Всего через три года они перекинулись на постсоветское пространство — в ноябре 2003 года в Грузии произошла «революция роз». В последующие полтора года в результате развития протестного движения, мобилизации оппозиционных сил и неправительственных структур, реализации инновационных предвыборных технологий и методов ненасильственной борьбы, а также активного вмешательства извне произошла смена политических режимов еще в двух бывших республиках СССР — на Украине («оранжевая революция») и в Киргизии («тюльпановая революция»). Затем этот процесс приостановился, однако в начале второго десятилетия XXI века подобные государственные перевороты, уже с использованием обновленных методик, особенно передовых цифровых технологий, вновь произошли сразу в нескольких странах Северной Африки («жасминовая революция» в Тунисе и «финиковая революция» в Египте), получив название «арабской весны», и вернулись в центр Восточной Европы — на Украину в виде «Евромайдана».

Как и любое явление современной мировой политики «цветные революции» имеют достаточно сложный и многомерный характер. Появ-

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Официальный сайт. URL: http://www.mid.ru/bgr_4.nsf/0/6D84DDEDED7DA644257B160051BF7F.

² Наумов А.О. «Мягкая сила» и «цветные революции» // Российский журнал правовых исследований. № 1. 2016. С. 74–75.

ление этого феномена было обусловлено логикой развития постбиполярной системы, в первую очередь, стремлением США и их союзников окончательно утвердиться в качестве глобального мирового лидера. Однако было бы неверно рассматривать «цветные революции» исключительно через призму международных отношений. В каждой из стран, где состоялись эти государственные перевороты, имелся целый комплекс нерешенных проблем внутреннего характера, а именно: низкий уровень жизни населения, безработица, коррупция, неэффективность государственного управления, регионализм, сепаратизм и/или религиозный экстремизм и т.д. Но не менее важной причиной «цветных революций» стал внешний фактор — то, что известный ученый и политик В.А. Никонов назвал «цветной демократизацией» со стороны Запада¹.

Главными отличительными чертами «цветных революций» являлся их в целом ненасильственный характер и использование импортированных с Запада технологий и методик «мягкой силы», которые реализовывались определенными акторами (НПО, СМИ, социальные сети) посредством различных семиотических инструментов (символы, образы, идеи, мифы). Все «цветные революции» развивались по схожему сценарию. Задолго до начала «революции» западные и местные прозападные акторы вели тщательную подготовительную работу, анализируя социально-экономическую и политическую ситуацию в стране, выявляя слабые места правящих режимов и вербуя сторонников перемен. Затем создавалось ядро оппозиции, шло распределение сил внутри движущих сил «революции». После этого начиналась дестабилизация внутривнутриполитической обстановки, что зачастую было связано с прошедшими или приближавшимися президентскими или парламентскими выборами. В ходе апогея «цветной революции» на улицы крупных городов на демонстрации и митинги выходили заранее подготовленные активисты, к которым присоединялись рядовые граждане, недовольные положением дел и обработанные соответствующим образом оппозиционной пропагандой, что добавляло массовости протестам. Как правило, в этот момент начинались провокации со стороны «революционеров» и столкновения с органами правопорядка. В сложившихся условиях власть оказывалась перед критической дилеммой: в полной мере использовать собственное право на легитимное насилие или идти на уступки и вступить с оппозицией в переговоры. Второй вариант со всей неизбежностью предопределял поражение правящего режима и обеспечивал победу «цветной революции».

В зависимости от уровня использования политических технологий, используемых для смены режима, «цветные революции» начала

¹ Никонов В.А. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? М., 2015. С. 505.

XXI века можно достаточно четко поделить на две группы: «цветные революции» и «цветные революции 2.0». Другим важным признаком, позволяющим провести условный водораздел между двумя волнами «цветных революций», является градус насилия в ходе этих государственных переворотов. Если в первом десятилетии XXI века государственные перевороты действительно были практически бескровными (в Сербии, Грузии, Украине, Киргизии), то события «арабской весны» и украинского «Евромайдана» проходили на фоне значительного числа жертв среди демонстрантов и представителей органов правопорядка.

Современные отечественные исследователи справедливо утверждают, что при рассмотрении «цветных революций» через призму реализации технологий «мягкой силы» у многих возникает иллюзия, что это более мягкая и поэтому более прогрессивная и менее социально опасная форма воздействия на политические режимы. При этом, по мнению ученых, «трудно определить, что на самом деле является более опасным явлением для международной безопасности в целом: «цветные революции» или локальные вооруженные конфликты»¹.

Данная работа предлагает читателю самому дать ответ на этот крайне актуальный сегодня вопрос.

¹ Карпович О.Г., Манойло А.В. Цветные революции. Теория и практика демонтажа современных политических режимов. М., 2015. С. 73.

Раздел I
Теоретические и практические
аспекты применения
«МЯГКОЙ СИЛЫ»
в современном мире

Глава 1

«МЯГКАЯ СИЛА»: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

«Мягкая сила» — это способность достигать целей на международной арене путем убеждения и привлечения симпатий других акторов. Это особый тип внешнеполитической деятельности, связанный с распространением влияния одного государства на другие через средства массовой коммуникации, популярную и высокую культуру, предоставление услуг образования, благоприятную экономическую среду, распространение привлекательных гуманитарных и политических идеалов, собственной оригинальной системы ценностей, которую хотели бы импортировать другие субъекты международных отношений. «Мягкая сила» предусматривает продвижение интересов государства путем убеждения и привлечения симпатий к своей стране, основываясь на ее ценностях, достижениях в культуре и интеллектуальной сфере.

Выступая 9 июля 2012 года на совещании послов и постоянных представителей, президент России В.В. Путин определил приоритетность политики «мягкой силы» следующим образом: «Политика “мягкой силы” предусматривает продвижение своих интересов и подходов путем убеждения и привлечения симпатий к своей стране, основываясь на ее достижениях не только в материальной, но и в духовной культуре и в интеллектуальной сфере»¹.

Различные технологии и инструменты, обобщенно обозначаемые как «мягкая сила», уходят своими корнями в глубину веков. Идея использования несилowych инструментов для достижения результатов в политике не нова; ее истоки можно проследить еще в социально-философских воззрениях древности. И на протяжении человеческой истории «мягкая сила» не раз оказывала существенное воздействие на ход мировых процессов. В новейшей истории концепция «мягкой силы» нашла широкое и наиболее утилитарное применение в американской политике в годы «холодной войны», а также в период администрации Б. Клинтона. На уровне политологической концепции эта стратегия была впервые четко осмыслена, сформулирована и актуализирована в 1990 году

¹ Путин В.В. Выступление на совещании Послов и Постоянных представителей России. 9 июля 2012 г. // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/news/15902>.

одним из наиболее известных специалистов по проблемам международных отношений в США Джозефом Наем-мл. «Мягкую силу» Най определил как «способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек». Особое внимание он обращал на то, что в нынешнюю эпоху информационной революции фактор привлекательности той или другой страны играет гораздо большее значение, чем раньше¹.

Причинами появления вопросов, связанных с «мягкой силой», безусловно, стали усилившаяся взаимозависимость государств мира, глобализация и стремительное развитие информационных технологий (особенно спутниковое телевидение и Интернет). Актуализированный Наем концепт «мягкой силы» учитывал все эти изменения. Более того, он основывался на реальных достижениях Соединенных Штатов Америки и на том факте, что во многом именно широкое использование во внешней политике возможностей «мягкой силы» привело Вашингтон к победе в «холодной войне».

В своих фундаментальных трудах «Обязанный лидировать: меняющийся характер американской мощи»², «Мягкая сила. Как добиться успеха в мировой политике»³ и «Будущее власти»⁴ Дж. Най особый акцент делает на вопросе «Что такое сила?». Применительно к сфере международных отношений под силой он понимает способность оказывать влияние на поведение других акторов для достижения желаемых результатов. Дж. Най отмечает, что силовое воздействие может осуществляться тремя способами: посредством принуждения или угрозы принуждения («политика кнута»); при помощи вознаграждения, стимулирования путем предоставления определенных экономических благ («политика пряника»); наконец, путем побуждения благодаря собственной привлекательности, которая ненавязчиво заставляет другого желать того же, чего желает субъект, оказывающий воздействие⁵.

В одной из своих работ Дж. Най ссылается на своего предшественника — британского историка, ярчайшего представителя школы политического реализма Э. Карра, который еще в 1939 году подразделил силу в международных отношениях на три категории: военную, экономическую и силу мнения. При этом он указывал, что и военная политика, и экономическая помощь имеют не только «жесткое», но и «мягкое» измерение. Сам Най предложил выделять две силы, присущие государству. С одной стороны, это «жесткая сила», которая включает в себя военную мощь и экономическое превосходство и основывается

¹ Nye J.S. "Soft Power" // Foreign Policy. 1990. № 8. Pp. 153–168.

² Nye J.S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. N.Y., 1990.

³ Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y., 2004.

⁴ Най Дж.С. Будущее власти. М., 2014.

⁵ Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. Pp. 2–5.

на «политике кнута» и «политике пряника». С другой стороны — «мягкая сила», реализуемая третьим способом, — через привлекательность¹.

К «жесткой силе» относятся военная сила и угроза ее применения, разного рода формы экономического давления, например, санкции и другие меры принуждения. К «мягкой силе» можно отнести культурную притягательность государства, привлекательные особенности ее идеологии, традиций, истории, а также конкретные достижения — от продуктов массовой поп-культуры и побед на международных спортивных площадках до научно-технические прорывов.

Основой и «жесткой силы», и «мягкой силой» выступает способность достичь поставленной цели путем воздействия на поведение других акторов. Разница между ними заключается в инструментах: проецирование «жесткой силы» происходит через принуждение и навязывание своей воли, тогда как эффективное действие «мягкой силой» формируется через механизмы согласования внешнеполитических акций и вовлечение в сотрудничество более широкого характера, как правило, на базе единых культурных, политических, экономических и идеологических ценностей, такому сотрудничеству благоприятствующих и позволяющих оказывать влияние на другие страны. «Жесткая сила» характеризуется прямым влиянием на объект, «мягкая сила» — скорее косвенным. При этом «мягкая сила» ориентирована на постепенное и долговременное вовлечение объекта в зону своего влияния; она генерируется и проецируется годами и десятилетиями, но в случае успеха дивиденды от ее применения носят и более долгосрочный характер². При этом, как отмечал Най, «мягкая сила» — менее рискованное дело по сравнению с экономической и военной силами, но ее зачастую трудно применять, легко потерять и дорого восстановить³. «Жесткая сила» в целом статична, ее можно довольно быстро нарастить и также быстро утратить, к тому же издержки от ее применения порой бывают очень высокими. «Мягкая сила» накапливается десятилетиями и даже столетиями и потому в краткосрочном периоде полагается константой. Она может действовать независимо от государственной политики, только в силу самого факта своего наличия. Если «жесткая сила» — это исторически преобладающий инструмент влияния и ресурс политики государства, то «мягкая сила» — это «функция» общества, фактор и призма его восприятия в мире⁴.

¹ Ibid. P.5.

² Братерский М.В., Скриба А. С. Концепция «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии США // Вестник международных организаций. Т.9. № 2 (2014). С. 132–133.

³ Най Дж.С. Будущее власти. С. 151.

⁴ Байков А.А. «Мягкая мощь» Европейского Союза в глобальном силовом равновесии: евро-российский трек // Международные отношения. № 2 (35). 2014. С. 38.

Эффективность «мягкой силы», использующей механизмы формирования предпочтений и ожиданий других, особенно возрастает в тех случаях, когда давление и принуждение утрачивают свою действенность и на первый план выносятся стратегия «непрямых действий». Следует заметить, что в некоторых случаях формировать предпочтения других можно с помощью ресурсов, обычно относимых к «жесткой силе» — военной и экономической мощи. Так, ряд ученых отмечают, что сам факт наличия у государства могущественных вооруженных сил или успешной модели экономического развития может служить источником восхищения со стороны других государств¹. Иными словами, существует множество основных ресурсов, которые при помощи умелых методов могут быть превращены в «мягкую силу». Най пишет, что такими ресурсами могут выступать культура, ценности, законная политика, позитивная внутренняя модель, успешная экономика и профессиональная военная сила².

Но все же традиционно в основе «мягкой силы» лежат, в первую очередь, культура, идеи, символы, мифы и ценности. Государство, использующее «мягкую силу», популяризирует (а порой и насаждает) определенные стандарты, институты, правила поведения и нормы, которыми должны руководствоваться в своей внешней и внутренней политике иные акторы. Другими словами, в отличие от «жесткой силы», которая предполагает использование механизмов принуждения, «мягкая сила» основывается на способности государства сформировать повестку дня в мировой политике, основанную на его идеях.

Дж. Най утверждает, что в качестве ресурсов «мягкой силы» в мировой политике выступает все то, что «вдохновляет и привлекает» к источнику соответствующего воздействия, позволяя тому, кто его контролирует, добиваться желаемого результата. По его мнению, существует три вида таких ресурсов: культура, определяемая как набор значимых для общества ценностей, (там, где она привлекательна для других); политические ценности (когда страна сама живет согласно этим ценностям и руководствуется ими в отношениях с другими государствами); внешняя политика (когда она выглядит легитимной, то есть, когда остальной мир считает ее законной и имеющей моральное право)³. Первые два компонента — исторически сложившееся наследие нации, третий — субъективный фактор, привносимый находящимися в данное время у власти политиками.

¹ См.: Чихарев И.А., Столетов О.В. Методологические проблемы изучения новых движущих сил мировой политической динамики // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. Вып. 1: Альтернативные модели формирования наций / Ред. и сост. М.В. Ильин. М., 2012.

² Най Дж.С. Будущее власти. С. 177.

³ Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. P. 11.

Най рассматривает «мягкую силу» в качестве косвенного способа осуществления власти. «Мягкая сила» действует, побуждая других следовать определенным нормам поведения и институтам на международной арене, что и приводит ее к достижению желаемого результата фактически без принуждения. Интересно, что Най подчеркивает, что «мягкая сила» не является особой формой идеализма и может быть использована как во благо, так и в плохих целях. «Гитлер, Сталин и Мао — все они обладали большим количеством мягкой силы в глазах своих приверженцев, — пишет американский политолог, — но это не делало ее хорошей»¹.

Основным субъектом и объектом применения «мягкой силы» во внешнеполитической сфере является государство. Сегодня среди лидеров по этому ресурсу внешнеполитической деятельности стоит назвать, в первую очередь, США, а также их союзников по G7. При этом в пространство деятельности «мягкой силы» вовлечены не только государства, но и транснациональные корпорации, политические институты, глобальные неправительственные организации, отдельные знаменитости и даже, как ни парадоксально, международные террористические сети.

Степень влияния «мягкой силой» различается в зависимости от уровня социально-экономического развития страны, его восприимчивости к происходящим в мире событиям, способностью быстро и грамотно адаптироваться к изменениям на международной арене, которые в условиях информационной революции происходят со все увеличивающейся скоростью. Внешняя политика государства может лишь усиливать или ослаблять действенность «мягкой силы». Какой бы привлекательной страна не выглядела в глазах других акторов международных отношений, одно неправомерное решение зачастую нивелирует все старания и меняет образ на диаметрально противоположный. Силовые методы, непосредственное вмешательство во внутренние дела других стран, безапелляционное насаждение своих ценностей приводят в конечном итоге к существенному ослаблению «мягкой силы».

Наиболее эффективным способом реализации «мягкой силы» государства является публичная дипломатия, которая включает в себя культурные, образовательные, спортивные, медийные, научные и иные проекты, ориентированные на взаимодействие с элитой и обществом других стран и нацеленные на создание привлекательного образа своей страны. В самом широком смысле публичная дипломатия — это комплекс мер, нацеленных на изучение, информирование и формирование позитивного зарубежного общественного мнения в отношении определенного государства. Акторами публичной дипломатии могут быть правительства и органы государственной власти, неправительственные

¹ Най Дж.С. Будущее власти. С. 148.

организации, средства массовой информации, бизнес-структуры, частные группы и отдельные лица как участники межкультурных коммуникаций. Если культура, ценности и политика страны привлекательны для зарубежного населения, публичная дипломатия создает благоприятные условия для увеличения «мягкой силы». Каналы публичной дипломатии включают коммуникацию, в том числе информационные технологии и особенно Интернет, культурные, научные и образовательные центры, организации языкового сотрудничества, крупномасштабные спортивные мероприятия и т.д.

В качестве инструментов «мягкой силы» могут выступать и традиционная межправительственная дипломатия, государственная внешняя политика, культурная дипломатия, информационная политика, международная финансово-экономическая деятельность, участие в программах международной помощи и развития, экспорт продукции массовой и потребительской культуры, наконец, реализация высоких гуманитарных технологий. Ключевое значение для формирования могущественной «мягкой силы» имеет создание и культивирование определенных ценностей и норм, собственной политико-экономической модели и распространение, популяризация этих стандартов и институтов за пределами национальных границ.

Привлекательностью обладают военно-политическая мощь и сильная экономика. Сам факт наличия у государства мощной боеспособной армии, как говорилось выше, может вызывать уважение других, в первую очередь сопредельных, стран и способствовать развитию отношений с ними. А успешная модель экономического развития способна оказывать магнетическое влияние на другие, прежде всего, развивающиеся государства. «Мягкая сила» государства увеличивается и путем реализации крупных инфраструктурных проектов, в том числе и за пределами своих государственных границ, активного финансирования международных финансовых институтов, оказания экономической помощи нуждающимся государствам (политика содействия развитию).

Вообще, «мягкую силу» можно условно разделить на две составляющие. Первая — пассивная «мягкая сила» — определенный набор характеристик органически присущих определенной стране. Пассивная «мягкая сила» характеризует привлекательность государства априори, в ситуации, когда никаких специальных усилий для того, чтобы «понравиться» другим, государство не предпринимает. Вторая составляющая «мягкой силы» — это активная «мягкая сила». Она проявляется, когда страна-актор пытается донести до объекта воздействия свои преимущества и сформировать в его обществе и политической среде (через экономическую, культурную, религиозную и иные сферы деятельности) выгодную для себя ценностную позицию или позицию

по тому или иному международному вопросу¹. При проявлении «мягкой силы» особенно важно то, о чем думает объект воздействия, и объекты сами по себе значат не меньше, чем субъекты. Другими словами, качественные характеристики государства–объекта воздействия «мягкой силы» — уровень экономического развития, культура, этнический и конфессиональный состав, существующий политический режим — определяют структурные составляющие этой силы. «Мягкая сила», — пишет Най, — суть танец, для которого нужны партнеры»².

На современном этапе «мягкая сила» становится одним из ключевых факторов влияния государств на международной арене. Как справедливо заметил экс-глава Россотрудничества, а ныне председатель Комитета Совета Федерации по международным делам К.И. Косачев, «XXI век — эпоха инструментария «мягкой силы», и в выигрыше будет тот, кто им овладел раньше и лучше других»³. Особую актуальность использование ресурсов «мягкой силы» приобретает на фоне изобретения новых способов, методов и технологий информационно-психологического воздействия на международное сообщество, мировые элиты, национальные правительства и целые общества. «Мягкая сила» уже оказала существенное влияние на развитие международных процессов и ход мировой истории, особенно в последние четверть века. Она сыграла важнейшую роль в крушении СССР, а затем породила концепции «демократических интервенций», «ответственности по защите» и «человеческой безопасности», стала ядром сценария «цветных революций» и «арабской весны». Целый ряд государств активно использует «мягкую силу» в интересах собственной внешней политики и транслирования своих ценностей другим акторам международных отношений.

Нельзя не согласиться с отечественным исследователем Г.Ю. Филимоновым, что «мягкую силу» как направление внешнеполитической деятельности государства необходимо рассматривать в фокусе глобальных социально-политических, экономических и культурных процессов, формирующих новую, в корне отличную от предыдущих, систему мировой политики, где классические иерархические модели взаимоотношений между политическими акторами начинают уступать место сетевым структурам... необходимо учитывать контекст новых реалий мироустройства, проводя анализ актуальных инновационных механизмов реализации «мягкой силы» (сетевидный принцип, социальные сети и блогосфера, в т.ч. как двигатель революций, информационные

¹ Братерский М.В., Скриба А.С. Ук. соч. С. 135.

² Най Дж.С. Будущее власти. С. 153.

³ Косачев: России нужны новые подходы к «мягкой силе» // Российская газета. 01.03.2012. URL: <http://www.rg.ru/2012/03/01/kosachev-site.html>.

и кибервойны, ненасильственное сопротивление, правозащитные концепции и т.д.)¹.

В современной науке существует немало трактовок природы «мягкой силы» и последствий применения основанных на ней технологий на международной арене. Только в отечественной историографии существует целый ряд подходов к интерпретации этого феномена: силовой, инструментальный, технологический, конструктивистский, ресурсный, коммуникативный, манипулятивный и другие². В предлагаемом читателю исследовании за основу берутся подходы, основанные на принципах политического реализма, ведь как писал непосредственно основоположник концепции Дж. Най, между реализмом и «мягкой силой» нет никакого противоречия, и только упрощенная и урезанная версия реализма может игнорировать значение «мягкой силы», относя ее исключительно к форме идеализма или либерализма³.

В Концепции внешней политики Российской Федерации от 2013 года «мягкая сила» рассматривается именно как инструмент реализации внешнеполитических интересов государства, в основе которого лежит взаимодействие гуманитарных ресурсов страны⁴. На вопросе соотношения высоких гуманитарных технологий и «мягкой силы» следует остановиться подробнее. По справедливому мнению отечественных

¹ Филимонов Г.Ю. Актуальные вопросы формирования стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации // URL: <http://www.georgefilimonov.com/articles/important-issues-of-soft-power-strategy-in-the-foreign-policy-of-the-russian-federation>.

² См.: Астахов Е.М. Субъективные заметки о некоторых аспектах «мягкой силы» // Вестник МГИМО(У). 2014. № 2. С. 45–53; Давыдов Ю.И. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 4. С. 69–80; Панова Е. П. Сила привлекательности: использование «мягкой силы» в мировой политике // Вестник МГИМО(У). 2010. № 4. С. 91–97; Звягина Д.А. «Мягкая сила»: структурный анализ // Инициативы XXI века. 2012. № 3. С. 135–137; Радиков И., Лексютина Я. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 2. С. 19–26. Русакова О.Ф. Концепт «мягкой силы» (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения РАН. 2010. № 10. С. 173–192; Ермаков Ю.А. «Мягкая сила» социально-политических манипуляций человеком // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2013. Т. 119. № 4. С. 215–225; Понкин И.В. Технологии «мягкой силы» как средство дисфункционализации и разрушения государства // Право и образование. 2014. № 12. С. 95–111; Харкевич М.В. «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции // Вестник МГИМО(У). 2014. № 2. С. 22–29; Леонова О.Г. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке // Обозреватель-Observer. 2014. № 3. С. 80–89; Паршин П.Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // Вестник МГИМО(У). 2014. № 2. С. 14–20; Soft Power: теория, ресурсы, дискурс. Под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург, 2015.

³ Най Дж. С. Будущее власти. С. 150.

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Официальный сайт. URL: http://www.mid.ru/bpr_4.nsf/0/6D84DDEDEDDBF7DA644257B160051BF7F.

исследователей П.В. Клячкова и С.А. Подъяпольского, гуманитарные технологии используют «мягкую силу» в качестве ресурса, обеспечивая в то же время ее расширенное воспроизводство¹. По мнению, другого российского специалиста О.Ф. Русаковой, «мягкая сила» активизирует стереотипы общественного восприятия, приводя в действие архетипичные образы и коллективные представления, что «позволяет без усилий прямого и жесткого давления тонко и гибко осуществлять воздействие на ментальные структуры массового сознания — общественные представления, предпочтения, увлечения, развлечения, удовольствия, переживания, мечты, идеалы, грезы»². Е.П. Панова отмечает, что сущность «мягкой силы» заключается «в способности изменить систему социокультурных фильтров и «матрицу убеждений», составляющих целостность субъективного восприятия объекта, по отношению к которому применяется данный тип воздействия»³. Ю.А. Ермаков и вовсе ставит знак равенства между понятиями «мягкая сила» и «манипуляция»⁴. При этом «мягкая сила» это не просто совокупность ресурсов и инструментов их трансляции во внешний мир, но и проектируемый результат их реализации⁵.

Вообще, практику применения «мягкой силы» в зависимости от ее целеполагания, содержания и направленности применяемых технологий целесообразно разделить на два вида. В первом случае «мягкую силу» следует рассматривать как позитивную технологию, позволяющую улучшать взаимопонимание между государствами и народами, как средство, способствующее культурному взаимообогащению, как политику продвижения национальных интересов без сопряжения с агрессивными разрушительными действиями в отношении других акторов и навязывания собственных ценностей в качестве универсальных. В этом случае внешнеполитический курс государства можно охарактеризовать как миролюбивую политику, которая уважает ценностные различия между странами, старается учитывать не только свои узконациональные интересы, но и интересы других участников мирового сообщества.

Но существует и другой вариант, когда «мягкая сила» применяется как орудие дестабилизации государственного управления и государства в целом, как инструмент неконституционной смены власти, нанесения необратимого фатального ущерба социальному порядку государ-

¹ Клячков П.В., Подъяпольский С.А. Гуманитарные технологии и целостность государства. М., 2014. С. 119.

² Русакова О.Ф. Ук. соч. С. 190.

³ Панова Е.П. Ук. соч. С. 95.

⁴ Ермаков Ю.А. Ук. соч. С. 221.

⁵ Леонова О.Г. Ук. соч. С. 88.

ства, разрушения государства или превращения его в несостоятельное¹. В данном случае государства—объекты воздействия такой «мягкой силы», мало чем отличающейся от вооруженной интервенции или экономической войны. По сути, речь идет об использовании технологий «мягкой силы» для подрыва государственного и социального устройства другой страны с помощью скрытого влияния на происходящие в этом государстве процессы, навязывание определенных стереотипов в общественном сознании для достижения конкретных своекорыстных целей и задач. Такая «мягкая сила» содержит в основе своей технологии информационно-психологического воздействия на массовое сознание и поведение, применяющиеся в мировой политике в двух основных организационных формах: в форме информационно-психологической войны и в виде специальных психологических операций².

В таком случае, по справедливому мнению отечественного дипломата А.В. Демидова, стратегия «мягкой силы» заключается в том, чтобы поразить системы государственного и военно-политического управления «страны—жертвы», парализовать экономическую активность, дестабилизировать социальную и духовную жизнь страны³. Весьма оригинальную трактовку понятию «мягкая сила» в этой связи дает С. Хелемендик: «Это не мягкая сила. И тем более не мягкая власть. Это американская технология взятия власти в чужой стране и ее передачи нужным в данный момент людям. Технология переворотов. Технология ненасильственная»⁴. Характерно, что в своей последней работе Дж. Най также подчеркивает, что, как и любая другая форма власти, «мягкая сила» может обращаться как во благо, так и использоваться с деструктивными целями. «Выкручивание мозгов, — пишет Най, — отнюдь не лучше выкручивания рук»⁵.

В данном контексте уместно привести выдержку из новой концепции внешней политики Российской Федерации: «...усиление глобальной конкуренции и накопление кризисного потенциала ведут к рискам подчас деструктивного и противоправного использования “мягкой силы” и правозащитных концепций в целях оказания политического давления

¹ Понкин И.В. Ук. соч. С. 96–97.

² Будаев А.В. «Мягкая сила» во внешней политике России: истоки, особенности, перспективы // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 48. Февраль 2015. С. 194.

³ Демидов А.В. От «мягкой силы» к «управляемому хаосу» // Геополитический журнал. 2014. С. 88.

⁴ Сергей Хелемендик: Soft Power — мягкая сила „made in USA“. URL: <http://okoplanet.su/politik/politikdiscussions/109208-sergey-helemendik-soft-power-myagkaya-sila-made-in-usa.html>.

⁵ Най Дж. С. Будущее власти. С. 148.

на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, дестабилизации там обстановки, манипулирование общественным мнением и сознанием, в том числе в рамках финансирования гуманитарных проектов и проектов, связанных с защитой прав человека, за рубежом»¹.

На протяжении последних десятилетий безоговорочным лидером в реализации политики «мягкой силы» являлись Соединенные Штаты Америки. Сегодня в Китае, России и ряде других «поднимающихся» держав формируются собственные подходы и форматы использования «мягкой силы», которые заметно отличаются от классических американских и в целом англосаксонских концепций и воззрений. Однако США все еще самым активным образом продолжают использовать превосходство в технологиях «мягкой силы» для проведения в жизнь собственных национальных интересов и реализации проектов в рамках геополитической инженерии. Особое значение в этой связи имеет стратегия ненасильственной смены политических режимов, которая с начала XXI века активно реализуется официальным Вашингтоном и его союзниками.

Считаем целесообразным более подробно остановиться на этой проблеме, но прежде имеет смысл обратиться к изучению потенциала «мягкой силы» ведущего на данный момент игрока на этом поле — Соединенных Штатов Америки.

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Официальный сайт. URL: http://www.mid.ru/breg_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F.

Глава 2

«МЯГКАЯ СИЛА»: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ОПЫТ США

Наибольшим совокупным потенциалом «мягкой силы» в современном мире обладают США. Вашингтон является безусловным лидером по использованию технологий и инструментов «мягкой силы» на внешнеполитической арене. При этом исторически Америка не являлась пионером в данной области. Можно вспомнить, например, неоспоримое культурное влияние Франции в Европе в XVII–XVIII веках или блистательный XIX век Британской империи. Но XX век, особенно его вторая половина, стал веком доминирования американской «мягкой силы». В этот период культурный экспорт США приобрел гигантский масштаб.

Тем более удивительным выглядит тот факт, что изначально Вашингтон практически не проявлял интерес к организованной внешней культурной политике и экспорту культуры. В Соединенных Штатах популярная культура длительное время рассматривалась скорее в качестве средства развлечения, нежели инструмента внешней политики. Американские политические деятели никогда даже серьезно не задумывались о создании культурного ведомства в федеральном правительстве. Тем не менее, уже в начале XX века культурные достижения США, как и их успехи в научно-технической сфере, становились широко известными. После Первой мировой войны программы обмена и распространение американских товаров народного потребления, кинокартин, литературы привели к формированию «международного американского культурного климата»¹.

Современный подход к реализации политики «мягкой силы» США был сформирован по завершению Второй мировой войны с началом биполярной конфронтации. Дипломаты в Соединенных Штатах осознали необходимость для страны экспорта американского образа жизни как части идеологической борьбы в рамках «холодной войны». Общественные деятели наряду с политиками стали призывать власти к масштабному распространению американской культуры за рубежом

¹ Филимонов Г.Ю., Карпович О.Г., Манойло А. В. Ук. соч. С. 70–71.

для усиления влияния Америки в мире. В годы «холодной войны» появились такие понятия, как «культурный империализм США» и «американизация». Вашингтоном был создан масштабный механизм, состоявший из институтов культуры, информации, образования с целью осуществления долгосрочного и краткосрочного влияния на политические ориентиры зарубежных обществ. Его предназначение заключалось в распространении в зарубежных обществах американской политической культуры, идеологии, системы ценностей в целях реализации внешнеполитических задач. Таким образом, именно «холодная война» способствовала созданию уникальных обстоятельств, которые обусловили политическую необходимость установления идеологического контроля США над определенными государствами для сохранения их ориентации на демократическое устройство общества и ликвидацию распространения идей коммунизма¹.

Нельзя не отметить, что уже на заре «холодной войны», в декабре 1946 года, правительство США дало указание о ведении «психологической войны» в мирное время. Для координации действий разрозненных до того структур, работавших на этом направлении, в 1947 году было создано Центральное разведывательное управление (ЦРУ). 14 декабря 1947 года ведение «психологической войны» было закреплено именно за ЦРУ. Согласно директиве, операции «психологической войны» определялись следующим образом: «Ведение пропаганды, в том числе с использованием анонимных, фальсифицированных или негласно субсидируемых публикаций; политические действия с привлечением лиц без гражданства, изменников и поддержка политических партий; квазивоенные методы, включая помощь повстанцам и саботаж; экономические действия, связанные с валютными операциями»². В ходе «холодной войны» многие проекты «мягкой силы» США реализовывались в тесном контакте с американской разведкой³.

Новый этап политики «мягкой силы» США начался после окончания биполярной конфронтации и развала социалистического лагеря во главе с СССР. Идеологическое противостояние с коммунизмом ушло в прошлое, однако чисто пропагандистские инструменты внешней политики Соединенных Штатов — пропаганда идей демократии, свободы, рыночной экономики — по-прежнему продолжали использоваться Вашингтоном в своей международной деятельности. Перед Аме-

¹ Фролова О.А. «Мягкая сила» внешнеполитической деятельности США: институты и механизмы формирования // Вестник РУДН, серия Политология, 2013, № 3. С. 49.

² Final Report of the Select Committee to Study Governmental Operations with respect to Intelligence Activities. U. S. Senate. Washington, 1976. V.4. Pp. 26, 28–29.

³ Подробнее о роли спецслужб США в реализации проектов в области культуры за рубежом см.: Филимонов Г.Ю., Карпович О.Г., Манойло А.В. Ук. соч. С. 115–158.

рикой уже не стояла задача борьбы с советской идеологией, но сформированный ими имидж борца за свободу и справедливость, так же как и образ ведущей военной державы, мирового экономического и технологического лидера, много раз помогал США собирать международные коалиции, укреплять свои позиции в других регионах мира, формировать мировую повестку дня, реализовывать лидерство во многих мировых делах¹.

В конце 1990-х годов известный американский политолог Зб. Бжезинский в работе «Великая шахматная доска» писал: «Культурное превосходство является недооцененным аспектом американской глобальной мощи. Что бы ни думали некоторые о своих эстетических ценностях, американская массовая культура излучает магнитное притяжение, особенно для молодежи во всем мире. Ее привлекательность, вероятно, берет свое начало в жизнелюбивом качестве жизни, которое она проповедует, но ее притягательность во всем мире неоспорима. Американские телевизионные программы и фильмы занимают почти три четверти мирового рынка. Американская популярная музыка также занимает господствующее положение, и увлечениям американцев, привычкам в еде и даже одежде все больше подражают во всем мире. Язык Internet — английский, и подавляющая часть глобальной компьютерной «болтовни» — также из Америки и влияет на содержание глобальных разговоров. Наконец, Америка превратилась в Мекку для тех, кто стремится получить современное образование; приблизительно полмиллиона иностранных студентов стекаются в Соединенные Штаты, причем многие из самых способных так и не возвращаются домой. Выпускников американских университетов можно найти почти в каждом правительстве на каждом континенте»².

В своих работах основоположник концепции «мягкой силы» Дж. Най-мл. выделял две основные составляющие ресурсной базы «мягкой силы» современных США. Первый ее столп — это привлекательность американской культуры и образа жизни. Сюда же политолог относил такие показатели, как количество принимаемых эмигрантов, объем выпускаемой телепродукции, численность иностранных студентов в США и количество американцев среди нобелевских лауреатов в области физики, химии и экономики. Вторая основа — американская политическая идеология, которая пользуется поддержкой среди большинства населения зарубежных стран. В основе «мягкого» могущества США, по мнению политолога, лежат демократические ценности в западном понимании, мобильность, открытость и динамичность общества, личная свобода, признаваемое во всем мире высшее образование,

¹ Братерский М.В., Скриба А.С. Ук. соч. С. 131, 135.

² Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. М., 2000. С. 38.

массовая культура, проникающая в той или иной степени в большинство стран мира, а также институты, предложенные США миру в XX веке и ставшие основой мировой экономической и финансовой системы, — МВФ и ВТО¹.

В конце прошлого — начале нынешнего столетия «мягкая сила» США действительно была огромной. Во многом благодаря ей американцы одержали победу в «холодной войне» и стали единственной сверхдержавой на планете. Интересно, что в этих условиях США не посчитали нужным активизировать внешнюю политику в контексте «мягкой силы». Более того, несмотря на предупреждения Дж. Ная и его коллег об опасности односторонней политики «жесткой силы» в новой постбиполярной международной среде, руководство США отдавало предпочтение именно «жестким» инструментам внешней политики.

Ситуация начала постепенно меняться после террористических атак 11 сентября 2001 года и объявленной Вашингтоном войны с терроризмом, которая вылилась в военное вторжение в Афганистан и Ирак. В первые годы после этих событий американские власти все еще придерживались мнения, что «жесткая сила» по-прежнему является наиболее эффективным средством противостояния террористической угрозе. Так, отвечая весной 2006 года на вопрос журналиста о «мягкой силе», министр обороны США Д. Рамсфелд заявил, что понятия не имеет, что это значит². Однако уже во время второго срока президента Дж. Буша-младшего власти США стали публично поддерживать идею «мягкой силы» как основы внешней политики страны. Правда, она понималась администрацией США достаточно узко — в основу политики «мягкой силы» ставили идеи распространения демократии и свободы, на практике реализованные в ходе «цветных революций» в Восточной Европе и на постсоветском пространстве. В то же время трудности, с которыми столкнулись американцы в Афганистане и Ираке, побудили политический истеблишмент Соединенных Штатов к пересмотру внешнеполитической тактики.

В марте 2004 года был создан Консультативный комитет по культурной дипломатии, в задачи которого входила разработка предложений для госсекретаря США по развитию механизма использования культурной дипломатии (по сути, «мягкой силы») как эффективного инструмента внешней политики Соединенных Штатов. Администрация Буша-младшего кардинально изменила и подход к качественным характеристикам главы публичной дипломатии США — заместителю

¹ См.: Nye J.S. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. N.Y., 1990; Nye J.S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. Pp. 33–68.

² Nye J.S. Donald Rumsfeld and Smart Power // URL: <http://www.projectsyndicate.org/commentary/nye32>.

госсекретаря по публичной дипломатии. Для реализации политики по продвижению положительного имиджа США, который стремительно падал в мусульманских странах, на эту должность стали подбираться не карьерные дипломаты или представители элитных университетов, а специалисты из области бизнеса и делового администрирования, которые главным образом занимались продвижением товаров на рынке, маркетингом и т.д.

Не потеряла свою актуальность концепция «мягкой силы» и в годы президентства Б. Обамы. Одним из первых шагов новой администрации в этой области стало обращение президента 4 июня 2009 года с трибуны Каирского университета ко всему исламскому миру. Стратегия Обамы изначально получила поддержку как в политических, так и в академических кругах США. Так, в его поддержку выступил Дж. Най, который совместно с бывшим первым заместителем госсекретаря США Р. Армитаджем подготовил совместный доклад для Конгресса, предложив в качестве наиболее эффективной внешнеполитической стратегии США использовать концепцию «умной силы» (smart power), выстраиваемой на балансе между «мягкой» и «жесткой» силой.

Сегодня США реализуют политику «мягкой силы» на всех возможных направлениях. Основной акцент делается на сотрудничестве в области образования, научно-технической и инновационной сферы; продвижении языка, культуры и демократии (в ее англосаксонской трактовке); реализации программ общественной и публичной дипломатии; содействии международному развитию и т.д. Отличительной особенностью (и безусловным преимуществом) «мягкой силы» США является то, что институционально эта политика реализуется на двух уровнях. Первый уровень — это «мягкая сила» официального Вашингтона; второй — «мягкая сила» негосударственных акторов США, которые работают примерно на тех же направлениях и в тесной взаимосвязи и координации с государственными структурами.

Официальное направление политики «мягкой силы» США относится прежде всего к культурной и образовательной экспансии американских (шире — западных) ценностей. Этим занимаются как органы в структуре Государственного департамента (отделы по образованию и культуре, по информационным программам, по изучению зарубежной блогосферы, другие отделы, занимающиеся публичной дипломатией, как отдельная штатная единица заместитель госсекретаря по публичной дипломатии), так и различные формально независимые федеральные агентства (Агентство США по международному развитию, «Корпус мира», Совет управляющих вещанием, работавшее до 1999 года Информационное Агентство США и другие).

В качестве своей основной миссии Государственный департамент Соединенных Штатов Америки видит «обеспечение свободы во благо

американского народа и международного сообщества через создание и развитие более демократического, безопасного и процветающего мира, состоящего из грамотно управляемых государств, которые отвечают потребностям своих граждан, способствуют сокращению широко распространеннейшей бедности и проводят ответственную политику в рамках международной системы»¹. Миссия сформулирована во многом как миссия «мягкой силы», и из приведенной цитаты видно, что «мягкая сила» США имеет своим краеугольным камнем идею защиты ценностей демократии и свободы². Именно на ее реализацию направлены многочисленные образовательные, аналитические, информационные, культурные и другие программы «мягкой силы» и публичной дипломатии официального Вашингтона.

Одним из самых распространенных направлений политики «мягкой силы» США являются образовательные и научные программы, в первую очередь, программы обменов. Образовательные программы подразумевают как совокупность правительственных программ обучения интеллигенции и молодежи, государственных чиновников, политиков, бизнесменов и специалистов различных областей, представителей вооруженных сил зарубежных государств, так и действия, направленные на создание или реформирование систем образования в зарубежных государствах³.

Этим направлением в Госдепартаменте в основном занимается созданный в 1961 году Отдел (Бюро) по делам образования и культуры, который отвечает за развитие взаимоотношений между США и другими государствами посредством разработки и осуществления международных образовательных программ и семинаров. Учреждение обеспечивает развитие связей на личном, профессиональном и институциональном уровнях, между частными лицами и организациями, как в США, так и за рубежом. Помимо этого ведомство занимается распространением информации об американской истории, искусстве и культуре, современном обществе Америки. Финансирование программ Отдела по делам образования и культуры осуществляется не только за счет государственных средств, но с участием частных структур, например, Программы Фулбрайта, Программы Хьюберта Хамфри, Программы стипендий Эдмунда Маски, Программы Летнего института имени Бенджамина Франклина и многих других.

Надо сказать, что это направление «мягкой силы» США уходит корнями в начало XX века и даже дальше — в британскую колониальную

¹ Bureau of Budget and Planning. U.S // Department of State. URL: <http://www.state.gov/s/d/rm/index.htm#mission>.

² Братерский М.В., Скриба А.С. Ук. соч. С. 136

³ Кубышкин А.И., Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США. М., 2013. С. 79.

традицию, в рамках которой англичане создавали множество образовательных учреждений в колониях, превращавших местную элиту в приверженцев британских ценностей либерализма и свободной торговли. Родоначальником американской образовательной политики, по сути, стал двадцать шестой президент США Теодор Рузвельт (1901–1909), при котором учиться в американские вузы приехали несколько тысяч студентов из Китая. В 1936 году на Панамериканской конференции в Буэнос-Айресе по инициативе делегации Соединенных Штатов была принята Конвенция по развитию межамериканских культурных связей, подтвердившая намерение правительства США поддерживать и стимулировать программы по обмену для студентов и деятелей искусства. Эта Конвенция стала прототипом и образцом для многочисленных культурно-образовательных программ периода «холодной войны».

С 1960-х годов американские программы взаимного образовательного и культурного обмена институционализируются и становятся одним из главных механизмов «мягкой силы» США. Деколонизация, сместившая акценты в реализации международных образовательных программ на страны Третьего мира, стимулировала американские власти реформировать систему образования в большинстве стран Азии и Африки, кадры для которых готовились в университетах Соединенных Штатов. С начала 1970-х годов США внедряют программы международного образования для правящей элиты и молодежи во всех странах, где только было возможно их беспрепятственное проникновение¹. В октябре 1992 года в США был принят «Акт в поддержку свободы», который создавал масштабные программы обучения и для российских граждан. Это событие можно считать логическим завершением американской международной образовательной политики периода «холодной войны»².

Данная политика оказалась очень успешной и принесла значительные внешнеполитические дивиденды Америке. Обучение иностранных студентов в США и их возвращение на родину, за редким исключением, способствовало распространению американской культуры и ценностей, формируя лояльное по отношению к США общественное мнение и, как следствие, проамериканскую внешнеполитическую ориентацию государства. В разное время почти две сотни глав государств и правительств участвовали в различных образовательных программах США, в том числе бывшие канцлеры Германии Г. Шмидт и Г. Шредер, премьер-министры Великобритании М. Тетчер и Т. Блэр, Генеральный секретарь ООН К. Аннан, Верховный представитель по внешней поли-

¹ Цветкова Н. А. *Cultural imperialism: международная образовательная политика США в годы «холодной войны»*. СПб., 2007. С. 152.

² Филимонов Г.Ю., Карпович О.Г., Манойло А.В. *Ук. соч.* С. 98.

тике и безопасности Европейского Союза Х. Солана, премьер-министр Индии И. Ганди, президент Египта А. Садат, президент Афганистана Х. Карзай, президент Грузии М. Саакашвили и многие другие¹. За десятилетия подобной работы США создали сотни, если не тысячи, подконтрольных им влиятельных фигур мировой политики — президентов, членов правительств, парламентариев, военных деятелей, руководителей крупнейших ТНК и международных организаций, владельцев СМИ, журналистов, ведущих экспертов, директоров «мозговых центров», которые оказывали и продолжают оказывать громадное влияние на ход международных процессов. Благодаря своему планетарному охвату образовательная политика Соединенных Штатов превратилась в действенный метод «мягкой силы», позволяющий формировать мировую политическую, экономическую, интеллектуальную и военную элиту, верную догмам либеральной демократии и рыночной экономики, своеобразную «Давосскую культуру»², безоговорочно принимающую глобальное лидерство США.

Стоит упомянуть и еще об одной специфической черте образовательной составляющей политики «мягкой силы» США. Большое внимание уделяется подготовке лидеров и активистов оппозиционных движений в недемократических, по оценке официального Вашингтона, странах. В их задачи при необходимости может входить и участие в протестных движениях и технологиях по смене политических режимов в государствах, являющихся геополитическими противниками Америки.

Действительно, важное направление «мягкой силы», на котором делают акцент в Госдепартаменте США, — поддержка и продвижение демократии за рубежом. На этой ниве вполне официально трудятся различные агентства и программы по развитию гражданского общества едва ли не во всех уголках мира. На практике их работа зачастую сводится к подготовке почвы для смены политических режимов в неугодных Вашингтону государствах с помощью механизмов «мягкой силы». Подобные проекты демократизации в наибольшей степени сегодня представлены в постсоциалистических странах и в регионе Большого Ближнего Востока.

В тесной взаимосвязи с Госдепартаментом продвижением демократии и оказанием помощи развитию занимаются различные федеральные агентства. Наиболее заметное среди них — Агентство США по международному развитию (АМР). Оно было образовано в 1961 году, объединив в себе существовавшие на тот момент различные внешнеполити-

¹ Кубышкин А.И., Цветкова Н.А. Ук. соч. С. 79.

² Никонов В.А. Россия в современном мире // Стратегия России. № 7. Июль 2015. URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch.php?archive=1438588795&subaction=list-archive&; Филимонов Г.Ю., Карпович О.Г., Манойло А.В. Ук. соч. С. 101.

ческие программы, именно для продвижения американских интересов «мягкими» методами. Официально АМР курирует невоенную помощь США другим странам и при этом находится в тесном контакте с государственным секретарем, хотя формально и остается независимым от Госдепартамента институтом и не находится в его прямом подчинении. Ключевыми целями агентства являются содействие экономическому процветанию, укрепление демократии и надлежащего управления, защита прав человека и т.д.¹. В реальности главная цель АМР, которая, собственно, и не скрывается в официальных документах, — это реализация геостратегических интересов США в тех странах, где оно функционирует.

Агентство США по международному развитию играет важнейшую роль в процессе демократизации зарубежных государств в том смысле, как этот процесс понимает американская администрация. АМР содействует проведению выборов и переходу стран к рыночной экономике посредством финансирования деятельности политических партий, общественных организаций и демократических движений; осуществляет обучение политических лидеров, журналистов, бизнесменов и диссидентов; инициирует модернизацию учебных программ в университетах; финансирует создание за рубежом особых организаций — пресс-служб, бизнес-центров и демократических корпусов. В целом, АМР — основной исполнитель программ публичной дипломатии США в политической сфере. Агентство открыто поддерживает различные оппозиционные движения и группы в странах, являющихся геополитическими противниками США. Исходя из вышесказанного, роль АМР и его партнеров в проведении «цветных революций» в начале XXI века сложно переоценить.

Отличительной особенностью работы этого агентства является разработка программ и передача финансовых средств на их проведение различным неправительственным организациям. Таким образом, АМР действует через обширную сеть неправительственных структур и официально самостоятельно не занимается реализацией своих программ, лишь следя за их исполнением. Более того, как правило, агентство не поддерживает напрямую местные НПО, а предоставляет гранты американским и европейским благотворительным фондам, а они уже распределяют их среди местных неправительственных организаций и молодежных движений, причем последние могут даже не подозревать, что источником финансирования их деятельности являются США. В числе наиболее крупных американских благотворительных фондов, участвующих в этом процессе, можно назвать Фонд Сороса, Фонд «Евразия», Фонд Маккартуров, «Фридом Хаус», Националь-

¹ USAID. Who we Are. <https://www.usaid.gov/who-we-are>.

ный фонд в поддержку демократии, Международный республиканский институт и Национальный демократический институт по международным делам. Все эти и многие другие структуры тесно взаимосвязаны как между собой, так и с АМР США¹.

Вообще, ввиду отсутствия в системе госорганов США ведомства, аналогичного министерству культуры, значительную роль в распространении американской культурной продукции как внутри страны, так и за ее пределами играют частные филантропические фонды, спонсорские структуры и неправительственные организации. Фонды совместно с различными спонсорскими учреждениями стали своеобразным фундаментом разветвленной сети, которая включает независимые научно-исследовательские и общественные организации и оказывает серьезное влияние на формирование внешнеполитического курса США на мировой арене. НПО также играют очень большую роль в реализации политики «мягкой силы» Соединенных Штатов. Тысячи неправительственных структур ежедневно работают над популяризацией образа США и продвижением американских ценностей в мире. По некоторым данным, только во внешнеполитической деятельности США участвует около пятнадцати тысяч НПО, всего же в Америке их около миллиона².

Возвращаясь к официальным структурам, проецирующим «мягкую силу» США за рубежом, следует сказать о «Корпусе мира». «Корпус мира» — это федеральное независимое агентство, созданное, как и АМР, в 1961 году. Оно подотчетно непосредственно американскому президенту, но ответственность за управление его программами несет Госдепартамент. Декларируемая цель «Корпуса мира» — способствовать лучшему пониманию американского народа народами других стран, с одной стороны, и лучшему пониманию американцами народов мира — с другой³. По сути, посредством гуманитарной деятельности данная организация занимается формированием положительного имиджа США и продвижением американской культуры, ценностей и языка.

От других структур «мягкой силы» США «Корпус мира» с момента его создания отличала работа на низовом уровне, в отдаленных местах, куда американские дипломаты и представители культурных центров не имели доступа. Апогей активности «Корпуса мира» пришелся на годы «холодной войны». В эпоху расцвета в конце 1960-х годов в нем работали около пятнадцати тысяч добровольцев (90% из них в возрасте моложе тридцати лет), действовавших в семидесяти странах Азии, Африки и Латинской Америки. В начале XXI века в нескольких десятках госу-

¹ Кубышкин А.И., Цветкова Н.А. Ук. соч. С. 64.

² Фролова О.А. Ук. соч. С. 52.

³ Peace Corps. About Us. URL: <http://www.peacecorps.gov/about>.

дарств Европы, Азии, Латинской Америки, Тихого океана и Средиземноморья находится около семи тысяч волонтеров «Корпуса мира»¹.

За годы своей деятельности участники «Корпуса мира» работали с правительствами, образовательными учреждениями и некоммерческими организациями; боролись с голодом в развивающихся странах; помогали молодежи этих стран организовать бизнес, использовать информационные технологии, развивать сельское хозяйство, защищать окружающую среду и т.д. Официально они преподавали, занимались экономикой, медициной, архитектурой, экологией, консультировали по вопросам сельского хозяйства и бизнеса, готовили рабочие кадры, в целом выполняя почти двести видов работ. За сорок лет своего существования через «Корпус мира» прошли более ста семидесяти тысяч американцев, работавших в качестве волонтеров в ста тридцати шести странах².

Однако неафишируемой, негласной (и, с большой долей вероятности, основной) задачей этого агентства являлось противостояние распространению коммунистической идеологии в странах Третьего мира. Деятельность граждан США, которые добровольно отправлялись в государства Африки, Азии, Латинской Америки, постсоветского пространства, активно использовалась и используется ЦРУ³. Не случайно «Корпус мира» нередко обвиняют в деятельности, несовместимой с заявленными организацией гуманитарными целями. В 2002 году, например, работа «Корпуса мира» была прекращена в России, так как, по словам занимавшего тогда пост директора ФСБ России Н.П. Патрушева, было установлено, что американские волонтеры «занимались сбором информации о социально-политической и экономической обстановке в российских регионах, сотрудниках органов власти и управления, ходе выборов и так далее»⁴. Многие бывшие сотрудники «Корпуса мира» по завершении своей волонтерской деятельности продолжают активную работу в государственных и негосударственных проектах, направленных на реализацию внешнеполитических задач США «мягкими» методами. В качестве примера можно привести президента компании «Люкасфильм» Г. Рэдди, президента радиостанции «Свободная Европа/Радио Свобода» Т. Дайна, послов США в Польше, ЮАР и Таиланде, нескольких ректоров крупных американских университетов⁵.

¹ Манжулина О. А. Публичная дипломатия США. Дисс. на соискание ученой степени к.п.н. СПб., 2005; С.145. Филимонов Г.Ю., Карпович О.Г., Манойло А.В. Ук. соч. С. 87.

² Манжулина О. А. Ук. соч. С. 145.

³ Кубышкин А.И., Цветкова Н. А. Ук. соч. С. 119–120.

⁴ Россия изгоняет волонтеров «Корпуса мира» // URL: <http://lenta.ru/russia/2002/12/27/corpus>.

⁵ Манжулина О.А. Ук. соч. С. 153–154.

Огромную роль в политике «мягкой силы» США играет информационная составляющая. Пожалуй, именно на этом направлении наиболее эффективно и эффектно проявляется взаимосвязь и координация деятельности официальных и неофициальных акторов «мягкой силы» и публичной дипломатии США. Со стороны официального Вашингтона за все информационные программы, идущие через радио, телевидение и Интернет, отвечает Совет управляющих вещанием. Эта структура была создана в 1994 году как отдел в Информационном агентстве США. После закрытия и реорганизации агентства в 1999 году Совет получил статус независимого федерального агентства и возглавил все программы радио-, теле- и Интернет-вещания США, став одним из наиболее крупных информационных объединений в мире.

Заявленная миссия Совета управляющих вещанием заключается в развитии и поддержке свободы и демократии путем передачи точных и объективных новостей и информации о Соединенных Штатах Америки и мире для зарубежной аудитории¹. Совет включает Бюро международного вещания, а также сети радиостанций и телеканалов: «Голос Америки», радио «Свободная Европа/Радио Свобода», радио «Свободная Азия», «Офис Кубинского вещания», «Сава» и радио «Фарда» (вещающих на Иран радио), а также арабский телеканал «Аль Хурра»². Указанные структуры действуют весьма успешно во многом благодаря многолетнему опыту работы. Так, радиостанция «Голос Америки» была образована еще в 1942 году; долгое время она являлась самым деятельным инструментом американской информационной политики. Чуть позже, в 1949 году, на базе Национального комитета за свободную Европу начала работу радиовещательная корпорация «Радио “Свободная Европа”/Радио “Свобода”». Главная ее задача заключалась в пропаганде американских ценностей на территории Восточной Европы, Ближнего Востока и Центральной Азии. «Радио Свобода» находилось под контролем ЦРУ и занималось контрпропагандой против коммунистических идей в Европе и в развивающихся странах.

Совет управляющих вещанием определяет стратегическое направление информационных программ США. Основная функция сетей международного вещания — производство и воспроизведение в прямом эфире или в сети Интернет аналитических, музыкальных и новостных программ. С 2015 года Совет управляющих вещанием начал активно заниматься цифровыми проектами, в том числе, работой в социальных сетях.

Ключевыми акторами в этой области преломления «мягкой силы» США являются частные (формально независимые, но почти всегда

¹ The Broadcasting Board of Governors. About us. URL: <http://www.bbg.gov/about-the-agency/>

² Кубышкин А.И., Цветкова Н.А. Ук. соч. С. 64–65.

отражающие точку зрения официального Вашингтона и действующие в его интересах) американские печатные и электронные СМИ и, особенно, телевидение, которое с помощью спутников и Интернета вещает на весь мир и продает свои программы, фильмы, сериалы телеканалам в самых разных странах. Даже военные операции американских вооруженных сил преподносятся телеканалами как особое шоу. Крупнейшие американские телеканал, такие как NBC, HBO, Fox News Channel, ABC и, конечно, CNN, играют колоссальную роль в продвижении американской культуры и ценностей, а также создании глобальной картинки происходящего в мире, на которую ориентируются миллионы людей.

Созданный в 1980 году Т. Тернером телеканал CNN первым в мире предложил концепцию 24-часового вещания новостей. Символично, что сама способность глобальных телевизионных сетей оказывать влияние на процесс принятия важных политических решений и изменять ход геополитических процессов получила в начале 1990-х годов название «эффекта CNN». И сегодня канал транслирует американскую точку зрения на мировые события, продвигает западные ценности на огромную аудиторию в несколько сот миллионов человек, наконец, формирует международную повестку дня. Немаловажным является и психологическое воздействие генерируемых американскими СМИ телеобразов на зарубежные социумы. Американское телевидение, став глобальным, представляет неограниченные возможности для ведения пропагандистской работы, информационных вбросов и манипуляций общественным мнением. Важной чертой вещания США в других странах с недавних пор стала интерактивность. Сайты радиостанций и телеканалов публикуют новости и продвигают имидж Америки через удобные и красочные разделы на сайтах, что в значительной степени повышает их привлекательность.

Продолжая тему неофициальной стороны американской политики «мягкой силы» нельзя не упомянуть о гигантской роли, которую в этом процессе играет массовая культура США: фильмы, телесериалы, музыка, спорт, продукция фаст-фуда и т.д. и т.п. Массовая культура давно уже стала достоянием не только самих Соединенных Штатов Америки, но глобальным культурным продуктом, основным инструментом и идеологическим орудием по формированию имиджа США на мировой арене. Характерно, что экспорт американской массовой культуры неразрывно связан с интересами крупного бизнеса в лице владельцев крупнейших медиа-холдингов, вещательных корпораций и т.д. Заинтересованное в получении максимальных прибылей, бизнес-сообщество США принимает непосредственное участие в распространении и популяризации достижений американской культуры.

Основным инструментом «мягкой силы» США на этом направлении выступает, конечно, знаменитый Голливуд. Именно голливудская продукция, несущая в себе мощнейший заряд американских ценно-

стей, американского видения тех или иных явлений и аспектов жизни, пользуется колоссальным спросом по всему миру. Американское кино смотрят сотни миллионов зрителей планеты Земля, формируя таким образом свое представление (в подавляющем большинстве случаев положительное) о США, их культуре и ценностях. Как справедливо отмечает Г. Филимонов, посредством кинематографа американцы действительно сумели опозитизировать свою страну, создать привлекательный имидж и постарались влюбить в эту картинку население планеты¹.

Еще одной составляющей неофициальной американской «мягкой силы» является музыка и музыкальный шоу-бизнес. Современная музыкальная индустрия США — неотъемлемая часть американской культуры и один из ее основных продуктов. Она включает в себя огромное количество различных тенденций, стилей, направлений и при этом тесно связана с разнообразными субкультурами и молодежными течениями, популярными во всем мире. На протяжении практически всего XX века (и начала XXI века) американская музыка — джаз, рок-н-ролл, рок, рэп, диско, хип-хоп — была одним из главных компонентов общемирового культурного влияния США². Именно через молодежные субкультуры осуществлялось и осуществляется едва ли не наиболее интенсивное культурное влияние, формирующее притягательный образ США в молодежной среде различных стран мира. То же самое можно сказать в отношении атрибутики и моды на одежду отдельных субкультур, так как определенные течения в моде, ранее присущие исключительно американским субкультурам, уже приобрели международное признание и стали устойчивой тенденцией в мире моды³.

Значительным ресурсом «мягкой силы» США является спорт. Именно в Америке сосредоточены сильнейшие лиги по различным видам спорта — хоккею с шайбой, баскетболу, бейсболу и американскому футболу. Тысячи спортсменов со всего мира мечтают попробовать свои силы в этих чемпионатах, а миллионы поклонников следят за спортивными событиями в США по телевидению.

Наконец, еще один существенный инструмент «мягкой силы» США в современном мире — это социальные сети. Активное распространение социальных сетей пришлось на начало XXI века и было связано с появлением в США сервисов LinkedIn, MySpace, Facebook, YouTube, Twitter и ряда других. Такие сайты, как America.gov, Co.nx, являются основными платформами для развития блогов, видеоконференций, рас-

¹ Филимонов Г. Неофициальная внешняя культурная политика как компонент «мягкой силы» США // URL: <http://www.georgefilimonov.com/articles/non-official-extrenal-cultural-politics>.

² Там же.

³ Подр. см.: Филимонов Г. «Мягкая сила» культурной дипломатии США. М., 2010. С. 149–157.

пространения политологических статей, которые представляют миру Америку как страну разнообразия, динамизма и жизненной энергии. Эта важная и перспективная черта публичной дипломатии стала применяться с 2008 года благодаря усилиям заместителя госсекретаря США по публичной дипломатии Дж. Глассмана, который инициировал новую стратегию дипломатии под названием «публичная дипломатия 2.0»¹. Сетевые Интернет-ресурсы превратились в реальных акторов мировой политики, которые распространяют данные по всему миру за считанные секунды, а их могущество подкрепляется союзами с крупнейшими глобальными СМИ, родиной которых также являются США или их союзники.

Сила американской массовой культуры заключается в том, что ее популярность формирует в восприятии миллионов людей, особенно в молодежной среде, некий образ «страны–мечты», государства, которому хочется подражать и восхищаться им. Очень важно, что успех политики «мягкой силы» США, проводимой на неофициальном уровне, в целом не зависит от колебаний внешнеполитического курса Белого дома. Так, после вторжения в Ирак в 2003 году произошло резкое падение привлекательности США в глазах мировой общественности, но миллионы людей на планете продолжали потреблять продукцию американской массовой культуры — музыку, кино, телевидение, спорт и т.д.

На протяжении всего XX века, особенно после Второй мировой войны, США обладали почти безграничной «мягкой силой». И до сих пор очень многим людям в мире импонирует американская идея личной свободы, равенства возможностей, высокий уровень жизни, качественное образование, массовая культура, впечатляющие достижения в области высоких технологий и многое другое. Результаты политики «мягкой силы» США заметны на большей части планеты, даже если они не воспринимаются повсеместно или вызывают неприязнь. Американская культурно-цивилизационная модель с доминирующим компонентом массовой культуры приобрела поистине глобальный характер и общемировой масштаб.

Правда, в последние годы степень эффективности «мягкой силы» США значительно снизилась. Это признают сами американцы. Так, известный в прошлом дипломат и сотрудник Пентагона Ч. Фриман откровенно пишет: «Наше лидерство воспринимается все более скептически и менее почтительно в мире, где множатся вызовы, на которые нельзя дать ответ военными средствами. Пора заново открыть для себя глубокую дипломатию, создающую обстоятельства, при которых другие страны, преследуя собственные интересы, были бы склонны делать

¹ Подр. см.: Филимонов Г. «Мягкая сила» культурной дипломатии США. М., 2010. С. 75–76.

выбор, отвечающий нашим интересам, без принуждения их к этому военными средствами. Пора вспомнить инструменты ненасильственного государственного управления («мягкой силы» — А.Н.), чтобы убеждать других, что они могут получить выгоду от работы с нами, а не против нас»¹.

В начале 2000-х годов в связи с новыми глобальными вызовами, в первую очередь, начавшейся войны Америки с международным терроризмом, концепция «мягкой силы» в США стала подвергаться определенной ревизии. Одновременно в научных и экспертных кругах росло критическое отношение к внешнеполитическому курсу администрации Дж. Буша-младшего, сделавшего ставку почти исключительно на использование «жесткой силы», что серьезно ухудшило имидж США на международной арене. Реагируя на эти вызовы, Дж. Най и ряд других американских исследователей разработали новый подход для внешней политики США, который вылился в появление термина «умная сила» — своеобразной комбинации «жесткой силы» и «мягкой силы».

В вышедшей в 2004 году книге Ная «Мягкая сила. Как добиться успеха в мировой политике» в последнем абзаце автор указывал, что США во внешней политике следует найти разумный баланс между «мягкой» и «жесткой» силой. «Это и будет умная сила», — писал американский политолог². Во внешнеполитической плоскости эта концепция была сформулирована в 2007 году в докладе двухпартийной группы экспертов американского Центра стратегических и международных исследований во главе с Дж. Наем и Р. Армитаджем (заместителем государственного секретаря США в 2001–2005 годах). «Умная сила» определялась как «предоставление глобальных благ, к которым стремятся люди и правительства во всем мире, но не могут достичь в отсутствие американского глобального лидерства». В этом контексте предлагалось сконцентрировать усилия на пяти критических областях внешней политики США: обновление международных союзов и институтов; повышение роли инструментов развития во внешней политике США; развитие общественной дипломатии; экономическая интеграция; упор на технологии и инновации, особенно в энергетике и экологии³.

Возглавившая в 2009 году американское внешнеполитическое ведомство Х. Клинтон перевела эту концепцию на язык реальной политики и сместила акцент с «мягкой силы» на «умную силу», которая,

¹ Фриман Ч. Дипломатия — утраченное искусство? // Россия в глобальной политике. № 5. 2015.

² Nye J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. P. 147.

³ CSIS Commission on Smart Power: a smarter, more secure America / cochairs, Richard L. Armitage, Joseph S. Nye, Jr, Washington, 2007 // URL: http://csis.org/files/media/csis/pubs/071106_csissmartpowerreport.pdf.

по ее мнению, стала эквивалентом компетентной внешней политики, не использующей один и тот же набор инструментов для решения различных проблем. Клинтон часто обращалась к проблематике «мягкой/умной силы» в своих официальных заявлениях¹. Такие принципы внешнеполитического поведения, как «политика вовлечения», «смещение политических барьеров при помощи цифровой дипломатии», обеспечение «прямого диалога с протестными движениям в зарубежных странах», «поддержание лидерства США в мире», смешались в риторике госсекретаря и стали рассматриваться как сопряженные².

В статье, опубликованной летом 2012 года, Х. Клинтон отмечала: «Проверкой нашего лидерства станет в перспективе наша способность мобилизовать разрозненные народы и страны на совместную работу по решению общих проблем и продвижению общих ценностей и ожиданий. Для этого нам необходимо расширить наш внешнеполитический арсенал, объединить все активы и всех партнеров и принципиально изменить способ ведения дел. Я называю такой подход “умной силой”». Клинтон прямо заявила: «Одна из определяющих черт нашего века заключается в том, что полноправной стратегической силой стали рядовые граждане — особенно молодые люди, чьи возможности подкрепляются новыми технологиями связи... И, как мы видели на Ближнем Востоке и в Северной Африке, это имеет глубокие последствия для региональной и глобальной стабильности... Поэтому мы осваиваем новые пути выхода за рамки традиционных межправительственных отношений и напрямую взаимодействуем с рядовыми гражданами по всему миру. Это подразумевает использование таких технологий, как “Twitter” и SMS, для ведения диалога с самыми разными людьми — от поборников гражданского общества в России до фермеров в Кении и студентов в Колумбии»³. Главный упор был сделан на развитие ключевых ресурсов «умной силы» — информационных технологий нового поколения, сетевых ресурсов, блогов и, особенно, социальных сетей (Facebook, Twitter, видеохостинга Youtube и других). В период 2010–2012 годов деятельность Госдепартамента на этом направлении получила беспрецедентное развитие. США стали опираться на социальные сети не только как средство транслирования американских ценностей,

¹ См., напр.: Clinton H. U.S. leadership. Council on Foreign Affairs. January 31, 2013. URL: <http://www.cfr.org/united-states/remarks-american-leadership/p35382>; Clinton H. Testimony before the Senate Foreign Relations Committee. January 13, 2009. URL: <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/01/115196.htm>.

² Clinton H. R. American “Smart Power”: Diplomacy and Development Are the Vanguard. May 04, 2009. URL: <http://www.state.gov/r/pa/scp/fs/2009/122579.htm>; Clinton H. R. Smart Power. July 15, 2009. URL: <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/july/126991.htm>

³ Clinton H. The art of smart power // URL: <http://www.newstatesman.com/politics/politics/2012/07/hillary-clinton-art-smart-power>.

но и как средство краткосрочной мобилизации зарубежной активной молодежи¹. Именно с помощью этих инструментов Вашингтон стремится управлять социальными процессами в зарубежных странах, заниматься геополитической инженерией, осуществлять информационную войну против соперников на международной арене. Характерно, что еще в 2009 году, после официального признания президентом Б. Обамой цифровой инфраструктуры в качестве стратегического достояния Америки, высшие чины Пентагона в лице заместителя министра обороны У. Линна обозначили на доктринальном уровне, что «киберпространство — новая сфера для проведения военных операций, наряду с сушей, морем и воздухом»². Как следствие для защиты американских сетей и организации атак на коммуникационную инфраструктуру соперничающих с США государств в 2010 году в структуре министерства обороны было создано Киберкомандование.

Особое значение придается главному инструменту «умной силы» США — так называемой новой публичной дипломатии, или публичной дипломатии Web 2.0. Она представляет собой механизм влияния на зарубежную аудиторию посредством размещения радио- и телепередач в сети Интернет, распространения в открытом доступе литературы о США в цифровом формате, мониторинга дискуссий в блог-пространстве, создания персонифицированных страничек членов американского правительства в социальных сетях, рассылки информации через мобильные телефоны и т.д. Программы интерактивного радио и телевидения позволяют правительству США быстро достигать потребителей, мгновенно получать обратную реакцию аудитории и, как следствие, корректировать содержание своей информационной пропаганды.

В рамках Госдепартамента существует специальная структура, занимающаяся программами публичной дипломатии Web 2.0 — Отдел мониторинга зарубежной блогосферы. С 2006 года в Госдепе работает группа специалистов для анализа сообщений и дискуссий, протекающих в подавляющем большинстве социальных сетей. Американские специалисты в качестве рядовых пользователей или модераторов принимают деятельное участие в дискуссиях пользователей, разъясняя на этих платформах поведение США на международной арене и пропагандируя западные стандарты и ценности. Основным адресатом новой публичной дипломатии является молодежь и студенчество. Электронные журналы о США, например, оказывают влияние на молодое поколение зарубежных стран, так как оно особенно чутко воспринимает

¹ Цветкова Н. Публичная дипломатия США. От «мягкой силы» к «диалоговой пропаганде» // Международные процессы. Том 13. № 3. С. 124

² Lynn W. Defending a New Domain: The Pentagon's Cyberstrategy // Foreign Affairs. Sept/Oct. 2010. Pp. 97–108.

информацию через визуальные и клиповые образы. Мониторинг социальных сетей позволяет Вашингтону направлять дискуссии блогеров в нужное русло и мобилизовать группы протестной молодежи и диссидентов. Рассылка же SMS-сообщений на мобильные телефоны зарубежных граждан позволяет правительству США добраться даже до тех, кто не имеет доступа к сети Интернет и т.д. и т.п.

Приобщение зарубежных обществ к ценностям США и использование сети Интернет в качестве инструмента координации усилий Вашингтона и зарубежной целевой аудитории стало центральным лейтмотивом укрепления «мягкой» и «умной силы» администрации Обамы в 2010–2012 годах. Венцом этой стратегии, по мнению экспертов, стало использование цифровой дипломатии США в ходе «арабской весны» 2011 года¹ (правда, цифровая дипломатия, «политика вовлечения» и «арабские революции» привели не к демократизации региона, а к хаосу, гражданским войнам и резкому росту террористической угрозы).

С 2013 года получила развитие еще одна тенденция: на публичную дипломатию все большее влияние стали оказывать подходы, связанные с концепцией «стратегической коммуникации». Речь идет о точечном донесении международной позиции США до специфических групп и осуществление контрпропаганды в ответ на выступления оппонентов (в роли таковых в зависимости от ситуации могут выступать исламистские террористы, Иран, Россия или Китай)².

Обобщая все вышесказанное, можно отметить, что «умная сила» — это умение использовать полный набор инструментов, имеющихся в распоряжении государства — дипломатических, экономических, политических, правовых, культурных и информационных — выбирая правильное средство или их комбинацию для каждой конкретной ситуации; это способность эффективно мобилизовать все доступные ресурсы в политических целях и оптимально ими распорядиться. По мнению авторов концепции, «умная сила» — это синоним правильной, эффективной политики, своеобразная комплексная модель современного мирового лидерства США, включающая в себя информационно-интеллектуальное влияние, многосторонность подходов, способность решать глобальные проблемы в американских интересах.

Следует подчеркнуть, что, как и у «мягкой силы», у «умной силы» тоже есть две трактовки, два измерения. Характеризуя позитивную сторону этой стратегии, видный отечественный исследователь Ан. А. Громыко пишет, что данная политика основана «на проверенных временем нормах и принципах международного права, обязательных для всех участников международных отношений; политика, которая впитала в себя интеллектуальные достижения предыдущих поколений

¹ Цветкова Н. Ук. соч. С. 125.

² Там же. С. 121–122.

и обеспечивает эффективное взаимодействие людей, равенство государств и, что особенно важно, открывает возможность искоренения войн из жизни людей и обращения к решению природных глобальных проблем, справиться с которыми можно только общими усилиями»¹. В качестве наглядного примера применения такого подхода можно привести воссоединение Крыма с Россией в феврале — марте 2014 года, которое было осуществлено в соответствии с нормами международного права и исторической справедливостью.

Но есть и другая сторона «умной силы», которую олицетворяет и претворяет в жизнь американская администрация. Подход Вашингтона к «умной силе» предполагает лишь использование определенного набора инструментов «мягкой силы» (часто совместно с «жесткой силой») для достижения собственных узкоэгоистических целей и задач на мировой арене за счет интересов других участников международного сообщества. Как отметил отечественный исследователь А.В. Демидов, вместо заявленного в произведениях Дж. Ная и повторяемого в официальных документах Вашингтона «примера США» в действительности во многих случаях речь скорее должна идти о применении самой настоящей подрывной работе, имеющей конечной целью устранение в конкретных странах неудобных режимов. При использовании «мягкой силы» применяют широкий набор экономических, политических, информационных, психологических и других методов, имеющих целью расшатывание государственного устройства страны, подлежащей, по мнению Вашингтона, политической трансформации².

Одним из ярких примеров реализации стратегии «умной силы» Вашингтона на практике стали операции США по смене политических режимов в Восточной Европе и Северной Африке в начале XXI века. Характерно, что еще в самый разгар «цветных революций» на постсоветском пространстве летом 2004 года в Государственном департаменте США состоялась презентация учредителя Международного центра ненасильственных конфликтов и одного из главных идеологов ненасильственной смены режимов П. Аккермана под названием «Между жесткой и мягкой силой: рост гражданской борьбы и демократические перемены»³. К этому времени усилиями США уже состоялись «бульдозерная революция» в Сербии и «революция роз» в Грузии, а на повестке дня стояла «оранжевая революция» в Украине...

¹ Громыко Ан.А. «Мягкая сила» и сила права: к постановке проблемы // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2014. № 3. С. 12–13.

² Демидов А. В. От «мягкой силы» к «управляемому хаосу» // Геополитический журнал. 2014. С. 88.

³ Ackerman P. Between Hard and Soft Power: The Rise of Civilian-Based Struggle and Democratic Change // URL: <http://2001-2009.state.gov/s/p/of/proc/34285.htm>.

В середине второго десятилетия XXI века ресурс американской «мягкой силы» остается очень существенным. Благодаря колоссальному потенциалу в этой области сегодня США все еще могут выдвигать привлекательные идеи, вести за собой другие государства, создавать международные коалиции на основе собственных ценностей (неважно, реальные они или мнимые). Используя технологическое превосходство, большое значение Вашингтон придает цифровой дипломатии, в первую очередь, работе в социальных сетях — Twitter, Facebook и других.

Однако мощь «мягкой силы» Вашингтон, в отличие от большинства стран мира, использует почти исключительно в своекорыстных и порой деструктивных целях. Применение Америкой технологий «мягкой силы» предполагает продвижение ценностей и идей, которые, зачастую являясь фактически спорными, преподносятся для всего остального мира в качестве неоспоримых благ, вследствие чего некоторая, подчас влиятельная, часть населения других государств рассматривает США как идеальную, эталонную модель государства, в котором реализованы, воплощены эти ценности. «Мягкую силу» в контексте ее применения Вашингтоном для достижения целей своей внешней политики иногда называют «оружием массового отвлечения», подразумевая, что американская массовая культура, распространяемая в зарубежных государствах, может отвлекать целевые группы населения или органы публичной власти от фактического применения США «жесткой силы» к этим государствам¹. А некоторые авторы (причем американские) прямо называют эту политику «оружием массового поражения»².

В послевоенный и, особенно, в постбиполярный период американские теоретики и практики довели до совершенства методiku основанных на концепции «мягкой силы» гуманитарных технологий, которые при этом отнюдь не являлись и не являются гуманными по отношению к другим странам и народам. Ярким примером использования США технологий «мягкой силы» стали «цветные революции» в начале XXI века — операции Вашингтона по смене неудобных Америке политических режимов в Сербии, Грузии, Украине, Киргизии, Тунисе и Египте.

¹ Saleh L. Soft Power, NGOs, and the US War on Terror // Theses and Dissertations of the University of Wisconsin Milwaukee. 2012. December. URL: <http://dc.uwm.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1069&context=etd>. Pp. 24–25.

² См.: Fraser M. Weapons of Mass Distraction. Soft Power and American Empire. N.Y., 2005.

Глава 3

ТЕХНОЛОГИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» И «ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ»

Сегодня уже мало у кого вызывает сомнения, что в ходе «цветных революций», произошедших в ряде стран постсоциалистического пространства и арабского Магриба в начале XXI века, была реализована определенная политическая технология. Она последовательно, с незначительными доработками применялась в 2000–2014 годах в Сербии, Грузии, Украине, Киргизии, Тунисе, Египте, а затем вновь на Украине. Во всех этих событиях был использован целый арсенал универсальных «революционных» инструментов, методик и технологий, так или иначе связанных со стратегией «мягкой силы» (на более позднем этапе и «умной силы»). Отличительной их чертой стал в целом ненасильственный характер.

Главным теоретиком ненасильственной борьбы против «диктаторских режимов» является американский ученый, основатель института Альберта Эйнштейна Джин Шарп. Наряду с его трехтомным трудом «Политика ненасильственных действий»¹, большой интерес представляет брошюра «От диктатуры к демократии»². Данная работа позиционируется сегодня как практическое пособие по ненасильственному свержению авторитарных режимов. Основные идеи этой книги активно воплощались в жизнь оппозиционерами в ходе «цветных революций».

Дж. Шарп и его последователи (в первую очередь, отставной американский полковник Разведывательного управления министерства обороны США Роберт Хелви, а также его более юные «коллеги» из числа лидеров местных молодежных протестных движений) пошли по пути универсализации и инструментализации учения о ненасильственной борьбе, разработанной еще в первой половине XX века М. Ганди, по сути, доведя эту доктрину до уровня технологии. В их работах детально изложена технология осуществления ненасильственной смены авторитарных и/или диктаторских политических режимов с использованием самых простых методов. По утверждению Дж. Шарпа, термин «нена-

¹ Sharp G. The Politics of Nonviolent Action. Boston, 1973.

² Шарп Дж. От диктатуры к демократии. Екатеринбург, 2005.

сильственная борьба» призван отграничить ненасильственную борьбу от пацифизма и морального или религиозного «непротивления». Речь идет о намеренном вызове власти, отказе от повиновения. Эта технология применяется в политической сфере, целью ее является политическая власть. Термин используется, чтобы обозначить действия, помогающие перехватить у режима контроль над государственными институтами.

Американский политолог подчеркивал необходимость инициативно-наступательных действий в ходе политического протеста, недопустимость политического диалога и уступок со стороны протестующих правящим режимам. Шарпом были разработаны сто девяносто восемь методов разностороннего ненасильственного политического протеста, которые он делил на пять крупных блоков: методы ненасильственного протеста и убеждения, методы отказа от социального сотрудничества, методы отказа от экономического сотрудничества, методы отказа от политического сотрудничества, методы ненасильственного вмешательства. Эти блоки, в свою очередь, подразделяются на группы, в каждой из которых насчитывается от одного до тринадцати пунктов¹.

По мнению Шарпа, политический успех достигается не выбором одного из множества методов борьбы, а комбинированным и гибким сочетанием разнообразных методов воздействия (здесь видна явная связь с концепцией «умной силы»). Ключевым элементом стратегии «ненасильственных действий» выступает стремление лишить «неудобную» власть политической опоры в виде полиции, спецслужб, армии, аппарата управления. Именно разрушение веры в «недемократический режим» открывает возможность смены власти. По мнению Р. Хелви, чтобы снизить эффективность репрессий стратеги «ненасильственных действий» прежде всего стремятся переманить на свою сторону силовиков и иных должностных лиц, воздействовать на которых следует через их друзей и родственников, доводя до них мысль, что оппозиция не рассматривает стражей порядка как врагов, если те готовы содействовать сопротивлению². Хелви пишет: «Военная победа достигается разрушением потенциала оппонента и (или) его воли продолжать бой. В этом отношении ненасильственная стратегия отличается от вооруженного конфликта лишь тем, что применяются совсем другие системы вооружения... Так же, как артиллерия изменила природу войны во времена Макиавелли, технология дала нам возможности изменить способ ведения ненасильственных конфликтов. Компьютеры, доступ в Интернет, мобильные и спутниковые телефоны, программы шифрования, телевидение и радио — главные орудия ненасильственной борьбы»³.

¹ Шарп Дж. Ук. соч. С. 101–110.

² Helvey R. L. On Strategic Nonviolent Conflict: Thinking About the Fundamentals. Boston, 2004. Pp. 10, 34.

³ Ibid. Pp. XI, 89.

Сам Шарп называет свою стратегию «политическим джиу-джитсу», борьбой, использующей силу противника против него самого. Речь идет об особом процессе, «который может осуществляться в ходе ненасильственной борьбы, меняя баланс сил. Негативные реакции на репрессии против ненасильственно сопротивляющихся граждан политически обрабатываются против оппонентов, ослабляя их властные позиции и усиливая ненасильственное сопротивление. Это может сработать, только когда насилие встречает лишь ненасильственное неповиновение, а не насилие и не отказ от борьбы»¹.

Однако Шарп подчеркивает, что в некоторых случаях ограниченное насилие против диктатуры может оказаться неизбежным. Гнев и ненависть к режиму могут привести к взрыву насилия. Кроме того, некоторые группы могут не согласиться остановить насильственные действия, хотя и признают важную роль ненасильственной борьбы. В таких случаях нет необходимости отказываться от политического неповиновения. Однако требуется как можно дальше развести насильственные действия и ненасильственные².

Методология ненасильственного сопротивления Дж. Шарпа и его последователей оказалась крайне эффективной. Секрет успеха кроется, на наш взгляд, в том, что эта стратегия с одной стороны, является типичным воплощением «мягкой силы», а с другой — при определенных условиях позволяет умело сочетать инструменты «мягкой силы» с механизмами традиционной, «жесткой силы», то есть, реализовывать технологии «умной силы». Именно на основе данного теоретического фундамента США осуществили ряд государственных переворотов в зарубежных странах во второй половине прошлого столетия. В начале XXI века эта теория, модернизированная и модифицированная с учетом требований времени, была апробирована на практике в ходе «цветных революций» — «бульдозерной революции» в Сербии, «революции роз» в Грузии, «оранжевой революции» и «Евромайдана» на Украине, «тюльпановой революции» в Киргизии, «жасминовой революции» в Тунисе и «финиковой революции» в Египте.

Как и любое геополитическое явление, «цветные революции» имеют достаточно сложный и многомерный характер, обладая при этом набором определенных характерных признаков. В первую очередь, следует заметить, что существуют как объективные, так и субъективные причины и предпосылки этих «революций». Одной из важных причин возникновения протестного движения в рассматриваемых странах стали социально-экономические проблемы. Если говорить о политических причинах и предпосылках «цветных революций», то главной из них,

¹ Sharp G. There Are Realistic Alternatives. Boston, 2003. P. 36.

² Шарп Дж. Ук. соч. С. 46.

пожалуй, стала нестабильность политических систем этих государств и сопутствующий этому явлению раскол элит. Среди других причин, приведших к «цветным революциям», следует назвать отсутствие общей идеологии и регионализм. Нельзя забывать и про национально-религиозные и клановые противоречия. Таким образом, необходимое условие осуществления «цветной революции» — наличие социально-экономической и политической нестабильности в стране, сопровождающейся кризисом действующей власти. Безнадежность, отсутствие перспективы, «усталость терпеть» — вот основной двигатель протестного движения. Как очень точно подметила О.Ф. Волочаева, власть в этих странах сама на протяжении долгого периода времени собирала «хворост для костров оппозиции»¹. Социальной основой протестных движений всех «цветных» революций стала наиболее активная часть общества — недовольные своим положением молодежь и средний класс.

Однако не менее важную роль сыграл и внешний, субъективный фактор. Так, очень значительную роль в начале «цветных революций» сыграли появление и распространение из-за рубежа программ по продвижению демократии. Данный факт позволяет некоторым экспертам говорить о том, что «цветные революции» — это технологии, успешно маскирующиеся под стихийные процессы, отличающиеся почти театральным уровнем драматургии, который западные политологи старательно пытаются выдать за самопроизвольное и стихийное проявление воли народа, внезапно решившего вернуть себе право управлять собственной страной². В основе сценария «цветной революции» лежит североамериканская идеология демократизации, предполагающая экспорт демократии, демократических институтов и ценностей в сопредельные страны³. На наш взгляд, именно технологии «мягкой силы» США и их союзников, обрушившиеся на Сербию, Грузию, Украину, Киргизию, Тунис и Египет, и стали ключевыми причинами и одновременно инструментами государственных переворотов, осуществленных в указанных странах.

Во всех «цветных» революциях, к которым относятся и события «арабской весны», обнаруживается один и тот же принцип действий, последовательность технологий и механизм протестных выступлений. По мнению исследователей вопроса, эти события имеют определенную запрограммированную технологию. Отмечаются и особый внешнеполи-

¹ Волочаева О.Ф. «Ненасильственное» изменение политических режимов как феномен информационного общества // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3. С. 85.

² Филимонов Г.Ю., Карпович О.Г., Манойло А. В. Ук. соч. С. 414.

³ Hale H. E. Democracy or autocracy on the march? The colored revolutions as normal dynamics of patrimonial presidentialism // Communist and Post- Communist Studies. 2006. Vol. 39. № 3. Pp. 305–329.

тический почерк и отличительный стиль работы Запада, и строгое соответствие плана любой революции определенному сценарию, и то, каким образом организовывалось и исполнялось молодежное протестное движение, которым управляли с помощью технологий рефлексивного управления, указывается на определенные повторяющиеся особенности в подборе и выдвижении революционных лидеров. Наконец, нельзя не согласиться с тем, что в «цветных революциях» начисто отсутствует истинно революционная идеология¹.

Практически все «революции» прошли в своем развитии несколько отчетливых фаз или этапов, что еще раз подтверждает, что они задумывались и контролировались извне, а не были стихийными событиями. «Ненасильственная борьба является сложным инструментом социальных действий, включающим множество методов, ряд механизмов изменений, а также имеющим конкретные требования к поведению, — писал Шарп. — Для того чтобы стать эффективным, в особенности против диктатуры, политическое неповиновение требует тщательного планирования и подготовки. Будущие участники должны понимать, что от них требуется. Необходимо найти нужные ресурсы. Стратегам необходимо заранее проанализировать, каким образом наиболее эффективно применить ненасильственную борьбу». По его мнению, очень важно «определить наиболее эффективные способы свержения диктатуры, определить момент, когда политическая ситуация и настроение народа благоприятны, и выбрать метод начала кампании»².

Все этапы «революционной» борьбы прошли в предельно сжатом, ускоренном режиме с использованием новых возможностей постиндустриального и информационного общества, включая преимущества сетевых структур, манипуляцию общественным сознанием посредством мировых СМИ, Интернет-ресурсов и т.п. По сути, и в Сербии, и в Грузии, и на Украине, и в Киргизии, и в Тунисе, и в Египте «революция» состоялась в течение одного, максимум двух месяцев. Характерно, что все «цветные революции» первой волны произошли после выборов, триггером «революционного» процесса стало голосование в столицах этих государств, то есть голосование активной части населения Белграда, Тбилиси, Киева и Бишкека. Большую роль в этом сыграли как раз созданные незадолго до этого молодежные организации. В ходе «арабской весны» ввиду фактического отсутствия института демократических выборов к классической схеме реализации «цветной революции» были добавлены механизмы «управляемого хаоса». Этот деструктивный механизм позволял применять демократические схемы и шаблоны, разработанные изначально для общества западного типа,

¹ Филимонов Г.Ю., Карпович О.Г., Манойло А. В. Ук. соч. С. 416.

² Шарп Дж. Ук. соч. С. 53, 55.

в условиях традиционных восточных социумов, в своем исходном виде невосприимчивых к пропаганде демократических и либеральных ценностей. Это достигалось путем «атомизации» общества, разрыва связей между отдельными личностями и общиной, внедрения в сознание граждан суррогатного индивидуализма западного типа¹.

Экспрессивный и молниеносный характер — важная особенность «цветных революций». В целом, исследователи обычно выделяют несколько этапов этих «революций»². В ходе первой, подготовительной, фазы организаторы и технологи «цветных революций» определяли расстановку сил, классифицируя союзников и противников будущей «революции». Тщательно анализировались социально-экономическая и политическая ситуация в стране, выявлялись слабые места правящего режима. Особое внимание уделялось уровню доверия населения к политическим и социальным институтам действовавшей власти, степени популярности первых лиц государства, показателям конфликтного потенциала общества, уровню социальной и политической активности населения, степени доверия к правительственным СМИ и т.д. Определялась характеристика нерешенных проблем, потребностей, ожиданий и страхов, волнующих большую часть общества; оценивались сильные и слабые стороны существовавшей власти и ее институтов. В ходе этой работы также выявлялись активные и потенциальные лидеры общественных движений и организаций, диаспор, этнических меньшинств, способные стать вожаками будущей «революции». Одновременно происходила апробация на фокус-группах протестных слоганов, лозунгов, макетов плакатов, всевозможной атрибутики и т.д. Происходило формирование в стране организованного протестного движения. Причем главным критерием при отборе целевой аудитории являлось отношение к целям, ценностям, эталонным понятиям и требованиям внешней управляющей силы. Рекрутирование активистов происходило по сетевому признаку в молодежной среде, чрезвычайно подвижной и легко увлекаемой различными яркими призывами и лозунгами. Одновременно созданная политическая оппозиция при поддержке западных и прозападных СМИ и НПО начинала постоянное информационное воздействие на население страны с целью дискредитации правящего режима.

Во время второго этапа происходило распределение ролей уже внутри движущих сил «цветной революции». Организаторам переворота было важно заранее выделить тех «революционеров», которые в даль-

¹ Филимонов Г.Ю., Карпович О.Г., Манойло А. В. Ук. соч. С. 422.

² См., напр.: Иррегулярные конфликты: «цветные революции». Анализ и оценка форм, приемов и способов ведения операций по смене режимов в суверенных государствах. Под. общ. ред. С.Н. Гриняева. М., 2015; Филимонов Г.Ю., Карпович О.Г., Манойло А.В. Ук. соч.; Гапич А.Э., Лушников Д.А. Ук. соч.

нейшем должны будут придти к власти, и сформировать вокруг них лояльную им команду. В это же время определялись и те, кому было суждено в будущем сойти с политической арены. Большую значимость имела в этот момент работа с персоналиям — именно на данном этапе на авансцене общественно-политической жизни появлялись новые политические движения и лидеры. По мнению западных специалистов по ненасильственной смене власти, в этом процессе внимание должно уделяться таким качествам, как умение подавать пример, знание людей, их специфических проблем, а также противника, лояльность организации «сопротивления», способность нести ответственность, поддерживать успех других участников, учиться на ошибках, развивать полезные навыки подчиненных и т.д.¹

Начало третьей фазы «цветной революции» было ознаменовано дестабилизацией внутривластной обстановки. Как говорилось выше, зачастую это было связано с прошедшими или приближавшимися президентскими или парламентскими выборами. Происходило резкое нагнетание противоречий в обществе, провоцирование противоположающихся сторон на применение насилия, перевод ситуации к необратимому конфликту. В это же время на улицы выводилась заранее подготовленная оппозиция. Как правило, протестные выступления начинались с организации локального протестного акта с небольшим количеством участников, причем тема протеста и лозунги не имели особого значения. Созданная заранее сеть выходила на улицы крупных городов одновременно и по условному сигналу — обычно резонансному инциденту. Таким инцидентом могло стать любое событие, получившее мощный общественный резонанс; ярчайшим примером стало самосожжение тунисского торговца фруктами М. Буазизи в одном из провинциальных городов страны. Быстро набиравшая численность и силу толпа выходила на улицы и начинала бессрочный митинг, требуя отставки руководителей правящего режима, после чего в ход шли выбранные из широкого списка в сто девяносто восемь наименований методы ненасильственного сопротивления Дж. Шарпа. Одновременно лояльные оппозиции СМИ создавали иллюзию массовости протеста и исключительной серьезности требований, а их зарубежные коллеги обеспечивали «правильную» картину и широкую информированность о протестах для международной общественности и самих жителей государств. После того, как накал оппозиционной борьбы достигал определенной критической точки, на сцене появлялись специально подготовленные лидеры с политическими требованиями, целью которых являлся перевод ситуации на новый, политический, уровень, а также вытягивание широких масс в противостояние с властями.

¹ Helvey R. L. Op. cit. Pp. 107–115.

Четвертую фазу знаменовал апогей «революции»: массовые протестные выступления и акции гражданского неповиновения достигали максимального размаха, а ядро оппозиции активно готовилось к перехвату власти у правящего режима. Как правило, в этот момент появлялись первые жертвы, что способствовало увеличению массы протестующих и радикализации антиправительственных требований. Начинались первые серьезные стычки с органами правопорядка, оппозиция по заранее подготовленному плану занимала одну из крупнейших площадей столицы страны и разбивала там палаточный лагерь. Происходило полное эмоциональное слияние отдельных личностей с толпой, в которой для идентификации «свой — чужой» использовалась яркая «революционная» символика. Характерной чертой и обязательным условием деятельности подобных городков выступала слаженность и четкая внутренняя организация, высокая дисциплина, а также определенная иерархия участников. Затем от имени толпы и при поддержке западных информационных и политических ресурсов к власти выдвигались ультимативные требования уйти в отставку. В ходе «цветных революций» правившие режимы не смогли выдержать такого морального давления и были сметены «революционной» толпой (если же власть принимала вызов и выражала готовность сопротивляться, технологи «цветных революций» пускали в ход новые инструменты, связанные уже с «жесткой силой»; в результате «революция» перерастала в вооруженный мятеж и гражданскую войну, как это произошло в Ливии и Сирии в 2011 году).

На заключительном этапе «революционеры» брали власть в свои руки. Кульминацией «цветной революции» и символом ее победы обычно становился захват зданий, олицетворявших прежний режим, — президентской администрации, парламента, радио, телевидения и т.д. В этот момент происходило разложение реальной власти, разрушение государственной и политической системы управления. Новая власть получала легитимность, одновременно легализуя своих внешних покровителей. Старый режим ликвидировался, и победившие «революционеры» приступали к построению собственной вертикали власти и системы государственного управления, начинали формировать новый внешнеполитический вектор. В свою очередь, Запад объявлял о «победе демократии» и обеспечивал информационную поддержку нового режима, превращая собственную «мягкую силу» в источник его легитимности.

Если остановиться более подробно на технологиях «цветных революций», то в первую очередь, следует сказать об их ненасильственном характере. Классическая модель «цветной революции» является именно ненасильственной. Шарп писал, что «ненасильственная борьба намного более сложное и разнообразное средство борьбы, чем насилие.

Вместо насилия борьба ведется психологическим, социальным, экономическим и политическим оружием, применяемым населением и общественными институтами. Такое оружие хорошо известно — это протест, забастовка, отказ в сотрудничестве, бойкот, выражение недовольства и народное самоуправление»¹.

Важнейшим элементом в этой борьбе было привлечение на свою сторону сторонников правящего режима, игравших ключевую роль в государственном управлении и обеспечении безопасности стран. «В процессе планирования и реализации политического неповиновения и отказа от сотрудничества, — писал Шарп, — весьма важно обращать пристальное внимание на всех основных сторонников и советников диктатора, включая его внутреннюю клику, политическую партию, полицию и чинуш и в особенности его армию. Необходимо тщательно оценить степень лояльности вооруженных сил — как солдат, так и офицеров, — диктатору, сделав вывод о возможности влияния демократических сил на военщину... В самом начале освободительной борьбы необходимо разработать отдельную стратегию общения с войсками и чиновниками диктатуры. Демократические силы могут с помощью слов, символов и действий убедить войска в том, что освободительная борьба будет энергичной, решительной и упорной. Армия должна понять, что борьба будет носить особый характер, она направлена на подрыв диктатуры и не представляет угрозы для их жизни. Такого рода усилия будут направлены в конечном счете на моральное разложение армии диктатуры и на переподчинение ее демократическому движению. Аналогичные стратегии могут применяться в отношении полиции и государственных служащих... Руководители демократического движения обязаны считать стратегию подрыва лояльности силовых структур диктаторов исключительно приоритетной»².

Претендовавшая на власть оппозиция, почти буквально следуя инструкциям идеолога ненасильственной смены власти, сознательно и принципиально придерживалась мирной тактики. Шарп отмечал: «Каковы бы ни были достоинства насильственных методов, ясно одно: полагаясь на средства насилия, такие люди выбирают тип борьбы, при котором угнетатели почти всегда имеют преимущество... Вооруженное сопротивление диктатуре бьет не по самому слабому месту, а наоборот, по наиболее сильному. Избрав соперничество в области вооруженных сил, снабжения боеприпасами, технологии изготовления оружия и т.д., движение сопротивления ставит себя в весьма невыгодное положение»³.

¹ Шарп Дж. Ук. соч. С. 42–43.

² Там же. С. 82–84.

³ Там же. С. 15, 41.

Именно поэтому приоритет отдавался ненасильственным методам борьбы. Наиболее известным эпизодом почти всех «революций» (собственно, почему они и называются «цветными») стала демонстрация мирного характера в виде дарения цветов силовикам, стоявших в оцеплении на митингах оппозиции. Благодаря ненасильственной тактике авторитарные лидеры опасались использовать армию или службы безопасности, чтобы подавить протест, лишая тем самым себя важнейшего (и, заметим, вполне легального) рычага давления на антиправительственные силы. Надо отметить и то, что различные общественные организации и СМИ, финансируемые Западом, активно способствовали внедрению идеи «о недопустимости насилия» со стороны правоохранительных органов и силовых структур по отношению к безоружным демонстрантам или митингующим, чем фактически лишали действующую власть рычагов влияния на ситуацию. На этом же настаивало и «прогрессивное» мировое сообщество, представленное в основном политической элитой США и их союзников.

Немаловажной составляющей «цветных революций» стала кампания неповиновения власти, которая заключалась в организации масштабного давления на органы исполнительной власти на ее различных уровнях. Шарп указывал, что «студенты могут организовать забастовки по вопросам образования, религиозные лидеры и верующие могут сосредоточиться на проблеме свободы вероисповедания, работники железных дорог могут настолько методично соблюдать правила безопасности, что это замедлит работу железнодорожной системы, журналисты могут бросить вызов цензуре, публикуя газеты с пустыми полосами на месте запрещенных статей, полиция может постоянно терпеть неудачи в нахождении и аресте находящихся в розыске членов демократической оппозиции»¹. Формы такого давления действительно были очень разнообразны: митинги и забастовки всех видов, голодовки, представление поддельных документов, блокирование информационных линий и транспортных коммуникаций, снятие указателей госучреждений, бойкот выборов, отказ от уплаты налогов, отказ от должности и работы с правительством и даже демонстративный отказ от выполнения супружеских обязанностей. Но и на более высоком, политическом, уровне также предпринимались весьма эффективные меры, когда различные местные органы власти, поддерживавшие оппозицию (или оппозицией захваченные), отказывались признавать легитимность правящего режима.

С кампанией неповиновения была тесно связана тактика парализации работы государственных органов, что вылилось в пикетирование и блокирование митингующими зданий исполнительной, законодатель-

¹ Там же. С. 80.

ной и судебной власти. В итоге вопросы о форме общения с оппозицией для государственных служащих стали более важными, чем выполнение основных задач государства. Убеждение властей в «недемократичности» применения мер принуждения ради сохранения элементарного порядка и безопасности фактически привело к добровольному отказу государства от права и обязанности на легитимное насилие. Важным элементом стало использование фактора переговоров, целью которых стало, с одной стороны, создание видимости готовности лидеров демонстрантов пойти на компромисс и диалог с властью, а с другой — и это главное — выигрывалось время, необходимое для продолжения дестабилизирующих действий.

Практически беспроярванной тактикой оппозиционеров стало провоцирование силовых структур на насилие. Провозглашая мирный характер манифестаций и наращивая одновременно с этим «мягкое давление» на власть, «революционеры» провоцировали органы правопорядка на применение силы и пытались воспользоваться любым предложением для выдвижения обвинений в «непропорциональном насилии» режима над собственным народом. По сути, речь шла о спланированных и хорошо организованных провокациях против правоохранительных органов с целью применения ими против активистов, в первую очередь из молодежных оппозиционных движений, силовых приемов, которые средствами дружественной прессы моментально получали широкий резонанс как неопровержимое доказательство преступных действий властей. При этом, несмотря на настойчивое подчеркивание их «ненасильственного характера», в реальности все обстояло гораздо сложнее, потому что такие приемы, как «захват земель ненасильственными методами», «снятие одежды догола в знак протеста», «грубые жесты», «насмешки над должностными лицами», «демонстративные похороны», «политический траур», «насмешки над выборами», «ненасильственное преследование», не говоря уже о «возведении баррикад» и «уничтожении частной собственности» вряд ли можно считать инструментами ненасильственного и мирного протеста¹.

Еще одна черта «цветных революций» — создание территориального анклав и ненасильственная оккупация территории. Она подразумевала формирование области внутри страны, где местные власти и/или влиятельные слои населения обеспечивали оппозиционным лидерам безусловную поддержку. В дальнейшем она становилась плацдармом для объявления и расширения власти протестного движения. Это могла

¹ Аршев А. Грузия: от «революции роз» до августа 2008 года и поддержки терроризма на Северном Кавказе // Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в постсоветский период. Сборник статей международного авторского коллектива / под общ. ред. В. Крашенинниковой. М., 2014. С. 117.

быть как центральная площадь в центре столицы, (например, майдан Незалежности в Киеве или площадь Тахрир в Каире), так и отдельные регионы страны (в ходе «оранжевой революции» на Украине это были западные области страны, а во время «тюльпановой революции» в Киргизии — южные города Узгень, Талас, Ош), или и то, и другое. Это место становилось эпицентром «революции», куда стекались подстрекаемые оппозицией граждане, создавая массовую политическую толпу.

Большое значение в ходе «цветных революций» оппозиционерами уделялось созданию благоприятного информационного поля. Оппозиционные СМИ (чаще всего финансируемые из-за рубежа) старались предстать в образе независимых и беспристрастных участников событий, при этом методично критикуя изъяны правящего режима. С другой стороны, различные оппозиционные шествия, флэш-мобы, «кольца», разного рода акции, постоянно транслировались на оппозиционных каналах телевидения и Интернет-ресурсах. Исключительно важной в этой связи стала работа с неправительственными аналитическими центрами и центрами социальных исследований, способствовавшая достижению необходимого информационного эффекта. Одновременно происходила глубокая проработка методологической базы протестного движения, уделялось большое внимание вопросам подготовки к массовым выступлениям. Стимулировался рост недоверия к государственной власти и выборной системе. Информация такого рода сопровождалась заявлениями заинтересованных лиц, либо неправительственных организаций, имевших определенный авторитет.

Через традиционные СМИ и Интернет население, преимущественно молодое, воспринимало продукты «мягкой силы» Запада, рекламировавшие идеалы западного образа жизни, которые противопоставлялись атмосфере отсталости, нищеты, коррупции, бесперспективности и диктатуры в их собственных странах. В событиях «арабской весны» и «Евромайдана» особую роль сыграли новые информационные технологии — социальные сети Facebook, Twitter и другие. Именно они не только пропагандировали западные ценности, но и провоцировали и синхронизировали массовые антиправительственные выступления, выступая в качестве «спускового крючка» протестной активности, особенно после попыток блокирования связи или значительного ограничения трафика со стороны властей.

Одним из самых эффективных приемов «цветных революций» стало использование технологии «политического спектакля», то есть создания обстановки максимально «грязных» выборов с целью создания всеобщего ощущения их фальсификации или несправедливости, что вело к делигитимизации выборов (в более широком смысле речь шла о делегитимизации режима в целом). Причем подготовка к этому начиналась задолго до самих выборов. После же достижения некоторой

критической величины нарушений на самих выборах, которую могла спровоцировать любая из сторон, исход голосования уже не поддавался надежному выяснению, и разрешение возникшего конфликта выносилось на улицу. Оппозиция, как правило, апеллировала к данным экзит-поллов, проводившихся близкими к ней социологическими службами и НПО в день выборов. Разумеется, их результаты однозначно говорили о победе оппозиционного лидера, что совершенно не совпадало с данными официальных избирательных комиссий. В практическом плане это лишало любого из избранных кандидатов легитимности, а сама функция легитимизации возлагалась на какую-либо стороннюю инстанцию, иначе говоря, превращалась в вопрос внешнего признания. Одной из форм продолжения подобной деятельности, как показала практика, могло стать непризнание итогов голосования с активизацией выступлений оппозиции, увеличением числа митингующих, а также одновременным объявлением того, какой результат выборов будет признан законным.

В этой связи надо отметить и такой важный механизм «цветных революций», как воздействие на чувства и эмоции. Он основывался на известном в психологии принципе ценностно-символического противопоставления («мы и они») и заключался в переносе политического смысла на чисто моральные категории, близкие и понятные обычному человеку, — справедливость, свобода, верность, борьба добра со злом, вера в светлое будущее. Придание «революционной» патетике героико-романтического и патриотического ореола способствовало эффекту «эпидемии чувств», что приводило в итоге к многократному увеличению числа сторонников движения. Как это не кощунственно звучит, но порой сам факт пролития крови и гибели людей, особенно невинных, обладал исключительно сильным эффектом воздействия на сознание, воображение и чувства не только сторонников «революционного движения», но и увеличивающегося числа сочувствующих. Большую роль здесь играла технология формирования в массовом сознании уверенности в «неминуемой победе» и мысли о том, «народ победить нельзя»¹. В ряде «цветных революций» особый акцент был сделан на разжигании агрессивной этничности. Оно имело целью сплочение наиболее радикальных социальных групп на основе этнической или национальной принадлежности, а также придание им статуса «локомотива» революционного движения. В Грузии и Украине, например, отличительной особенностью подобных движений была их антироссийская направленность. При этом ядром актива для уличных акций подчас становились именно националисты и экстремисты (в ходе Евромайдана

¹ Иррегулярные конфликты: «цветные революции». Анализ и оценка форм, приемов и способов ведения операций по смене режимов в суверенных государствах. С. 208.

это был «Правый сектор», а в случае с Египтом в 2011 году — «Братья-мусульмане»), а в руководстве оппозиции тон, как правило, задавали либеральные политики, также не чуждавшиеся идее национализма.

Формирование символа протестного движения также имело важное психологическое значение, одновременно выступая средством общения и идентификации единомышленников. Для быстрого и максимально широкого охвата населения в технологиях «цветных революций» активно использовались демонстрации элементарного цветового или графического знака. Так, сжатый белый кулак в круге на черном фоне был замечен в символике почти всех «революций». Большое значение имел также выбор «цвета» «революции», который являлся принципиальным рычагом мобилизации протестного движения. Например, оранжевый цвет сыграл колоссальную роль в сплочении протестующих и конечной победе украинского «Майдана» в 2004 году. Вообще, проработка геральдической составляющей была выполнена на достаточно высоком уровне. В разрабатываемых логотипах большое внимание уделялось историческому и политическому контексту, подчеркивались национальные, либо наднациональные символы. Не вызывает сомнения, что над выбором цветов и символов оппозиции активно работали психологи и другие специалисты по нейропрограммированию. Р. Хелви отмечал, что ношение похожей одежды и символов — психологические опоры, которые обеспечивают зрительную ассоциацию с другими, кто разделяет те же ценности и убеждения¹.

Зачастую человек, возглавлявший «цветную революцию», сам становился ее символом. Причем отнюдь не случайно во главе всех «цветных революций» оказались некогда высокопоставленные чиновники, попавшие в опалу и перешедшие в оппозицию к действующей власти. «Цветные революции» часто организовывались не контрэлитой, а частью старой элиты, которая в предыдущие периоды находилась у власти, потом была отправлена в отставку, затем перешла в оппозицию и подняла на щит уже антиправительственные лозунги. У этой оппозиции в лице бывших министров были союзники в числе министров действующих, которые в решающий момент переходили на сторону оппозиции. М. Саакашвили в Грузии, В. Ющенко в Украине, К. Бакиев в Киргизии не являлись уличными политиками «из низов». Напротив, на момент «революций» они были узнаваемыми персонами, имели поддержку со стороны западного истеблишмента и общественного мнения, а также сохраняли прочные связи с политическим классом страны, что давало дополнительные возможности для раскола правящей элиты. Среди лидеров «революции» часто оказывалась харизматичная женщина —

¹ Helvey R. L. Op. cit. Pp. 104.

Н. Бурджанадзе в Грузии, Ю. Тимошенко на Украине, Р. Отунбаева в Киргизии.

В более поздних событиях, особенно в ходе «арабской весны», ярко выраженных лидеров, по сути, заменили виртуальные персонажи в социальных сетях. С развитием Интернет-технологий протестное движение было организовано через Facebook, Twitter, YouTube и другие популярные сетевые платформы. В этих условиях «революционная» идея (например, интеграция Украины в ЕС) сама становилась своеобразным маяком для активистов, а лидеры, которых уже весьма сложно было назвать харизматичными, оказывались лишь проводниками заранее разработанных мифов для управления толпой. В этих условиях правящие круги оказывались не в состоянии целенаправленно и эффективно бороться с такой сетевой оппозицией, поскольку перед ними, по сути, не существовало конкретного противника. Правительству было вынуждено прибегать к «веерным» репрессиям, которые зарубежные и местные технологи «революций» тут же провозглашали войной режима против собственного народа, требовавшей жесткой ответной реакции и санкций мирового сообщества.

Важной технологией «цветных революций» являлось закрепление стереотипов, то есть внедрение в массовое сознание нескольких простых образов. Вся информационная и пропагандистская деятельность лидеров оппозиции сводилась к обличению противника по принципу «враги против наших». Самый яркий пример из недавних событий — пресловутый перформанс «Кто не скачет, тот москаль!», практиковавшийся в ходе «Евромайдана». Но главной мишенью, конечно, становились «диктаторы» — лидеры государств, свержением которых занимались «революционеры». Особое значение придавалось обличению их человеческих и «общедемократических» пороков: «попирает свободу», «поощряет несправедливость», «лжет народу», «служит вражеским силам» и т.д. Большая роль отводилась и разработке лозунгов, направленность которых была проста, лаконична и понятна, например: «Он готов!» (о президенте Югославии С. Милошевиче), «Грузия без Шеварднадзе!», «Украина без Кучмы!», «Киргизия без Акаева!», «Последний фараон» (о президенте Египта Х. Мубараке), «Зека на нары» (о президенте Украины В. Януковиче). Вместе с тем, подробному и скрупулезному изложению собственной программы социально-экономических и политических преобразований в случае прихода к власти «революционеры» уделяли значительно меньше внимания. Уклоняясь от изложения конкретной позиции, оппозиционные политики использовали туманные фразы и метафоры, сознательно или неосознанно подменяли цель планируемых «революционных» преобразований абстрактным политическим мифом. Для Грузии и Украины, например, одним из таких основополагающих мифов стало скорейшее вхождение стран

в евроатлантические структуры — НАТО и ЕС. А в ходе второй волны «цветных революций», когда особенно активно были задействованы Интернет-технологии, в социальных сетях распространялась информация организационного и технологического порядка, то есть подробные сведения о формах, способах и тактике противодействия полиции, но практически не обсуждалось содержание лозунгов, как и возможное новое политическое устройство государства.

Общим и едва ли ни важнейшим правилом для всех «цветных революций» была та уникальная роль, которую в ней сыграло молодежное и студенческое движение. Хелви рекомендовал вовлекать в «сопротивление» все силы гражданского общества, так как, по его мнению, почти любые организации «содержат источники силы и обеспечивают структуры для коллективных действий»¹. Но именно массовое участие студентов создавало вокруг происходивших событий ореол «подлинной революционности», выдавая молодежное движение за общенародное. В ряды оппозиции молодежь активно привлекалась инструментами «мягкой силы», в первую очередь, посредством популярной культуры. Ключевую роль в ходе «революции» играли сформированные незадолго до начала событий оппозиционные молодежные структуры — «Отпор» в Сербии, «Кмара» в Грузии, «Пора» в Украине, «Кел-Кел» и «Бирге» в Киргизии, «Кифайя» и «6 апреля» в Египте — «полевые отряды революции», помогавшие проводить мобилизацию и решать столь необходимые «революционерам» логистические задачи, особенно на начальном этапе протестов. Эти организации были хорошо подготовлены, так как под руководством западных специалистов их активисты заранее проходили специальные семинары и тренинги по тактике ненасильственной борьбы с режимом. Финансирование же таких организаций обеспечивали известные международные неправительственные организации и американские фонды.

Таким образом, реализация указанных выше технологий не могла быть успешной без всесторонней поддержки извне. Успех «цветных революций» был обеспечен именно благодаря эффективному использованию ресурсов и инструментов «мягкой силы» США и их младших партнеров из ЕС. Лидерами в этом процессе выступили американские правительственные агентства и неправительственные организации, такие как Агентство США по международному развитию, Национальный фонд в поддержку демократии, Международный республиканский институт, Национальный демократический институт по международным делам, Институт «Открытое общество» Дж. Сороса, «Фридом Хаус», Британский Совет и другие.

Достоинно упоминания, что главный теоретик ненасильственных «революций» Дж. Шарп скептически относился к внешнему вме-

¹ Ibid. P. 18.

шательству. «Такой сценарий может показаться удобным, — писал Шарп, — но надежда на спасителя извне создает серьезные проблемы. Такая надежда может оказаться совершенно напрасной. Как правило, иностранный спаситель не появляется, а если иностранное государство и осуществляет вмешательство, ему обычно не следует доверять... Некоторые иностранные государства будут предпринимать действия против диктатуры лишь для того, чтобы добиться собственного экономического, политического или военного контроля над страной». По мнению, Шарпа «основные силы борьбы должны действовать в самой стране. Степень и само наличие международной помощи только стимулируется внутренней борьбой. В качестве скромного дополнения можно приложить усилия к созданию негативного по отношению к диктатуре мирового общественного мнения на гуманитарных, этических и религиозных основаниях. Усилия могут быть направлены на принятие правительственными и международными организациями дипломатических, политических и экономических санкций против диктатуры. Более того, самим демократическим силам может быть предоставлена международная помощь в виде финансовой поддержки и обеспечения средствами связи»¹.

Однако в случае с «цветными революциями» их американские и европейские архитекторы пошли гораздо дальше. Как будет показано ниже, Запад оказывал мощное и многомерное воздействие на ход этих государственных переворотов. В первую очередь, надо сказать об организационной и финансовой поддержке оппозиции. Западные политтехнологи разрабатывали детальные сценарии проведения «цветных революций». Они искусственно создавали оппозицию, «независимые» СМИ и неправительственные организации, молодежные антиправительственные движения, выбирали кандидата на роль будущего лидера, обучали активистов протестным технологиям и многое, многое другое. Именно Запад выделял финансирование, без которого проведение операций по смене режимов было бы просто невозможно. Внешние финансовые вливания шли по самым разным каналам, от вполне безобидных на первый взгляд грантов местным неправительственным организациям, культурно-просветительским, этническим и конфессиональным сообществам до передачи денег через дипломатическую почту и багаж иностранных дипломатов. Западом был организован тотальный контроль за проведением предвыборной кампании, самими выборами и процедурой подсчета голосов. Заранее происходило навязывание собственных интерпретаций легальности и легитимности выборов. Посылались наблюдатели, представители западных СМИ, организовывались «независимые» социологические опросы, экзит-полы и т.п.

¹ Шарп Дж. Ук. соч. С. 17–18, 67.

На политическую элиту стран, где разворачивались «цветные революции» оказывалось беспрецедентное давление со стороны лидеров западных государств и высокопоставленных чиновников из международных организаций, настаивавших на необходимости контроля над обеспечением свободного и демократического волеизъявления, соблюдением всех прав и свобод населения, недопустимости применения насилия против собственного народа и т.д. В сознание рядовых граждан настойчиво внедрялась мысль о необходимости сделать «правильный выбор», оказаться на «правильной стороне истории», после чего неизбежно должна была наступить эпоха тотального процветания. На самом деле, как показали дальнейшие события, «торжество демократии» оказалось совсем не таким, как его представляли простые обыватели Сербии, Грузии, Украины, Киргизии, Туниса и Египта...

Раздел II
«Цветные революции»
в начале XXI века

Глава 4

«БУЛЬДОЗЕРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В СЕРБИИ

Первая «цветная революция» XXI века произошла в Союзной Республике Югославия, точнее в одной из двух ее составных частей — СРЮ являлась своеобразным геополитическим осколком Социалистической Федеративной Республики Югославии — крупного балканского государства, состоявшего из шести отдельных республик и двух автономных провинций, в котором проживало более двадцати этнических групп, исповедующих различные религии (православие, католицизм, ислам).

До конца 80-х годов XX века Социалистическая Федеративная Республика Югославия была примером межнационального консенсуса, однако с крахом социалистической системы многонациональная страна также начала распадаться. В июне 1991 года о выходе из состава СФРЮ заявили Словения и Хорватия, в сентябре независимость провозгласила Македония, а в марте 1992 года — Босния и Герцеговина. Компактно проживавшее сербское население в Хорватии (580 тысяч) и Боснии и Герцеговине (1360 тысяч), поддержанное официальным Белградом, заявило о стремлении получить автономию в составе этих республик и отстаивать свое право сохранить занимаемые ими в составе Югославии территории. В результате этнически однородные Македония и Словения практически безболезненно обрели независимость, а в Хорватии и Боснии и Герцеговине разгорелась жестокая гражданская война.

В это же время в югославские события стали все активнее вмешиваться США и их союзники по НАТО (Германия, Великобритания и др.). Югославия — крупное славянское государство с пророссийской элитой и православным населением, занимавшее важное геополитическое положение и располагавшее стратегическими запасами минеральных ресурсов, сохранявшее социалистическую модель экономики и выдвигавшее лозунги славянского единства (идея «Великой Сербии» последнего главы СФРЮ серба по национальности Слободана Милошевича), не могло не стать серьезным раздражителем для победивших в «холодной войне» США.

Весной 1992 года в Боснии и Герцеговине началась война между местными мусульманами (бошняками), хорватами и сербами. Прави-

тельство Сербии стало оказывать помощь боснийским сербам. Западное сообщество обвинило Югославию во вмешательстве в дела Боснии и Герцеговины. 30 мая 1992 года Совет Безопасности ООН принял решение ввести против нее экономические санкции. Тем не менее, С. Милошевич (заявив пост президента Сербии, а потом и Союзной Республики Югославии, куда помимо Сербии входила Черногория) не отказался от своей конечной цели — объединения в одном государстве всех сербов Балканского полуострова.

Разумеется, планы Милошевича по созданию «Великой Сербии» входили в противоречие с геополитическими амбициями США в регионе. Вашингтон, где у власти с января 1993 года находилась демократическая администрация президента Б. Клинтона, поставил целью принудить сербов заключить мир и прекратить Боснийскую войну на выгодных для себя условиях. Для этого в Белом доме была выработана двуединая стратегия: с одной стороны, дать в обход эмбарго ООН возможность получать оружие боснийским мусульманам; и, во-вторых, в секретном порядке вооружить и обучить по натовским стандартам хорватскую армию. В качестве главного орудия операции был выбран хорватский президент Ф. Туджман, несмотря на то, что высшему руководству США были известны его расистские и даже профашистские взгляды. Инициаторами ставки на «сильную руку» в борьбе с сербами в августе 1993 года выступили один из ведущих аналитиков по американо-российским отношениям Л. Фергюссон и европейский эксперт СНВ С. Вершбоу. В качестве переговорщика к Туджману был отправлен назначенный в срочном порядке послом США в Хорватии П. Гэлбрайт¹.

Проблема заключалась в твердом нежелании Туджмана заключать союз с мусульманами, что, в свою очередь, являлось необходимым условием американского плана, так как только в этом случае разгром сербов был гарантирован. В итоге невероятного давления со стороны США в лице Гэлбрайта, хорватский президент согласился на создание мусульmano-хорватской федерации, получив взамен обещание Вашингтона ускорить политическую, экономическую и военную интеграцию Хорватии на Запад.

В феврале 1994 года американский президент Б. Клинтон, поддержанный Л. Фергюссоном, постоянным представителем США при ООН М. Олбрайт и вице-президентом А. Гором, дал указание ЦРУ начать разработку секретной операции по отстранению Милошевича от власти. По замыслам Белого дома, внешне свержение югославского лидера должно было выглядеть как проявление народного недовольства внутри страны, однако на самом деле США пустили в ход все технологии

¹ Sale R. Clinton's Secret Wars: the Evolution of a Commander in Chief. N.Y., 2009. Pp. 70–74.

«политической войны». Первой мишенью американских спецслужб стали ближайшие сподвижники С. Милошевича. ЦРУ, СНБ и Государственный департамент начали собирать для Белого дома детальную биографическую информацию на белградскую элиту, составлять базы данных их финансовых и других активов. В соответствии со стратегией, разработанной еще в 1980-е годы директором ЦРУ У. Кэйси, большое значение для финансирования подобных тайных операций придавалось деятельности американских корпораций и неправительственных организаций¹.

Другой важной частью «политической войны» США против Югославии стала дискредитация Милошевича и сербов в целом в глазах мирового сообщества. Началась массированная информационно-пропагандистская кампания, получившая впоследствии название «сатанизация сербов» («демонизация сербов»). Ее цель заключалась в создании и закреплении в общественном мнении европейских стран гипертрофированно отрицательного образа серба — варвара, преступника, палача при замалчивании военных преступлений хорватов и мусульман. Над созданием и закреплением устойчивых антисербских настроений в европейском общественном мнении работали ведущие американские PR-агентства, например «Ruder-Finn Global Public Affairs». Сформированное подобным образом антисербское общественное мнение в Европе в значительной степени позволило руководству НАТО начать бомбардировки позиций боснийских сербов в 1995 году (а спустя четыре года и самой Сербии в 1999), не опасаясь резкой критики и протестов европейской общественности в свой адрес.

Параллельно с пропагандистской кампанией США использовали различные формы шпионажа против Югославии, боснийских и хорватских сербов. Чрезвычайно эффективными оказались полеты над сербскими территориями беспилотных самолетов НАТО U-2, позволивших Вашингтону иметь полную картину происходившего на полях сражений Боснийской войны, а также предъявлять мировой общественности факты поддержки официального Белграда боснийских сербов в нарушение международных договоренностей. Немаловажное значение в «политической войне» США против Белграда имело и использование ресурсов спецслужб из стран бывшего социалистического блока — Польши, Чехословакии и Венгрии. Руководители местных секретных служб располагали действительно уникальной информацией на балканском направлении, которая немедленно оказалась в руках американцев. (Позднее, в ходе операции по смене режима Милошевича в 2000 году накопленные таким образом данные сильно пригодились американским стратегам).

¹ Ibid. Pp. 116–117.

В 1995 году операция по разгрому и принуждению боснийских сербов к миру вступила в заключительную фазу. Основная роль в доведении войны в Боснии до нужного США конца отводилась Хорватии, чья модернизированная с помощью США армия превратилась в очень серьезную силу в регионе. В апреле 1995 года в ходе молниеносной двухдневной операции «Вспышка» сербские войска были разгромлены и вытеснены из Западной Славонии — стратегического района на востоке Хорватии, граничившего с Венгрией. Главный же удар по сербам, спланированный в Вашингтоне, был нанесен в августе того же года. 4 августа 1995 года началась операция «Буря»: двухсоттысячная хорватская армия, вооруженная танками, тяжелой артиллерией и авиацией начала разгром неподконтрольной Загребу Республики Сербская Крайна. Для сербов, обладавших лишь сорокатысячным ополчением, это был ошеломляющий удар. Через три дня молниеносного наступления Крайна перестала существовать, а более двухсот тысяч сербских беженцев устремились в объятую войной Боснию.

Следующий и последний шаг по принуждению сербов к миру начался в самом конце августа 1995 года. После очередного минометного обстрела Сараево и отказа сербов убрать тяжелое вооружение из этого района, НАТО, занявшее усилиями США к этому времени место ООН в регионе, начала операцию «Обдуманная сила». Она подразумевала массированные удары с воздуха по позициям боснийских сербов, одновременно являясь прикрытием для действий хорватомусульманских сил. В это же время президент Клинтон подписал директиву ЦРУ по свержению Милошевича, которое должно было произойти после окончания Боснийской войны¹.

Осенью 1995 года Боснийская война закончилась. Разгромленные почти на всех фронтах боснийские сербы, на которых огромное давление оказывал опасавшейся потерять контроль над рычагами управления в собственной стране Милошевич, были вынуждены согласиться на мирные переговоры. В ноябре 1995 года в американском Дейтоне при участии представителей России, США и ЕС лидеры Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговины подписали мирные соглашения по урегулированию боснийского конфликта. Босния и Герцеговина были превращены в конфедерацию из двух частей — Республики Сербской и Мусульмано-хорватской федерации — со слабым центральным правительством. Согласно соглашениям, боснийские сербы получали всего 49% территории, вместо 70% еще недавно находившихся под их контролем. Для наблюдения за выполнением Дейтонских соглашений в соответствии с резолюцией Совета безопасности ООН № 1031 были созданы международные вооруженные силы, общее командование кото-

¹ Ibid. P. 152.

рыми было возложено на НАТО. В страну вводилось почти семьдесят тысяч войск, из них двадцать тысяч — американских военнослужащих.

С сербской стороны Дейтонские соглашения подписал С. Милошевич, тем самым формально отказавшись от идеи «Великой Сербии» и лозунгов защиты сербского населения вне Сербии, которые приносили ему успех у электората внутри страны. Тем не менее, Милошевичу в целом удалось сохранить общественную поддержку. Вашингтон же активизировал усилия по смене белградского режима. В первую очередь усилия Запада сконцентрировались на дальнейшей дезинтеграции Югославии. Широкую западную поддержку получил черногорский премьер-министр Мило Джуканович — бывший сторонник, а затем лютейший противник Милошевича, взявший курс на выход Черногории из состава Югославии.

Осенью 1996 года в Югославии состоялись парламентские и муниципальные выборы. Правящая коалиция во главе с Социалистической партией С. Милошевича получила 48,5%, однако оппозиция сумела одержать победу во всех крупных городах. Этот результат попыталась оспорить Центральная избирательная комиссия; в ответ зимой 1996–1997 годов по Югославии прокатилась волна массовых протестов, основной ударной силой которых были студенты и городская интеллигенция. В организации демонстраций участвовала политическая коалиция «Вместе», сформированная из представителей различных оппозиционных политических партий демократического спектра. Демонстранты забрасывали правительственные учреждения сырыми яйцами, из-за чего данные протестные шествия получили название «яичная революция». На пике протестной активности в середине января 1997 года число митингующих достигало трехсот тысяч человек, причем оппозиция получала активную информационную и моральную поддержку со стороны западного сообщества.

Милошевич был вынужден пойти на уступки. 11 февраля 1997 года он подписал «Особый указ», которым признал победу оппозиции на местных выборах в нескольких крупных городах. Мэром Белграда на короткое время (до сентября) стал лидер оппозиционной Демократической партии Зоран Джинджич. Но главное заключалось в том, что «яичная революция» во многом стала репетицией событий в Белграде в октябре 2000 года, названных позже «бульдозерной революцией»¹.

С начала 1997 года режим С. Милошевича начал терять симпатии избирателей, разочарованных резким падением жизненного уровня, психологическим давлением блокады, санкций и проигрышем в войне. Нежелание Милошевича признать «статус-кво» и открыто сделать ставку на сербский национализм, как и его весьма спорная позиция

¹ Никифоров К.В. Сербия на Балканах. XX век. М., 2012. С. 102

по отношению к сербам Хорватии, Боснии и Герцеговины отталкивали от него сербских националистов. С другой стороны, еще большую неприязнь он вызывал у сербских либералов-западников, видевших в нем главного противника евроатлантической интеграции.

Однако С. Милошевич сумел перенести удар, нанесенный ему военным поражением в Хорватии и Боснии, жесточайшей блокадой и «яичной революцией». В июне 1997 года Милошевич, который не мог больше баллотироваться в президенты Сербии, стал президентом Союзной Республики Югославии (СРЮ) и сохранил в своих руках всю полноту власти (президентом Сербии в декабре стал его соратник М. Милутинович).

Прекращение боснийской войны и минимальное ослабление санкций привело к определенной экономической стабилизации Сербии. Складывалось впечатление, что режим Милошевича может просуществовать еще какое-то время, что самые тяжелые времена — санкции и агрессия НАТО — для него уже позади. В это уверовал и сам Милошевич, взявший курс на «закручивание гаек» во внутренней политике страны и подавление оппозиции. В это время было закрыто более двухсот независимых радио- и телестанций, в том числе и весьма крупных и популярных. В стране с пугающей периодичностью погибали или пропадали без вести политические противники президента. «На людей охотились, как на крыс», — вспоминал З. Джинджич¹.

Общее социально-экономическое положение в стране продолжало ухудшаться, однако правящий режим продолжал контролировать ситуацию. Правда, уже с начала 1998 года перед Милошевичем образовался новый вызов — резко обострилась ситуация в Косово и Метохии, где албанское большинство еще с конца 1980-х годов требовало автономии. Подписание Дейтонских соглашений, показавшее слабость позиций Сербии, послужило косовским албанцам ободряющим сигналом и привела к активизации сепаратистов. Начались вооруженные выступления албанских боевиков из Армии освобождения Косово (ОАК), развязавших террористическую войну против центральной власти. В феврале 1998 года Милошевич принял решение ввести в Косово дополнительные силы армии и военной полиции. Между правительственными войсками и боевиками-сепаратистами начались столкновения, в ходе которых страдало гражданское население. Действия сербской полиции и спецназа дали повод международному сообществу развернуть кампанию по защите прав человека в Косово, а страны НАТО потребовали от Белграда отказаться от применения силы.

В этих условиях Вашингтон принял решение использовать АОК для расшатывания политической ситуации в Сербии. Секретная часть операции включала в себя пополнение рядов различных миссий наблю-

¹ Sale R. Op. cit. P. 384.

дателей в Косово офицерами британских и американских спецслужб. Государственный секретарь США М. Олбрайт лично позаботилась о том, чтобы значительную часть наблюдателей от ОБСЕ составляли сотрудники ЦРУ, имевшие задание собирать информацию о ситуации в крае и стратегических объектах югославской армии. Главой американской миссии в ОБСЕ с этой целью был назначен У. Уолкер, имевший богатый опыт участия в операциях по смене режимов в Латинской Америке в 1980-е годы. Вскоре он же занял пост главы специальной Верификационной миссии в Косово. Более того, Вашингтон начал оказывать военную, техническую, финансовую, транспортную и политическую поддержку АОК, несмотря на то, что ЦРУ было известно о преступной деятельности албанских сепаратистов — контрабанде наркотиков, ракете, доходов от проституции и убийстве мирных граждан¹. Борьба албанских боевиков против югославских сил безопасности, уже практически подавленная Белградом, вспыхнула с новой силой.

13 октября 1998 года Совет НАТО принял решение о начале бомбардировок Сербии в случае ее отказа принять требования Совета Безопасности ООН о деэскалации косовского конфликта. Правительство Югославии пошло на уступки и сократило военный контингент в Косово, однако напряженность не спадала. Страны Североатлантического Альянса настаивали на введении в Косово многонационального миротворческого контингента, в задачи которого входило бы обеспечения гуманитарных прав населения края.

В феврале 1999 года во французском Рамбуйе стартовали переговоры между официальными властями Югославии и представителями умеренного крыла косовских сепаратистов. Однако, не дожидаясь формального окончания переговоров, НАТО во главе с США приступила к подготовке ракетно-бомбовых ударов по территории Югославии, хотя это и нарушало основополагающие принципы международного права. Операция НАТО «Союзная сила» против СРЮ началась 24 марта и продолжалась до 10 июня. Жертвами натовских авианалетов стали почти две тысячи человек, в основном мирные граждане. При посредничестве России официальный Белград был вынужден согласиться на вывод своих войск из Косово и ввод многонациональных международных сил под руководством НАТО численностью пятьдесят тысяч человек. Согласно резолюции СБ ООН № 1244 Косово формально оставалось в составе Югославии, фактически же край оказался под оккупацией военных сил НАТО и управлением специально созданной гражданской миссии ООН. Двести пятьдесят тысяч сербов и других жителей неалбанской национальности были вынуждены покинуть Косово и Метохию.

¹ Ibid. P. 325.

Несмотря на потерю исторически и духовно важнейшей для сербов части страны, Милошевич и в этот раз удержался у власти. На самом деле, для США и их союзников уже с 1998 года было очевидно, что белградский режим можно убрать лишь насильственным путем. Однако непродолжительное и достаточно эффективное применение высокоточного оружия не привело к желаемому результату. В арсенале возможных мер присутствовала даже идея похищения или покушения на Милошевича, но была отвергнута как трудновыполнимая. В результате летом 1999 года подход к «проблеме Милошевича» был изменен в пользу ненасильственной смены режима, основанной на использовании технологий «мягкой силы».

Операция по отстранению С. Милошевича от власти началась с вербовки югославских официальных лиц и высокопоставленных чинов армии и полиции. Многие из них к этому времени оказались в «черных списках» США и Европейского Союза, въезд в эти страны им был запрещен, а счета в западных банках арестованы. В случае согласия на сотрудничество (или, по крайней мере, нейтралитет) с Западом в деле свержения законного правительства Югославии им предлагали удаление из этих списков, но в ход шло и прямое запугивание Международным трибуналом в Гааге. Надо отметить, что далеко не все представители югославской политической и военной элиты отличались полной лояльностью к режиму, поэтому, как выразился источник из военной разведки Югославии, «иностранцы искали тех, кого можно было либо легко шантажировать, либо купить, либо у кого попросту хватало ума, чтобы понять, что их время подходит к концу»¹.

В этой связи особо следует отметить Й. Станишича, занимавшего до 1998 года пост главы сербской госбезопасности. В «бульдозерной революции» во многом именно он способствовал пассивности на тот момент самого подготовленного, обеспеченного и элитного подразделения Сербии — Отряда специального назначения государственной безопасности («Красных беретов»). Со временем в переговоры включились и офицеры военной разведки югославской армии, которым настоятельно рекомендовали «не стрелять в народ». Ключевой стала встреча в приграничном боснийском селе Лакташи неподалеку от Бая-Луки, которая состоялась буквально за день до переворота, 4 октября 2000 года. Прибывшие на встречу представители югославской военной разведки заверили: «Даже если Милошевич прикажет армии выйти на улицу, Верховное командование не будет ему послушно»².

¹ Цит. по: Marshall T. Shadowplay. Belgrade, 2003. P. 176.

² Цит. по: Тимофеев А.Ю. Хронология одного переворота. К десятилетию событий октября 2000 г. в Сербии // Славянский альманах. 2010. М., 2011. С. 163–164.

Следующим шагом на пути смены режима С. Милошевича, по мысли западных специалистов по ненасильственной борьбе, должно было стать создание единой оппозиционной силы. Оппозиция Милошевичу существовала с первых дней его правления, но она никогда не была консолидированной. В Сербии существовало большое число самых разных партий и движений, которые, несмотря на негативное отношение к правящему режиму, имели серьезные разногласия по политическим и другим вопросам повестки дня, а их лидеры зачастую испытывали взаимную личную неприязнь. Кроме того, вплоть до «бульдозерной революции» властям удавалось действовать на опережении, стравливая оппозиционеров друг с другом, а также применяя к ним меры репрессивного характера вплоть до физической ликвидации неугодных политиков.

Несмотря на трудность задачи, западные политтехнологи начали активную работу по поиску влиятельных оппозиционеров, которые могли бы сцементировать антиправительственную коалицию. Часть из них давно находилась в резкой оппозиции к режиму Милошевича и имела опыт совместных выступлений в ходе «яичной революции» 1996–1997 годов. Однако моральный дух оппозиции был крайне низок. Осенью 1999 года, например, сгруппировавшаяся вокруг Демократической партии оппозиция провела серию митингов «за окончательную смену Слободана Милошевича». Результат был шокирующим. По мнению очевидцев, «во впечатляющем списке промахов оппозиции с 1990 года этот промах стал абсолютнейшим фиаско, катастрофой и невиданным позором. Резонанс был чрезвычайно слабым, но и откликнувшиеся сделали это вяло, без энтузиазма, выходя на митинг словно по привычке, ради ментальной гигиены и гражданской забавы... Малодушие, апатия и безнадежность завладели поределыми колоннами демонстрантов»¹. К концу 1999 года С. Милошевич не только удержался у власти, но и даже укрепил свое положение.

Помощь сербским «революционерам» пришла из-за рубежа. Как пишет сотрудник Американского института мира А. Цеваллос, которого трудно заподозрить в симпатиях к Милошевичу, «рождение объединенной оппозиции смогло произойти только благодаря политической и финансовой поддержке со стороны Запада»². К началу 2000 года западным политтехнологам все же удалось создать единую, но крайне разношерстную оппозиционную коалицию из восемнадцати партий,

¹ Вукадинович Дж. Сербия без Милошевича, или По ком звонит колокол? // Сербия о себе. Ред.-сос. М. Цованович. М., 2005. С. 224.

² Cevallos A. Whither the Bulldozer? Nonviolent Revolution and the Transition to Democracy in Serbia // United States Institute of Peace. Special Report. August 2006. URL: <http://www.usip.org/sites/default/files/sr72.pdf>. P. 4.

получившею название Демократическая оппозиция Сербии (ДОС). В коалицию были включены партии самых различных направлений: радикальные либерал-демократы, христианские демократы, православные монархисты, антикоммунисты, социал-демократы, сепаратисты. Основу коалиции составляли православно-монархистское Сербское Движение Обновления во главе с В. Драшковичем и прозападная либеральная Демократическая партия З. Джинджича. Заметим, что помимо политических разногласий между лидерами партий существовал и взаимный личный антагонизм, особенно это касалось В. Драшковича и З. Джинджича.

После создания подобной искусственной коалиции перед западными политтехнологами встал вопрос о выборе первого лица, которое должно было олицетворять оппозицию и после ее победы сменить у власти С. Милошевича. Специально для решения этой задачи американский Национальный демократический институт по международным делам заказал влиятельной и авторитетной компании по изучению общественного мнения «Пенн, Шон и Берланд» исследование по выявлению профиля человека, который смог бы составить в Сербии конкуренцию Милошевичу на президентских выборах. Было проведено одиннадцать опросов общественного мнения, с помощью которых американские политтехнологи должны были определиться с единой кандидатурой от оппозиции на намеченных на 2001 год выборах главы государства, а также убедить в правильности этого выбора саму оппозицию. Кандидатура должна была обладать определенными параметрами: «... быть националистом; иметь чистое прошлое; это мог бы быть кто-то, кто никогда не имел отношения к режиму или деньгам из-за границы и не был замаран мелкой грызней между лидерами оппозиции». Один из руководителей фирмы, профессор Гарварда и специалист по Сербии Д. Шон лично прибыл в Будапешт на встречу собравшихся там осенью 1999 года сербских оппозиционных политиков и предложил выдвинуть на это место лидера небольшой Демократической партии Сербии Воислава Коштуницу. Негативный рейтинг Коштуницы был значительно ниже, чем у его коллег по оппозиционной коалиции — всего 29%, а позитивный составлял 49%, что давало надежды на успех уже в первом туре¹.

Выбор В. Коштуницы в тех условиях оказался действительно очень удачным. Это был неизвестный широкой публике белградский адвокат с мягкими манерами, занимавший умеренно-националистическую позицию, при этом не участвовавший в течение последних нескольких лет

¹ См.: Op. cit. P.390; Dobbs M. U. S. Advice Guided Milosevic Opposition. Political Consultants Helped Yugoslav Opposition Topple Authoritarian Leader // Washington Post. December 11, 2000. URL: <http://archive.is/20120524123929/www.washingtonpost.com/ac2/wp-dyn/A18395-2000Dec3?language=printer>; Тимофеев А.Ю. Ук. соч. С. 163–164.

в массовых уличных демонстрациях и серьезных политических интригах. Он принадлежал к редкой категории сербских политиков, которые могли похвастаться последовательностью взглядов и неизменной антирежимной позицией и при этом не являлся типичным представителем политического класса Сербии, то есть, не был скомпрометирован персонально. Его партия также была малоизвестна сербскому избирателю во многом по причине небольшой численности (ее называли «фургонной партией», намекая, что все ее члены могут поместиться в один фургон).

По замыслу западных политтехнологов Коштуница должен был стать президентом Югославии, а Джинджич — премьером Сербии, что соответствовало и амбициям первого, и властным устремлениям второго, понимавшего, что Югославия, по сути, обречена как государство, и место премьера Сербии, которая являлась парламентской республикой, имеет многообещающие перспективы.

С этого момента началось мощное информационное давление на режим Милошевича. Национальный демократический институт разработал технологию избирательной кампании коалиции и снабдил ее предвыборной программой. Институт также подготовил тысячи активистов, обучив их тактическим приемам в ходе выборов. США, по сути, управляли избирательной кампанией ДОС. Представитель коалиции заявлял, что ДОС обсуждала с американскими советниками «каждое слово» из своих кратких политических посланий. Соответствующую подготовку прошли парламентские кандидаты и десятки тысяч кандидатов в местные органы управления¹.

В августе 2000 года по инициативе США в Будапеште было открыто специальное бюро для оказания помощи оппозиционным партиям Сербии, среди сотрудников которого было около тридцати специалистов по «политической» войне, участвовавших ранее в спецоперациях во время операций НАТО в Ираке и Югославии². Значительно возросло финансирование оппозиционных правозащитных НПО, СМИ, политических партий, студенческих и молодежных групп. Активизировались международные организации, занимавшиеся вопросами построения демократии в Восточной Европе. Актеры публичной дипломатии (в данном случае уместнее сказать «средства психологической борьбы») США и ЕС — «Голос Америки», «Радио Свободная Европа», ВВС, «Немецкая волна», Агентство «Франс-Пресс» — с утроенной энергией передавали в Сербию с сопредельных стран антиправительственные

¹ Элих Г. Сербия: переворот 2000 года — шаблон для «цветных революций» // Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в постсоветский период. Сборник статей международного авторского коллектива. С. 83.

² Кузьмин В. Роль США в осуществлении «цветных революций» в зарубежных странах // Зарубежное военное обозрение. 2008. № 9. С. 11.

радио- и телепередачи. Причем многие передатчики незаконно использовали те же частоты, что и правительственные станции.

Важнейшим звеном в стратегии по смене режима Милошевича стало создание ударной силы будущей «революции» — молодежных и студенческих антиправительственных движений. Выбор пал на организацию «Отпор», основанную группой сербских студентов в октябре 1998 года. Это была не первая и не единственная в то время подобная группа, однако ее характеризовал намеренный отказ от элитаризма, от которого страдали все прочие интеллигентские кружки. Существенной особенностью была изначальная ориентированность почти исключительно на финансовую и организационную помощь западных стран. Наконец, размытая структура «Отпора» не давала возможности подконтрольным Милошевичу спецслужбам нанести точечный удар и уничтожить организацию. Стойкость активистов перед лицом арестов и насилия со стороны полиции должна была вселить в противников режима уверенность в итоговой победе и побороть их страх перед возможными репрессиями (согласно учению Дж. Шарпа, это являлось необходимым условием и первым шагом на пути успешного ненасильственного сопротивления режиму)¹.

В феврале 1999 года состоялось первое собрание организаторов «Отпора», которое прошло во Дворце молодежи в центре Белграда и собрало чуть более двадцати человек. 20 августа того же года активисты «Отпора» провели в городе Ниш первую яркую публичную акцию. Она была посвящена «празднованию» дня рождения югославского президента; участники разрезали торт на куски, каждый из которых, по мнению организаторов, символизировал одно из преступлений С. Милошевича против сербского народа. Сами лидеры «Отпора» позже отмечали, что только благодаря деятельности, которую они развернули в течение 1999 года, им удалось спустя год создать поистине массовое движение и мобилизовать оппозицию на борьбу с режимом Милошевича².

По инициативе «Отпора» (а точнее их зарубежных кураторов) во втором по величине сербском городе Нови Сад вышла уже упоминавшаяся книга Дж. Шарпа «От диктатуры к демократии». Она была опубликована тиражом в несколько тысяч экземпляров и раздавалась бесплатно, особенно активно в студенческой среде. Вместе с ней неофициально выдавались и несколько страниц фотокопированного приложения — «Методы ненасильственного сопротивления» с подробными инструкциями по противодействию официальным властям.

¹ Cohen R. Who Really Brought Down Milosevic? New York Times Magazine, November 26, 2000 // URL: <http://www.nytimes.com/2000/11/26/magazine/who-really-brought-down-milosevic.html?pagewanted=all>.

² Popovic S., Milivojevic A., Djinovica S. Nonviolent struggle. 50 crucial points. A strategic approach to everyday tactics. Belgrade, 2006. Pp. 47, 69.

С лета 1999 года началось активное финансирование «Отпора» из-за рубежа. По свидетельству сотрудника Агентства международного развития США Д. Прессли, только это агентство выдало представителям «Отпора» несколько сотен тысяч долларов, в первую очередь на баллончики с краской, наклейки, плакаты, листовки и т.д., а также текущие расходы, связанные с арендой помещений, покупкой оргоборудования, оплаты путевых расходов активистам движения. Всего благодаря финансовой помощи из-за рубежа «Отпор» сумел отпечатать шесть тонн пропагандистских материалов. Американский Национальный фонд в поддержку демократии и его дочерние структуры израсходовали несколько миллионов долларов на финансирование «Отпора»¹.

Большое значение уделялось тактической подготовке активистов, с которыми в граничивших с Сербией странах проводились соответствующие обучающие семинары по ненасильственному сопротивлению. Летом 1999 года влиятельный сотрудник Национального фонда в поддержку демократии П. Мак-Карти провел серию встреч с руководством «Отпора» в столице Черногории Подгорице и венгерских городах Сегедин и Будапешт. С октября к этим семинарам подключились сотрудники другого американского «мозгового центра» — Международного республиканского института, которые также несколько раз встречались с лидерами «Отпора» на территории сопредельных государств. В самом начале 2000 года с молодыми «революционерами» по линии Международного республиканского института в Будапеште активно работал один из ведущих специалистов по ненасильственной борьбе с диктатурами Р. Хелви. Под его руководством «Отпор» вырабатывал тактику и стратегию противостояния с режимом Милошевича в соответствии с описанными Дж. Шарпом 198 методами ненасильственной борьбы². Уже после победы «бульдозерной революции» в январе 2001 года один из вожakov «Отпора» Срджа Попович прямо заявил: «Мы благодарны за то, что он (Хелви — А.Н.) сделал для демократии в Сербии»³.

Финансовая, организационная, материально-техническая, информационная и идеологическая поддержка со стороны Запада сделала возможным разрастание, укрепление и превращение еще недавно никому не известной молодежной организации в массовое движение. «Отпор» стремительно набирал силу и к моменту «бульдозерной революции» в октябре 2000 года уже представлял собой разветвленную структуру со скрытым руководством, неприметной, но жесткой иерархией, высокой

¹ Sale R. Op. cit. Pp. 388, 396.

² См.: Cevallos A. Op. cit. P.5; Ильченков П. «Экспресс-революция» в Сербии // Оранжевые сети. От Белграда до Бишкека / отв. ред. Н. А. Нарочницкая. СПб., 2008. С.67-68.

³ Цит. по: Cevallos A. Op. cit. P.5.

степенью внутренней коммуникации и крепкой внутриорганизационной цензурой.

Очень серьезным преимуществом «Отпора» в борьбе с режимом Милошевича, как говорилось выше, была его децентрализованная структура. Во-первых, это не позволяло службам безопасности одним ударом обезглавить движение. Личности руководства были засекречены, и они почти никогда не собирались вместе. Важнейшие стратегические решения принимал узкий круг далеких от глаз общественности лиц: И. Марович (ответственный за связи со СМИ), С. Хомен (контакты с западными кураторами), С. Попович (кадровые вопросы), И. Андрич (разработка слоганов и маркетинг), П. Лечич (логистика и распространение пропагандистских материалов). Во-вторых, «Отпор» открывал свои представительства в самых разных уголках Сербии, куда почти никогда не доходила активность оппозиции. Более того, к открытиям офисов в провинциальных городах привлекались знаменитые личности — певцы, спортсмены, а также представители Сербской православной церкви, что повышало престиж движения в регионах. Стремясь размыть социальную базу режима Милошевича, активисты «Отпора» искали и находили сторонников не только среди своей возрастной группы и профессиональной категории: они присоединялись к митингам пенсионеров, посылали цветы в подарок сотрудникам силовых ведомств на День Армии и т.д. Кстати, как признавался сам Шарп в известном фильме «Революция.com», в отношениях с полицией сербские активисты едва ли не буквально следовали его советам¹.

Благодаря урокам Хелви и других специалистов по ненасильственному свержению законных правительств активисты «Отпора» всегда находились на шаг впереди властей. Надо отметить, что силовые структуры долго вообще практически не замечали (или не хотели замечать) «Отпор», а некоторые сотрудники этих ведомств, втайне симпатизируя движению, делились секретной информацией, что зачастую позволяло избегать провокаций, облав и других преследований в отношении организации. Активисты также пользовались похищенными западными разведками материалами для служебного пользования из министерства внутренних дел Сербии². Вообще, отношение официальных властей к движению «Отпор» можно условно разделить на три неодинаковых по продолжительности периода: с осени 1998 года по весну 2000 года (на «Отпор» практически не обращали внимания); с весны до конца лета 2000 года (резкое усиление давления со стороны властей на членов движения); сентябрь–октябрь 2000 года (парализующее какую-

¹ Революция.com, или США — завоевание Востока. Документальный фильм. Франция, 2007 // URL: <http://www.youtube.com/watch?v=O3QxDgft148>.

² Cevallos A. Op. cit. P.7; Sale R. Op. cit. P. 396.

либо деятельность силовых структур опасение за свое будущее в случае вероятной победы оппозиции). При этом даже на пике противостояния «Отпора» и полиции власти вели себя по отношению к активистам движения сравнительно гуманно; за все время деятельности «Отпора» полиция задержала около двух тысяч человек, большинство из которых было вскоре отпущено¹.

Одним из важнейших факторов популярности «Отпора», конечно, была объективно существовавшая в сербском обществе и умело раздуваемая «независимыми» средствами массовой информации неприязнь к С. Милошевичу. К середине 2000 года он стал восприниматься оппозиционно настроенными гражданами как абсолютное зло, средоточие всех пороков и первоисточник всех бед Сербии в целом и каждого ее конкретного жителя в частности. В таких условиях аудитория «Отпора» перманентно увеличивалась. Будучи надпартийным, движение смогло привлечь под свои знамена представителей самых различных убеждений и членов разных оппозиционных групп. Популистский и расплывчатый лозунг «Отпор — потому, что люблю Сербию» стал воплощением этой широты охвата. Эту особенность протестного характера движения несли и его графическая символика — сжатый белый кулак на черном фоне, заключенный в объединяющий круг. Согласно заявлениям представителей «Отпора», к моменту решающей фазы операции по смене режима Милошевича им удалось основать сто тридцать региональных представительств с общей численностью в семьдесят тысяч членов².

Весьма интересным выглядит социальный состав и политические взгляды последователей «Отпора». Члены движения в основном относились к среднему классу городского населения с невысоким материальным статусом, причем доминировали студенты и школьники с недостаточной степенью прилежания и низкими оценками. Среди участников движения было 61% мужчин и 39% женщин, около трети участников «Отпора» были на пороге совершеннолетия (18 лет) или моложе, 41% попадал в категорию от 19 до 24 лет, остальные были старше. Социальный статус членов движения соответствовал возрастному статусу: 51% студентов, 30% школьников, 5% рабочих, 4% безработных и 3% служащих. Национальный состав почти буквально соответствовал этнической структуре Сербии — 82% членов были этническими сербами. Среди проблем, стоявших перед страной на первое место активисты «Отпора» ставили экономические (38%) и политические (20%) вопросы. Парадоксально, но рядовые члены организации, полностью финансируемой западными державами, были уверены, что «Отпор» существует на средства либо сербской диаспоры, либо Греции,

¹ Тимофеев А.Ю. Ук. соч. С. 171.

² Cohen R. Op. cit.

помощь же неправительственных организаций в общем объеме составляла, по их мнению, всего 6%, а зарубежных стран — вообще только 1%. А среди наиболее враждебных Сербии государств пальму первенства прочно удерживали США (45%) и страны Западной Европы (42%)¹.

Сутью политической деятельности «Отпора» стала ненасильственная борьба против режима. В материалах, раздававшихся активистам движения, содержалось подробное разъяснение данной методики, которая до этого была объяснена лидерам «Отпора» их зарубежными кураторами на семинарах в Венгрии и других странах. В ходе проведения акций их участникам предлагалось действовать в соответствии с наработками Дж. Шарпа — не наносить никому физического вреда, не отвечать ударом на удар, не выражать ненависти к стражам порядка, не носить оружия, не употреблять в ходе акций алкоголь и наркотики, соблюдать партийную дисциплину и т.д. и т.п. При этом большое внимание уделялось тщательному планированию операций. С этой целью «Отпор» проводил самостоятельные высокопрофессиональные социологические исследования на всей территории Сербии, выявляя адресные группы влияния. В результате за год работы было получено около девяти тысяч страниц целевых обзоров, опросов и профилей различных фокусных групп. Как результат — выбор лозунгов и целей кампаний соответствовал массовым настроениям и приносил максимальный эффект.

По признанию самих активистов «Отпора» они четко придерживались определенной стратегии, состоявшей из трех взаимосвязанных компонентов: «генеральной стратегии», «стратегии» и «тактики». Целью «генеральной стратегии» объявлялась победа над режимом Милошевича. Для ее реализации было необходимо создать массовое движение, запустить ряд пропагандистских кампаний, подготовиться к электоральным манипуляциям со стороны властей (в том, что они обязательно состоятся, у членов «Отпора» сомнений не было) и организовать генеральную ненасильственную забастовку с участием всех своих политических союзников. Задачей «стратегии» являлась мобилизация на борьбу с режимом всех оппозиционных сил: молодежи, НПО, оппозиционных политических партий и т.д. Третий блок задач — «тактика» — предполагал яркие, тщательно подготовленные, но финансово не затратные публичные акции, а также тотальный бойкот официальных СМИ. К проведению публичных акций активисты «Отпора» подходили поистине скрупулезно. Ими был разработан специальный план-шаблон для таких мероприятий, включавший шесть последовательных фаз: первая проходила за 10-15 дней до акции, вторая — за 3-7 суток, третья — за 48 часов, четвертая — за 24 часа, пятая про-

¹ Ильченко П. Ук. соч. С. 71-72.

водилась непосредственно в день события, а последняя, шестая фаза, следовала по завершению проекта¹.

С середины 1999 года и вплоть до начала избирательной кампании в июле 2000 года «Отпор» провел целый ряд масштабных эффективных и, как впоследствии выяснилось, эффективных ненасильственных кампаний против действующей власти: «Декларация будущего Сербии» (в ходе кампании собирались подписи в защиту европейского будущего Сербии); «Отпор — потому что я люблю Сербию» (кампания по рекламе символики организации — на многочисленных плакатах появлялись известные сербские актеры, поднявшие правый кулак со слоганом «Привет — кулак»; кампания закончилась в декабре распространением плаката с изображением Деда Мороза, поднимавшего кулак в приветствии и желавшего всем «Нового Отпорного Года»); «Это тот самый год» (кампания стартовала в январе 2000 года, провозглашая наступивший год в качестве последнего года правления Милошевича); «Это лицо Сербии» (кампания была направлена на преодоления страха от репрессий со стороны режима, которые с мая 2000 года начали ощущать на себе молодые оппозиционеры) и ряд других.

К лету 2000 года «Отпор» был уже массовой окрепшей структурой, антимилошевская оппозиция объединена, а сама Сербия, как метко выразился сотрудник Американского института мира А. Цеваллос, окутана сетью неправительственных организаций, созданных в основном на гранты американских Национального фонда в поддержку демократии, Международного республиканского института и Национального демократического института по международным делам.

В этих условиях С. Милошевич, ошибочно уверовав в собственную популярность в народе и слабость оппозиции, решился на весьма смелый политический ход. В июне 2000 года парламент Союзной Республики Югославии принял ряд поправок к конституции, в частности изменив порядок выборов президента — вместо парламента его теперь должны были избирать в ходе всеобщих и прямых выборов. Внешне демократические изменения, по сути, преследовали совсем иные цели, позволяя Милошевичу переизбираться еще на два четырехлетних срока. Кроме того, они резко ослабили позиции 650-тысячной Черногории по сравнению с 7,5-миллионной Сербией². 27 июля 2000 года Милошевич подписал указ о проведении осенью того же года выборов, причем не только в югославский парламент и в местные муниципалитеты, срок для которых уже пришел, но и на пост президента Югославии. Мандат Милошевича истекал лишь летом 2001 года, и он мог бы

¹ Popovic S., Milivojevic A., Djinic S. Op. cit. P. 48, 69.

² Никифоров К. В. Сербия на Балканах. XX век. М., 2012. С. 108.

еще оставаться у власти целый год, но решил назначить выборы на 24 сентября 2000 года.

С этого момента начался последний, решающий период борьбы оппозиции и стоявшими за ней США с режимом Слободана Милошевича. В ее авангарде предсказуемо оказался «Отпор», который запустил две масштабные параллельные кампании — «Пойди и проголосуй!» и «Он готов».

Первая кампания проходила под лозунгом «Время пришло!» и была направлена на активизацию массы молодых избирателей 18–27 лет, критически настроенных по отношению к режиму, но традиционно пренебрегавших посещением выборных участков. На страницах вышедшей в 2006 году книги о деятельности «Отпора» (лучше ее назвать учебно-методическим пособием по ненасильственной смене режима) активисты движения не без гордости отмечали, что в рамках этой кампании они, в отличие от оппозиционных политических партий, с особой тщательностью подходили к отбору и тренировкам активистов. Кроме того, были установлены «продуктивные рабочие отношения» с местными и международными НПО. Все это позволило «Отпору» эффективно проводить экзит-поллы по всем международным стандартам (впоследствии с не меньшим успехом подобные кампании были реализованы в ходе «революции роз» в Грузии и «оранжевой революции» на Украине)¹.

По инициативе «Отпора» и при поддержке ряда неправительственных организаций и ДОС в шестидесяти городах Сербии прошли рок-концерты, привлечшие десятки тысяч молодых жителей страны. На концертах раздавались майки с символикой «Отпора» и кассеты с песней популярного югославского исполнителя Дж. Балашевича «Жить свободно», которая моментально стала суперхитом. Была также проведена акция «Караван звезд», в которой приняли участие известные в мире спорта и шоу-бизнеса граждане Сербии, посетившие пятьдесят три города и призывавшие оппозиционно настроенных сербов прийти на выборы. Для завоевания симпатий среднего и старшего поколения большее значение имело появление пользовавшихся авторитетом работников образования, популярных спортсменов и актеров, которые носили значок или майку, гласившие, что «Время пришло!». Появилась новая эмблема — часы, стрелки которых показывали 23.55 и подпись «Время пришло — 24-09-2000».

Вторая кампания — «Он готов» — должна была отвлечь на себя внимание силовых структур и деморализовать сторонников президента. В ходе нее лицам, симпатизировавшим президенту, а также колебав-

¹ Popovic S., Milivojevic A., Djinic S. Nonviolent struggle. 50 crucial points. A strategic approach to everyday tactics. Belgrade, 2006. P. 56.

шимся пытались внушить мысль о том, что дни режима Милошевича сочтены. Основным методом этой операции было «исправление» официальных агитационных плакатов поддерживавших Милошевича партий путем написания короткого слогана: «Он готов». В результате успешного проведения кампаний «Отпору» удалось нейтрализовать пропагандистскую машину правящего режима и дать возможность объединенной Демократической оппозиции Сербии сконцентрировать усилия на выдвижении позитивной предвыборной программы. Были выведены из апатии все оппозиционные ресурсы и слои сербского общества, все противники Милошевича различного политического спектра. Кроме того, в обществе был создан определенный климат, обстановка накалена до грани массовой истерики. В итоге накануне выборов в сентябре 2000 года вне стен государственных учреждений стало в буквальном смысле слова опасно выражать симпатии к действовавшему президенту¹.

24 сентября 2000 года в Югославии прошли президентские и парламентские выборы. В знак протеста против изменения конституции выборы бойкотировали власти Черногории. Как показали дальнейшие события, в условиях почти тотальной усталости населения от политики Милошевича, решение заручиться поддержкой непосредственно у населения стало его роковой ошибкой. Впервые за долгие годы сербский избиратель получил реальный шанс на что-то повлиять, и сентябрьские выборы неизбежно превратились в своего рода общенациональный референдум о доверии президенту. По сути, население Сербии, дополнительно накаченное пропагандистскими кампаниями «Отпора», было поставлено перед выбором — за или против Милошевича. Все остальные вопросы текущей повестки дня были отодвинуты на второй план.

Как только началось голосование, США (которые не располагали своими наблюдателями на местах) сразу же обвинили правящий режим в фальсификациях и нарушениях избирательного процесса. Этот информационный вброс был подхвачен всеми глобальными СМИ. Нарастало и военно-политическое давление со стороны Запада. Силы НАТО развернули военные учения в соседних с Сербией Болгарии и Румынии. Британский министр иностранных дел Р. Кук прямо заявил накануне событий 5 октября, что Белграду «не стоит забывать о постоянном и значительном присутствии» НАТО по соседству. Активно задействовались и механизмы «мягкой силы». Так, например, всего за неделю до выборов ЕС выпустил «Послание сербскому народу», в котором обещал снять санкции против Сербии только в случае победы В. Коштуницы².

¹ Ильченков П. Ук. соч. С. 76–77.

² Филимонов Г.Ю., Карпович О.Г., Манойло А. В. Ук. соч. С. 381.

25 сентября, не дожидаясь подсчета всех голосов, штаб оппозиционного кандидата объявил о победе. По заявлению оппозиции, которая сумела в тесном контакте с «Отпором» и прозападными НПО подготовить более пятнадцати тысяч работавших на экзит-поллах волонтеров, В. Коштуница набрал 52% голосов при 33% у С. Милошевича. Узнав результаты, Коштуница воскликнул: «Над Сербией встает рассвет»¹.

Победу Коштуницы уже в первом туре признали не только независимые наблюдатели и ДОС, но и другие партии, не входившие в прозападную коалицию, например, радикалы В. Шешеля. Сербская православная церковь призвала Милошевича мирно передать власть новому лидеру страны. Однако в Центральной избирательной комиссии заявили, что ни один из кандидатов не набрал необходимых для победы в первом туре 50%. В ночь с 3 на 4 октября были оглашены официальные результаты, согласно которым Коштуница получил лишь 48,22%, а Милошевич — 40,25% голосов. Второй тур должен был состояться 8 октября 2000 года.

ДОС объявила, что отказывается участвовать во втором туре, поскольку ее кандидат уже одержал победу в первом туре голосования. 26 сентября лидеры оппозиции по главе с З. Джинджичем провели в Белграде секретное совещание, на которое не был приглашен даже Коштуница. В ходе встречи была выработана стратегия противостояния с режимом Милошевича на ближайшие дни, по сути, разработан план свержения законного президента страны. Заговорщики договорились устроить массовые демонстрации в провинции и организовать всенародный марш на Белград. В случае применения оружия со стороны правоохранительных органов было решено отвечать тем же².

29 сентября оппозиция объявила о начале всеобщей забастовки под лозунгом «Закрыто из-за ограбления (на выборах — А.Н.)» Начальные и средние школы, кинотеатры и театры, а также многочисленные частные фирмы торжественно закрылись, вывесив однотипный, напечатанный в одной и той же типографии плакат «Закрыто из-за ограбления». 1 октября к забастовке присоединились шахтеры из расположенного вблизи Белграда угольного бассейна Колубара. На следующий день забастовка действительно стала всеобщей. Коштуница заявил, что массовые демонстрации не прекратятся до тех пор, пока С. Милошевич не признает свое поражение на выборах.

Кульминация событий должна была произойти в ходе митинга в центре Белграда, назначенного противниками действовавшей власти на 5 октября. Все это время лидеры оппозиции проводили активные консультации с руководителями армии и полиции, требуя от них

¹ Цит. по: LeBor A. Milosevic. New Haven, 2005. P. 207.

² Sale R. Op. cit. P. 404.

не применять силу против безоружных демонстрантов. Одновременно разрабатывался детальный план перехвата власти у Милошевича. Как признавался позже один из оппозиционных лидеров, антиконституционный переворот только внешне выглядел как спонтанное народное выступление на улицах Белграда; на самом деле «революция» была тщательно спланирована и больше напоминала военную операцию¹. Из провинции на Белград должны были выдвинуться заранее сформированные колонны автобусов и грузовиков. Основную ударную силу в самой столице составляли безоружные активисты «Отпора» (хотя у «революционеров» было и относительно небольшое — несколько сотен человек — вооруженное крыло, готовое применить насилие против органов правопорядка и сторонников законного режима в любой момент²).

Как говорилось выше, в начале октября на территории Боснии состоялась встреча высокопоставленных представителей военной разведки Югославии со своими коллегами из НАТО. Сербская сторона подтвердила, что армия СРЮ откажется подчиняться приказу о мобилизации в случае попытки государственного переворота; лидеры оппозиции были немедленно проинформированы об этом³. В ночь перед переворотом Джинджич также проводил интенсивные консультации с руководителями силовых структур Сербии. Особое значение имела его тайная встреча с командиром Отряда специального назначения государственной безопасности Сербии («Красных беретов») М. Луковичем (Улемком), в ходе которой последний заявил, что «не собирается стрелять в людей ради человека, который украл выборы»⁴.

Тем временем Милошевич выступил с обращением к нации по телевидению. Он заявил: «Я считаю своим долгом предупредить о последствиях деятельности, которую поддерживают и финансируют страны НАТО... Каждому должно быть ясно, что они нападают не на Сербию из-за Милошевича, а на Милошевича из-за Сербии»⁵. Однако никаких серьезных мер по предотвращению переворота югославский президент и его команда так и не предприняли.

Рано утром 5 октября из провинциальных центров в направлении Белграда выдвинулись десятки и сотни единиц автотранспорта с протестующими, объединенные в пять колонн. Самая большая из них

¹ Цит. по: Cevallos A. Op. cit. P. 9.

² См.: Ash T.G. “The Last Revolution” // New York Review of Books. October 19, 2000. P.12; Cevallos A. Op. cit. P. 2.

³ Marshall T. Shadowplay. Belgrade, 2003. Pp. 209–210.

⁴ Bujosevic D., Radovanic I. The Fall of Milosevic: The October 5 Revolution. L., 2003. P. 28.

⁵ The Fall of Milosevic. Chapter 3: Finished. Документальный фильм. Великобритания, 2001. <https://www.youtube.com/watch?v=1U54X7h8Ydg>.

состояла из пятидесяти двух автобусов, двухсот тридцати грузовиков, нескольких сотен автомобилей, десяти тысяч человек и растянулась на шестьдесят пять километров. Полиция, не желавшая использовать оружие, пропускала «революционеров».

В самом Белграде был организован заранее запланированный митинг против манипуляций на выборах, послуживший катализатором массовых волнений. Согласно свидетельствам очевидцев, на улицы столицы Югославии вышло более пятисот тысяч человек, как белградцев, так и жителей других городов¹. Теоретически Милошевич располагал достаточным количеством сил, чтобы разогнать демонстрантов, но в решающий момент полиция и армия, по сути, отказались подчиняться его приказам или просто не выполняли их должным образом.

Основная масса демонстрантов сосредоточилась на центральной площади Белграда перед Народной скупщиной. В полдень, не дожидаясь концентрации основных сил, она попыталась с ходу занять здание парламента, однако уже на ступеньках была отбита полицией с применением дубинок и слезоточивого газа. Через несколько часов была совершена вторая попытка, на этот раз удачная. Активисты «Отпора» смогли ворваться в здание при помощи бульдозера и разблокировать входные двери, после чего остановить восставших уже не представлялось возможным. Спустя полчаса символ государственной власти Сербии оказался под контролем оппозиции.

Сыгравший ключевую роль в штурме Скупщины бульдозер принадлежал фермеру Любиславу Джокичу, который прибыл из провинциального города Чачак на антипрезидентский митинг, так как был уверен, что коррумпированный режим Милошевича был виновен в банкротстве его цементно-песочного бизнеса. Этот ярко-желтый бульдозер и дал название сербской «революции» 5 октября 2000 года.

После взятия парламента опьяненная успехом толпа двинулась к зданию редакции Государственного радиотелевидения Сербии, которое также было захвачено (вновь при непосредственном участии бульдозера Джокича) и сожжено. Только в этот момент впервые началось применение табельного оружия со стороны сил правопорядка; однако это был ничего не решающий жест отчаяния одинокого полицейского, пытавшегося неприцельными выстрелами остановить наседавшую на него массу людей.

Поняв, что сил одного МВД недостаточно, Милошевич приказал главе Генерального штаба генералу Павковичу принять меры, так как «...подожжен государственный символ... Подожжен, но жертв нет...» — хладнокровно ответил Павкович. «Ты не выполнил ни одного моего приказа», —

¹ Антонич С. Пятое октября и перспективы демократизации Сербии // Сербия о себе. Ред.-сос. М. Цованович. М., 2005. С. 256.

не повышая тона, закончил разговор президент Югославии. В половину шестого вечера в центре Белграда появились «Красные береты». Несмотря на враждебные действия толпы, спецназовцы не стали применять против демонстрантов силу. Прибыв к зданию телецентра, командир спецназа Улемек, сняв маску и подняв три пальца в сербском национальном приветствии, заявил: «К чему все это, братья? Не стреляйте!»¹. Когда в его рации раздался голос Милошевича, Лукович демонстративно и под восторженное скандирование народа разбил ее об асфальт. После этого отряд спецназа убыл в неизвестном направлении.

Отказ главы Генштаба и командира «Красных беретов» силой подавить мятеж стал переломным моментом «бульдозерной революции», предопределив победу оппозиции. В шесть вечера прекратил работу штаб МВД, координировавший борьбу с массовыми беспорядками. В центре города начались погромы торговых точек, полицейских участков и офисов проправительственных партий. В эфире появилось телевещание под руководством победивших оппозиционеров. Поздно вечером 6 октября после переговоров Милошевича и Коштуницы югославский президент выступил по национальному телевидению и признал свое поражение на выборах. За исключением двух случайных жертв «бульдозерная революция» закончилась бескровной победой оппозиции.

Практически сразу после победы «бульдозерной революции» между лидерами оппозиции — В. Коштуницей и З. Джинджичем — начались разногласия. Более успешным в аппаратной борьбе оказался новый премьер-министр Джинджич, которому удалось сконцентрировать в своих руках основные рычаги власти и финансовые потоки в стране. 28 июня 2001 года правительство Сербии с нарушением югославских законов и против воли Конституционного суда выдало Гаагскому трибуналу С. Милошевича, арестованного еще в апреле по обвинению в коррупции и расправах над политическими оппонентами. В новом демократическом руководстве произошел первый серьезный конфликт: в знак протеста возглавляемая Коштуницей Демократическая партия Сербии вышла из единой парламентской фракции ДОС, а чуть позже ее представители покинули правительство Сербии.

На самом деле, за борьбой двух личностей за власть стоял выбор между двумя внешнеполитическими концепциями развития новой Сербии — национально ориентированной и прозападной. И если ДОС во главе с Джинджичем проводил ярко выраженный курс на сближение с США и ЕС, то Коштуница больше опирался на традиционные сербские ценности.

В 2003 году произошло дальнейшее ослабление связей между Сербией и Черногорией — в феврале вместо Союзной Республики Югос-

¹ Sale R. Op. cit. P. 413.

лавия был образован Государственный Союз Сербии и Черногории (он просуществовал до 5 июня 2006 года, когда Черногория окончательно стала независимым государством). Коштуница оказался президентом без государства. Казалось, Джинджич стал единоличным правителем в стране, но 12 марта 2003 года он был застрелен неизвестным снайпером прямо в холле Дома правительства Сербии. Интересно, что в убийстве были обвинены члены «Земунского клана» и «Красных беретов» во главе с Луковичем-Улемекком. После гибели Джинджича позиции созданной им коалиции начали быстро слабеть. Новый премьер-министр З. Живкович оказался гораздо слабее своего погибшего предшественника. Никаких кардинальных изменений к лучшему в Сербии не произошло. Более того, обещанная Западом за выдачу Милошевича финансовая помощь так и не дошла до адресатов.

17 февраля 2008 года албанские сепаратисты в Косово в одностороннем порядке провозгласили независимость, которую признало почти сто государств, включая США и ведущие страны Европейского Союза. И если при Милошевиче сербам было навязано соглашение, при котором Косово юридически и формально оставалось все же частью Сербии, то после «бульдозерной революции» и семи лет демократического правления сербы окончательно потеряли 20% своей исторической территории.

В целом, на протяжении целого десятилетия после окончания bipolarной конфронтации Сербия неизменно становилась мишенью для атак Запада. Свержение Милошевича произошло на фоне активного давления извне: экономического (западные санкции), военно-политического (войска НАТО по периметру сербских границ), информационного (пропагандистское иновещание). Спустя несколько месяцев после переворота 5 октября 2000 года бывший посол США в Хорватии прямо заявил: «Редко можно увидеть, чтобы так много энергии, энтузиазма, денег, всего шло куда-либо, как это было в Сербии за несколько месяцев до ухода С. Милошевича»¹. Финансовое участие Запада в смене режима в Сербии оценивается в несколько десятков миллионов долларов. Американский политолог Г. Элих, например, отмечает, что только в течение предшествовавшего выборам года США пополнили бюджет оппозиционных партий на тридцать пять миллионов долларов, Европейский Союз выделил на нужды оппозиционных СМИ шесть миллионов и еще девять миллионов долларов выделила непосредственно Германия². Если к этому добавить денежные вливания, которые шли на поддержку «Отпора» и обеспечение нейтралитета сторонников Милошевича через разнообразные частные фонды и неправительствен-

¹ Cohen R. Op. citl.

² Элих Г. Ук. соч. С. 84.

ные организации, а также по линии разведслужб, то получается весьма значительная сумма, особенно для небогатой Сербии, где среднемесячная зарплата составляла всего сорок долларов.

Непосредственный участник белградских событий 5 октября С. Антонич позже признавал, что «поскольку большая часть населения Сербии была доведена практически до нищенства, а все остальные финансовые источники для оппозиционеров внутри страны Милошевич успешно перекрыл, протестному движению просто ничего другого (кроме финансирования из-за рубежа — А.Н.) не оставалось»¹. В результате, западного финансирования вполне хватило для создания объединенной оппозиции, молодежного движения «Отпор», прозападных неправительственных организаций и СМИ, которые, вооружившись американскими технологиями «мягкой силы», сумели сокрушить непоколебимый на протяжении тринадцати лет режим Слободана Милошевича.

Решающую роль в падении режима, на наш взгляд, действительно сыграли технологии «мягкой силы», примененные США и их европейскими союзниками. По сути, Сербия оказалась в роли некоего испытательного полигона для «цветных революций». Активисты «бульдозерной революции» были обучены лучшими западными специалистами в области ненасильственной борьбы. Полученные таким образом навыки были применены как в ходе антиправительственных кампаний в 1999–2000 годах, так и непосредственно в ходе переворота 5 октября 2000 года. Как показала практика, Милошевич явно недооценил комплексный потенциал этой угрозы и в результате проиграл.

Более того, различные инструменты и технологии ненасильственной смены режима и их комбинации, примененные в ходе «бульдозерной революции» в Сербии, были затем с успехом апробированы в странах постсоветского пространства и арабского Магриба.

¹ Антонич С. Ук. соч. С. 271.

Глава 5

«РЕВОЛЮЦИЯ РОЗ» В ГРУЗИИ

Современная Грузия появилась на политической карте мира в 1991 году в результате распада СССР. Однако независимость не привела к процветанию страны, напротив, за очень короткий исторический промежуток времени самая цветущая и богатая из всех советских республик превратилась в нищее, отсталое и расколотое государство. Ситуация усугублялась разразившейся в начале 1990-х гражданской войной и рядом межнациональных конфликтов, в ходе которых страна де-факто потеряла 20% своей территории. В результате Грузия оказалась на грани политической и социально-экономической катастрофы.

Весной 1992 года Грузию возглавил бывший первый секретарь Грузинской ССР (1972–1985) и министр иностранных дел Советского Союза (1985–1990) Эдуард Шеварднадзе. В качестве председателя Государственного Совета Грузии ему удалось положить конец гражданской войне и в некоторой степени стабилизировать ситуацию в стране. После проведенных в 1995 году парламентских выборов он был официально избран президентом. В том же году была принята первая конституция независимой Грузии, которая определяла ее как страну демократического капитализма.

В начале своего правления Шеварднадзе, безусловно, был популярен в грузинском обществе; с его именем связывали надежду на преодоление разрухи и успешное развитие страны в качестве процветающего демократического государства. На практике, однако, все оказалось иначе. В политическом плане режим Шеварднадзе достаточно быстро превратился в оригинальную смесь элементов демократической бюрократии, олигархии и посткоммунистической клановой системы. По мнению грузинского историка Ю. Сулаберидзе, созданная «отцом грузинской демократии» система оказалась худшим аналогом таковой в государствах, образованных после распада СССР. Она была неэффективной, несамодостаточной и не обеспечивала основных потребностей постсоветского общества¹. Постепенно укрепляя собственную власть, Шеварднадзе ослаблял демократические институты, обещанные

¹ Сулаберидзе Ю. К характеристике «революции роз»: природа политического раскола // Центральная Азия и Кавказ. № 1(49), 2007. С. 85.

им грузинским гражданам. Вся политическая и экономическая власть сконцентрировалась в руках клановых структур, а политические институты — парламент, партии, неправительственные организации — скорее представляли собой декорации демократии, чем выполняли реальные функции¹. Основным механизмом консолидации режима стали электро-ральные манипуляции.

Во всех эшелонах власти процветала тотальная коррупция. Самыми успешными «предпринимателями» становились члены семей чиновников высокого ранга и лиц, занимавших высшие государственно-политические посты (особого успеха на этом поприще добились тесты и тещи госслужащих, так как их фамилии не совпадали с фамилиями чиновников и их жен). Непосредственно сам Шеварднадзе никак в коррупции не участвовал, однако его ближайшие родственники стали символами элитарной коррупции и распространили свое влияние на все прибыльные отрасли грузинской экономики. Грузия стала транзитной страной для всякого рода нелегальных товаров. Коррупция полностью развела сферы образования и здравоохранения. В казармах грузинской армии собиралось не более 10–15% контингента призывников, все остальные откупались от военной службы. Значительная часть мизерного бюджета разворовывалась армейскими чиновниками, которые, к тому же, нещадно грабили и распродавали оставшуюся после советских времен армейскую инфраструктуру и имущество. Наркомания стала бедствием национального масштаба. Государственные структуры перестали выполнять свои функции, более того, именно они, в первую очередь силовые структуры и судебная система, стали наибольшей угрозой для грузинской государственности. Гигантская коррупция и неэффективное государственное управление, разумеется, самым негативным образом отражались на социально-экономическом положении рядовых граждан Грузии.

На международной арене официальный Тбилиси также не мог похвастаться какими-либо достижениями. «Замороженные» грузино-осетинский и грузино-абхазский конфликты являлись серьезными дестабилизирующими факторами в отношениях Грузии с Российской Федерацией. Однако в сложившихся условиях Шеварднадзе все же был вынужден идти на взаимодействие с Москвой, при этом всячески повышая градус антироссийской риторики, изображая Грузию жертвой экспансии со стороны «русского империализма» и одновременно перспективным буфером и преградой этому натиску, рассчитывая получить геополитические бонусы от традиционных внешнеполитических конкурентов России на Западе.

¹ Гахокидзе Э. Грузия: политические партии до и после «революции роз» // Центральная Азия и Кавказ. № 2(38). 2005. С. 67.

Реальная помощь со стороны западных стран стала оказываться лишь с 1997 года, когда американская администрация объявила, что черноморский и каспийский регионы входят в зону жизненных интересов Соединенных Штатов¹. Американский исследователь Дж. Верч в 2006 году указывал на две причины, которые, по его мнению, привели к «столь пристальному вниманию» Запада к Грузии: роль в геополитике нефти и газа, с одной стороны, и возможности Грузии как модели демократии и становления гражданского общества — с другой². Представляется, что основным мотивом американской политики на этом направлении являлся все же первый, а «демократизация» страны выступала лишь инструментом для достижения геополитических целей США в регионе. В 2004 году американский экономист У. Энгдаль писал, что еще со времен администрации Клинтона Вашингтон поддерживал все инициативы по строительству независимого от влияния России нефтепровода от Баку через Тбилиси и Черное море в турецкий Джейхан³. Действительно, активизация США на данном направлении на самом деле была связана с развитием проекта трубопровода Баку-Тбилиси-Джейхан, что и является ключом к пониманию роли Грузии во внешнеполитических планах Белого дома на рубеже 1990-х — 2000-х годов. Наконец, вовлекая Грузию в орбиту собственного влияния, Америка не в последнюю очередь стремились минимизировать российское влияние в Закавказье.

Проводя антироссийскую политику, заручившись политической и финансовой поддержкой США, команда Шеварднадзе навязывала гражданам своей страны проект национальной идеи, предполагавший безальтернативный путь интеграции Грузии в западное сообщество. При этом Шеварднадзе оставался верен своей тактике лавирования между Россией и Западом, что вызывало недовольство как в Москве, так и в Вашингтоне (американские элиты были также возмущены фактами вопиющей коррупции грузинской правящей элиты и нецелевого расходования западных инвестиций, в которое было вовлечено окружение президента).

Основной опорой Шеварднадзе на тот момент являлись финансируемые США группы политической элиты, часть националистически настроенной интеллигенции, коррумпированное чиновничество, а также подконтрольные президенту спецслужбы и криминальный биз-

¹ Данилин И. В. Политика США в Закавказье (1991-2004 гг.) // Кавказский сборник. Том 1 (33). М., 2004. С.303.

² Верч Дж. Грузия после «революции роз» // Кавказ & Глобализация. Том 1(1), 2006. С. 63.

³ Engdahl W. A Century of War: Anglo-American Oil Politics and the New World Order. L., 2004. P. 272.

нес. Прикрываясь демократической риторикой, режим Шеварднадзе эволюционировал в стандартную постсоветскую автократию восточно-патерналистского типа, окрашенную национально-историческими особенностями — этноцентризмом, эгоизмом и преданным служением «хозяину» отделенной от общества государственной бюрократии¹.

Однако по мере исчезновения чрезвычайных обстоятельств и последствий гражданской войны, что ранее позволяло Шеварднадзе мобилизовать разнообразные властные группировки в единый фронт на приемлемой для них идеологической базе, потребность в сохранении элитами абсолютной лояльности президенту отпадала. Кроме того, в политическом классе Грузии назревала смена поколений: во второй половине 1990-х годов в окружении Шеварднадзе сформировалась группа «младореформаторов». Молодые интеллектуалы, общественники, бизнесмены и политики, в основном получившие образование на Западе, стали все активнее проникать во все слои правящего истеблишмента. Первоначально обделенные властью «младореформаторы» пытались убрать с политической арены старую партократию. Пользуясь поддержкой западных покровителей и не встречая противодействия со стороны президента, они постепенно стали доминирующей идейной силой в Грузии.

Более того, наиболее видные представители реформистского крыла вошли в число лидеров коалиционной партии, созданной для поддержки политики Эдуарда Шеварднадзе, — «Союза граждан Грузии»². Именно по спискам «Союза граждан Грузии» впервые был избран в парламент молодой публичный политик Михаил Саакашвили, будущий лидер «революции роз» (красная роза была выбрана символом оппозиции для демонстрации своего отличия от правящего режима, погрязшего, по их мнению, в насилии, обмане и коррупции; также этот национальный цветок ассоциировался с полотнами выдающегося грузинского художника Нико Пиросмани). В «Союз граждан Грузии» входили и два других участника будущего «революционного» триумvirата — Зураб Жвания (являлся спикером парламента в 1995–2001 годах, затем покинул пост и перешел в оппозицию) и Нино Бурджанадзе (заняла пост Жвания в парламенте, перешла в оппозицию к режиму Шеварднадзе в 2003 году). Складывание оппозиции, таким образом, происходило в рамках той самой силы, которая обеспечила для Шеварднадзе легитимизацию его пребывания в статусе лидера Грузии. Получился весьма интересный исторический парадокс: та часть политического класса

¹ Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М, 2003. С. 362–363.

² Мурванидзе Б. Ю. Россия и США в ориентирах внешней политики Грузии в период президентства Эдуарда Шеварднадзе. Дисс. на соискание ученой степени к.и.н. Иваново, 2009. С. 105.

страны, которая для президента играла роль «фасада» процесса демократизации, в итоге путем неконституционного государственного переворота и свержла своего патрона.

Начиная с 1997 года «реформаторы» получили посты в правительстве, отчего конфликты между различными властными группами были перенесены в поле реальных социально-политических процессов. «Силовики», являвшие собой финансовую олигархию, противостояли «реформаторам», а Шеварднадзе играл роль стоявшего над схваткой «отца нации». И если первые обладали реальной экономической силой, то вторые получили своеобразную монополию на использование прозападной риторики¹. Они апеллировали как к славному историческому прошлому страны, так и к перспективному будущему, выдвигая на первый план приоритет именно европейских духовных и политических ценностей. Шеварднадзе, напротив, проявлял все меньше активности на ниве государственного строительства, проведения политических и экономических реформ, чему в немалой степени способствовало покушение на его жизнь в феврале 1998 года (тогда реактивный снаряд прошел бронированный «мерседес» президента по всей длине, террористы окружили кортеж, и в центре Тбилиси завязался настоящий бой, в котором погибли два офицера охраны)².

XXI век Грузия встретила в состоянии глубочайшего системного кризиса. Власть имела чрезвычайно слабый и даже аморфный характер, ключевые государственные институты функционировали крайне неэффективно. Уровень эффективности госорганов и доверия общества к ним был минимален. Правоохранительная система в нормальном режиме не функционировала. В стране, по сути, сформировалась неопатримониальная модель с высоким уровнем коррупции, слиянием публичной и частной сфер, доминированием связей «патрон-клиент», кумовством, превалированием неформальных практик по отношению к установленным процедурам³. Были проиграны начатые из Тбилиси войны в Южной Осетии и Абхазии, ряд других регионов (например, не платившая в госбюджет налогов Аджария) не контролировались полностью центральными властями. Усилились криминальные группы и кланы. Во внешней политике Э. Шеварднадзе делал взаимоисключающие намеки и даже обещания: при сохранении диалога с Москвой и наличии на территории Грузии российских военных баз именно

¹ Бакрадзе М., Кисилев А. Истоки «грузинской революции» // Независимый информационный проект «Номад». URL: <http://www.nomad.su/?a=2-200409070021>.

² Мамрадзе П. Шипы «революции роз». От несостоявшегося государства — к поддельному: опыт борьбы с коррупцией в Грузии // Отечественные записки. 2012. № 2(47). С. 248.

³ Токарев А. Влияние государственности на эволюцию политических режимов Грузии и Украины в 1991–2014 годах. М., 2015. С. 254.

он начал системную и последовательную раскрутку идеи о необходимости и целесообразности вступления страны в НАТО.

Как экономический субъект Грузии фактически перестала существовать. Страна занимала одно из первых мест на постсоветском пространстве по развитию теневой экономики и одно их последних — по доле государственных доходов в национальном валовом продукте. Размер пенсии составлял чуть более шести долларов США в месяц. Более половины населения Грузии жило за чертой бедности, лишь 12,6% граждан получали зарплату или имели другой регулярный источник дохода; задолженность по выплате пенсий составляла до полутора лет. Безработица зашкаливала, причем самый большой уровень безработицы приходился на население в возрасте 20-24 лет и на людей с высшим образованием. Население получало электроэнергию не больше семи-восьми часов в сутки. Из страны в поисках лучшей доли к началу «революции роз» выехало около миллиона человек¹. Неудивительно, что в этих условиях в Грузии накопилось крупное общественное недовольство по отношению к проводимой государством политике практически во всех сферах жизнедеятельности.

Несмотря на то, что все провалы и неудачи власти персонифицировались непосредственно с личностью грузинского президента, в апреле 2000 года Э. Шеварднадзе был переизбран на пост президента, получив 80% голосов! Для него это был последний разрешенный по конституции президентский срок. В условиях коррумпировано-клановой системы правления в политической элите Грузии началась активная борьба за потенциальное политическое наследство стареющего президента. На этом фоне особенно выделялся М. Саакашвили — яркий представитель прозападно настроенных членов грузинской политической элиты из числа «младореформаторов». В первой половине 1990-х годов Саакашвили прошел обучение в нескольких высших учебных заведениях США (входящих в «Лигу плюща») и Западной Европы (именно здесь состоялось его знакомство с будущей супругой — специалистом по правозащитной тематике поданной Нидерландов Сандрой Рулофс). Затем он работал в норвежском Институте прав человека в Осло, а позднее, уже будучи сотрудником авторитетной нью-йоркской юридической фирмы «Patterson, Belknap, Webb & Tyler», был привлечен для оказания поддержки официальной грузинской делегации в ходе визита в США. После этого будущий лидер «революции роз» вернулся в Грузию и занялся политической карьерой. Своему стремительному карьерному взлету Саакашвили был полностью обязан президенту Шеварднадзе. Как говорилось выше, именно по спискам пропрезидент-

¹ Иррегулярные конфликты: «цветные революции». Анализ и оценка форм, приемов и способов ведения операций по смене режимов в суверенных государствах. С. 75.

ской партии «Союз граждан Грузии», победившей на парламентских выборах 1995 года, он прошел в парламент, где занимал ряд высоких должностей. В октябре 2000 года Шеварднадзе назначил Саакашвили министром юстиции.

Спустя год после своего назначения М. Саакашвили оказался в центре грандиозного скандала. В начале сентября 2001 года на заседании правительства он представил Шеварднадзе законопроект о конфискации незаконно нажитого имущества и предъявил фотографии выстроенных грузинскими чиновниками дворцов. Персонально указав на конкретных коллег, принадлежавших преимущественно к блоку «силовики», он заявил, что «речь идет о нескольких сотнях чиновников и их ближайших родственниках»¹. Нацеленный на самом деле на дальнейшую дискредитацию Шеварднадзе демарш Саакашвили привел к его отставке, но позволил создать вокруг опального экс-министра ореол непримиримого борца с коррумпированным режимом.

Практически сразу после отставки, в октябре 2001 года, при поддержке структур Фонда Сороса в Грузии Саакашвили создал собственную политическую партию — «Единое национальное движение». Новая оппозиционная сила выступала за проведение политических и экономических реформ, вступление Грузии в НАТО и ЕС, восстановление контроля Тбилиси над Южной Осетией и Абхазией. Благодаря громким и популистским лозунгам, радикальным заявлениям, активной работе с населением в различных районах Грузии (а не только в столице), а также личной харизме Саакашвили численность его партии всего за несколько месяцев выросла до двадцати тысяч человек.

На муниципальных выборах в июне 2002 года правящий «Союз граждан Грузии» потерпел поражение, набрав в общей сложности по всей стране только 14% голосов. Политические противники президента, включая «Единое национальное движение» Саакашвили, напротив, добились существенных успехов. Под лозунгом «Тбилиси без Шеварднадзе» оппозиция одержала уверенную победу на выборах в сакребуло (муниципалитет) Тбилиси, а «Союз граждан Грузии» даже не смог преодолеть пятипроцентный барьер, не получив ни одного мандата.

Завоевав большинство мест в городском законодательном органе, будущие «революционеры» получили в свое распоряжение мощный ресурс в виде поддержки населения грузинской столицы (где проживало более трети населения страны). Председателем тбилисского сакребуло был избран М. Саакашвили, чей рабочий кабинет теперь располагался всего в нескольких сотнях метрах от Государственной канцелярии — основной структуры исполнительной власти Грузии. Можно

¹ Цит. по: Весел Р. Новый президент новой Грузии // Информационный сайт «Главред». www.glavred.info/archive/2004/01/15/145020-1.html.

согласиться с утверждением Э. Гахокидзе, что именно с этого периода началась подготовка «революции роз». Лозунги и обещания оппозиции не имели ничего общего с городским самоуправлением и муниципалитетом, однако ввиду приближавшихся парламентских (2003 год), а затем и президентских (2005 год) выборов политические силы уже тогда начали готовиться к борьбе за власть. И почти ни у кого не возникло сомнения, что на предстоящих выборах в парламент должна победить именно оппозиция¹.

К этому времени оппозиция уже получала поддержку из-за рубежа. Уже в 1992 году в Тбилиси было открыто представительство Агентства международного развития США. С середины десятилетия Грузия значилась второй в строке расходов финансовых средств для развития демократии. Грузинское государство стало получать беспрецедентное по объемам финансирование программ публичной дипломатии США. К 2002 году только американским Конгрессом было выделено более миллиарда долларов на различные программы сотрудничества с Грузией, в том числе на укрепление гражданского общества и развитие демократии². Усилиями Вашингтона в Грузии было создано особое образовательное учреждение — Грузинский Институт государственного управления, осуществлявший отбор и обучение будущих госслужащих. Параллельно с этим при поддержке созданного ранее Грузинского фонда в области стратегических и международных отношений шло формирование элиты грузинской армии и сообщества экспертов, которые были ориентированы на партнерство с США. Содействие «демократизации» Грузии со стороны Вашингтона выражалось также в финансировании избирательной реформы, внедрении практики параллельного подсчета голосов и стимулировании электорального мониторинга, осуществляемого силами НПО.

Помощь оппозиции в самых разных сферах деятельности оказывали западные неправительственные структуры: Агентство США по международному развитию, Институт «Открытое общество» (Фонд Сороса), Национальный фонд поддержки демократии, «Фридом Хаус», Международный республиканский институт, Национальный демократический институт США по международным делам³. По мнению американского исследователя К. Вейнтрауба, цели прозападных НПО были достаточно

¹ Гахокидзе Э. Ук. соч. С. 70.

² Nichol J. Coup in Georgia [Republic]: Recent Developments and Implications // CRS Report for Congress. December 4, 2003. <https://www.justice.gov/sites/default/files/eoir/legacy/2013/06/13/Coup%20in%20Georgia.pdf>. P.6; Теленьга М.П. Публичная дипломатия США и безопасность суверенного государства (на примере «революции роз» в Грузии 2003 года) // Историческая и социально-образовательная мысль. Том 8. № 3/2. 2016. С. 87.

³ Аршев А. Ук. соч. С. 112.

прозрачны: «создать обстановку нестабильности в стране, свергнуть грузинское правительство и установить на длительный период времени антироссийский режим, настроенный на тотальную приватизацию»¹. Одной из самых влиятельных неправительственных структур, работавших на смену политического режима, был основанный Дж. Соросом грузинский Институт Свободы во главе с молодым журналистом Л. Рамишвили. Институт был основан еще в 1996 году и существовал на гранты собственно Фонда Сороса, а также Фонда «Евразия» (осуществлявшего свою деятельность при поддержке АМР США). Уже будучи отстраненным от власти, Шеварднадзе, признаваясь в том, что долгое время поддерживал с Соросом хорошие отношения, прямо заявлял, что «Фонд Джорджа Сороса ...вложил весьма значительные финансовые средства в кампанию, развернутую против меня»². По данным американских исследователей для свержения Шеварднадзе Сорос выделил через подконтрольные ему структуры 42 миллиона долларов США³.

Западные неправительственные организации финансировали оппозиционных кандидатов и политические партии, обучали активистов участию в акциях протеста, оказывали методическую помощь отдельным избирательным штабам, консультировали кандидатов и их доверенных лиц, взаимодействовали с местными и международными наблюдателями. Систематическая работа по всем возможным направлениям канализировала и направляла массовое недовольство против личности Шеварднадзе и его окружения⁴.

Важным политическим ресурсом для противников Шеварднадзе стало созданное весной 2003 года молодежное движение «Кмара» («Хватит»). «Кмара» представляла собой внепартийную организацию с горизонтальной структурой. Основой «Кмары» стало появившееся за три года до этого локальное молодежное объединение в Тбилисском государственном университете, выступавшее против коррупции. Позд-

¹ Weintraub C. American Revolutions in Georgia and Ukraine: An Analysis of the Role of Public Relations and NGOs in the Political Regimes' Change in the Post-Soviet Space // Государственное управление. Электронный вестник Выпуск № 33. Август 2012 г. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2012/vipusk_33_avgust_2012_g/kommunikazionnii_menedjment_i_strategicheskaja_kommunikazija_v_gosudarstvennom_upravlenii/weintraub.pdf. P. 2.

² Шеварднадзе Э. Когда рухнул железный занавес. Встречи и воспоминания. М., 2009. С.27.

³ Weintraub C. Op. cit. P. 2.

⁴ См.: Jones S. Georgia's «Rose Revolution» of 2003: Enforcing Peaceful Change // Civil Resistance and Power Politics: The Experience of Non-violent Action from Gandhi to the Present. Ed. by Roberts A., Garton T. Oxford & New York, 2009. Pp.317-334; Antelava N. How to stage a revolution // BBC News. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/3288547.stm>.

нее подобные объединения возникли в других учебных заведениях, а лозунги стали носить общенациональный и антирежимный характер. Затем к ним присоединились активисты Студенческого движения Грузии, которые участвовали в проводившейся осенью 2001 года кампании в поддержку притесняемой властями телекомпании «Рустави-2». Первой публичной акцией «Кмары» стал марш 14 апреля 2003 года пяти сотен студентов Тбилисского университета к Государственной канцелярии. Мероприятие было приурочено к годовщине студенческой демонстрации 1978 года (тогда первый секретарь компартии Грузии Шеварднадзе был лояльно настроен к демонстрантам). Спустя двадцать пять лет, в апреле 2003 года, активисты «Кмары» обвиняли президента Шеварднадзе и его сторонников в стремлении фальсифицировать назначенные на 2 ноября парламентские выборы. На общенациональный уровень «Кмара» вышла 12 мая, организовав при поддержке правозащитных неправительственных организаций по всей стране пикеты возле полицейских участков с требованием прекратить незаконные задержания и ненадлежащее обращение с задержанными.

Деятельность «Кмары» обеспечивалась благодаря серьезной внешней поддержке. Юридическим партнером движения, своеобразным щитом против судебного-правовых претензий грузинских властей, выступала солидная нью-йоркская юридическая фирма «Patterson, Belknap, Webb & Tyler», которая занималась правовым обеспечением американских нефтегазовых проектов в СНГ (как говорилось выше, именно в этой компании трудился М. Саакашвили до возвращения на родину)¹.

Значительную долю финансирования «Кмара» получала от Фонда Сороса и его дочерних структур. Эти средства шли на самые различные нужды: печатание и распространение брошюр и постеров с лозунгами «Кмары»; изготовление флагов, маек, кепок с символикой движения; теле- и радиореклама в крупнейших СМИ; проведение уличных акций и рок-концертов; мобилизация активистов и населения для участия в резонансных мероприятиях. Важно подчеркнуть, что зарубежное финансирование выделялось только на действия активистов «Кмары», носившие ненасильственный характер².

В разгар «революции роз» численность сторонников «Кмары» составляла около трех тысяч человек. Главной стратегической задачей этой и других молодежных организаций была мобилизация протестного электората и позиционирование себя в качестве авангарда этого

¹ Дзарасов С.С., Цаголов Н.С. Путь к авантюре. Михаил Саакашвили: страницы политической биографии. // Независимая газета, 2008-09-03 // Сетевая версия «Независимая газета» — ежедневная газета». www.ng.ru/tribune/2008-09-03/11_saakashvili.html.

² Darbo D. Pas de Roses sans Soros // Информационно-аналитический журнал «Infoguerre». URL: <http://www.infoguerre.fr/matrices-strategiques/pas-de-roses-sans-soros>.

движения. В течение всего срока своей деятельности «Кмара» проводила работу по борьбе с политической апатией и разрабатывала методики мобилизации общественного мнения. «Ненасилие, дисциплина, координирование, продвижение собственного бренда и умелое использование юмора» — таковы, по мнению самих активистов, были слагаемые успеха «Кмары»¹. Сильным психологическим приемом, в частности, стала форма протеста, при которой тысячи людей держали в руках букеты роз, символизируя ненасильственный и миролюбивый характер своей деятельности.

«Кмара» активно взаимодействовала с оригинальной версией самих себя — сербским «Отпором», который принял непосредственное участие в подготовке лидеров грузинского молодежного движения и тренингах по ведению ненасильственной борьбы с режимом Шеварднадзе. Весной–летом 2003 года около двух тысяч активистов этой организации под руководством сербских инструкторов прошли подготовку на специальных семинарах². Как и в «Отпоре», в грузинском молодежном движении отсутствовала жесткая иерархия и яркие узнаваемые лидеры. Несмотря на то, что режим Шеварднадзе не применял репрессий против «Кмары» (в ходе подготовки и проведения «революции роз» было арестовано всего два ее члена), в Аджарии, например, данная особенность организации оказалась весьма уместной. При этом в «Кмаре» существовали достаточно четкое разделение труда между активистами, большое значение уделялось тактическому планированию, что также было заимствовано у сербских коллег. Скопировав даже символику движения «Отпор» (сжатый черный кулак на белом фоне), «Кмара» успешно повторила опыт «бульдозерной революции» в Грузии, сразу взяв на себя ключевую роль в организации уличных протестов, демонстраций, забастовок, голодовок и прочих акций гражданского неповиновения.

Надо сказать что сербские «революционеры» консультировали не только активистов «Кмары», но обучали методам политической борьбы также членов «Национального движения» (хотя зачастую это могли быть одни и те же люди). По линии Фонда Сороса весной 2003 года была организована поездка нескольких «гражданских активистов» из Грузии в Сербию специально для встречи с участниками «бульдозерной революции» 2000 года. «Они узнали, как проводить акции протеста и организовывать демонстрации, — утверждал в интервью Washington

¹ Kandelaki G. Georgia's Rose Revolution. A Participant's Perspective // United States Institute of Peace. Special Report. July 2006. URL: <http://www.usip.org/sites/default/files/sr167.pdf>. P.5.

² Мурванидзе Б.Ю. Ук. соч. С.106; Pope H. Pro-West Leaders In Georgia Push Shevardnadze Out // The Wall Street Journal. Nov. 24. 2003. URL: <http://www.wsj.com/articles/SB1069507873431700>.

Post генеральный секретарь «Национального движения» В. Мерабишвили. — Наша партия была готова к протестам»¹.

Отдельно стоит отметить позицию, занятую грузинской творческой интеллигенцией в ходе общественно-политического кризиса 2003 года. Интеллектуальная и артистическая элита, традиционно пользовавшаяся уважением в грузинском обществе, очень активно выступала с критикой режима Шеварднадзе. Знаменитые писатели, поэты, певцы, актеры, спортсмены, журналисты и ученые, не представлявшие какие-либо политические партии, тем не менее, оказывали сильное воздействие на формирование антиправительственных и антипрезидентских настроений в стране. Для противостояния с режимом ими был даже создан специальный орган — «Артком» («Артистический комитет»). В ходе активной фазы «революции роз» в ноябре 2003 года известные творческие личности призывали граждан Грузии, особенно университетскую молодежь, присоединиться к акциям протеста.

Важнейшими акторами «революции роз» стали независимые средства массовой информации; их без преувеличения можно назвать важнейшими инструментами «мягкой силы» в технологии смены грузинского политического режима в 2003 году. Одним из немногих достижений Шеварднадзе в области демократизации страны действительно была определенная свобода СМИ. Созданная в немалой степени в угоду требованиям западных партнеров, она позволила оппозиционным силам резко усилить свое информационно-пропагандистское воздействие накануне и во время «революции роз». Журналисты располагали возможностью критиковать власти и самого президента, и этим активно пользовались «революционеры».

Ключевым информационным ресурсом в борьбе с режимом Шеварднадзе стал телеканал «Рустави-2». Он пользовался большой популярностью в стране (хотя и принимался не везде), благодаря которой выступавшие в его эфире политические противники президента получали признание в грузинском обществе. Все активисты «революции роз», в том числе и сам Саакашвили, в один голос называли «Рустави-2» важнейшим элементом политической коалиции, направленной на свержение Шеварднадзе. Особое значение имело то, что данный телеканал действительно обладал репутацией наиболее профессионального в Грузии ТВ-медиа; авторитет «Рустави-2» зиждился не в последнюю очередь на опыте открытого и успешного противостояния с правящим режимом, которое к моменту выборов 2003 года продолжалось уже несколько лет. Интересно, что в то время, как рядовые граждане считали

¹ Baker P. Tbilisi's 'Revolution of Roses' Mentored by Serbian Activists // Washington Post. Nov. 24. 2003. URL: http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/articles/A11577-2003Nov24_2.html; Antelava N. Op. cit.

телеканал образцом объективности, сами журналисты, по словам генерального директора «Рустави-2» Э. Кицмаришвили, «освещали события в Тбилиси («революцию роз» — А.Н.) исключительно однобоко»¹. Не связанные с оппозицией телеканалы, включая государственные, также вольно или невольно оказывали «революционерам» моральную поддержку, например, ведя репортажи с митингов, публикуя «независимые» экзит-поллы или допуская до эфира таких же «независимых» экспертов и представителей неправительственных организаций. Возможность телевидения оперативно и документально передать сообщения о различных явлениях и событиях определили его основную роль в освещении избирательных процессов в Грузии². Именно через СМИ грузинская оппозиция смогла добиться эмоционального неприятия прошедших в ноябре 2003 года выборов и их результатов, что и стало непосредственным поводом для начала «революции роз».

Огромную роль в успехе оппозиции в Грузии сыграло наличие независимого электорального мониторинга. В этом процессе участвовали все основные оппозиционные акторы. Тот же «Рустави-2», например, совместно с Британским Советом, Фондом «Открытое общество — Грузия» и Фондом «Евразия» спонсировал проведение параллельного подсчета голосов на выборах 2 ноября, которое осуществляла неправительственная организация «Глобальная стратегическая группа»³.

На завершающей стадии «революции роз» Государственный департамент США признал, что на поддержку демократических выборов в Грузии было выделено почти два с половиной миллиона долларов⁴. Вообще, со стороны Соединенных Штатов Америки, а также стран ЕС демонстрировалось особое внимание к подготовке и процедурам выборов в Грузии. Под внешним давлением власти в Тбилиси были вынуждены сделать ряд уступок, имевших для правительства Шеварднадзе фатальные последствия.

В середине лета 2003 года Грузию посетил специальный посланник президента США, бывший госсекретарь Дж. Бейкер, которого связывала давняя дружба с Шеварднадзе еще со времен перестройки. Бейкер убеждал Шеварднадзе принять специальный план из десяти пунктов, главной задачей которого являлось обеспечение честных и прозрачных выборов, включая процедуру параллельного подсчета голосов⁵. После

¹ Welt C. Regime Vulnerability and Popular Mobilization in Georgia's Rose Revolution // CDDRL Working Papers. Stanford University. Number 67. September 2006. URL: http://csis.org/files/media/isis/pubs/061005_ruseura_no67welt.pdf. P. 32.

² Громова А.В. Роль и место масс-медиа в подготовке и проведении «цветных революций». Дисс. на соискание ученой степени к. филолог. н. М., 2009. С. 93–95.

³ Kandelaki G. Op. cit. P. 9.

⁴ Nichol J. Coup in Georgia [Republic]: Recent Developments and Implications. P. 2.

⁵ Welt C. Op. cit. P. 37.

его визита в Грузии действительно был принят новый избирательный кодекс, согласно которому в состав Центризбиркома и местных избирательных комиссий должны были войти по пять представителей проправительственных сил и девять от оппозиции. Более того, хотя председателя Центризбиркома, как и прежде, утверждал президент, но по новым правилам он мог выбирать только из списка кандидатов, представленных ему ОБСЕ и Советом Европы.

Еще ранее, в апреле 2003 года посол США в Грузии Р. Майлс (накануне «бульдозерной революции» в Сербии именно он возглавлял американскую дипмиссию в Югославии) встретился с ведущим оппозиционным политиком З. Жвания, после чего публично заявил о необходимости проведения «честных выборов»¹. Более того, Майлс провел многочасовые переговоры с министрами силового блока грузинского правительства, в ходе которых настойчиво рекомендовал последним не применять силу против демонстрантов².

Глава другой американской делегации сенатор Дж. Маккейн, побывавший в стране в октябре 2003 года, заявил после многочисленных встреч с оппозиционерами, что парламентские выборы — последний шанс для Грузии сохранить свой международный имидж. Тогда же Грузию посетила мониторинговая группа Парламентской Ассамблеи Совета Европы, которая встретилась с представителями практически всех политических партий и неправительственных организаций в стране. Тема выборов была главенствующей и во время визита в Тбилиси председателя ОБСЕ Я. Де Хооп Схеффера; на завершающем брифинге он ясно дал понять, что ОБСЕ возьмет грузинские выборы под особый контроль³.

Получая щедрое финансирование из-за рубежа, грузинские НПО и социологические структуры смогли обеспечить в масштабах всей страны (впервые в истории независимой Грузии) проведение экзит-полов и параллельного подсчета голосов. На выборах в ноябре 2003 года ЦИК Грузии зарегистрировала почти четыре с половиной тысячи наблюдателей, в том числе от международных организаций, среди которых были ОБСЕ, ООН, Европарламент и Евросоюз (миссия наблюдателей от СНГ насчитывала всего семьдесят человек). Кроме того, в качестве наблюдателей были заявлены представители аккредитованных в Тбилиси дипломатических миссий. Всего в пятистах избиратель-

¹ Baker P. Op.cit.

² Karumidze Z., Wertsch J. Enough! The Rose Revolution in the Republic of Georgia. N.Y., 2005. P. 72.

³ Александров М. Что происходит в Грузии: к обстановке после парламентских выборов // Страны СНГ. Русские и русскоязычные в новом зарубежье. Информационно-аналитический бюллетень. № 86. 2003. С. 99.

ных округах осуществляли контроль за процессом голосования восемь тысяч зарубежных и местных наблюдателей¹.

Большую роль в контроле за выборами в Грузии сыграли Международный фонд избирательных систем и Международное общество за справедливые выборы и демократию, финансируемые АМР США и структурами Дж. Сороса. Их деятельность была сосредоточена на создании электронных списков избирателей и мониторинге процедуры выборов. Отметим, что обнаружившаяся в результате ложность официальных списков избирателей, стала одной из причин политического кризиса в ноябре 2003 года.

В целом, внешняя поддержка, оказываемая оппозиции по официальным и неофициальным каналам накануне выборов, позволила «революционерам» во всеоружии подготовиться к противостоянию с режимом, укрепила ее решимость и настойчивость, позволила действовать наступательно и захватить в итоге стратегическую инициативу.

Общественно-политический кризис в Грузии достиг своего апогея накануне парламентских выборов 2 ноября 2003 года. На заключительном этапе в предвыборной борьбе принимали участие двенадцать политических партий и девять избирательных блоков. Развернувшаяся избирательная кампания форсировала уже давно обозначившийся раскол в политическом классе Грузии. Выглядевший во многом как конфликт поколений, он продемонстрировал серьезное различие в подходах противоборствующих сторон относительно форм и методов управления страной. Ситуацию обострял сложившийся в этот период альянс двух старых «аппаратчиков», стремившихся сохранить власть, — президента Шеварднадзе и главы Аджарии Аслана Абашидзе. Политическая элита Грузии увидела для себя дополнительную опасность в усилении роли Абашидзе в стране, так как возможность «абашидзации» Грузии означало дальнейший рост центробежных тенденций.

В этой связи, надо отметить, что очень важной составляющей технологии смены режима в ходе «революции роз» явилась концепция грузинской национальной идентичности и единства. Во время предвыборной кампании как пропрезидентские силы, так и оппозиция апеллировали к идее независимости и суверенитету Грузии в отношении России; и именно оппозиционным лидерам удалось использовать в своих интересах задетые «русскими империалистами» чувства национальной гордости и единства грузин для мобилизации сторонников. Незадолго

¹ В ЦИК Грузии зарегистрировались более 4 тысяч 370 наблюдателей // ИА REGNUM. URL: <http://regnum.ru/news/polit/175160.html#ixzz3OK02ZT1p>; Александров М. Что происходит в Грузии: к обстановке после парламентских выборов // Страны СНГ. Русские и русскоязычные в новом зарубежье. Информационно-аналитический бюллетень. № 86. 2003. С. 99.

до своей гибели З. Жвания отмечал, что ««революция роз» впервые после завоевания независимости оказалась тем фактором, который позволил грузинам почувствовать себя победителями... Люди до сих пор живут в бедности, сталкиваются с теми же самыми экономическими проблемами, однако теперь они чувствуют себя намного сильнее, чем раньше. Они вновь обрели чувство достоинства. Мы — нация, и мы гордимся тем, что вновь являемся грузинами»¹.

Ставка Шеварднадзе на альянс с Абашидзе в ходе ноябрьского политического кризиса 2003 года, открытая и демонстративная поддержка грузинским президентом аджарского лидера привели к тотальному неприятию этих действий в обществе и серьезно дискредитировали официальную власть. По многочисленным свидетельствам очевидцев граждане Грузии были разъярены перспективой того, что правительство в Тбилиси будет зависеть от политической воли Абашидзе². Не случайно, именно визит Шеварднадзе в Батуми в разгар ноябрьского кризиса и демонстрация сторонников аджарской партии «Союз демократического возрождения» в центре грузинской столицы спровоцировали новую волну массовых беспорядков.

Стоит, правда, отметить, что к началу «революции роз» оппозиция Шеварднадзе не являлась единым целым и осуществлять перехват власти у правящего режима в ходе выборов 2003 год в целом не собиралась, ожидая более подходящего случая — намеченных на 2005 год президентских выборов. Западный исследователь К. Уэлт в этой связи указывает на тот факт, что массовые протесты, развернувшиеся после голосования, не были на самом деле столь массовыми — кроме трех случаев (14, 22 и 23 ноября) митингующая толпа не превышала пяти тысяч человек. Причем самая массовая демонстрация (максимум до ста тысяч человек), кадры которой облетели все мировые СМИ и стали символом и харизматическим примером торжества демократии на постсоветском пространстве, состоялась именно 23 ноября, уже после свержения Шеварднадзе, и являлась не митингом протеста, а народными гуляниями по случаю победы «революции роз»³.

При этом оппозиционные силы и поддерживавшие их акторы заранее тщательно готовились к ноябрьским выборам. На протяжении нескольких недель накануне выборов при поддержке фонда «Открытое общество — Грузия» и «Рустави-2» регулярно проводились и публиковались социологические опросы, которые демонстрировали падение популярности пропрезидентских сил и, наоборот, пророчили убедитель-

¹ Цит. по: Karumidze Z., Wertsch J. Op. cit. P. 42.

² Ibid. Pp. 145–146.

³ Welt C. Op. cit. P. 25.

ную победу оппозиционным избирательным блокам. Опросы показывали, например, резкий рост электорального рейтинга «Национального движения» Саакашвили в сентябре–октябре — с 8 до 23%¹. Одновременно в телевизионных дебатах постоянно звучали предупреждения о том, что власть готовится к фальсификации выборов. В совокупности это привело к тому, что грузинский избиратель еще до выборов был подготовлен к возможным нарушениям в процедуре подсчета голосов и борьбе за защиту своего собственного выбора. Непосредственно в день выборов с избирательных участков велись прямые включения, журналисты сразу же извещали об обнаруженных правонарушениях, перед камерами и микрофонами выступали как избиратели, так и международные наблюдатели².

Режим Шеварднадзе же совершенно не учел уроки проигранных летом 2002 года муниципальных выборов и не принял никаких мер по предотвращению публикации подобных опросов, которые объективно оказывали воздействие на грузинских избирателей в антиправительственном ключе. Судя по всему, окружение президента надеялось на пассивность избирателей и административный ресурс, которые позволили бы, как это неоднократно было ранее, правящей партии получить максимальное количество голосов и затем вступить в политический торг с оппозиционными партиями с прицелом уже на президентские выборы 2005 года.

По предварительным данным, озвученным официальными властями сразу после закрытия избирательных участков, первое место с 21% занимал созданный специально под выборы в апреле 2003 года пропрезидентский блок «За новую Грузию». Партия «Союз демократического возрождения Грузии» Абашидзе получала 18%. Такие же показатели продемонстрировал и блок Саакашвили; в парламент проходили еще несколько оппозиционных партий и блоков, набравших 7-8%, включая «Бурджанадзе–Демократы». Оппозиция и международные наблюдатели сразу же обвинили режим Шеварднадзе в фальсификациях³. Заметим, что в политической верхушке Грузии в этих условиях не наблюдалось единства по поводу дальнейших действий. Вместо того, чтобы настаивать на победе блока «За новую Грузию», часть приближенных Шеварднадзе предлагала вступить в переговоры с оппозицией или вовсе провести новые выборы⁴.

¹ Ibid. P.14.

² Громова А.В. Ук. соч. С. 90.

³ Госдепартамент США: результаты выборов в Грузии сфальсифицированы, 21.11.2003 // Новостной портал «Russia in the world». www.riv.ru/world10111.html.

⁴ Welt C. Op. cit. P. 10.

В ночь на 3 ноября телеканал «Рустави-2» обнародовал данные «независимых» экзит-поллов, которые разительно отличались от официальных данных и отдавали лидерство с 22% блоку «Саакашвили — Национальное движение». Спустя сутки результаты параллельного подсчета голосов огласили соросовское Международное общество за справедливые выборы и демократию и американский Национальный демократический институт. По данным проведенного ими совместного анализа блок Саакашвили получал еще больше голосов — целых 27%, опережая правящую партию на восемь процентов. Три другие оппозиционные силы, включая блок «Бурджанадзе — Демократы» вместе набирали 35% голосов¹. Таким образом, в новом составе парламента оппозиция должна была получить две трети мест. 5 ноября посольство США в Грузии выпустило весьма резкое заявление, в котором раскритиковало грузинские власти за нарушения в ходе голосования и неоправданную задержку с подсчетом голосов, выразив надежду, что грузинский президент «обеспечит справедливость этих выборов». «Шеварднадзе получил очень жесткие предупреждения от Вашингтона и других союзнических стран»², — воодушевленно заявил Саакашвили.

Оппозиционные партии потребовали полной отмены результатов и проведения новых выборов. На этом этапе произошло фактическое объединение оппозиции и явление общественности уже легализованного триумvirата: Саакашвили («Национальное движение»), Жвания и Бурджанадзе («Объединенные демократы»). Именно «уличный альянс» возглавляемых этими политиками партий сыграл важнейшую роль в росте массового протестного движения, которое в итоге смело режим Шеварднадзе. При этом триумvirат активно поддерживался, по выражению американских СМИ, «множеством неправительственных организаций»³. В одиночку ни партия Саакашвили, ни партия Бурджанадзе и Жвания не смогли бы привлечь на свою сторону такого количества людей. На лидерские позиции в этой оппозиционной связке выдвинулся именно Саакашвили, в первую очередь, благодаря своим ораторским способностям и громкими популистскими заявлениями.

Сразу после голосования в стране вспыхнули акции протеста с требованием пересмотра парламентских выборов. По мнению самого Шеварднадзе, главной причиной народного недовольства и политического кризиса стали некорректно составленные списки избирателей, в результате чего многие избиратели просто не обнаружили там сво-

¹ Ibid. P. 15.

² Сысоев Г. На холмах Джорджии-3 // Власть. 17.11.2003. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/428211>.

³ Pope H. Op. cit.

его имени. «Но кто искажил списки, преследуя свои цели?»¹ — задается сакраментальным и во многом риторическим вопросом на страницах своих мемуарах Эдуард Шеварднадзе. Так или иначе, в обстановке систематически нагнетавшегося психоза Саакашвили назвал президента шулером и потребовал пересчета голосов.

Уже 4 ноября в Тбилиси начался митинг в знак протеста против фальсификации итогов голосования. Оппозиционеры блокировали центр Тбилиси; З. Жвания объявил о создании единого «Фронта сопротивления». Саакашвили со своей стороны сообщил о намерении опротестовать результаты, подкрепив это массовыми собраниями по всей стране, и выдвинул ультиматум с требованиями обнародовать «справедливые итоги» голосования (срок действия ультиматума дважды продлевался). На руку «революционерам» играл тот факт, что Центральная избирательная комиссия Грузии откладывала обнародование окончательных итогов парламентских выборов, что, по мнению оппозиции уже само по себе говорило о массовых нарушениях при голосовании.

Митинги против фальсификации результатов выборов тем временем продолжались по всей стране; в нескольких городах произошли незначительные столкновения сторонников оппозиции и полиции. В столице протестующие заняли площадь перед парламентом. Речь шла уже не о пересмотре результатов прошедших выборов, а об отставке президента (которому оставалось находиться на своем посту еще шестнадцать месяцев). 8 ноября в столице начался массовый митинг, главный лозунг которого звучал «Грузия — без Шеварднадзе!».

9 ноября Саакашвили, Бурджанадзе и Жвания провели встречу с действующим президентом. Шеварднадзе категорически отказался уступать требованиям «революционеров», проводить перевыборы или уходить в отставку. Оппозиция прервала переговоры с властями, 12 ноября по всей Грузии начался сбор подписей за отставку Шеварднадзе. Саакашвили громкогласно объявил, что отныне президент «является диктатором, и любое мирное выступление народа против него будет легитимным», а также предупредил, что «оппозиция не допустит начала работы нового нелегитимного парламента»². Оппозиционные силы приступили к организации «марша на Тбилиси» из провинциальных регионов Грузии.

Надо заметить, что позиции противников Шеварднадзе в момент наивысшей точки общественно-политического кризиса самым серьезным образом усиливали общественные организации и поддерживаемые извне СМИ. Телеканал «Рустави-2», например, широко информировал население о нарастании протестной волны, круглосуточно транс-

¹ Шеварднадзе Э. Ук. соч. С. 30.

² Лидер радикальной оппозиции Саакашвили направляется в регионы для организации марша на Тбилиси // Новостной портал «Russia in the world». www.rtw.ru/world10096.html.

лировал митинги и шествия оппозиции, освещал подготовку и ход движения колонн автобусов и автомобилей во главе с М. Саакашвили из провинции к Тбилиси. После каждого выпуска новостей следовали призывы присоединяться к протестующим. Политическая ангажированность сквозила даже в прогнозах погоды на «Рустави-2», в которых звучали такие реплики: «Сегодня с утра идет дождь, но к тому моменту, когда начнется митинг оппозиции, над Тбилиси будет светить солнце». В прайм-тайм в эфире демонстрировались рекламные ролики «Кмары». Канал неоднократно демонстрировал документальный фильм «Свержение диктатора», рассказывавший о падении режима С. Милошевича в ходе «бульдозерной революции» в Сербии в 2000 году. Генсек «Национального движения» Мерабишвили откровенно заявлял западным журналистам: «Этот фильм сыграл решающую роль. Все демонстранты знали наизусть тактику революции в Белграде, потому что они посмотрели фильм об этом. Каждый знал, что делать. Это была копия той революции, только более яркая»¹.

Вообще, аллюзии к «бульдозерной революции» постоянно проскальзывали в выступлениях лидеров грузинской оппозиции. Еще в январе 2003 года в эфире национального телевидения Саакашвили заявлял, что оппозиция должна объединиться для победы на парламентских выборах, «также, как это произошло в Югославии, когда был побежден Милошевич». Во время публичных дискуссий в Вашингтоне в апреле 2003 года Саакашвили вновь неоднократно возвращался к сербскому опыту, а себя называл «более удачной версией Джиджича» (который к этому времени уже был застрелен). Спустя месяц будущий лидер «революции роз» угрожающе предостерегал Шеварднадзе от разыгрывания «этнической карты» в Грузии, напоминая о негативном опыте свергнутого президента Милошевича².

14 ноября грузинский президент выступил с телеобращением к народу, сообщив, что в сложившейся в стране ситуации его отставка была бы «безответственным шагом». В этот же день на грузинском телевидении появился Саакашвили, который заявил, что по его данным Шеварднадзе «вступил в сделку» с Абашидзе и «пообещал ему возможность назначить министров внутренних дел и госбезопасности и контроль над парламентом страны», а в 2005 году, после истечения срока своих президентских полномочий, передать власть в стране аджарскому лидеру. Более того, по информации Саакашвили, Шеварднадзе якобы даже договорился с Абашидзе «о физической нейтрализации лидеров оппозиции и руководителей независимых телеканалов»³.

¹ Baker P. Op. cit.

² Welt C. Op. cit. Pp. 45–46.

³ «Революция роз» в Грузии в ноябре 2003 года // Сетевое издание «РИА Новости». URL: <http://ria.ru/spravka/20131123/978914952.html#ixzz3ORoC1xq7>.

К этому времени уже пришли данные о голосовании в Абхазии, которые действительно выглядели крайне противоречивыми: при явке в 98% партия Абашидзе получила 95% голосов избирателей, причем число самих избирателей по сравнению с 1999 годом выросло на 22%. Подлог был очевиден и рядовым гражданам, и международным наблюдателям, которые особенно указывали на факт фальсификаций в этом регионе Грузии¹. Шеварднадзе же демонстративно отправился в Абхазию, где вместе с Абашидзе выступил на митинге, заявив, что «ничто не может разъединить нас, мы (Шеварднадзе и Абашидзе — А.Н.) будем держаться вместе»². Из Абхазии в грузинскую столицу направились сотни сторонников Абашидзе для организации митингов в поддержку законности прошедших выборов.

В Тбилиси, тем временем, состоялся очередной массовый митинг оппозиции, в ходе которого по заранее подготовленному плану вокруг Государственной канцелярии Грузии была образована живая цепь из трех тысяч человек. Толпа попыталась прорваться в здание парламента, но из-за недостаточного количества людей эта попытка успехом не увенчалась. Оппозиция приступила к мобилизации сторонников по всей стране, чему активно способствовала информационная работа «Рустави-2».

В этих условиях Шеварднадзе решил перейти в наступление. Когда оппозиция анонсировала перерыв на выходные, территория вокруг парламента была немедленно занята представителями проправительственных фракций, в том числе контингентом из Абхазии. 20 ноября были объявлены окончательные итоги парламентских выборов: блок «За новую Грузию» получил 21,32%, «Союз демократического возрождения Грузии» Абашидзе — 18,84%, «Единое национальное движение» Саакашвили — 18,08%, лейбористы — 12,4%, блок «Бурджанадзе — Демократы» — 8,79%, Новые правые — 7,35%.

Оппозиция отказалась признать официальные итоги выборов. Команда Саакашвили сделала ставку на сто двадцать четвертый метод ненасильственной борьбы Дж. Шарпа — бойкот выборов³. Официальный Вашингтон устами представителя Госдепартамента объявил результаты выборов сфальсифицированными и призвал наказать виновных. В США были «крайне разочарованы» как результатами выборов, так и самим грузинским руководством. Уже 21 ноября это заявление было процитировано и растиражировано целым рядом грузинских печатных и электронных средств массовой информации, в том числе ведущими телеканалами страны⁴. В грузинском обществе американский демарш

¹ Nichol J. Coup in Georgia [Republic]: Recent Developments and Implications. P. 2.

² Welt C. Op. cit. Pp. 11–12.

³ Шарп Дж. Ук. соч. С. 106.

⁴ Welt C. Op. cit. P. 42.

был справедливо расценен как факт окончательного отказа Вашингтона от поддержки Шеварднадзе и «зеленый свет» для действий оппозиции по смене политического режима.

В этот же день, вечером 21 ноября, завершился «марш на Тбилиси» — в столицу на различных видах автотранспорта прибыли несколько тысяч сторонников оппозиции, в основном, из Западной Грузии. На главной площади Тбилиси был разбит «революционный» лагерь. Ожидая запланированного на 22 ноября открытие сессии избранного парламента, на площади Свободы перед главным законодательным органом стран собралась пятидесятитысячная демонстрация противников действовавшего режима. Днем началось торжественное заседание парламента нового созыва. В начале, как и полагалось по регламенту, выступила председатель избирательной комиссии с докладом о легитимности состава парламента и том, что выборы прошли в соответствии с законодательством. Выступление Шеварднадзе было запланировано ровно на четыре часа дня, однако он смог начать зачитывать свою речь только спустя тридцать минут, пока не появились опоздавшие парламентарии, без которых невозможно было собрать необходимый кворум. Когда выступление Шеварднадзе подходило к концу, в зал с розами в руках (откуда и пошло название «революции») ворвались сторонники Саакашвили во главе со своим лидером и захватили трибуну. Вскоре все здание парламента оказалось в руках «революционеров».

Шеварднадзе, которого в момент захвата парламента телохранители вывели из здания, укрылся в своей резиденции Крцаниси и объявил о введении чрезвычайного положения. Однако реальными рычагами воздействия на ситуацию он уже не обладал. Руководство силовых структур к этому времени вступило в переговоры с оппозицией, что было неудивительно, ведь милиция, прокуратура, служба безопасности и даже армия в Грузии являлись глубоко коррумпированными структурами, которые сохраняли лояльность президенту ровно до того момента, пока власть не стала ускользать из его рук. В тот момент они, надеясь сохранить за собой посты при новой администрации, предпочли предать своего президента и верховного главнокомандующего. Показателен тот факт, что захват грузинского парламента бунтующей толпой во главе с Саакашвили стал возможным лишь потому, что подъезды здания к этому времени вообще не охранялись¹.

В ночь на 23 ноября 2003 года, не встречая никакого сопротивления, сторонники оппозиции начали захват правительственных зданий. Военные подразделения одно за другим провозглашали свою привер-

¹ Прокофьев А.В. «Цветные революции» на постсоветском пространстве в начале XXI века на примере Грузии, Киргизии и Украины. Сравнительное исследование. Казань, 2011. С. 118.

женность «революционерам» (отличился даже немногочисленный грузинский контингент в Ираке, приславший свое воззвание по факсу). Наиболее лояльные президенту подразделения силовых ведомств — его охрана, элитный армейский батальон «Гулуа», обученные американскими инструкторами армейские батальоны «Зугдиди» и «Шавнабада» — также объявили о своей поддержке оппозиционеров¹. В этой связи нельзя не отметить, что оппозиция задолго до ноябрьских выборов вела целенаправленную работу по вербовке сторонников в рядах силовых структур Грузии, которая резко интенсифицировалась в ходе «революции роз». Молодые активисты «Кмары», например, в ходе демонстраций всячески выказывали солидарность с полицейскими и солдатами внутренних войск, несших службу на улицах Тбилиси (девушки дарили им цветы, а молодые люди угощали их сэндвичами²). Явно не случайным выглядит и тот факт, что в период «революции роз» ни оппозиционные СМИ, ни «независимые» неправительственные организации, ни лидеры оппозиции практически не сталкивались с противодействием со стороны правоохранительных органов.

Вообще, к этому времени фрагментация грузинской правящей элиты уже шла полным ходом. За несколько дней до взятия «революционерами» парламента ряды сторонников Шеварднадзе официально покинули несколько знаковых фигур — глава государственной вещательной компании З. Шенгелия (19 ноября), юридический советник президента Л. Алексидзе (21 ноября), глава Совета национальной безопасности и экс-посол Грузии в США Т. Джапаридзе (21 ноября). Последний даже выступил по телевидению, признав фальсификации при голосовании 2 ноября и указав на вред, который они наносят международной репутации Грузии. Более того, Джапаридзе предупредил власти о недопустимости применения насилия против собственных граждан и призвал к проведению новых выборов³. Сами оппозиционеры, как свидетельствуют показания очевидцев, были осведомлены о том, что силовые структуры (по крайней мере, их часть) готовы не выполнять приказы верховного главнокомандующего, направленные на подавление их антиконституционных действий⁴.

Позиция самого Шеварднадзе в первое время после захвата оппозицией парламента была достаточно воинственной. «Моя главная цель, — заявил он, — довести Грузию до апреля 2005 года (дата президентских выборов) в состоянии гражданского согласия. Тогда будет первый случай демократического перехода власти от одних рук в руки

¹ Наумова А.Ю., Авдеев В.Е., Наумов А.О. «Цветные революции» на постсоветском пространстве. М., 2013. С. 34.

² Kandelaki G. Op. cit. P. 11.

³ Welt C. Op. cit. P. 11.

⁴ Karumidze Z., Wertsch J. Ibid. Pp. 27, 47, 54.

нового президента». Он также считал, что последние действия грузинской оппозиции не имеют ничего общего с парламентскими выборами. «Это борьба за власть и за кресло президента», — сказал Шеварднадзе, добавив, что в нынешних условиях отставка главы государства недопустима. «В Грузии нет легитимного органа, который должен руководить страной. Старый парламент исчерпал свой срок, новая оппозиция не хочет»¹.

Свое мнение Шеварднадзе изменил к вечеру 23 ноября, когда при посредничестве главы российского МИДа И. Иванова состоялись его переговоры с лидерами оппозиции Саакашвили и Жванией. По их результатам Шеварднадзе объявил о своей отставке (хотя никаких документов и не подписал), выехал в аэропорт и отбыл в неизвестном направлении. В итоге он оказался в Германии, которая с самого начала политического кризиса выражала готовность принять его как активного участника процесса объединения ГДР и ФРГ. По мнению экс-директора отделения Национального демократического института США по международным делам в Тбилиси Л. Митчелла, Шеварднадзе подал в отставку, так как осознал, что более не контролирует вооруженные силы и спецслужбы. Таким образом, насильственного подавления «революции роз» не произошло в основном по причине отсутствия политических рычагов у президента командовать этой операцией².

Как показал дальнейший ход событий, эта отставка явилась, по сути, результатом прямого стовора между оппозицией и Шеварднадзе, получившего гарантии безопасности. Не последнюю роль здесь сыграла позиция США. Еще 22 ноября в телефонном разговоре госсекретарь К. Пауэлл настоятельно порекомендовал грузинскому президенту «проявить сдержанность» и пойти на мирное разрешение кризиса³. В Вашингтоне Шеварднадзе назвали «великой фигурой в истории Грузии и близким другом Соединенных Штатов», однако было ясно, что кредит доверия своих заокеанских партнеров он уже растерял, и Америка сделала ставку на Саакашвили и других «младореформаторов».

Можно согласиться с мнением Б.Ю. Мурванидзе, что причины, вызвавшие неудовлетворение Запада политикой Шеварднадзе, заключались в том, что роль Грузии как важного транзитного пункта энергетических ресурсов из Центральной Азии и Азербайджана обуславливала необходимость общественно-политической стабильности в стране. Нестабильность Грузии, напротив, вела к возникновению угрозы

¹ Цит. по: В Грузии набирают силу неонацизм и необольшевизм // Электронная газета «Правда.ру». URL: <http://www.ppravda.ru/news/world/17-11-2003/16642-0>.

² Mitchell L. Georgia's Rose Revolution // Current History. Vol.103. No.675 (October 2004). P. 348.

³ Pope H. Op. cit.

энергопотокам, которые были необходимы западным странам. В этих условиях было решено сменить политически нестабильный и к тому же насквозь пропитанный коррупцией режим Шеварднадзе¹. Влиятельный *The Wall Street Journal* буквально в день победы «революции роз» отмечал и еще один фактор, обусловивший столь деятельное участие Вашингтона в подготовке государственного переворота в Грузии. «Помощь США новому правительству (пришедшим к власти «революционерам» — А.Н.) даже в ущерб старому союзнику Шеварднадзе, — отмечает издание, — является частью более широкой стратегии администрации Буша по демократизации в таких регионах, как Ближний Восток. Как можно продвигать демократию в арабском мире, если мы этого не можем сделать в небольшой, христианской, проамериканской стране, где на эти цели в последнее десятилетие было потрачено столько денег»².

США по достоинству оценили мирное, почти добровольное и оперативное отречение от власти Шеварднадзе: он получил письмо от действующего президента США Дж. Буша-мл., в котором тот благодарил за окончание «холодной войны», «твердое сотрудничество» с США в иракской кампании, борьбу с терроризмом в Панкисском ущелье и, наконец, достойную отставку в пользу молодого политического поколения, которое было выращено им же самим. «Ваше решение уйти в отставку, вместо того чтобы использовать силу на улицах Тбилиси, — заключал Буш, — увенчало Вашу выдающуюся карьеру. Я знаю, что Вы, как и мы в Соединенных Штатах, сделаете все возможное ради укрепления демократии, независимости и процветания Грузии»³.

24 ноября Верховный суд аннулировал результаты парламентских выборов; прошедших 2 ноября 2003 года. Временно исполняющим обязанности президента стала спикер парламента Н. Бурджанадзе. «Революция роз» в Грузии победила.

Молодые прозападные политики во главе с Саакашвили совершили удачный государственный переворот — «революцию роз», используя народное недовольство режимом Шеварднадзе на фоне его системного кризиса. Важным фактором слабости позиций президента стало отсутствие лояльности со стороны его собственных сторонников, особенно в силовых структурах. Однако мирной и ненасильственной смене режима, как справедливо подчеркивают исследователи вопроса, способствовали не только слабость власти, но и «взрылленная демократическими реформами почва»⁴: относительная свобода СМИ, возможность

¹ Мурванидзе Б.Ю. Ук. соч. С. 108.

² Роге Н. Op. cit.

³ Шеварднадзе Э. Ук. соч. С. 37.

⁴ Сулаберидзе Ю. Ук. соч. С. 85.

неконтролируемой деятельности неправительственных организаций в таких важнейших сферах, как электоральный мониторинг, вседозволенность любой критики режима и т.д. Как отмечал один из лидеров молодежного крыла «революции роз», решающую роль в победе оппозиции сыграли три актора: движение «Кмара», политические партии, особенно «Национальное движение» Саакашвили, и телеканал «Рустави-2»¹. Все они, так или иначе, являлись продуктами технологий «мягкой силы» западных стран.

4 января 2004 года при практически абсолютной поддержке избирателей (96% голосов) Саакашвили одержал победу на президентских выборах, став самым молодым действующим главой государства в Европе и одним из самых молодых в мире. В марте 2004 года объединенный блок «Национальное движение — Демократы», представлявший трио победителей (Саакашвили–Жвания–Бурджанадзе), окончательно укрепил свое положение, победив на парламентских выборах. Н. Бурджанадзе вновь была избрана спикером парламента. З. Жвания занял пост премьер-министра.

В мае 2004 года при активном участии «Кмары» была решена «аджарская проблема»: А. Абашидзе капитулировал и бежал за пределы Грузии (благодаря посредничеству И. Иванова он сам и члены его семьи улетели в Москву). На новых выборах в Верховный совет Аджарии сторонники триумvirата получили 72% голосов, после чего были приняты законы, подчинившие правительство автономии президенту Грузии.

3 февраля 2005 года при загадочных обстоятельствах погиб З. Жвания. Его гибель разрушила сложившийся баланс сил, ослабила Н. Бурджанадзе и позволила М. Саакашвили серьезно укрепить свои позиции. Сконцентрировав власть в своих руках, Саакашвили приступил к превращению в жизнь программы полномасштабных реформ. Отметим, что порыв, с которым новый глава государства взялся за реализацию своих идей, был тепло встречен большинством населения Грузии, уставшего от катастрофического правления Шеварднадзе. Режиму Саакашвили действительно удалось достичь определенных успехов на ниве реформирования прогнившего наследия своего предшественника. Эксперты выделяют три основных направления позитивных изменений в социально-экономическом положении Грузии в результате действий «младореформаторов»: полное обновления кадрового состава государственного аппарата и силовых структур; изменения в сфере государственного управления с уменьшением доли влияния чиновничества; разгосударствление экономики, ее максимальная либерализация и беспрецедентная

¹ Kandelaki Op. cit. P. 5.

приватизация¹. За проведенные реформы Саакашвили не раз удостоивался восторженной похвалы со стороны своих кураторов из США и ЕС. Однако при внимательном и комплексном рассмотрении экономических, социальных и административных достижений политики грузинского президента успешность их по целому ряду параметров и полученных результатов следует поставить под сомнение.

Сами реформы, методы их проведения и различные аспекты преобразований вызвали немало нареканий и претензий среди общественности и политического класса Грузии. Ответом властей на рост оппозиционных настроений стало возраставшее давление на СМИ, ограничение гражданских прав и свобод, судебные процессы над оппозиционными политическими деятелями. Была осуществлена конституционная реформа, призванная сохранить власть в руках М. Саакашвили и не допустить роста влияния оппозиции, куда стали переходить его бывшие сподвижники. Начиная с 2007 года режим Саакашвили приобрел откровенно авторитарные черты.

В ноябре 2007 года в центре Тбилиси состоялись массовые акции протеста оппозиции, главным требованием которой стало проведение парламентских выборов весной следующего года, то есть в сроки, которые ранее были предусмотрены конституцией. В ночь на 7 ноября полиция применила против манифестантов слезоточивый газ, дубинки и водометы. В результате пострадало около пятисот человек, многие демонстранты были избиты и арестованы. Президент Грузии обвинил оппозицию в попытке государственного переворота, и в ночь на 8 ноября 2007 года в Тбилиси было введено чрезвычайное положение сроком на пятнадцать дней. Была приостановлена работа независимых радиоприемных телекомпаний, запрещены митинги и забастовки. Выступления были подавлены, но Саакашвили пришлось отправить в отставку правительство и назначить на 5 января 2008 года внеочередные выборы президента.

Президентские выборы завершились уверенной победой Саакашвили, набравшего 56% голосов уже в первом туре. Эта победа стала возможной благодаря все еще достаточно высокому уровню популярности М. Саакашвили, наличию у него всех необходимых электоральных, информационных, административных и силовых рычагов, а также раздробленности оппозиции.

Желая укрепить свое внутриполитическое положение, Саакашвили сделал ставку на силовое решение «юго-осетинской проблемы».

¹ Верч Дж. Грузия после «революции роз» // Международная конференция «Конфликты на Кавказе: история, современность и перспективы урегулирования», Баку (22–23 октября 2012 г.), Тбилиси (25–26 октября 2012 г.). // Центр социально-политических исследований. URL: http://www.ca-c.org/c-g/2006/journal_rus/c-g-1/07.verchru.shtml#nazad2.

После продолжительного периода нагнетания антироссийской истерии в обществе, грузинский президент приступил к реализации плана военного захвата «мятежных территорий» Южной Осетии. Начатая грузинскими войсками в ночь на 8 августа 2008 года, в день открытия Олимпийских Игр в Пекине, масштабная боевая операция привела к многочисленным жертвам среди мирного населения, послужила основанием вмешательства России в этот конфликт и закончилась для Грузии полным крахом. Во внутренней политике Саакашвили также не удалось достигнуть поставленных целей. После разгромного поражения в «пятидневной войне» реформы в стране, по сути, были свернуты, а популярность самого Саакашвили неуклонно снижалась.

Подводя итоги «революции роз», следует отметить, что несмотря на определенные экономические успехи, обусловленные в основном мощной финансовой поддержкой со стороны Запада, Грузия так и не превратилась в процветающее демократическое государство, не вошла ни в НАТО, ни в ЕС. Более того, в результате авантюрной политики Саакашвили официальный Тбилиси окончательно (и, видимо, навсегда) утратил контроль над Абхазией и Южной Осетией. На прошедших в октябре 2012 года парламентских выборах партия Саакашвили «Единое национальное движение» набрала только 40% голосов, уступив своим оппонентам из блока Б. Иванишвили «Грузинская мечта» почти 15%. Саакашвили (он оставался на посту президента до ноября 2013 года) и его соратники ушли в оппозицию. Против многих из них были заведены уголовные дела по обвинению в превышении должностных полномочий и других, более тяжких преступлениях. Сам М. Саакашвили, лишенный гражданства, разыскиваемый грузинским правосудием и Интерполом, нашел пристанище в стране победившей «революции достоинства» — на постмайданной Украине.

Глава 6

«ОРАНЖЕВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» НА УКРАИНЕ

(Наумов А., Наумова А.)

Не прошло и года с момента триумфальной победы «революции роз» в Грузии, как мир стал свидетелем еще более масштабного общественно-политического кризиса в другой постсоветской республике — на Украине. В наивысшей точке данного процесса произошло событие, вошедшее в историю под названием «оранжевая революция». Этот феномен стал возможен благодаря своеобразию украинской политической системы вкупе с большим количеством неразрешенных социально-экономических проблем в стране, а также интенсивному воздействию на развитие украинского кризиса внешних сил¹.

Как известно, в 1922 году Украина была в числе основателей Союза Советских Социалистических Республик; она же спустя шестьдесят девять лет внесла весомую лепту в развал советской империи. После знаменитой встречи в Вискулях президентов России, Белоруссии и Украины 8 декабря 1991 года страна обрела независимость.

Правление первого президента независимой Украины Леонида Кравчука вряд ли можно назвать успешным. Уже летом 1994 года в ходе досрочных президентских выборов он проиграл бывшему премьер-министру Леониду Кучме. Новому президенту досталось непростое наследство: экономика катилась в пропасть, бушевала гиперинфляция, реальный валовой внутренний продукт падал на двузначное значение процентов ежегодно. Однако Кучма в целом сумел справиться с непростыми вызовами и укрепить собственное положение. К середине 1990-х годов на Украине утвердилась своеобразная и во многом характерная для целого ряда стран постсоветского пространства система власти — номенклатурно-олигархический режим. Ее характерные черты заключались в полном контроле президента над кадровой политикой и всеми принципиальными решениями в экономической сфере, включая вопросы приватизации крупных объектов, а также его доминирование над парламентом. Кроме того, контроль над общеукраинскими средствами массовой информации позволял президенту управлять

¹ Подр. см.: Наумова А.Ю. «Оранжевая революция» в Украине. М., 2011.

общественно-политической повесткой дня. Выстроенная система государственного управления позволила Кучме осенью 1999 года во втором туре президентских выборов легко победить лидера компартии Петра Симоненко. В своей инаугурационной речи он пообещал стать «новым Кучмой». Видимо, украинский президент почувствовал, что выстроенная им система политического и государственного управления не соответствует новым реалиям экономического и социального развития. Речь, прежде всего, шла о росте частного сектора экономики и появлении требовавшего перемен среднего класса.

С 1999 года экономика Украины стала расти все ускоряющимися темпами. Особенно удачными выдалась 2003–2004 годы (тогда премьер-министром был Виктор Янукович), когда украинская экономика вышла на 12% роста ВВП. Рос товарооборот, уровень жизни большинства украинцев заметно улучшался. По данным социологов, число лиц, считавших экономическую ситуацию в стране очень плохой, уменьшилось — с 40,7% в 2000-2001 годах до 18,3% в 2004 году. Людей, неудовлетворенных своим социальным положением, в 2004 году оставалось по-прежнему много, но все же на 20% меньше, чем несколько лет назад. А число довольных своим статусом за это же время выросло с 8% до 15,4%. Наметилась тенденция к увеличению позитивных оценок того, что касалось гарантий занятости, личной безопасности, материальных условий семейной жизни, медицинского обслуживания и условий отдыха. Этот фактор в дальнейшем и послужил росту социальной активности жителей Украины, переставших жить в постоянных заботах лишь о выживании и обративших свой взор на политическую ситуацию в стране¹.

Несмотря на улучшение экономической ситуации критические настроения в обществе не ослабевали. Доверие людей к органам власти не увеличилось, в то же время готовность к участию в политических акциях протеста возрастала. Возросло число тех, кто был готов не только на легитимные, но и на нелегитимные акции протеста (от бойкота до создания вооруженных формирований). Так если в 1997 году лишь 22% опрошенных социологами граждан были согласны участвовать в нелегитимных акциях протеста, то к 2004 году таких было уже 37%². Уровень общественного доверия к власти был настолько низким, что миллионы людей выражали готовность действовать против нее нелегально. В любом случае, они не стеснялись повсеместно заявлять об этом вслух, зная, что окружающие их поймут и поддержат. Внезапно

¹ Малинкович В. О причинах «оранжевой революции» в Украине // «Оранжевая революция». Украинская версия. Сост. М.Б. Погребинский. М., 2005. С. 33.

² Українське суспільство 1994-2004. Моніторинг соціальних змін. К., 2004. С. 469–471.

появившееся и, по сути, «сырое» украинское гражданское общество требовало выхода своей нерастраченной энергии.

В целом, вопреки пропагандистской риторике об экономических успехах и общей стабильности, украинское общество достаточно скептически оценивало процессы, которые происходили в стране. Главная причина низкой оценки достигнутых успехов заключалась в колоссальном разрыве между намерениями, которые были провозглашены в начале 1990-х годов, и реальными результатами финансово-экономической деятельности властей. Ситуация не изменилась и несмотря на ежегодное оживление экономики и возрастание ВВП в начале XXI века. В украинском обществе сработал пресловутый «эффект Токвилля».

Рассматривая причины «оранжевой революции» надо обратить внимание еще на один немаловажный аспект — идеологический. Распад СССР, крах коммунистической идеологии и превращение Украины в самостоятельное государство создали ситуацию катастрофического идейного вакуума. Единственным реальным идеологическим проектом оказался проект национальной Украины, проект национал-демократов (запад страны плюс Киев). В то же время оказалось, что юго-восток Украины вообще не способен предложить свое новое видение идеологии страны¹. Таким образом, в конце 1980-х — начале 1990-х годов идея создания независимого национального украинского государства, приверженцами которой выступали представители национал-демократических и радикальных националистических сил, стала доминирующей в идеологическом поле Украины. Этой идее было достаточно легко утвердиться, превратившись из политического требования в целостный культурно-идеологический проект, связанный с реинтерпритацией украинской истории, возрождением национальных культурных традиций и, когда требовалось, их изобретением.

При этом после провозглашения независимости украинские политики-«державники» были поставлены перед фактом отчетливой дезинтеграции государства, которая проявлялась сразу по нескольким направлениям: региональная дезинтеграция по линии восток — запад; экономическая дезинтеграция в системе промышленный юго-восток и аграрный северо-запад; политическая дезинтеграция — более ста партий всевозможной ориентации; культурно-духовная — разные традиции и уклад жизни; языковая — украинский как государственный язык, но большинство населения в быту говорило на русском; национальная — в стране проживало свыше ста национальностей и около двенадцати миллионов этнических русских; религиозная — даже пра-

¹ Украина без Кучмы. Год оранжевой власти. Январь 2005 — март 2006 года / Сост. Погребинский М., Толпыго А., К., 2007. С. 33.

вославие на Украине было расколото на несколько конфликтующих между собой ветвей¹. Однако вместо того, чтобы попытаться выработать консолидирующую всех украинцев национальную идеологическую концепцию, учитывавшую все региональные и прочие различия, национал-демократы стали внедрять уже готовую националистическую концепцию запада Украины.

Парадокс ситуации состоял в том, что выходцы из западных областей не имели ни теоретических знаний, ни практического опыта в области государственного управления. В такой ситуации основные государственные посты в экономике, финансах, политике продолжали оставаться в руках бывших представителей компартии, а представителям западной части страны «на откуп» была отдана сфера идеологии и культуры. Именно поэтому «своя» богатая этноистория становилась альтернативой советской концепции истории Украины, а предложенные ею парадигмы и трактовки событий, процессов, выдающихся деятелей, новая историческая символика являлись стержнем политических, идеологических и культурных матриц украинского национального движения. Идеальным вариантом «подлинной украинскости» считалась Галичина — территория бывшей Австро-Венгрии, а затем межвоенной Польши; на втором месте оказывались остальные области западной Украины; на третьем — центральная Украина; восточная же Украина рассматривалась как нечто «неправильное»². Тем не менее, несмотря на недовольство востока страны, западно-украинская идеология фактически стала государственной. Русский язык приравнялся к языку национальных меньшинств, хотя на нем разговаривало около половины, если не более, населения страны.

На этом фоне еще одной причиной превращения общественного недовольства в «революционные» настроения выступил рост идейно-политической поляризации в канун выборов. Украинский национализм сталкивался с глубинными слоями прежней советской (и досоветской) идентичности, приводя к языково-этническому и политическому расколу, имевшему и географическое измерение — юго-восток против центра, и северо-запада³. В восприятии многих украинцев из западных и центральных областей оппозиционный кандидат в президенты В. Ющенко стал выразителем национальных чаяний, особенно на контрасте с поданным в качестве пророссийского кандидата В. Януковичем. Активная поддержка «оранжевых» политиков на западе Украины связывалась с надеждой на ускоренное решение задач дальнейшей

¹ Жильцов С.С. Неоконченная пьеса для «оранжевой» Украины. М. 2005. С. 26.

² Украина без Кучмы. С.37.

³ Никонов В. «Оранжевая революция» в контексте жанра // «Оранжевая революция». Украинская версия. Сост. М.Б. Погребинский. С. 118.

отстраненности от России и приобретение Украиной нового, восточно-европейского качества. Сюда же следует отнести и наличествовавший религиозно-конфессиональный элемент. В силу политической логики и достаточно жесткой публичной поддержки Януковича отдельными представителями Украинской православной церкви Московского патриархата «оранжевое» движение нашло дружественно-позитивное отношение со стороны представителей иных религиозных организаций, в первую очередь Украинской православной церкви Киевского патриархата и Украинской греко-католической церкви¹. Таким образом, по прошествии тринадцати лет с момента обретения своей независимости Украина не смогла выработать единую консолидирующую национальную идею, а украинское общество находилось в состоянии глубокого социокультурного раскола.

Еще одним фактором политико-идеологической борьбы являлась проблема геополитической определенности Украины. Получив независимость, Украина оказалась неспособна рационально ею распорядиться. Часть политической элиты стала настаивать на необходимости «европейского выбора», другие же — на желательности выбора евразийского. И первый, и второй варианты, по сути, вели к свертыванию независимости и к частичной потере суверенитета. Отсюда и постоянная неопределенность со вступлением в НАТО, и невнятная политика в отношении России. Другими словами, у политического класса Украины отсутствовала продуманная внешнеполитическая линия. Кучма, как и большинство постсоветских лидеров, не разрывая отношений с Россией, все отчетливее высказался в пользу евроатлантической интеграции Украины. Тем самым он непрозрачно намекал на возможность и даже желательность выбора «европейского» вектора развития страны. Особенно это касалось стратегически значимых вопросов приватизации крупных инвестиционно привлекательных объектов и определения места страны в международном разделении труда. Данная позиция содействовала не объединению страны, а дальнейшему расколу и все более сильной поляризации взглядов сторонников европейской интеграции и желающих сближения с Москвой. Неопределенность официального Киева давала надежду и тем, и другим, что их точка зрения на дальнейшее будущее страны может возобладать, во многом побуждая их к решительным действиям.

Наконец, большую роль в нарастании общественно-политического кризиса на Украине сыграли сугубо субъективные факторы. В первую очередь следует сказать об известном «кассетном скандале», разразившемся в ноябре 2000 года, после того как майор запаса Службы безопасности Украины Н. Мельниченко опубликовал аудиозаписи,

¹ Малинкович В. Ук. соч. С. 21.

на которых якобы присутствуют доказательства причастности президента Л. Кучмы к исчезновению оппозиционного журналиста, основателя издания «Украинская правда» Г. Гонгадзе (впоследствии выяснилось, что он был убит). Лидер Социалистической партии Украины А. Мороз прямо заявил о причастности президента Кучмы к этому инциденту. С декабря 2000 по март 2001 года по стране прокатилась кампания протестов под лозунгом «Украина без Кучмы», в которой участвовали тысячи человек. Ее инициаторами выступила группа беспартийных общественных деятелей, а координаторами стали участник студенческого движения 1980-1990-х годов В. Чемерис и член Социалистической партии Ю. Луценко; одним из лидеров акции «Украина без Кучмы» была и Ю. Тимошенко. Первая акция протеста состоялась 15 декабря 2000 года. Всего кампанию поддержали двадцать четыре политические партии и общественные организации, в их числе Соцпартия, УНА-УНСО, Украинский коммунистический союз молодежи, Всеукраинская партия трудящихся и другие. Участники акции разбили палаточный городок в центре Киева, требуя отставки главы государства, министров силового блока и проведения независимой экспертизы по делу пропавшего Гонгадзе.

9 марта 2001 года возле Администрации президента произошли столкновения протестующих с милицией. Было задержано несколько сот активистов, два десятка из них были приговорены к различным срокам тюремного заключения. Кампания «Украина без Кучмы» не достигла своей главной цели — ухода Кучмы с президентского поста — из-за отсутствия популярного лидера, по-настоящему массовой поддержки и плохой организации (надо отметить тот факт, что в то время будущий лидер «оранжевых» В. Ющенко был действующим премьер-министром в правительстве Кучмы, выступил с однозначной поддержкой президента и даже подписал открытое письмо, в котором назвал протестантов фашистами). Тем не менее, она имела очень серьезное влияние на дальнейшее общественно-политическое развитие Украины; во многом на волне «антикучмизма» оппозиции удалось завоевать половину мест в Верховной Раде в ходе парламентских выборов 2002 года и создать таким образом плацдарм для системного противостояния с режимом. Некоторые авторы склонны полагать, что кампанию «Украина без Кучмы» можно рассматривать в качестве репетиции технологии управления уличными массами с целью политического давления на власть и даже пролога к «оранжевой революции», которая произошла на Украине спустя три года в ходе президентских выборов¹.

¹ См., напр.: Филимонов Г., Данюк Д., Юраков М. Переворот. СПб., 2016. С. 41; Наумова А.Ю. Ук. соч. С. 51–52; McFaul M. Ukraine Imports Democracy. External Influences on the Orange Revolution // International Security. Vol.32. № 2 (Fall 2007). Pp. 54, 57.

Эти выборы — третьи в истории независимой Украины — были назначены на 31 октября 2004 года. Уже в апреле определились основные фавориты предвыборной гонки — кандидат от правящего режима, действующий премьер-министр В. Янукович и лидер оппозиции экс-премьер В. Ющенко. Надо заметить, что антиправительственные силы изначально предлагали избирателям выбор в виде дилеммы: либо консервация нынешнего состояния, либо радикальные изменения. Оппозицией активно навязывался тезис о том, что население должно сделать выбор между правовым, демократическим государством и отсталым, авторитарным режимом. Более того, по мнению западного историка и политолога украинского происхождения Т. Кузио, для победы «оранжевой революции» было необходимо, чтобы во втором туре президентских выборов лицом к лицу столкнулись два типа кандидата: воплощение борьбы добра (оппозиционный кандидат) со злом (провластный кандидат)¹.

В этой связи сама история формирования «оранжевой» оппозиции заслуживает особого внимания. Наиболее яркие «революционные» лидеры — Виктор Ющенко и Юлия Тимошенко — когда-то сами были встроены в систему верховной власти Украины. Ющенко долгое время возглавлял Национальный банк Украины, а с 1999 по 2001 год был премьер-министром страны. Однако отставка с поста главы кабинета министров Украины побудила его круто изменить вектор политических взглядов и дала старт переходу Ющенко вначале к умеренно-оппозиционным взглядам, а позже и к радикальным действиям. В результате данной эволюции (произошедшей не без влияния извне) он и возглавил «оранжевую революцию».

Что касается Юлии Тимошенко, то с 1995 по 1997 год она являлась президентом промышленно-финансовой корпорации «Единые энергетические системы Украины». Однако после отставки поддерживавшего ее лидера партии «Громада» П. Лазаренко с поста премьер-министра страны, она потеряла свой пост и возглавила «теневое правительство» партии «Громада», в котором занимала должность заместителя председателя. В дальнейшем Тимошенко вошла в правительство Ющенко как вице-премьер по топливно-энергетическому комплексу Украины; в данной должности она и проработала практически до отставки кабинета министров весной 2001 года.

В январе 2002 года Ющенко возглавил блок из десяти оппозиционных президенту Кучме партий, названный «Наша Украина». На выборах в Верховную Раду в марте того же года «Наша Украина» заняла

¹ Kuzio T. Everyday Ukrainians and the Orange Revolution // Revolution in orange: the origins of Ukraine's democratic breakthrough. Ed. by A. Aslund, M. McFaul. Washington, 2006. P.57.

первое место, получив четверть мест в украинском парламенте. Не присоединившийся к «Нашей Украине» Блок Юлии Тимошенко также прошел в Раду, правда, с гораздо более скромным результатом — всего двадцать четыре депутата из четырехсот пятидесяти, то есть около 5%. Победа блока Ющенко была очень важна еще и в том плане, что благодаря успеху на парламентских выборах его структура стала центром притяжения всех оппозиционных сил, включая Ю. Тимошенко. А это, в свою очередь, позволило создать мощный единый антиправительственный фронт для борьбы с правящим режимом уже в ходе выборов президентских.

Активная борьба с правящим режимом со стороны Ющенко началась за полгода до президентских выборов. В его избирательной кампании четко реализовывался сценарий «всенародный президент против криминального режима и донецких бандитов»; одним из главных лозунгов «оранжевой революции» стало требование «зек (премьер-министр В. Янукович — А.Н.) не будет президентом Украины!». Рядом стоял лозунг о преступности власти и криминальном режиме Кучмы, которого обвиняли не только во всеобщей коррупции, разгуле преступности, но и в участии в убийстве журналиста Гонгадзе.

Здесь нельзя не отметить позицию западных стран, особенно США, по этому вопросу. На Западе крайне негативно реагировали на ход расследования данного преступления, обвиняя украинского президента в бездействии. Американское правительство предоставило политическое убежище опубликовавшему аудиозаписи майору Мельниченко и вдове погибшего журналиста Мирославе с детьми (она вскоре получила работу на радиостанции «Голос Америки»). После этого скандала администрация Буша больше никогда не приглашала украинского президента в США, его имидж был сильно подпорчен, а сам он подвергался сильнейшему давлению со стороны западных стран по вопросу свободы слова и прозрачности системы правосудия на Украине. В довершение всего Кучму также подозревали в подготовке ликвидации лидера оппозиции Виктора Ющенко; причем подобные обвинения очень хорошо сочетались с внезапной болезнью «оранжевого» кандидата, наступившей, по уверению его самого и его сторонников, в результате организованного правящим режимом в сентябре 2004 года отравления¹.

На самом деле, оппозиция действовала в рамках заранее разработанной стратегии, направленной на смену политического режима, что со всей неизбежностью подразумевало конфронтацию с действующей властью. С целью определить готовность жителей Украины поддержать

¹ Марков С. «Оранжевая революция» — пример революции глобального сообщества XXI века // «Оранжевая революция». Украинская версия. Сост. М.Б. Погребинский. С.67-68.

призывы к гражданскому неповиновению, а также их отношение к различным формам общественного протеста, с 13 по 22 августа 2004 года соросовский «Фонд свободы» провел всеукраинский опрос общественного мнения. На вопрос: «Если оппозиционный кандидат в президенты Украины проиграет выборы. Вы будете или не будете принимать участие в акциях протеста?» — утвердительно ответили 13% респондентов, 76% опрошенных были против участия в массовых протестах, еще 11% затруднились с ответом¹. Таким образом, за три месяца до «оранжевой революции» только один из восьми совершеннолетних граждан Украины был готов лично участвовать в возможных акциях протеста оппозиции; массового стремления населения защищать через акции протеста интересы Ющенко не наблюдалось. Также обнаружилась прямая зависимость: чем менее легитимными являются те или иные формы протеста, тем меньше граждан Украины выражали готовность принимать в них участие. Еще летом 2004 года граждане Украины в большинстве своем не поддерживали экстремистские лозунги и предпочитали стабильность в государстве. Как показывали результаты опросов общественного мнения, «разогревание» общественно-политической ситуации в Украине до критических значений было весьма маловероятным.

В данных условиях огромное значение приобретал человеческий фактор. Лидер оппозиции Ющенко, например, позиционировал себя как «истинный демократ», упустив из виду при этом, что сам является порождением власти². Базовыми для Ющенко и «оранжевой революции» стали три довольно разнородных региона. Во-первых, Ющенко мог рассчитывать на Киев, поддержавший оппозицию по идеологическим и эстетическим соображениям: для столицы Ющенко стал символом европейского выбора Украины, прорыва на Запад, к демократии и «общечеловеческим ценностям». Второй опорой «оранжевых» стали жители депрессивных западных областей страны, увидевшие в Ющенко возможность укрепления национального начала украинской государственности, отеснения от власти доминирующих групп из Восточной Украины, реализации своих чаяний об окончательном дистанцировании от России и создании новой евроатлантической украинской нации. Наконец, за Ющенко готово было голосовать украинское село, чье предпочтение лидеру «оранжевых» носило не идеологический, а культурный характер. Ющенко был воплощением украинской деревенской мечты о «парне из села», поехавшим в город, окончившим институт и выбившимся в большие начальники. Янукович же вызывал

¹ См.: Жильцов С.С. Ук. соч. С. 43.

² Motyl A.J. Three Years After: Theoretical Reflections on Ukraine's Orange Revolution // Harvard International Review. Volume 29. Issue 4. Publication Year 2008. P. 16.

культурное отторжение как некое воплощение «плохого парня из большого города»¹.

На элитном уровне движущими силами «оранжевой революции» выступали аутсайдеры в бизнесе и те предприниматели, которые боялись увидеть себя в роли аутсайдеров при новой власти (в январе 2005 года газета Washington Post язвительно назвала украинские события «революцией миллионеров против миллиардеров»; и это в значительной степени отражало реальную ситуацию, когда на стороне правящего режима выступили главные олигархи страны, в то время как оппозицию поддержал капитал менее крупного масштаба); национально и даже националистически ориентированная часть госаппарата, довольно неплохо представленная в том числе в спецслужбах и во внешнеполитическом ведомстве; элиты западных регионов; национально-либеральная интеллигенция².

Что касается электоральной базы провластного кандидата, то в его победе и, соответственно, сохранении статус-кво и преемственности власти были заинтересованы социально пассивные слои населения, которые уже начали ощущать улучшение своего положения по мере роста ВВП, но при этом не собирались «воевать» за эту стабильность и эту власть. На стороне Януковича было большинство русскоязычных избирателей Украины, главным образом, из крупных промышленных центров юго-востока страны, негативно воспринимавших Ющенко, чему во многом способствовало то, что часть его команды составляли украинские националисты и откровенные русофобы. Янукович был поддержан олигархами из трех мощнейших финансово-промышленных групп Украины: Ринатом Ахметовым от Донецка, Виктором Пинчуком от Днепропетровска и Григорием Суркисом и Виктором Медведчуком от официального Киева³.

Несмотря на солидный административный и финансовый ресурс, обилие вокруг Януковича политтехнологов (зачастую конкурирующих между собой), его избирательная кампания проходила весьма тускло и без «изюминки». По меткому замечанию бывшего главы «Фридом Хаус» А. Каратницкого, «кампания Януковича напоминала советское прошлое: обязательные встречи с работниками предприятий, торжественное разрезание красных ленточек и все в том же духе»⁴. Образ крепкого хозяйственника, который на протяжении всей избиратель-

¹ Никонов В. «Оранжевая революция» в контексте жанра. С. 118.

² Там же. С. 114.

³ Aslund A. The Ancien Regime: Kuchma and the Oligarchs // Revolution in orange: the origins of Ukraine's democratic breakthrough. P. 17.

⁴ Karatnycky A. The Fall and Rise of Ukraine's Political Opposition: From Kuchmagate to the Orange Revolution // Revolution in orange: the origins of Ukraine's democratic breakthrough. P. 38.

ной кампании пропагандировался Януковичем и его окружением, имел право на жизнь, однако за кадром для избирателей остался его человеческий образ: его хобби, увлечения, способы проведения досуга. Народ видел на экранах лишь чиновника, говорящего об экономических успехах. Негативным фоном его избирательной кампании стала и закрытость от СМИ: попытки почти всех изданий взять интервью у премьер-министра заканчивались безрезультатно.

Тем не менее, Януковичу удалось не только сравняться с популярным Ющенко, но и вырваться вперед в предвыборной гонке. Инициативы с двойным гражданством и русским языком как вторым государственным помогли отобилизовать юго-восточные области Украины. Социальные выплаты и удвоение пенсий укрепили его позиции среди левых и на селе. Этот прорыв в традиционалистский электорат мог бесповоротно решить исход выборов в его пользу, однако он захлебнулся. Рейтинг Януковича на каком-то этапе уперся в ценностное отторжение судимостей кандидата, а на западе страны не дал нужного результата из-за недооценки евроатлантических устремлений значительной части украинского общества, годами культивируемых США и их европейскими союзниками посредством политики «мягкой силы». В этой же связи следует рассматривать и провал кампании штаба Януковича по дискредитации Ющенко, к которому пытались приклеить ярлык американского лакея, «Бушенко», чья победа де приведет к срежиссированной Вашингтоном военному конфликту на Украине по примеру Боснии, Сербии и Ирака¹.

Позиция В. Ющенко была более привлекательной прежде всего за счет более раскованного и разнопланового поведения. По совету пиар-технологов он и его соратники с июля по октябрь исколесили всю Украину. В день Ющенко проводил по четыре, а иногда и пять встреч с избирателями в больших городах, после чего встречался с населением близлежащих городков и деревень. «Оранжевые» не только встречались с избирателями, но и наладили выпуск оппозиционных листовок и газет огромными тиражами.

В рамках предвыборного дискурса оппозиция сумела навязать украинскому обществу два основных тезиса: «на честных выборах победит только Ющенко» и «честных выборов не будет вовсе». В результате практически две трети граждан Украины заранее считали, что результаты президентских выборов будут сфальсифицированы. Об этом свидетельствовали данные соцопроса, проведенного Центром экономических и политических исследований им. А. Разумкова с 9 по 14 сентября 2004 года во всех регионах Украины. Согласно данным опроса, лишь 13% граждан считали, что результаты президентских выборов 2004

¹ Wilson A. Ukraine's Orange Revolution. New Haven, 2005. P. 95.

года, которые огласит Центральная избирательная комиссия, будут объективными и будут отображать реальное голосование избирателей. Почти две трети опрошенных (64%) высказывали мнение, что результаты выборов будут в той или иной степени фальсифицированы. В том числе 34% считали, что результаты выборов будут частично фальсифицированы, но это не повлияет существенным образом на их исход, а 30% были уверены, что такая фальсификация существенно скажется на результатах выборов¹.

Населению настойчиво навязывалась изначально безальтернативная и безвыходная ситуация: «надежда нации» — Виктор Ющенко — хотел бы победить честно, но власть сделать этого не позволит. Более того, разработчики его избирательной кампании обещали организовать в ответ на предстоящие нечестные выборы уличные акции как выражение «народного гнева». Фактически Украину изначально ставили перед выбором, носящим явно ультимативный характер: объявить Ющенко победителем, и тогда выборы признают честными, либо в стране грянет «народная революция».

Эта пропагандистская кампания оказывала особенно сильное воздействие на появившийся в стране средний класс, а также студенчество ВУЗов и колледжей. Причем, как отмечает украинский комментатор В. Малинкович, это было уже не то поколение студентов, что устраивало акции протеста в 1990 году, и не бесцветное растерянное поколение молодежи середины и конца 1990-х, которое еще плохо ориентировалось в непривычном социальном пространстве. Теперь это была наиболее активная часть молодежи, выросшая и получившая образование уже в независимой Украине, осваивавшая западные ценности и в большинстве регионов Украины уже забывшая о ценностях прошлого². Усилиями оппозиционной прессы, которые находили сочувствие и понимание в новых социально активных группах украинского общества, В. Янукович «раскручивался» как политик советского типа, бюрократ, некая мрачная фигура «отсталого» востока страны. При этом его тесные связи с Россией и олигархами восточных областей «превращали» Януковича в политика, который тянет страну назад.

В преддверии выборов ситуация на Украине стала обостряться. 23 августа 2004 года Генеральная прокуратура Украины, Служба безопасности и Министерство внутренних дел выступили с совместным заявлением о том, что оппозиция готовит акции по дестабилизации ситуации в стране. Ответ «оранжевых» последовал молниеносно: Ющенко и Тимошенко призвали Л. Кучму отправить силовиков в отставку за вмешательство в политическую борьбу. Одновременно Тимошенко

¹ Центр Разумкова. Официальный сайт. URL: <http://razumkov.org.ua/ukr/socpolls.php>.

² Малинкович В. Ук. соч. С. 38.

пригрозила властям (в очередной раз) массовыми беспорядками в случае фальсификации выборов. «Если власть пойдет на фальсификации, мы начнем большое народное восстание»¹, — заявила Тимошенко на митинге в Павлограде, где она находилась вместе с Ющенко. Фактически оппозиция начала претворять в жизнь заключительную фазу подготовки к «революции».

Первый тур президентских выборов в Украине, состоявшийся 31 октября 2004 года, не принес победы ни одному из кандидатов. Согласно данным Центральной избирательной комиссии за премьер-министра Виктора Януковича проголосовало 39,32% избирателей, а за лидера «Нашей Украины» Виктора Ющенко — 39,87%². В условиях укоренившегося в обществе мнения о возможных фальсификациях большие надежды каждая из сторон возлагала на экзит-поллы, проводившиеся социологическими службами в день выборов. По оценкам Фонда «Общественное мнение» за Януковича проголосовали 43,5%, а за Ющенко — 39,2%. Близкие данные получили Украинский институт социальных исследований и Социологическая ассоциация Украины: за Ющенко — 39,3%, за Януковича — 43%. С этими цифрами разошлись данные, полученные структурами, ориентированными на лидера «Нашей Украины». Национальный экзит-полл, проведенный Украинским центром им. А. Разумкова и Фондом «Демократические инициативы», показал, что за Ющенко проголосовали 44,4%, а за Януковича — 38%. Наконец, совершенно иные данные обнародовал непосредственно штаб Ющенко. По словам руководителя избирательной кампании «оранжевых» А. Зинченко, окончательные результаты параллельного подсчета голосов показали, что лидер «Нашей Украины» набрал 46% голосов, в то время как Янукович — всего 33%³. Результаты выборов еще раз продемонстрировали, что на Украине нет общенационального лидера. Если за Ющенко почти во всех западных областях отдали свои голоса почти 90% населения, то на востоке страны В. Янукович получил равнозначную поддержку своих избирателей⁴. Ввиду того, что ни один из кандидатов не получил 50% + один голос, необходимые для победы в первом туре, был назначен второй тур голосования.

Второй тур президентских выборов прошел 21 ноября 2004 года. Согласно официальным данным Центральной избирательной комис-

¹ Тимошенко не боится силовиков, а Ющенко — паханов // Украинская правда. 23.08.2004. URL: <http://www.pravda.com.ua/ru/news/2004/8/23/11354.htm>.

² Центральная избирательная комиссия Украины. Официальный сайт. URL: <http://www.cvk.gov.ua/vp2004/wp0011.htm>.

³ Цит. по: Жильцов С.С. Ук. соч. С. 74–75.

⁴ Там же.

сии Украины Янукович набрал 49,46 % голосов, а Ющенко — 46,61 %¹. Оппозиция сразу отказалась признавать итоги голосования, обвинив власти в фальсификациях. Основанием для таких обвинений стали данные экзит-поллов, проведенные дружественными оппозиции структурами. Так, по данным социологической службы «Социс» и Центра «Социальный мониторинг» за Ющенко отдали свои голоса 49,7% населения, а за Януковича — 46,4%. Согласно Консорциуму социологических служб, в который вошли Киевский международный институт социологии, Украинский центр экономических и политических исследований им. А. Разумкова и Фонд «Демократические инициативы», за лидера оппозиции проголосовали 54% избирателей, в то время как за Януковича — всего 43%². В штабе Ющенко заявили о победе своего кандидата и намерении всеми силами эту победу отстаивать.

В этот момент в украинский общественно-политический кризис началось активное вмешательство извне. Миссия наблюдателей американского Национального демократического института, проводившая мониторинг выборов 2004 года, выпустила специальный пресс-релиз под названием «Существенные нарушения процесса президентских выборов в Украине подрывают его легитимность», который содержал открытый призыв к проведению перевыборов (забегая вперед, отметим, что в ходе третьего, победного для Ющенко, тура в отчете Национального демократического института о нарушениях не упоминалось равным счетом ничего и отмечалось, что «делегации не заметила никаких нарушений»³). Государственный секретарь США К. Пауэлл заявил, что его страна не может признать результаты голосования, а сами выборы не соответствуют международным стандартам. Кроме того, Пауэлл предупредил украинское руководство, что в случае, если оно немедленно не начнет действовать ответственно, это будет угрожать двусторонним отношениям, поставит под вопрос надежды Украины на евроатлантическую интеграцию и приведет к серьезным последствиям для отдельных лиц, ответственных за подтасовку результатов. Особенно госсекретарь подчеркнул недопустимость применения силы против «украинского народа». А влиятельный член сенатского Комитета по международным

¹ Центральная избирательная комиссия Украины. Официальный сайт. URL: <http://www.cvk.gov.ua/vp2004/wp0011.htm>.

² Жильцов С.С. Ук. соч. С. 76.

³ См.: Fundamental Flaws in Ukraine's Presidential Election Process Subvert its Legitimacy. Press Release. November 23, 2004 // National Democratic Institute for International Affairs. https://www.ndi.org/files/1774_uk_press_112304.html; Preliminary Statement of the NDI International Election Observer Delegation on Ukraine December 26, 2004. Repeat of the Presidential Runoff Election. December 27, 2004 // National Democratic Institute for International Affairs. https://www.ndi.org/files/1787_uk_statement_122704.html.

делам Дж. Байден заявил, что украинское руководство должно «немедленно дезавуировать результаты выборов, пригласить независимую комиссию для расследования многочисленных сообщений о фальсификациях и обеспечить защиту мирным демонстрантам»¹.

Официальные данные ЦИК Украины и реакция на них внутри и вовне Украины, таким образом, резко обострили политическую ситуацию в стране. Оппозиция, получившая мощную моральную поддержку из-за океана, перешла к активной фазе операции по смене политического режима на Украине и призвала граждан выйти на улицу в знак протеста против сфальсифицированных выборов. Так, 22 ноября 2004 года, собственно, и началась «оранжевая революция».

В сложившихся условиях едва ли не решающее значение приобрел внешний фактор, а именно: участие Запада в осуществлении «оранжевой революции». Разумеется, США и их европейские союзники не спонтанно решили оказать поддержку оппозиционному кандидату осенью 2004 года, напротив, этому предшествовала планомерная и кропотливая работа. Учитывая уникальное геополитическое положение Украины, западные страны стремились любыми путями втянуть страну в орбиту своего влияния, к чему непосредственно и должна была привести «оранжевая революция», осуществленная посредством технологий «мягкой силы». Заметим, что никогда ранее Запад столь активно не вовлекался в процесс общественно-политического кризиса на постсоветском пространстве, включая известные события в Грузии 2003 года.

По данным отечественных исследователей, которые оперируют открытой информацией, в 1992–2005 годах под управлением Госдепартамента США на Украине была реализована почти тысяча различных проектов на общую сумму три миллиарда долларов²! Особое внимание уделялось работе по «демократизации» Украины. Большое значение в этом плане имел Закон о поддержке свободы, принятый в США в октябре 1992 года (полное его название звучало так: Закон о свободе для России и новых (евразийских) демократий и открытых рынках, Freedom for Russia and Emerging (Eurasian) Democracies and Open Markets, сокращенно FREEDOM Support Act). Он санкционировал предоставление американской помощи двенадцати бывшим советским республикам, включая Украину. И уже с середины 1990-х годов эта страна заняла лидирующее место на постсоветском пространстве по объемам средств, вкладываемых американским правительством в рамках программ по демократизации региона. Главной задачей Белого

¹ Branigin W. U.S. Rejects Tally, Warns Ukraine // The Washington Post. November 25, 2004. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/articles/A10212-2004Nov24.html>.

² Филимонов Г., Данюк Д., Юраков М. Ук. соч. С. 157.

дома, согласно официальным документам, было изменение политического режима посредством создания новых партий, свободных СМИ и НПО, а также с помощью реформирования законов о выборах¹. Даже западные авторы признают, что американская помощь была направлена не только на проведение демократических реформ, но и преследовала конкретные политические цели². Вашингтон стремился установить на Украине проамериканский режим, что открывало путь капиталу США на украинский рынок, не говоря уже о давней мечте американских стратегов навсегда оторвать Украину от России, ослабив, тем самым, своего главного геополитического противника. На протяжении целого десятилетия накануне «оранжевой революции» коллективный Запад во главе с Америкой осуществлял целенаправленные кампании по «продвижению демократии» и формированию прозападной украинской элиты в среде политических и общественных деятелей, экспертов и журналистов, работников науки и культуры, молодежи и студенчества.

Главными акторами «мягкой силы» Вашингтона на Украине стали Агентство США по международному развитию и его традиционные партнеры — Национальный демократический институт по международным делам, Международный республиканский институт, Фонд «Евразия» и еще целый ряд структур. Ключевой задачей этих организаций стало создание прозападного гражданского общества на Украине, что достигалось путем многочисленных тренингов, конференций, семинаров, круглых столов для представителей НПО, СМИ, политических партий, государственных служащих всех рангов. Активно финансировалось издание инструкционных брошюр, листовок; молодежь привлекалась к организации уличных мероприятий, реализовывались стажерские программы и т.д. и т.п.

Помимо работы с гражданским обществом американские фонды, в первую очередь, Международный республиканский институт и Национальный демократический институт по международным делам, оказывали серьезное влияние на формирование политической повестки дня на Украине. Например, как пишет весьма осведомленный в этих вопросах М. Макфол, эти две структуры внесли самый серьезный вклад в появление максимально независимой от президента Кучмы Верховной Рады IV созыва, избранной весной 2002 года. Для этого с представителями различных партий проводились соответствующие кон-

¹ Цветкова Н.А., Ярыгин Г.О. Участие публичной дипломатии США в политической трансформации Украины, 1990-е — 2000-е годы // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. Сер.6. Вып.4. С. 69.

² См., напр.: Gillis A. Foreign Aid and Democratization: The Impact of Western Assistance on the Orange Revolution. Budapest, 2013. P. 27.

сультации; активная работа велась и со спикером Рады В. Литвиным, который всегда был желанным гостем на Капитолийском холме. Дж. Теффт, в то время заместитель помощника госсекретаря по вопросам Европы и Евразии, курировавший отношения с Украиной, отмечал: «Мы приветствуем спикера Рады в Вашингтоне... и хотим подчеркнуть нашу поддержку законодательному органу, призванному обеспечить выбор, отражающий волю народа (Украины — А.Н.)»¹. Еще до старта предвыборной парламентской кампании Международный республиканский институт и Национальный демократический институт по международным делам активно участвовали в организационной работе по созданию блока «Наша Украина» во главе с Ющенко, а затем проводили политические тренинги для его участников. Причем если Международный республиканский институт работал с региональными отделениями, то Национальный демократический институт сосредоточил свою работу в Киеве. Эти же две структуры занимались лоббированием и улучшением имиджа Ющенко в США. Международный республиканский институт организовал в феврале 2003 года поездку лидера «Нашей Украины» и его ближайших соратников в Вашингтон, где им были организованы встречи с влиятельными фигурами администрации президента Дж. Буша-мл. и членами Конгресса (в том числе с сенатором Р. Лугаром, который сыграет важную роль в ходе «оранжевой революции»). Спустя год в обратном направлении проследовала экс-госсекретарь и глава Национального демократического института М. Олбрайт, которая провела переговоры с руководством «Нашей Украины» и по возвращению в США усердно лоббировала его как лидера объединенной оппозиции режиму Кучмы. Эти и другие контакты должны были убедить (и убедили) американскую администрацию в необходимости поддержки кандидатуры В. Ющенко на пост президента Украины; в результате в Вашингтоне сделали ставку именно на него.

Большое значение в процессе «демократизации» Украины США придавали организации избирательного процесса в молодой постсоветской республике. В 1998 году Агентство США по международному развитию договорилось с Центральной избирательной комиссией Украины об обучении наблюдателей, в результате чего тысячи украинских граждан прошли соответствующие тренинги. За несколько лет до «оранжевой революции» усилиями АМР и аффилированных с ней структур был создан Комитет избирателей Украины, целью работы которого была мобилизация граждан в период выборов, а также осуществление мониторинга этих выборов. Эта неправительственная организация стала крупнейшим реципиентом западной финансовой

¹ McFaul M. Op. cit. P. 68.

помощи. Накануне «оранжевой революции» к работе с Комитетом избирателей Украины подключился Национальный демократический институт по международным делам, который обогатил ее деятельность опробованной еще на Филиппинах, а затем в посткоммунистических странах Восточной Европы оригинальной технологией электорального мониторинга выборов (включая параллельный «независимый» подсчет голосов), крайне успешно примененной в ходе «оранжевой революции». В целом, как справедливо подчеркивают отечественные исследователи, к президентской избирательной кампании на Украине осенью 2004 года обе ведущие организации в области проведения выборов (ЦИК и Комитет избирателей Украины) в стране, по сути, оказались под контролем США, а западные и подконтрольные им местные НПО подготовили несколько десятков тысяч обученных волонтеров–наблюдателей¹.

По мнению имевшего самое непосредственное отношение к событиям на Украине в 2004 году Макфола, «международная поддержка «оранжевой революции» в форме идей и финансовых ресурсов была особенно важна в сфере борьбы с фальсификациями выборов». Только на развитие электоральных систем США за два предшествовавшие «революции» года потратили восемнадцать миллионов долларов². Решающее значение в этом плане приобретала активность избирателей, готовых отстаивать свои голоса. И надо сказать, что с помощью финансируемых из-за рубежа неправительственных организаций — упоминавшегося выше Комитета избирателей Украины, движений «Знаю», «Пора» и других молодежных структур (подробнее о них ниже) — удалось обеспечить мобилизацию и высокую явку избирателей, большинство из которых после соответствующей обработки проголосовали за Ющенко. Информацию о победе «своего» кандидата донесли до избирателей НПО и «мозговые центры», такие как Украинский центр экономических и политических исследований им. А. Разумкова и Фонд «Демократические инициативы».

Огромную роль в мобилизации протестного электората, да и в целом в «оранжевой революции» сыграли финансируемые из-за рубежа средства массовой информации. С помощью Агентства США по международному развитию на Украине был создан Центр независимых СМИ, который стал ресурсным центром для распределения американских грантов независимым от правительства СМИ для обучения украинских журналистов в прозападном духе. При посольстве США в Киеве также был открыт Фонд развития СМИ, который также финансировал проекты украинских средств массовой информации. Делая акцент на необ-

¹ См.: Цветкова Н.А., Ярыгин Г.О. Ук. соч. С. 70–74.

² McFaul M. Op. cit. P. 48.

ходимости соблюдения свободы слова и борьбы с коррупцией, Запад морально и материально поддерживал исключительно оппозиционные средства массовой информации.

Тем не менее, к началу острой фазы общественно-политического кризиса на Украине в 2004 году СМИ оставались под контролем правящего режима и, соответственно, обслуживали интересы В. Януковича. Подавляющее большинство украинских телеканалов, например, получали особые распоряжения и инструкции из администрации Кучмы («темники») и вели пропаганду в пользу кандидата от власти. Принимавшиеся на Украине российские ОРТ, РТР и НТВ также были настроены благосклонно к Януковичу и негативно к Ющенко. Печатные СМИ, за исключением нескольких газет, имевших ограниченный ареал распространения («Зеркало недели», «Украина молодая», «Вечерние вести» и «Сельские вести»), также находились под контролем правящего режима.

«Оранжевые» могли рассчитывать только на «Пятый канал», который с 2003 года принадлежал ярому стороннику «оранжевой революции» олигарху Петру Порошенко. Аудитория канала состояла из восьми миллионов человек, в вещание покрывало не более трети территории Украины, но оппозиция сумела вызвать огромный интерес населения именно к его передачам. Огромную роль «Пятый канал» сыграл в мобилизации населения против фальсификаций итогов выборов, о которых «оранжевые» не переставали заявлять до, во время и после голосования. Журналисты этого СМИ первыми сообщили о результатах экзит-поллов и многочисленных фальсификациях в ходе голосования. «Пятый канал» вел круглосуточную трансляцию с Майдана, делая особый акцент на мирном (например, демонстрируя кадры дарения девочками-подростками цветов сотрудникам «Беркута») и даже праздничном, театральном характере протестов, подавая их как некое шоу и привлекая тем самым все новых людей в центр Киева на митинги в поддержку оппозиции.

В пользу «оранжевых» работали зарубежные радиостанции, сигнал которых принимался на Украине, — «Радио Свобода», «Голос Америки», ВВС. Вообще, оппозиционеры намерено уделяли повышенное внимание иностранным СМИ, которые активно поддерживали Виктора Ющенко. Подконтрольные Западу глобальные средства массовой информации, в свою очередь, вели настоящую информационную войну против Януковича, полностью одобряя любые шаги оппозиции.. Как пишет В.А. Никонов, даже в газетах Нигерии чуть ли не ежедневно шла пропаганда «оранжевой» коалиции¹.

Но все же оппозиция не смогла бросить серьезный вызов монополии режима в области средств массовой информации. В ходе «оранжевой

¹ Никонов В. «Оранжевая революция» в контексте жанра. С. 115–116.

революции» у противников режима не было доступа к аудиовизуальным СМИ, однако было очевидное превосходство в визуальном уличном пространстве. На первый план вышли агитационные материалы, листовки, стикеры и уличные выступления лидеров, спланированные и финансирувавшиеся через каналы НПО.

Кроме того, «оранжевые» значительно переигрывали своих противников в Интернет-пространстве. Так, огромную роль в победе «оранжевой революции» сыграла базировавшееся в то время в Вашингтоне и существовавшее на средства Национального фонда в поддержку демократии Интернет-газета «Украинская правда», которую М. Макфол прямо называет «незаменимым медиа-инструментом»¹ для победы оппозиции. Издание активно занималось мобилизацией украинской общественности на прозападной платформе, публиковало данные экзит-поллов и параллельного подсчета голосов, свидетельствовавших о победе Ющенко, разоблачало фальсификации правящего режима, сообщало актуальную информацию о митингах протестах оппозиции, предоставляло подробную логистическую информацию для желавших присоединиться к ним, сообщая о точках сбора «революционеров», их перемещениях и т.д. В это время ежедневная аудитория «Украинской правды» достигала одного миллиона человек, что, конечно, являлось колоссальной цифрой для Украины 2004 года! Более того, именно «Украинская правда» служила едва ли главным источником информации о событиях на Украине для иностранных СМИ, тональность которых, разумеется, носила открыто антиправительственный характер. Она выступала мощным орудием «оранжевой коалиции» в деле дискредитации своих политических противников как в украинском, так и в международном медиа-пространстве, информируя мировую общественность об антидемократической природе правящего режима, притеснении свободы на Украине, фальсификациях на выборах и т.п.

В 2002 году при западной финансовой поддержке был реализован крайне эффективный сетевой проект под названием «Телекритика», в ходе которого украинские журналисты создали первое на Украине Интернет-телевидение, активно участвовавшее в президентской избирательной кампании. Основным источником финансирования «Телекритики» являлось украинское подразделение крупной международной неправительственной организации «Интерньюс» со штаб-квартирой в США. Данное СМИ было неподконтрольно властям и оказывало значительное влияние на журналистов, работавших в государственных изданиях. Благодаря усилиям этой Интернет-площадки около сорока журналистов, работавших на пяти различных государственных каналах, в самом конце октября организовали своеобразный бунт и солидаризи-

¹ McFaul M. Op. cit. Pp. 81, 63.

ровались с «оранжевыми», отказавшись выдавать в эфир информацию по «темникам» администрации Кучмы.

Помимо «Украинской правды» и «Телекритики» в распоряжении оппозиции находился еще целый ряд Интернет-ресурсов, таких как Maidan.org или веб-сайты молодежных организаций, например, «Поры». Ровно за год до победы «оранжевой революции» был запущен информационный портал оппозиции, который стал весьма популярным общественно-политическим форумом. В стране была даже основана политическая партия «Информационная Украина», поддерживавшая Ющенко. Спустя год после «оранжевой революции» ее лидер А. Колоднок заявил, что смена власти в стране стала возможной только благодаря активной работе оппозиции в Интернете¹. А М. Макфол справедливо заметил, что «оранжевая революция» может быть рассмотрена как первая в истории, организованная в значительной мере через Интернет². Действительно, события 2004 года на Украине вполне могут быть признаны в качестве первой «цветной революции», в которой настолько широко были задействованы новейшие Интернет-технологии.

В целом, роль оппозиционных СМИ в «оранжевой революции» заключалась в том, что они способствовали мобилизации противников действующей власти, в первую очередь, путем доведения до широкой общественности информации о злоупотреблениях и фальсификациях на выборах. Тот же «Пятый канал» Порошенко сыграл решающую роль в этом процессе, первоначально передавая в эфир выгодные «оранжевым» данные экзит-поллов, а затем приводя «неоспоримые» доказательства многочисленных нарушений при голосовании в пользу Януковича. Затем, транслируя в он-лайн режиме события на Майдане, канал всеми доступными способами увеличивал аудиторию протестных митингов. Аналогичная работа велась и в Интернет-пространстве Украины.

Активнейшее участие в «оранжевой революции» приняли и финансируемые Западом неправительственные организации. Еще в первой половине 1990-х годов на Украине начали появляться и активно развиваться прозападные аналитические структуры — «фабрики мысли» и «мозговые центры». Они занимались не только политическим анализом и исследованием общественно-политической ситуации, но были в авангарде создания гражданского общества и формирования позитивного имиджа Запада в глазах рядовых украинцев, то есть являлись орудием «мягкой силы» США и их европейских союзников.

На рубеже веков усилиями США была образована организация «Партнерский альянс сотрудничества». В 2002 году эта структура превратилась в самую крупную неправительственную организацию в стране, став зонтичной структурой для двухсот с лишним неправи-

¹ Громова А.В. Ук. соч. С. 102.

² McFaul M. Op. cit. P. 63.

тельствственных организаций на территории Украины, связанных с проведением политических акций¹. Эти организации стали мобилизационным ресурсом для проведения уличных манифестаций; их активисты вели активную работу по формированию и распространению в украинском обществе идеологии «оранжевой революции», занимались подготовкой антиправительственных выступлений и т.д.

Президентской кампании 2004 года было уделено особое внимание. Международные доноры обеспечивали щедрую финансовую поддержку тех НПО, которые непосредственно участвовали в предвыборной кампании и были вовлечены в мониторинг выборов в Украине². Так, например, в 2003 году соросовский Фонд «Возрождение» потратил более 1,3 миллионов долларов США на поддержку проектов, связанных с выборами президента Украины³, Агентство США по международному развитию выделило почти полтора миллиона долларов на точно такие же цели⁴. Стремясь обеспечить удовлетворение собственных интересов, Еврокомиссия также профинансировала часть предвыборных программ, направленных на формирование и поддержку гражданского общества, независимых СМИ, демократизацию Украины и обеспечение прозрачности выборов⁵. Именно Центр им. А. Разумкова и Фонд «Демократические инициативы», напрямую финансируемые американским Национальным фондом поддержки демократии⁶, как говорилось выше, сумели провести и скоординировать экзит-поллы по всей стране, а затем грамотно преподать общественности их результаты, однозначно отдававшие победу и в первом, и во втором туре В. Ющенко.

Как отмечают американские исследователи, за несколько месяцев до президентских выборов 2004 года западные политтехнологи и НПО

¹ U.S. Government Assistance to and Cooperative Activities with Eurasia. Bureau of European and Eurasian Affairs. January 2003. Report. Ukraine // U.S. Department of State. URL: <http://www.state.gov/p/eur/rls/rpt/23629.htm>

² Sushko O., Prystayko O. Western Influence // Revolution in orange: the origins of Ukraine's democratic breakthrough. P. 135.

³ Promotion of the Fair and Open Election of 2004. International Renaissance Foundation. Официальный сайт // URL: http://www.irf.kiev.ua/filies/eng/news_381_en_pdf.pdf.

⁴ USAID Mission to Ukraine Data Sheet, FY 2004 Program // Официальный сайт USAID. URL: http://www.usaid.gov/our_work/democracy_and_governance/regions/ee/ukraine1.pdf

⁵ См.: European Commission, National Indicative Programme Ukraine // Европейская комиссия. Официальный сайт. URL: <http://www.ec.europa.eu>; The European Commission's Delegation to Ukraine, Moldova, and Belarus, European Union Funded Projects in Support of the Presidential Elections in Ukraine // Представительство Европейской Комиссии на Украине, Молдове и Беларуси. Официальный сайт. URL: <http://www.delukr.cec.eu.int/site/page31321.html>.

⁶ Подпр. см.: Sussman G., Krader S. Template Revolutions: Marketing U.S. Regime Change in Eastern Europe // Westminster Papers in Communication and Culture. V.5, № 3 (September 2008). P. 97.

буквально наводнили Киев, а сама Украина была окутана целой сетью неправительственных структур¹. Наблюдалась как завалированные, так и открытые попытки зарубежных общественных организаций оказать влияние на политическую ситуацию в стране. Система демократических фондов, финансируемых иностранными государствами, пронизывала все сферы политической жизни Украины, начиная с парламента и СМИ и заканчивая различными программами по развитию гражданского общества. Разумеется, американские и европейские структуры по поддержке процессов демократизации финансировали в Украине те политологические, социологические и медийные проекты, которые работали на Ющенко. Оказывалась и прямая поддержка «оранжевым»: специализирующиеся на сетевой пропаганде американские фирмы, например, «Рок Крик Криэйтив», непосредственно руководили информационной кампанией Ющенко².

Говоря о деятельности НПО на Украине, разумеется, нельзя не отметить еще одно важнейшее направление их работы — создание сетевых молодежных организаций и обучение их лидеров технологиям ненасильственной борьбы против политических режимов. Молодежь стала ударной силой «оранжевой революции» в той же степени, в какой это было в ходе «бульдозерной революции» в Сербии и «революции роз» в Грузии. Согласно данным исследователей вопроса категория молодых людей до тридцати лет в три раза превышала любую другую, участвовавшую в «оранжевой революции». По мнению западного комментатора Кузио, с которым сложно не согласиться, именно молодежь наряду с частными предпринимателями являлись теми двумя ключевыми социальными группами, которые сделали возможным победу «оранжевых»³.

Наиболее заметной молодежной организацией, ставшей проводником западных идей и ценностей, мощным инструментом «мягкой силы» Запада накануне и в ходе «оранжевой революции» на Украине, являлась «Пора». Это движение появилось за год до событий осени 2004 года и изначально состояло из двух фракций — «Черной Поры» и «Желтой Поры». Первая ориентировалась на опыт сербского «Отпора» и грузинской «Кмары», копировала их децентрализованную структуру и стратегию ненасильственной борьбы с правящим режимом. «Желтая Пора» была более «аутентичной», опиралась на уже сложившиеся украинские традиции молодежных движений, уходившие корнями в студенческие забастовки 1990–1991 годов, но также контактировала (при финансо-

¹ Weintraub C. Op. cit. P.7; Diuk N. The Triumph of Civil Society // Revolution in orange: the origins of Ukraine's democratic breakthrough. P. 74.

² Weintraub C. Op. cit. P. 7.

³ Kuzio T. Civil society, youth and societal mobilization in democratic revolutions // Communist and Post-Communist Studies. Volume 39. Issue 3. September 2006. P. 366.

вой поддержке «Фридом Хаус» и Фонда Маршалла») с активистами из Словении, Сербии и Грузии и воздерживалась от применения насилия против действовавшей власти. Основателем «Черной Поры» был М. Свистович, он же руководил сайтом maidan.org; а лидером «Желтой Поры» являлся известный общественный активист с ярко выраженной прозападной позицией В. Каськив, одновременно возглавлявший оппозиционную коалицию «Свобода выбора», близкой к «Нашей Украине». При этом официально «Пора» не была зарегистрированной организацией, и заявляла, что не имеет ни источников финансирования, ни формальных руководителей.

В ходе подготовки и реализации «оранжевой революции» обе фракции «Поры» функционировали согласовано и почти синхронно, поэтому целесообразно рассматривать их в качестве единой структуры, чья деятельность была направлена в первую очередь на мобилизацию сторонников «оранжевых» среди молодежи. Несмотря на громкие заявления об отсутствии какого-либо финансирования, в реальности организация существовала благодаря щедрой материальной поддержке различных западных фондов и НПО, особенно структур Дж. Сороса. Поэтому нет ничего удивительного в том, что тактика и стратегия «Поры», как говорилось выше, была заимствована от других подобных проектов американского миллиардера — сербского «Отпора» и грузинской «Кмары». Более того, активисты этих организаций принимали активное участие в тренингах членов «Поры», обучая их тактике ненасильственной борьбы с режимом¹.

Деятельность «Поры» началась с консолидации оппозиционных молодежных сил Украины, таких как «Христианско-Демократическая Молодежь Украины», «Союз украинской молодежи», «Зарево», «Ассоциация студентов-юристов». Чуть позже к ним присоединились как отдельные студенческие организации различных ВУЗов, так и небольшие местные неправительственные организации. В конечном счете под эгидой «Поры» объединились более ста пятидесяти различных национальных и региональных НПО². Причем студенты составляли 95% членов «Поры», а сама организация имела отделения в двадцати университетах по всей Украине³. Создание «Поры» и выработка концепции ее деятельности являлось делом достаточно трудоемким и требующим серьезных познаний в теории и практике ненасильственного сопротивления. И надо признать, что руководители данного про-

¹ См.: McFaul M. Op. cit.; Op. cit. P. 103.

² Demes P., Forbrig J. Pora — “It’s Time” For Democracy In Ukraine // Revolution in orange: the origins of Ukraine’s democratic breakthrough. P. 88.

³ Kuzio T. Civil society, youth and societal mobilization in democratic revolutions. P. 367.

екта на Украине и их западные кураторы решили эту задачу очень успешно. Было учтено все — социальные проблемы украинского общества, чаяния молодежи и студенчества, политический климат в стране, культурные и административные различия регионов и т.д. и т.п.

В марте–апреле 2004 года украинской общественности были презентованы основные принципы организации и создан Координационный центр гражданской кампании «Поры», который возглавил В. Каськив. В него вошли молодежные активисты, бизнесмены, политики (в том числе действующие парламентарии), представители ряда международных неправительственных организаций.

Следующим этапом кампании «Поры», направленной против правящего режима, стал мониторинг настроений населения Украины для выявления потенциальных сторонников, разработка детального плана действий и выработка основных тематических компонентов. Данная работа продолжалась с апреля по август, и 22 августа 2004 года концептуальная стратегия движения была представлена на Всеукраинском форуме активистов «Поры»¹. Параллельно шла полномасштабная работа по подготовке активистов к противостоянию с властями. В ходе тренингов участники «Поры» изучали технологии организации массовых выступлений, получали навыки изготовления и распространения пропагандистских материалов, занимались физической подготовкой и даже нейролингвистическим программированием. «На наш вопрос, что делать, если по нам будут стрелять, они (кураторы — А.Н.) ответили, что надо выставить вперед женщин и детей», — рассказывал журналистам один из студентов Киевского национального университета, присутствовавший на подобном тренинге².

«Пора» стремительно набирала популярность в украинском обществе, особенно среди молодежи. Каждая акция организовывалась сетевыми структурами движения как особое уникальное мероприятие, открытое для любого участника. Конфигурация этих сетей постоянно изменялась, и после акции каждая сеть «разового использования» распадалась, образуя затем новые. Все это время «Пора» активно внедряла в умы граждан страны тезис о том, что честных выборов не будет в принципе и, следовательно, необходимо будет встать на защиту «правды» и «демократии» на Украине.

В начале осени стартовала активная фаза гражданской кампании «Поры». В Крыму под Евпаторией при финансовой поддержке «Фридом Хаус» был устроен тренировочный лагерь на триста человек, где молодых людей, большинство из которых весьма слабо представляли, чего они ожидают от социальных протестов, обучали методам нена-

¹ Demes P., Forbrig J. Op. cit. P. 91

² См.: Киевские ведомости. 16.12.2004.

сильственной борьбы, подходам к мониторингу выборов, навыкам мобилизации больших групп населения и технике управления уличными митингами. По всей Украине активисты «Поры» распространяли десятки различных печатных изданий, общий тираж которых доходил до сорока миллионов копий. На уровне регионов волонтеры устроили более семисот пятидесяти различных пикетов и акций, в которых приняли участие несколько тысяч человек. Активное участие в акциях «Поры» принимали популярные рок-певцы и представители других молодежных суб-культур.

Безусловно, столь бурная деятельность не могла не привлечь внимания властей; в начале осени некоторых участников «Поры» отчислили из университетов, в ряде офисах организации прошли обыски. Однако данные события не смутили руководство движения, более того, они смогли извлечь из них пользу, представив это как репрессии «преступной власти» против молодых «борцов за демократию». Кроме того, преследования со стороны режима обеспечили «Поре» постоянное присутствие в медиа-пространстве и лишь способствовали росту популярности среди населения.

Заключительным актом кампании «Поры» против Кучмы и его потенциального преемника Януковича стали непосредственно президентские выборы. С середины октября, еще до первого тура голосования, «Пора» сосредоточила усилия на мобилизации населения для противодействия фальсификациям на выборах. Координационный центр стал оперативным штабом, началось планирование массовых акций протеста, подготовка палаточного городка. Основные силы «Поры» сконцентрировались в Киеве, и именно активные действия, предпринятые за несколько недель до второго тура выборов в конечном итоге и позволили в нужный момент мгновенно заполнить всю украинскую столицу своими палатками и сторонниками, «застолбить» наиболее выгодные места для демонстраций.

«Поре» удавалось всегда оказываться на шаг впереди упреждающих действий властей и, в конечном итоге, с успехом справиться с возложенной на нее задачей — всеми путями содействовать максимальной мобилизации противников правящего режима и в конечном счете способствовать победе «оранжевой революции». Это произошло благодаря гибкой структуре, большому количеству вовлеченных волонтеров, широкому охвату населения во всех регионах Украины, умелому взаимодействию с различными неправительственными организациями, ярким публичным акциям, нестандартным пропагандистским ходам и, конечно, солидному зарубежному финансированию.

Возвращаясь к роли Запада в общественно-политическом кризисе на Украине, следует сказать, что активное участие в «оранжевой революции» приняли и европейские неправительственные (напри-

мер, Европейская сеть организаций по наблюдению за выборами — European Network of Election Monitoring Organizations, ENEMO) и, особенно, межправительственные структуры, такие как Совет Европы (включая Парламентскую Ассамблею Совета Европы — ПАСЕ), Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (включая Бюро по демократическим институтам и правам человека — БДИПЧ) и ряд других. Здесь следует отметить, что уже к началу волны «цветных революций» западные межправительственные организации сумели навязать свои «правила игры»: сложилась определенная политическая традиция, когда основными арбитрами в оценке «справедливости и конституционности» выборов на постсоветском пространстве выступали ПАСЕ, БДИПЧ и подобные им западные структуры. Данная тенденция не только сохранилась, но и усилилась в ходе «оранжевой революции». Особенно активно европейские международные организации работали с Комитетом избирателей Украины. Оценки этими структурами президентских выборов, на которых победу одержал не прозападный кандидат, оказались предсказуемо негативными. Так, из отчетов международной миссии наблюдения за выборами президента Украины, организованной БДИПЧ, ПАСЕ, Европейским парламентом и Парламентской ассамблеей НАТО, однозначно следовало, что оба тура выборов был крайне антидемократичными; не отвечали целому ряду обязательств перед ОБСЕ и стандартов Совета Европы относительно демократических выборов; имело место предвзятое освещение выборов в государственных СМИ, злоупотребление государственными ресурсами и давление на определенные категории избирателей в поддержку Виктора Януковича¹.

В целом, США и их союзники из ЕС использовали самые разные методы воздействия на общественно-политическую ситуацию в ходе украинского кризиса для приближения победы «оранжевого» кандидата. Большое внимание уделялось использованию официальных и полуофициальных каналов воздействия. Накануне «оранжевой революции» Украину посетил целый ряд влиятельных персон американского истеблишмента: М. Олбрайт, Р. Холбрук, З. Бжезинский и У. Кларк. Все они в своих высказываниях отмечали международную значимость украинских выборов и подчеркивали необходимость того, чтобы они прошли свободно и честно². Сама постановка вопроса о необходимости честных выборов подталкивала украинских избирателей к мысли о том, что выборы априори будут нечестными. Более того,

¹ International Election Observation Mission, Statement of Preliminary Findings and Conclusions // ОБСЕ. Официальный сайт. URL: http://www.osce.org/documents/odihr/2004/11/3811_en.pdf.

² Sushko O., Prystayko O. Op. cit.

президенту Кучме и его ближайшему окружению из США был послан достаточно четкий сигнал, что в случае фальсификация на выборах, они превратятся в своего рода персон нон-грата и париев на международной арене со всеми вытекающими последствиями. В качестве подтверждения серьезности своих намерений официальный Вашингтон аннулировал въездную визу для близкого сторонника Кучмы олигарха Г. Суркиса. В том же ключе речь шла и о недопустимости применения силы со стороны властей против митингующих в случае возникновения серьезного кризиса¹ (который, собственно, уже был запланирован). В самый разгар событий на Украине — в ходе второго тура голосования — в Киев был направлен специальный посланник американского президента, уже упоминавшийся глава Комитета по международным делам Сената Р. Лугар, главная задача которого, по сути, заключалась в разоблачении фальсификаций правящего режима на выборах. Его заключения и легли в основу жестких заявлений в адрес украинских властей со стороны госсекретаря США К. Пауэлла, однозначно и безоговорочно объявившего официальные результаты нелегитимными.

Главной целью западных технологий «мягкой силы» по смене существовавшего на Украине режима являлась мобилизация протестного электората, привлечение на избирательные участки людей с низким уровнем гражданской активности и вывод на улицу максимального числа сторонников прозападного кандидата В. Ющенко. Особенно важным для успеха «оранжевых» являлся период после двух туров голосования, когда многочисленная толпа должна была стать решающим аргументом в противостоянии с властями. Именно на эти нужды было направлено основное финансирование со стороны многочисленных правительственных структур и неправительственных организаций западных стран, в первую очередь, США. Нельзя не отметить, что помимо американских и западноевропейских политтехнологов интеллектуальную и моральную поддержку «оранжевым» оказывали их «коллеги», получившие опыт ненасильственной борьбы с законными правительствами в ходе «цветных революций» в Сербии и Грузии.

Разумеется, начавшиеся в ноябре 2004 года массовые выступления не были спонтанными. В течение нескольких месяцев «революционеры» и их западные кураторы тщательно готовились к организации уличных демонстраций против фальсификаций на выборах. И все же определенная растерянность наблюдалась даже в рядах организаторов «оранжевой революции» — самые многолюдные митинги никогда ранее не собирали на площадях Киева столь большого количества участников. Для правящего режима массовые акции протеста, особенно после

¹ McFaul M. Op. cit. P. 72.

второго тура президентских выборов, и вовсе стали настоящей неожиданностью.

Уже ранним утром 22 ноября, на следующий день после второго тура голосования, члены оппозиционных партий, заседавших в Верховной Раде, отправились на центральную площадь украинской столицы — Майдан Незалежности (площадь Независимости). С оперативно возведенной сцены оппозиция объявила об отказе признавать итоги сфальсифицированных, по ее мнению, выборов и призвала своих сторонников начать бессрочный митинг протеста. Таким образом, команда Ющенко, как и грузинские «революционеры» годом ранее, использовала один из действенных методов ненасильственной борьбы — бойкот выборов. Еще 1 ноября «Пора» и ряд других молодежных движений объявила о начале проведения студенческих митингов в защиту честных выборов. 6 ноября был дан старт всеукраинскому марафону «Народ не одолеть!». Митинг оппозиции в Киеве собрал несколько десятков тысяч человек. Митингующие держали транспаранты «Найди себя в списках!», «Не дай украсть свой голос!», «Народ победил админресурс!». 16 ноября в рамках мероприятия «Свободу не остановить!» студенты провели акцию «Студенты за мир», в ходе которой призывали представителей правоохранительных органов не противодействовать волеизъявлению народа во время второго тура выборов и защищать конституционные права избирателей.

Возвращаясь к событиям 21 ноября, отметим, что никакого сопротивления со стороны властей и правоохранительных органов «оранжевые» не встретили (отчасти это можно было объяснить их депутатским иммунитетом; силовые структуры в целом относились к манифестантам весьма лояльно на протяжении всего кризиса). В крайне сжатые сроки по заранее подготовленному плану в самом центре Киева при активном содействии молодежных структур вырос настоящий палаточный городок. Загодя приготовленные палатки, огромное количество одежды и бесперебойное питание, услуги врачей и парикмахеров и многое другое — разумеется, подобные условия стихийно организовать было невозможно. Так же как и эффективно перемещать группы митингующих по Киеву, подбирать людей для блокирующих пикетов и т.п.

Централизованная организация «оранжевой революции» была очевидна. Оппозиции удалось занять расположенный неподалеку от площади Независимости Украинский народный дом, в котором участники протеста грелись по очереди и снова выходили на Майдан. Уже на второй день митинга в Украинском доме появилась настоящая инфраструктура: были созданы и начали функционировать хозяйственный отдел (включая продуктовые и промышленные склады, кухню и службу уборки), пресс-центр, медицинская служба, охранные структуры, состоявшие из профессионалов-силовиков. При этом лидеры политической оппозиции тесно координировали свои действия по организации лагеря

с молодежными движениями, в первую очередь, с «Порой». «Пора» же, в свою очередь, активно привлекала в палаточный городок молодежь со всей Украины, резко увеличивая численность «населения» Майдана и его мобильность. В данном случае также были реализованы установки Шарпа, а именно: ненасильственная оккупация и ненасильственное овладение землей (сто семьдесят третий и сто восемьдесят третий методы, соответственно)¹.

Начиная с 22 ноября 2004 года «Нашей Украиной» и Блоком Юлии Тимошенко на Майдане и Крещатике (центральная улица Киева) стали непрерывно проводиться агитационные мероприятия в поддержку Ющенко, на которых людей призывали находиться круглые сутки. Опять же в полном соответствии с учением Шарпа на Майдане были организованы многочисленные рок- и поп-концерты звезд украинской эстрады (постановка пьес и музыкальных произведений является тридцать шестым методом ненасильственной борьбы)². Выступления музыкантов шли непрерывно в течение двух недель и носили в основном политический характер. Благодаря им гимнами «революции» фактически стали две песни — «Оранжевое небо» и «Разом нас багато!» («Вместе нас много!»). По меткому выражению отечественного комментатора П. Родькина «оранжевая революция» представляла собой «идеальное сочетание содержания (фирменный стиль») и формы (уличный перформанс)³. Агитмероприятия проходили и у Администрации президента, Верховной Рады, Кабинета министров, Центральной избирательной комиссии и Верховного суда Украины. На них, в том числе, звучали призывы к свержению и захвату власти. Главными лозунгами демонстрантов были: «Ющенко — в президенты!», «Нет фальсификациям выборов!», «Когда мы вместе — мы непобедимы!», «Заклученный не будет президентом Украины!». Участников щедро снабжали деньгами, продовольствием, одеждой, предоставляли бесплатные бытовые услуги и развлечения. За считанные дни «оранжевым» удалось не только собрать беспрецедентное по своему числу количество протестующих (около полумиллиона человек), но и структурировать и направить в нужном направлении их активность.

В ходе борьбы с правящим режимом «революционеры» использовали исключительно методики «мягкой силы», полностью отказавшись от каких-либо насильственных действий. Апофеозом подобного подхода в кампании Ющенко стало объявление «оранжевой недели», когда украинцы, по-осеннему одетые в темные цвета, массово стали носить

¹ Шарп Дж. Ук. соч. С. 109.

² Там же. С. 102.

³ Родькин П. Революция потеряла цвет. «Цветные революции» 2004–2014: гуманитарный и коммуникационный феномен войны нового типа. М., 2015. С. 24.

оранжевые свитера и шарфы, вешать оранжевые ленточки на машины и т.д. Идея руководителей штаба Ющенко сделать оранжевый цветом избирательной кампании сработала: цвет не просто стал маркером конкретной политической силы, но и задал общую тональность всем событиям, которые с тех пор и стали называть «оранжевой революцией». Начиная со 2 ноября заседавшие в Верховной Раде оппозиционеры стали появляться с оранжевыми лентами и флажками, а затем установили их возле кнопок для голосования. Затем к оранжевому цвету добавилась символика оппозиции — логотип с подковой счастья, надпись «Так!» («Да!»), а также апельсины (по-украински «помаранч»; сама «революция» называлась «помаранчева»), которые обитатели Майдана дарили друг другу и органам правопорядка. «Оранжевые» взяли на вооружение еще несколько методов Шарпа: седьмой (лозунги, карикатуры и символы), восьмой (знамена, плакаты и наглядные средства), восемнадцатый (вывешивание флагов, использование предметов символических цветов) и девятнадцатый (ношение символов)¹. Заметим, что оранжевая символика была изготовлена заранее на средства сороковского Института «Открытое общество» и дождалась своего часа на специально оборудованных для этого складах².

Владелец «Пятого канала» П. Порошенко так описывал ситуацию: «По сути, были запрещены все средства агитации. Решено было просто работать в оранжевом: одевать город в оранжевые ленточки, вешать оранжевые флаги на машины и балконы... Нет аналогов проведения такой коммуникационной компании в условиях тотальной блокады СМИ»³. Здесь, правда, Порошенко немного лукавит. Сразу после второго тура голосования Ющенко выступил по телевидению и призвал всех своих сторонников на Украине прибыть в Киев и занять Майдан независимости. И самое удивительное заключается в том, что его выступление в итоге показали все (!) основные телеканалы страны, которые, как говорилось выше, находились под контролем правящего режима.

Тем временем, «оранжевая революция» перекинулась на западные регионы страны. Львовский городской совет своим решением признал кандидата В. Ющенко президентом, избранным во время второго тура голосования 21 ноября, и решил выполнять его указы. Ивано-Франковский городской совет также признал лидера «оранжевых» президентом Украины. Своим решением от 22 ноября 2004 года, принятом на XIX внеочередной сессии горсовета и именованном «О поддержке всена-

¹ Там же. С. 101–102.

² Weintraub С. Оp. cit. P. 8.

³ Цит. по: Громова А.В. Ук. соч. С. 99.

родно избранного президента Украины Виктора Ющенко», он постановил исполнять указы и распоряжения Ющенко¹.

Одним из знаковых событий первых дней «оранжевой революции» стала импровизированная «присяга» В. Ющенко, которая произошла уже 23 ноября. Стремительно ворвавшись в сессионный зал Верховной Рады Украины, Ющенко перед 191 депутатом из 450 (при необходимом кворуме в 226 голосов) «принял присягу» на Острожской Библии. По словам Ю. Тимошенко, присяга Ющенко стала победой оппозиции. Лидер Соцпартии А. Мороз заметил, что это «политический шаг, требующий легитимизации, и если Центризбирком не сделает это в течение 48 часов, то это вправе будет сделать народ». В то же время, спикер Верховной рады В. Литвин, заявил, что «это очередной политический шаг, не несущий никаких юридических последствий». При желании в принятии присяги можно было бы обнаружить нарушение как Конституции Украины, так и других законов страны². Однако никаких мер в отношении этих, по сути, противоправных действий лидера оппозиции предпринято не было, несмотря на то, эти что такие шаги сторонников В. Ющенко, которые настояли на его импровизированной «инаугурации», резко обострили ситуацию и повысили градус напряжения в украинском обществе. Не случайно в этот же день появилось решение Донецкого областного совета, в котором В. Янукович был признан законно избранным президентом³. С другой стороны, данный ход Ющенко способствовал еще более активной мобилизации сторонников «оранжевых».

Как говорилось выше, массовые демонстрации стали неожиданно для правящего режима, данное обстоятельство в конечном итоге во многом и предопределило поражение властей. Огромную роль в этом сыграла тактика, заранее выбранная «оранжевыми», а именно: использование технологий ненасильственной борьбы для смены режима. Ни «Наша Украина», ни «Пора», ни другие «оранжевые» акторы изначально не были настроены на силовое противостояние с властями. Напротив, демонстранты в полном соответствии с установками Дж. Шарпа выражали всяческое радушие в отношении представителей органов правопорядка; не случайно на Майдане была так много музыкальной составляющей, призванной продемонстрировать мирный характер протестов. В течение семнадцати дней «революции» некоторые пред-

¹ Львовский и Ивано-Франковский горсоветы признали Ющенко президентом // Українська правда. 22.11.2004. URL: <http://www.pravda.com.ua/rus/news/2004/11/22/4383106>.

² Ющенко принес присягу народу // Українська правда. 23.11.2004. URL: <http://www.pravda.com.ua/ru/news/2004/11/23/13836.htm>.

³ Обращение депутатов Донецкого областного совета к гражданам Украины // «Оранжевая революция». Украинская версия. Сост. М.Б. Погребинский. С. 320.

ставители «оранжевых», например, Ю. Тимошенко и В. Каскив¹, предлагали взять штурмом президентскую администрацию, убеждая соратников (во многом справедливо), что они не встретят сопротивления. Однако Ющенко, очевидно, под давлением своих западных кураторов, категорически отверг эти предложения.

24 ноября Ющенко заявил, что переговоры об урегулировании ситуации возможны только с Л. Кучмой, и их единственным предметом может быть передача ему власти. В тот же день Ющенко отметил, что готов к переголосованию второго тура при условиях смены состава ЦИК и запрета голосования по открепительным талонам (такое голосование являлось предметом бурной критики со стороны западных наблюдателей, так как большое количество участков располагалось на территории России, где у голосовавших, якобы, отсутствовала «объективная и полная информация»²). Еще одним из его требований была отставка действовавшего кабинета министров во главе с Януковичем. Данные заявления четко свидетельствовали о том, что Виктор Ющенко ощущал за собой твердую поддержку киевского Майдана, западных областей Украины и коллективного Запада в лице США и ЕС, равно как и растерянность власти, недоумение и неорганизованность сторонников Януковича.

Вечером 24 ноября Центральная избирательная комиссия огласила официальные итоги голосования во втором туре: Янукович получал 49,46%, Ющенко — 46,61%³. Оппозиция категорически отказалась признавать итоги выборов. Ющенко на Майдане назвал решение ЦИК очередным преступлением; Порошенко заявил, что правовые методы решения конфликта исчерпаны и «все будет решать улица»; Тимошенко призвала в знак протеста заблокировать здания госорганов⁴. Стоит отметить, что именно в этот момент огромную роль в осуществлении «оранжевой революции» сыграла Юлия Тимошенко. Ее бескомпромиссные заявления, стальная политическая хватка и безусловная харизма не дали дрогнуть Ющенко и привели в замешательство провластные силы. Своего рода «Жанна Д'Арк» «оранжевой революции» она постоянно выступала на митингах, заводила сторонников «оранжевых» и всем своим видом давала понять, что отстоит победу любой ценой.

В лагере сторонников победившего кандидата тем временем царило поразительное спокойствие. На заседании кабинета министров в тот же вечер, 24 ноября, Янукович отметил, что в стране не происходит ничего

¹ См.: McFaul M. Op. cit. P. 65.

² International Election Observation Mission, Statement of Preliminary Findings and Conclusions // ОБСЕ. Официальный сайт. URL: http://www.osce.org/documents/odihr/2004/11/3771_en.pdf.

³ О результатах выборов президента Украины 21 ноября 2004 года и избрании Президента Украины // «Оранжевая революция». Украинская версия. Сост. М.Б. Погребинский. С. 269.

⁴ Жильцов С.С. Ук. соч. С. 83.

чрезвычайного и призвал министерство юстиции и силовиков реагировать на происходящее в рамках действующего законодательства, а подчиненных стабильно работать и не втягиваться в политические вопросы. Безусловно, данная позиция в дальнейшем сыграла огромную роль в его поражении; отсутствие молниеносного ответа на действия «оранжевых» показало явную неподготовленность штаба Януковича к такому развитию событий. Все еще действующий президент страны Л. Кучма в свою очередь заявил, что власти не станут инициатором применения силы и будут защищать права и свободы граждан независимо от их убеждений. Таким образом, он изначально не встал на сторону избранного президента и своего «протезе» Януковича, а предпочел призвать стороны к переговорам, рассчитывая, очевидно, на возможность получения определенных политических дивидендов в будущем.

Одним из самых напряженных моментов в противостоянии Ющенко и Януковича можно считать 28 ноября 2004 года, поскольку именно в этот день произошло событие, которое, при наличии политической воли у Януковича и его соратников, могло оказать огромное влияние на ход и конечный итог «оранжевой революции». В этот день в восточно-украинском городе Северодонецке прошел Всеукраинский съезд депутатов органов местного самоуправления Автономной Республики Крым, Днепропетровской, Донецкой, Житомирской, Запорожской, Киевской, Кировоградской, Луганской, Николаевской, Одесской, Полтавской, Сумской, Харьковской, Херсонской, Черкасской областей, городов Севастополя и Киева, на котором присутствовало три с половиной тысячи делегатов.

Северодонецкий съезд стал ответом на выступления прозападной оппозиции. По восточным регионам Украины прокатилась мощная волна митингов протеста против действий сторонников В. Ющенко, в которых приняло участие около двух с половиной миллионов человек. В обращении к президенту Кучме участники собрания потребовали принять жесткие меры для наведения порядка в стране вплоть до введения чрезвычайного положения на отдельных территориях. В своих выступлениях делегаты съезда призывали не допустить принятия Верховной Радой Украины решения о проведении повторного второго тура. В случае же его проведения делегаты оставляли за собой право в день повторного голосования провести в своих областях референдум по созданию Автономной Юго-Восточной Республики. Особенно резко выступил представитель Донецка Б. Колесников, который вообще предложил на основе восточных и южных областей Украины создать Юго-Восточное Украинское государство¹. В итоге съезд провозгласил законно избранным президентом страны В. Януковича и осудил «анти-

¹ Зїзд у Северодонецьку не ставит питання про автономію. Поки що // Українська правда. 28.11.2004. URL: <http://www.pravda.com.ua/rus/news/2004/11/28/4383383>.

государственные, антинародные действия оппозиции, ведущие Украину к территориальному расколу и катастрофе»¹.

Решения съезда, однако, так и не были воплощены в жизнь. У Виктора Януковича не хватило политической воли пойти против навязываемого ему оппозицией и Западом сценария с переголосованием второго тура. В ситуации мощнейшего давления западных посредников он не решился воспользоваться оказанной ему поддержкой востока страны и идти до конца в борьбе за пост президента Украины и отстаивании интересов восточной части страны (в результате, после прихода к власти «оранжевых» многие из участников съезда были смещены со своих постов).

К этому времени Ющенко уже намного опередил Януковича в плане контроля над ситуацией. Так, по приглашению лидера «оранжевых» 25 ноября в Киев приехал экс-президент Польши и ярый сторонник Ющенко — Л. Валенса. Уже находясь в Киеве, он узнал, что назначен уполномоченным от ОБСЕ для переговоров между Кучмой, Ющенко и Януковичем. Одним из важнейших результатов этих встреч, по мнению исследователя С. Мирзоева, стало вступление международных (западных) посредников в политическую борьбу в Украине и активное их участие в фактическом приостановлении избирательного процесса².

При посредничестве и под эгидой западных эмиссаров (верховного комиссара ЕС по внешней политике и безопасности Х. Солана, генерального секретаря ОБСЕ Я. Кубиша, президентов Польши и Литвы А. Квасьневского и В. Адамкуса) в конце ноября — начале декабря в Киеве состоялось несколько круглых столов, призванных найти выход из сложившегося кризиса. Характерно, что заседания проходили в равном присутствии избранного де-юре президентом Януковича и не согласного с этим Ющенко, что фактически уравнивало их в статусе и лишало легитимности факт избрания Януковича. Присутствие на заседаниях действующего президента Кучмы, а также международных европейских посредников достаточно быстро дало свои результаты. Уже вечером 1 декабря было заявлено, что в основу разрешения конфликта будет положено решение Верховного суда. Также предполагалось, что Верховная Рада инициирует политическую реформу в стране, предполагавшую переход от президенстко-парламентской к парламентско-президенсткой форме правления на Украине. Вместе с этим законопроектом в парламент должен был быть внесен законопроект о порядке проведения нового тура голосования.

¹ Решение Всеукраинского съезда депутатов Верховной рады АР Крым, местных советов всех уровней // «Оранжевая революция». Украинская версия. Сост. М.Б. Погребинский. С. 307–308.

² Мирзоев С. Гибель права: легитимность в «оранжевых революциях». М., 2006. С. 57.

3 декабря 2004 года Верховный суд признал наличие нарушений в ходе голосования во втором туре президентских выборов 21 ноября, которые сделали невозможным достоверно установить результаты выборов, и отменил решения ЦИК от 24 ноября об избрании президентом Украины В. Януковича. Но главное — суд назначил переголосование второго тура¹. Вердикт Верховного суда стал прецедентом, формирующим новую политическую и правовую реальность на Украине, то есть перевел все правовые решения в плоскость политической целесообразности. Нельзя не отметить и тот факт, что все решения принимались Верховным судом под беспрецедентным давлением, которое на его членов оказывали «оранжевые» и их западные покровители. Более того, отменяя итоги второго тура, Верховный суд использовал доказательства фальсификаций, собранные Комитетом избирателей Украины и прозападных НПО.

На 7 декабря было назначено внеочередное заседание Верховной Рады, в ходе которой президент Кучма прямо в сессионном зале должен был подписать указ об отставке правительства, назначить исполняющего обязанности премьер-министра и распустить Центральную избирательную комиссию. После этого парламент должен был проголосовать по проекту закона о внесении изменений в Конституцию и Закон о выборах президента, запустив тем самым процесс переголосования, назначенного на 26 декабря 2004 года. Однако личные амбиции, взаимные подозрения и обвинения лидеров депутатских групп не позволили прийти к компромиссу. Поддерживавшие Януковича фракции просили перенести голосование по пакету законопроектов на 8 декабря, утверждая, что в вопросе политической реформы, дававшей старт переходу Украины к парламентско-президентской форме правления, компромисс не достигнут. Кучма же не мог отправить Януковича в отставку, поскольку согласно украинскому законодательству кандидат в президенты не мог быть уволен в период своего отпуска, в котором на тот момент находился премьер-министр.

В лагере оппозиции нарастало беспокойство. В данной ситуации посредником выступил спикер Рады В. Литвин. Он гарантировал подписание Кучмой изменений к закону о выборах президента в случае его принятия в пакете с политической реформой, так как обещал дать их на подпись раньше и в случае неподписания не передавать главе государства закон о политреформе. После этого обещания парламент принял постановление провести 8 декабря внеочередное заседание, на котором должны были быть рассмотрены и изменения в избирательный закон, и политическая реформа.

¹ Решение Верховного суда Украины от 3 декабря 2004 года относительно второго тура выборов Президента Украины // «Оранжевая революция». Украинская версия. Сост. М.Б. Погрёбинский. С. 272–277.

8 декабря 2004 года украинский парламент подавляющим большинством голосов принял «пакет» из четырех пунктов: три закона, в том числе об изменениях в Конституцию, и отставку Центральной избирательной комиссии в полном составе, после чего был утвержден новый состав ЦИК. «Пакетные законы» были немедленно подписаны президентом в сессионном зале и вступили в силу с вечера после публикации в спецвыпуске «Голоса Украины».

Спустя шестнадцать дней, 26 декабря 2004 года, граждане Украины в третий раз пришли на избирательные участки. За ходом переголосования наблюдали более двенадцати тысяч международных наблюдателей. Как и в первых двух турах, таранным пропагандистским воздействием оппозиции стали данные экзит-поллов. Согласно результатам исследования, проведенного Киевским международным институтом социологии и Центром им. А. Разумкова в опросах на выходе с избирательных участков, при переголосовании второго тура выборов президента Украины лидировал Виктор Ющенко с 56,5%, Виктор Янукович получал лишь 41,3% голосов. По данным экзит-полла, проведенного фирмой «The Luntz Research Company», Ющенко набрал 56% голосов избирателей, а Янукович — 41%. Близкие данные были получены Центром «Социальный мониторинг»: у Ющенко — 58,1% голосов, у Януковича — 38,4%. Другой социологический консорциум «Национальный exit-poll-2004» сообщал, что в ходе переголосования второго тура выборов президента за Виктора Ющенко проголосовали 56,5% избирателей, за Виктора Януковича — 41,3%¹.

10 января 2005 года Центральная избирательная комиссия огласила официальные итоги переголосования второго тура: Виктор Ющенко получил 51,99% голосов, опередив Виктора Януковича (44,19%) на 7,8% голосов избирателей². Несмотря на жалобу, поданную В. Януковичем, 20 января Верховный суд Украины признал законным решение Центризбиркома, объявившего В. Ющенко победителем. 23 января 2005 года прошла инаугурация нового украинского президента, после чего все палатки на Майдане независимости были демонтированы. «Оранжевая революция» завершилась.

Характерно, что уже на следующий день после третьего тура выборов, 27 декабря, Виктора Ющенко поздравил президент Польши А. Квасьневский. Как отметил в телефонном разговоре польский лидер, «вся Европа напряженно следила за украинскими выборами, и сегодня чувствует большую радость от того, что демократические процессы в Украине победили». «Ваш народ сознательно стремился к демократии и получил ее», — заявил Квасьневский, выразив надежду, что

¹ См.: Жильцов С.С. Ук. соч. С. 141.

² «Помаранчева» революція. Версії, хроніка, документи. Упоряд. Погребинський М.Б., 2005. С. 246.

вскоре Украина присоединится к лучшим европейским ценностям¹. Энтузиазм выступившего от лица коллективного Запада польского лидера вполне объясним. В своих геополитических расчетах западные страны придавали Украине особое значение и были полностью удовлетворены итоговым результатом президентских выборов на Украине. Это неудивительно, ведь решающим фактором победы «оранжевой революции», как в свое время «бульдозерной революции» и «революции роз», стала грамотная реализация западных технологий «мягкой силы». При этом вмешательство Запада во внутренние дела Украины (как в Сербии и Грузии), началось задолго до событий ноября–декабря 2004 года. Оппозиции режиму Кучмы была обеспечена массивная финансовая, организационная и моральная поддержка со стороны США и их европейских союзников. По данным весьма компетентных американских исследователей Дж. Сассмена и С. Крейдера только США и только в 2004 году на «инициативы, связанные со сменой режима» на Украине потратили около тридцати четырех миллионов долларов².

Благодаря подобным вливаниям западные и местные прозападные акторы «мягкой силы» сумели полностью переиграть официальный Киев. Именно они годами пропагандировали необходимость европейского выбора Украины; именно они подготовили общество к «неизбежным» нарушениям и фальсификациям на выборах; именно они обеспечили высокую явку избирателей, столь необходимую «оранжевым»; именно они сразу после закрытия избирательных участков публиковали данные экзит-поллов, уверенно отдававшие победу Ющенко; именно они мобилизовали и вывели сотни тысяч людей на улицы, оказав тем самым невероятное давление на правящий режим и заставив его, по сути, предать собственного ставленника.

Фактор Запада изначально был одним из решающих для делегитимизации выборов на случай успеха кандидата от власти и для предотвращения применения силы против «революционных» масс. С этой целью на Киев оказывалось колоссальное дипломатическое давление как по официальным каналам, так и в кулуарах. И оно возымело соответствующее воздействие на украинскую правящую элиту, учитывая, что деловые интересы последней, в том числе наличие крупных банковских счетов, были тесно связаны с Западом. В кризисной ситуации президентских выборов 2004 года США и ряд стран ЕС, в первую очередь, Польша сумели не только подготовить на Украине выгодное им общественное мнение, обеспечить информационное и дипломатическое

¹ Саакашвили и Квасневский — первые президенты, поздравившие Ющенко с победой // Новостной проект «Подробности». URL: <http://podrobnosti.ua/podrobnosti/2004/12/27/169375.html>.

² Sussman G., Krader S. Op. cit. P. 99.

сопровождение своих действий, но и стать активными посредниками в переговорах в самый разгар «оранжевой революции», добившись в конце концов необходимого результата — победы на президентских выборах собственной креатуры.

Сегодня мало у кого вызывает сомнение, что прозападная оппозиция стремилась не к системным изменениям на Украине, а к банальному захвату рычагов управления в стране. Целями «оранжевой революции» были изменения в высшем политическом руководстве, перераспределение финансовых потоков и изменение внешнеполитического курса государства. Даже западные авторы признают, что победившие «революционеры» не принесли Украине «новый рассвет», а «оранжевая революция», по сути, способствовала лишь замене на Украине одной части постсоветской элиты на другую¹. За популистскими лозунгами о скором вступлении в ЕС и НАТО последовало лишь охлаждение отношений с Россией. За обещаниями побороть коррупцию последовали очередные политические и финансовые скандалы уже в стане «оранжевых». Получив рычаги управления государством, «оранжевые» не осуществили никаких качественных сдвигов в развитии Украины.

Более того, победа оппозиции в декабре 2004 года оказалась не без ложки дегтя, в роли которой выступила пресловутая политическая реформа, ставшая для Украины одним из важнейших итогов «оранжевой революции» и одновременно причиной перманентного политического кризиса последующих лет. Основные противоречия украинского общества преодолены не были, значительного улучшения качества жизни рядовых украинцев также не произошло, народ достаточно быстро разочаровался в «оранжевых». Это наглядно показали президентские выборы 2010 года, на которых Ющенко набрал позорные 5,45% голосов избирателей. После пяти лет нахождения у власти «оранжевые» растеряли поддержку в обществе, а сама Украина оказалась в состоянии глубокого и системного общественно-политического кризиса.

¹ The Colour Revolutions in the Former Soviet Republics: Successes and Failures. Ed. by D. Ó Beacháin and A. Polese. N.Y., 2010. P. 43.

Глава 7

«ТЮЛЬПАНОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В КИРГИЗИИ

Со времени победы «оранжевой революции» прошло всего несколько месяцев, но архитекторы и технологи «цветных революций» уже выбрали новую цель — Кыргызстан. По мнению отечественных исследователей, с которым трудно не согласиться, использование данной страны в качестве мишени для очередного удара предопределили удобное географическое положение, открытость западному влиянию и слабость местной власти¹. Катализатором «цветной революции» в Киргизии, так же как и в Грузии, стали парламентские выборы. Прошедшие в феврале — марте 2005 года, они привели к взрыву народного недовольства, резкому обострению положения в стране и свержению существовавшего режима.

С 1990 президентом Киргизии являлся Аскар Акаев, который в последующие полтора десятка лет неоднократно переизбирался на пост главы республики. Конструируемая на заре независимости политическая система Кыргызстана ориентировалась на передовые, на взгляд ее создателей, образцы демократических государств Запада, что для страны, считавшейся малоперспективной периферией во времена Советского Союза, а ранее находившейся на стадии родоплеменных отношений, являлось гигантским рывком. Однако скрытые в советскую эпоху механизмы, издавна существовавшие в общественной организации киргизов, начали оказывать серьезное влияние на строительство молодого государства.

Нарастанию кризисных тенденций в Киргизии, которые в итоге привели к антиконституционному перевороту, способствовал целый ряд факторов: тяжелое социально-экономическое положение республики, перманентно ухудшавшееся после распада СССР; противоречия между более обеспеченным (по киргизским меркам) Севером и бедным Югом; глубоко укоренившаяся в стране коррупция, семейственность, клановость, ухудшение криминогенной обстановки и другие проблемы, характерные для новых независимых государств на постсоветском пространстве.

¹ Филимонов Г., Данюк Д., Юраков М. Ук. соч. С. 160.

В первой половине 2000-х годов в Кыргызстане усилилась социально-политическая напряженность. В первую очередь этому способствовало отсутствие эффективной системы управления страной, которая могла бы решить или, по крайней мере, амортизировать многочисленные проблемы социально-экономического характера. В Кыргызстане существовали серьезные региональные и клановые противоречия между элитами. Хотя эти расхождения и не проявлялись открыто в постсоветский период, их потенциал был очень высок, что в полной мере сказалось во время «тюльпановой революции». Отчетливый географический разлом страны проходил по линии Север-Юг. Еще с советских времен на севере был сосредоточен основной промышленный потенциал республики, а южные регионы традиционно имели основой экономики сельское хозяйство. В этническом плане наряду с киргизами большую группу составляли здесь таджики и, особенно, узбеки. При этом южные области были обременены серьезными социальными и демографическими проблемами (Ферганская долина еще в годы существования СССР отличалась самой высокой плотностью населения в стране), что при недостаточной урбанизации порождало высокую безработицу. Географическое разделение Киргизии усугублялось слабыми коммуникационными связями¹.

Слабым звеном в механизме государственного управления Киргизии была клановая система, опиравшаяся на родственные связи. Хотя городское население под влиянием советской модернизации стало постепенно избавляться от родоплеменных идентичностей, обеспеченная ресурсами киргизская элита продолжала руководствоваться в своих действиях интересами родов и кланов. Четырнадцать лет до «тюльпановой революции» были временем доминирования кланов севера (чуйско — иссык-кульский клан), к которым принадлежал и сам президент Акаев. Выходцы из них занимали ведущие посты в государстве и соответственно превалировали в бизнесе. Доля участия и влияния южных кланов (ошский клан, включая узбеков) в политике и экономике выглядела гораздо скромнее. Северяне не доверяли южанам, не без оснований подозревая их в оппозиционности и антипрезидентских заговорах². В итоге именно на юге страны сформировался настроенный антипрезидентски плацдарм для «тюльпановой революции» (название приписывают самому А. Акаеву, который стремился вызвать этим словосочетанием аналогию с событиями в Грузии и на Украине, подчеркнув западное участие³).

¹ Прокофьев А.В. Ук. соч. С. 68.

² См.: Михеев С. Жертва дурно понятой демократии // Киргизский переворот. Март — апрель 2005. Сост. Павловский Г.О. М., 2005. С. 44.

³ Филимонов Г., Даниук Д., Юраков М. Ук. соч. С. 46.

Лидерами оппозиции стали в основном выходцы с юга, в том числе и высокопоставленные отставники, такие как экс-премьер Курманбек Бакиев и экс-глава МИД Роза Отунбаева. Присутствие же среди первых лиц оппозиции единственного представителя северных кланов Ф. Кулова (с 2001 года он находился в заключении по обвинению в крупных хищениях, хотя мало, кто сомневался в политической подоплеке его дела), который ранее также занимал ряд высоких должностей в силовом блоке страны, стало свидетельством смыкания всех ключевых кланов в противостоянии Акаеву, начавшему, по их мнению, преследовать узкородовые интересы. Таким образом, клановые противоречия и противостояние «Север-Юг» сыграли важную роль в формировании оппозиции и свержении режима Акаева.

Большое влияние на процессы управления страной и взаимоотношения между элитами в Киргизии оказывал также криминальный фактор, прежде всего связанный с наркотрафиком. Слабость силовых структур и расцвет преступности привели к тому, что криминалитет, по сути, сросся с государственным аппаратом. Во время активной фазы «тюльпановой революции» криминальные «авторитеты» в немалой степени обеспечили мобилизацию и финансирование протестных масс, их транспортировку и координацию. Среди основных финансовых спонсоров и организаторов антиакаевских протестов фигурировали депутат киргизского парламента Б. Эркинбаев, владелец Карасуйского рынка и крупнейший лидер уголовного мира на юге страны, а также глава наиболее мощного организованного преступного сообщества Киргизии Р. Акматбаев¹.

Внутриполитический курс президента А. Акаева отличался большим своеобразием. Используя референдумы 1994, 1996, 1998 и 2003 годов, результаты которых не признавала оппозиция, Акаев последовательно сокращал влияние законодательной власти. При этом он старательно поддерживал определенный уровень демократической легитимности, сохраняя выборы и другие демократические процедуры. Создававшаяся в Кыргызстане система по духу была близка к «фасадной демократии», распространенной в странах Ближнего и Среднего Востока². Акаев старательно работал над имиджем Кыргызстана как «центрально-азиатской Швейцарии» и «островком демократии» в регионе. Местные

¹ См.: Прокофьев А.В. Ук. соч. С. 71; Жусупалиев Э. Передел собственности в Кыргызстане: новая кровь // Информационное агентство «Фергана». URL: <http://www.fergananews.com/article.php?id=3948>; Омаров Б. Увядающие тюльпаны // Ежедневная общественно-политическая газета «День». URL: <http://www.day.kiev.ua/290619?idsource=151670&mainlang=rus>; Степанюк К. Здравствуй, оружие! // URL: <http://www.izvestia.kz/node/14638>.

² См.: Внешнеполитический процесс в странах Востока. Под ред. Стрельцова Д.В. М., 2011. С. 30–31, 47.

власти допускали существование оппозиционных партий, независимых неправительственных организаций и средств массовой информации. Однако, несмотря на большое внимание к правам граждан в риторике, в Кыргызстане серьезным ограничениям были подвергнуты многие гражданские и политические права, в том числе на свободу собраний и свободу слова.

Высокие показатели партии власти на выборах демонстрировались на фоне ухудшавшейся ситуации в социально-экономической сфере. В результате отсутствия работы и перенаселенности жители сельской местности уезжали в города, преимущественно в Бишкек. Сформировалась значительная социальная группа «самозахватчиков» — людей, самовольно занимавших пригороды и строивших там жилье (численность этой группы доходила до трехсот тысяч человек). В этих районах стихийной застройки не было никакой инфраструктуры, отсутствовали вода, электричество, канализация, доступ к услугам здравоохранения и образования, расцвела преступность и наркомания.

Неэффективная политика режима Акаева привела к массовому исходу из страны не только русского населения, но и титульной нации. Доля населения, живущего за чертой бедности также росла; с середины 1990-х годов и к концу правления А. Акаева она выросла с 51% до 70%. По индексу человеческого развития, рассчитанному ПРООН в 2004 году, Киргизия заняла 110 место из 177 стран мира. В целом экономика Киргизии демонстрировала симптомы системного кризиса. В преддверии «тюльпановой революции» по большинству социальных показателей Киргизия приблизилась к разрушенному гражданской войной Таджикистану¹. Узбекская община, составляющая 20% населения Киргизии, постоянно ущемлялась в правах. Огромный масштаб в стране приобрела коррупция. Все наиболее значимые производства и предприятия сферы торговли оказались в руках семьи Акаева. Сын президента Айдар являлся фактическим владельцем сети супермаркетов, ночных клубов, компаний сотовой связи и в стремлении подчинить своему контролю экономику Кыргызстана конкурировал с мужем своей сестры Адилем Тойгонбаевым.

На международной арене А. Акаеву также не удалось реализовать торжественно продекларированный независимый и многовекторный внешнеполитический курс. С 1991 года Кыргызстан по причине своего невысокого удельного военно-политического и экономического потенциала рассматривался в сфере международных отношений скорее как объект мировой политики, нежели как самостоятельный субъект

¹ Ниязи А. Развитие и безопасность в Центральной Азии: примеры Киргизии и Узбекистана // Безопасность Центральной Азии: новые вызовы, угрозы и риски. М., 2006. С. 62–82.

ект. Динамические изменения, которые происходили во внешней политике страны являлись не результатом планомерной реализации национальной стратегии на международной арене, а следствием давления различных внешних сил, что существенным образом сказывалось на репутации киргизского руководства и повышало внешне- и внутриполитические риски.

Серьезным ударом по популярности Акаева стали события, связанные с подписанием договора с Китаем о передаче части территории республики могучему восточному соседу, который многими в обществе был расценен как предательство национальных интересов. По стране прокатились протесты; в ходе одного из них в Аксыйском районе в марте 2002 года милиция открыла огонь по антиакаевской демонстрации, в результате чего погибли шесть человек. Именно после «аксыйских событий» премьер-министр К. Бакиев (будущий вождь «тюльпановой революции») подал в отставку и перешел в оппозицию.

В связи с началом военной операции НАТО в Афганистане в декабре 2001 года резко возросла роль Кыргызстана в геополитических приоритетах США. В ответ на просьбу из Вашингтона режим Акаева санкционировал создание базы антитеррористической коалиции в Манасе, где доминировали американские военные. Как отмечали исследователи вопроса А. Князев и С. Масаулов, Киргизия лучше других центрально-азиатских стран подходила на роль форпоста интересов США в регионе. Более того, Белый дом рассчитывал создать из Кыргызстана третий очаг антироссийского влияния наряду с Грузией и Украиной, резко изменившими свой внешнеполитический курс после произошедших «революции роз» и «оранжевой революции»¹. По мнению известного отечественного политолога С.А. Караганова, используя Киргизию в качестве плацдарма, США и вовсе стремились претворить в жизнь концепцию «Большой Центральной Азии». Она подразумевала объединение стран региона в один независимый, в первую очередь от России, геополитический блок и «привязке» его к Пакистану и Афганистану; вместе с программами по расширению НАТО эта концепция должна была стать ключевым инструментом реализации американской политики на постсоветском пространстве². Все это, разумеется, не могло не вызвать недовольство как в Москве, так и в среде ориентированной на Россию политической элиты Кыргызстана.

Внешний фактор оказал существенное влияние на консолидацию антиакаевской коалиции. В целом, с начала 2000-х годов недовольство

¹ Князев А., Масаулов С. Киргизия: самая обширная сеть НПО, военные базы и разложение государственности. Ук. соч. С. 298.

² Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить. Отв. ред. и рук. авт. кол. С.А. Караганов. М., 2008. С. 343.

как внутренней, так и внешней политикой президента стали проявлять не только бедные слои населения, но представители политической и бизнес-элиты.

В этих условиях в феврале — марте 2005 года должны были состояться выборы в киргизский парламент (Жогорку Кенеш). 29 декабря 2004 года несколько зарегистрированных оппозиционных блоков подписали меморандум о сотрудничестве для совместного противодействия административному ресурсу. В эту коалицию вошли «Народное движение Кыргызстана» под председательством К. Бакиева, общественно-политическое движение «Ата-Журт» во главе с Р. Отунбаевой, общественно-политическое движение «Жаны-Багыт» М. Иманалиева, «Народный Конгресс Киргизии» А. Атамбаева и Гражданский союз «За честные выборы» М. Аширкулова¹. В большинстве своем оппозиционные партии представляли из себя «организации-однодневки», которые были созданы за год до парламентских выборов, однако их возглавляли политические «тяжеловесы», занимавшие ранее высокие государственные посты.

Опасаясь проиграть выборы и потерять контроль над парламентом, Акаев попытался не допустить к предвыборной гонке сильных противников: в январе 2005 года в закон о выборах было внесено изменение, которое не позволяло участвовать в них лицам, не проживавшим в стране в течении пяти лет, в том числе и бывшим дипломатам. Это исключало из борьбы Р. Отунбаеву, лидера блока «Ата-Журт», которая ранее была послом в США, а затем работала в ООН. 7 января 2005 года она была снята с выборов, причем в том же округе в качестве кандидата была зарегистрирована дочь президента Бермет Акаева. Под различными предложениями были лишены регистрации на выборах и другие оппозиционеры — А. Жпаров, А. Малиев, Б. Болотбеков и другие.

Подобные действия властей, однако, лишь способствовали консолидации оппозиции. Монополизм «семьи» президента вызывал недовольство уже не только южных кланов, но многих представителей северных. Недовольная часть северных элит и молодых горожан, не видевших перспектив для себя при Акаеве, объединилась вокруг влиятельного политика-северянина Кулова (все еще отбывавшего тюремный срок); южане сплотились вокруг К. Бакиева². Всего в объединенной антиакаевской оппозиции существовало пять категорий общественно-политических групп: отставные чиновники разных рангов, затаившие обиду на Акаева и его окружение; «профессиональные демократы», обладающие опытом критики и подрыва режима; группа кандидатов, отстраненная от выборов в феврале 2005 года; бизнесмены, вытесненные с рынка

¹ См.: Здоровец Я. Кадровые резервы «цветных» революций в Центральной Азии. Персоны и структуры. М., 2006. С. 62.

² Прокофьев А.В. Ук. соч. С. 115–116.

семьей Акаева; наконец, криминалитет, пытавшийся перекроить и расширить зоны влияния¹.

Выборы в Жогорку Кенеш должны были пройти в два тура — 27 февраля и 13 марта. И властями, и оппозицией парламентские выборы 2005 года изначально воспринимались как завоевание и обеспечение политических плацдармов в преддверии намеченной на конец года гонки за президентское кресло. Однако в условиях политической и экономической нестабильности, общественного брожения и раскола элит выборы в Жогорку Кенеш вышли за рамки первоначальных намерений основных игроков и стали спусковым крючком для развертывания общеполитического кризиса, закончившегося государственным переворотом. Характерно, что киргизская оппозиция, действуя в русле уже отработанных «цветных» технологий, заранее объявила еще не состоявшиеся выборы нелегитимными.

Едва ли не главную роль в распространении антиправительственных настроений в Киргизии, нагнетании общественно-политического недовольства и в целом в подготовке государственного переворота сыграли созданные при прямой и непосредственной поддержке Запада неправительственные организации — основные акторы «мягкой силы», задействованные в «тюльпановой революции».

Как уже упоминалось, с самого начала своего правления А. Акаев, ориентируясь на западный опыт, всячески поощрял развитие гражданского общества в стране и в целом проводил линию по максимальному внедрению демократических институтов во все сферы жизни молодого государства. Используя такую уникальную для Центральной Азии возможность, в Киргизию устремилось множество неправительственных организаций самой разной направленности. Президент А. Акаев как-то пошутил, что, если Нидерланды — это страна тюльпанов, то Кыргызстан — страна неправительственных организаций². (В свете дальнейших событий можно сказать, что история с жестокой иронией обыграла эти слова Акаева: именно НПО превратили Киргизию тоже в страну тюльпанов, сделав их символом переворота, свергнувшего президента). При этом важно отметить, что широта сети неправительственных организации отнюдь не означала автоматически широты распространения ценностей гражданского общества западного образца.

К началу 2005 году в Кыргызстане было создано несколько тысяч неправительственных организаций, подавляющая часть из которых существовала на американские гранты. Вместе с киргизскими филиалами таких структур, как Национальный демократический институт

¹ См.: Ниязи А. Бишкекский переворот: тюльпановое блюдо на азиатской кухне // Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека. Отв. Ред. Нарочницкая Н.А. Спб., 2008. С. 179.

² Заявление Омбудсмана (Акыйкатчы) Кыргызской Республики // Общественно-политическая газета «Моя столица». www.msn.kg/showwin.php?type=newsportal&id=7854.

по международным делам, Международный республиканский институт, «Фридом Хаус» и многих других, их общее число по разным данным составляло от восьми до пятнадцати тысяч. По количеству НПО на душу населения Киргизия превзошла все страны СНГ¹. Причем основным видом деятельности неправительственных организаций, которым выдавались гранты, было обучение и воспитание молодежи.

В результате такой политики режим Акаева в конечном счете сам стал мишенью для контролируемых из США и ЕС неправительственных акторов. Основными задачами НПО в Киргизии в преддверии «тюльпановой революции» являлись, во-первых, сплочивание оппозиционных сил и гражданских активистов, во-вторых, формирование независимых от государства СМИ, наконец, обеспечение мониторинга выборов. Ключевую роль в финансировании большинства проектов сыграло Агентство США по международному развитию, которое только по его официальным данным потратило на «продвижение демократии» в Киргизии шестьдесят восемь миллионов долларов².

Вообще, Вашингтон выделял немало сил и средств для «демократизации» независимого Кыргызстана, особенно после начала операции НАТО в Афганистане в 2001 году. Киргизия занимала третье место в списке постсоветских стран по совокупной американской помощи. В сумме за период 1992–2004 годов она составила 749 миллионов долларов, 14,6% из которых пошли на реализацию программ по поддержке демократических реформ, включая выборы, гуманитарные программы, развитие законодательства и безопасности³. На самом деле, громко декларируемая Вашингтоном «демократизация» страны была направлена на приведение к власти управляемого проамериканского лобби, не связанного с сохранившейся у власти советской номенклатурой, ориентировавшейся на Россию. Ситуация в Киргизии представляла наиболее выгодные стартовые условия для реализации перемен в правящем классе, которые рассматривались как начало идеологического и политического подчинения всего региона Соединенным Штатам. «Кыргызстан мог бы дать надежду народам Центральной Азии»⁴, — уверенно заявлял в ходе «революции тюльпанов» посол США в Бишкеке С. Янг.

¹ См.: Наумова А.Ю., Авдеев В.Е., Наумов А.О. Ук. соч. С.122; Иррегулярные конфликты: «цветные революции». Анализ и оценка форм, приемов и способов ведения операций по смене режимов в суверенных государствах. С. 90.

² Rising Democracy. Grassroot Revolutions // USAID. Official web-site. URL: http://www.usaid.gov/our_vvork/democracy_and_governance/publications/pdfs/democracy_rising.pdf.

³ Nichol J. Coup in Kyrgyzstan: Developments and Implications // CRS Report for Congress. April 14, 2005. <https://www.fas.org/sgp/crs/row/RL32864.pdf>. P. 2.

⁴ Shishkin Ph. In Putin's Backyard, Democracy Stirs — With U.S. Help // The Wall Street Journal. 25.02.2005. URL: <http://online.wsj.com/news/articles/SB110929289650463886>.

В Киргизии США реализовывали такой компонент своей «мягкой силы», как образовательные программы. Вашингтон курировал Американский университет в Кыргызстане, а также способствовал академическому обмену студентов. В 2004 году, например, в Америке прошли стажировку более 330 киргизских граждан, а всего с 1993 года — 2700 человек, многие из которых являлись студентами, сотрудниками медийной отрасли или политиками. По линии обмена в США побывал и непосредственный лидер «тюльпановой революции» Курманбек Бакиев¹.

Поддерживали США и развитие гражданских институтов. По данным влиятельной *The New York Times* на американские средства в Киргизии (особенно активно накануне выборов) открывались и финансировались центры гражданского общества, где встречались оппозиционные активисты, проходили тренинги, анализировались сообщения западных СМИ, предоставлялся выход в Интернет. Только один Национальный демократический институт спонсировал двадцать таких центров, которые занимались подготовкой новостных выпусков на русском, киргизском и узбекском языках².

В основном вмешательство Вашингтона в киргизские события происходило через различные неправительственные организации. При поддержке Национального демократического института по международным делам была, например, создана оппозиционная «Коалиция за демократию и гражданское общество» с ежегодным бюджетом более ста тысяч долларов. Ее задача заключалась в том, чтобы через сеть региональных представительств обеспечивать координацию мониторинга за выборами, поддерживать развитие местного самоуправления и образование избирателей. Глава «Коалиции» и непримиримый критик правительства Акаева Э. Байсалов, получивший опыт в ходе «оранжевой революции» на Украине, не скрывал накануне выборов в Жогорку Кенеш в начале 2005 года своих взглядов и истинных целей: «Украинский опыт сформировал меня. Я увидел, какими могут быть результаты нашей работы»³.

При поддержке неправительственных организаций в Киргизии было создано два молодежных оппозиционных движения по лекалам сербского «Отпора» — «Кел-Кел» («Возрождение») и «Бирге!» («Вместе!»), которые приняли активное участие в «тюльпановой революции». Организация «Кел-Кел» была создана 10 января 2005 года — всего за пол-

¹ Громова А.В. Ук. соч. С. 110.

² Smith C. U.S. Helped to Prepare the Way for Kyrgyzstan's Uprising // *The New York Times*. March 30, 2005. URL: http://www.nytimes.com/2005/03/30/world/asia/us-helped-to-prepare-the-way-for-kyrgyzstans-uprising.html?_r=0

³ Shishkin Ph. Op. cit.

торна месяца до парламентских выборов. В феврале часть радикальных членов организации во главе с Т. Шайхутдиновым покинула ее ряды и образовала молодежное движение «Бирге!». Деятельность молодежных структур в основном заключалась в мобилизации людей на протестные акции. Работа «Кел-Кел», пользовавшаяся поддержкой со стороны предвыборного блока Р. Отунбаевой «Ата-Журт», велась в основном в Бишкеке. Движение «Бирге!», которому оказывал помощь К. Бакиев и его «Народное движение Кыргызстана», действовало в провинции и прежде всего на юге республики. Кроме мобилизационных мероприятий движения инициировали серьезную организаторскую и пропагандистскую работу. Были проведены форум молодежи, серия семинаров для студентов Бишкека на тему «Демократия и политическое участие молодежи», акция «Против страха!» и т.п. Выпускались и распространялись различные агитационно-пропагандистские издания. Использовались уже отработанные и налаженные методики вплоть до символов и конкретных приемов, как, например, раздача активистами «Кел-Кел» протестующим и полицейским лимонов, что явно перекликалось с украинскими апельсинами эпохи «оранжевой революции»¹.

Финансируемые Западном неправительственные организации сыграли решающую роль и в формировании независимых от государства средств массовой информации, которые на тот момент, по сути, находились в зачаточном состоянии. В ноябре 2003 года по инициативе и при всесторонней поддержке «Фридом Хаус» в Бишкеке была открыта первая в истории Киргизии независимая от властей типография. Ее директором стал американский журналист и сотрудник «Фридом Хаус» М. Стоун. Типография стала альтернативой государственной типографии «Учгун», бывшей монополистом на рынке полиграфических услуг. Мощности типографии использовались исключительно на поддержку оппозиционных средств массовой информации. Из под ее станка вышли едва ли не все оппозиционные издания, в том числе и главный орган оппозиции, газета «Моя столица — Новости» (о ней — далее). Переведенная работа Дж. Шарпа «От диктатуры к демократии» в виде стилизованной под газету брошюры, также была отпечатана в типографии Стоуна. Центр организовал массивное издание оппозиционных материалов — газет, брошюр и т.д. В итоге печатный станок, эксплуатируемый «Фридом Хаус» с ноября 2003 года, работал в противовес государственной печатной монополии в Киргизии. Весь массив печатавшихся этой типографией оппозиционных газет и изданий, а также «инструкций по борьбе с диктаторами», которые содержали полезные советы в борьбе с режимом, оперативно распро-

¹ Наумова А.Ю., Авдеев В.Е., Наумов А.О. Ук. соч. С. 123.

странялся силами НПО и активистами финансируемых из-за рубежа оппозиционных организаций¹.

Когда накануне первого тура выборов, 27 февраля 2005 года, правительство отключило электроснабжение типографии, посольство США в Бишкеке организовало доставку двух электрических генераторов со своей базы в Манасе, а американские сенаторы Дж. Маккейн и Дж. Байден обрушились с резкой критикой на президента Акаева, обвиняя его режим в ущемлении свободы слова в Киргизии. «Невзирая на полную несостоятельность властей в этом отношении (развитие демократии — А.Н.), Киргизия не утратила возможности обрести демократию. Второй тур выборов, намеченный на 13 марта, даст властям последний шанс. Отказ в предоставлении гражданам своей страны основных политических прав может привести к серьезным последствиям», — говорилось в этом угрожающем двухпартийном заявлении².

Недовольство американских сенаторов вполне объяснимо: в силу неразвитости в стране медиа-культуры, низкой степени распространения Интернета и фактически отсутствию блогосферы как поля для формирования и высказывания альтернативных мнений эта типография, по сути, заменила все оппозиционные СМИ.

Говоря о роли средств массовой информации в «тюльпановой революции», нельзя, конечно, не упомянуть о деятельности упоминавшейся выше газеты «Моя столица — Новости» («МСН»). Газета была основана в 2000 году Александром Кимом и практически полностью существовала на гранты США и западных НПО. С самого начала «МСН» находилась в оппозиции к президенту Акаеву (возможно, потому, что первая газета Кима с таким же названием оказалась в итоге в руках зятя Акаева) и, по сути, стала одним из важнейших элементов в технологии смены политического режима в Киргизии. Непосредственно печать издания происходила в типографии Стоун (там же печаталась другая оппозиционная газета «Республика»). По мнению А.В. Громовой, газете удалось наэлектризовать общественное мнение страны до состояния «революционной» экзальтации, приведшей к свержению Акаева. Регулярные публикации с откровенными призывами к смене власти подкреплялись материалами о злоупотреблениях и коррупции семьи президента Акаева. «МСН» стала рупором оппозиции и неоднократно объявляла итоги выборов несправедливыми и сфальсифициро-

¹ «Фридом хауз» в Киргизии // Голос Америки. 03.04.2005. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/a-33-2005-04-03-voa4/656985.html#>; Громова А.В. Ук .соч. С. 106; Shishkin Ph. Op. cit.; Ниязи А. Бишкекский переворот: тюльпановое блюдо на азиатской кухне. С. 176–178.

² Цит. по: Иррегулярные конфликты: «цветные революции». Анализ и оценка форм, приемов и способов ведения операций по смене режимов в суверенных государствах. С. 100.

ванными; газета призывала людей, в первую очередь молодежь, выходить на улицы для протестов; она информировала участников акций протеста о том, где и когда должны были состояться эти акции. Наконец, во многом именно «МСН» сумела объединить политические силы киргизской оппозиции и отобилизовать ее в критический момент «тюльпановой революции»¹.

Помимо газеты «Моя столица — Новости» с помощью грантов американского правительства и неправительственных структур на киргизских телеканалах (например, «Пирамида») выходили в эфир общественно-политические ток-шоу («Наше время» и «Без ретуши»), ставшие настоящим рупором оппозиционных депутатов парламента Киргизии. Затем эти передачи транслировались по немногочисленным независимым телеканалам Киргизии, включая телестудию в городе Ош на юге страны, где и начались волнения, которые привели к свержению Акаева. На Киргизию также вещало и местное отделение американской радиостанции «Свободная Европа/Радио Свобода»².

В ходе подготовки и осуществления «тюльпановой революции» оппозиционные СМИ работали по уже отработанной схеме дискредитации действующей власти и призывов к непризнанию результатов состоявшихся выборов. Однако уникальность ситуации заключалась в том, что особую роль в этих событиях сыграло всего лишь одно (!) печатное издание — «МСН». Аудио-визуальные СМИ, не говоря уже об Интернете, практически оставались в стороне в силу своего слабого развития в регионах.

Большую роль неправительственные организации сыграли и в обеспечении мониторинга выборов. В апреле 2004 года при содействии Дж. Сороса начала работу неправительственная организация «Институт экономической политики «Бишкекский консенсус»», официальной целью которой было заявлено проведение мониторинга предстоящих в 2005 году парламентских и президентских выборов. На финансирование «Бишкекского консенсуса» было выделено за два года полмиллиона долларов³. На местах обеспечить контроль над голосованием помогали «Информационные центры демократии», организованные при поддержке Национального демократического института по международным делам. Вообще, роль неправительственных организаций, поддерживаемых Западом, в процессе мониторинга выборов была колоссальной. В ходе подготовки к выборам выделялись огромные

¹ Громова А.В. Ук. соч. С. 109–110.

² Smith C. U.S. Helped to Prepare the Way for Kyrgyzstan's Uprising // The New York Times. March 30, 2005. URL: http://www.nytimes.com/2005/03/30/world/asia/us-helped-to-prepare-the-way-for-kyrgyzstans-uprising.html?_r=0

³ Князев А., Масаулов С. Ук. соч. С. 301.

по киргизским меркам деньги на обучение сотрудников местных избирательных комиссий и наблюдателей, финансировались независимые НПО и СМИ для работы по просвещению избирателей. Не вызывает сомнения, что в отсутствие организационной, идейной и материальной поддержки извне оппозиция не смогла бы обеспечить ни финансирование этого процесса, ни подготовить соответствующие кадры¹.

Западные специалисты по ненасильственной смене режимов не ограничивались лишь работой с гражданским обществом Киргизии. Большое внимание уделялось и взаимодействию с силовыми структурами страны. На протяжении ряда лет в министерствах внутренних дел и обороны, Службе национальной безопасности и Национальной гвардии под видом сотрудничества действовали представители иностранных и международных структур. В сознание киргизских правоохранителей последовательно внедрялась отработанная в Сербии, Грузии и Украине догма: «Мы никогда не применим военную силу против собственного народа». Применение обоснованной силы во внутривнутриполитических конфликтах, то есть именно то, что делает власть властью, априори было приравнено к преступлению. Процесс разложения силовых структур сопровождался и чрезмерной открытостью информации, относящейся к сфере национальной безопасности. В последние два года накануне «тюльпановой революции» правительством Кыргызстана реализовывались многомиллионные программы Всемирного банка по «реформе государственного управления» и ОБСЕ по «совершенствованию правоохранительных структур», в ходе которых были полностью раскрыты структура и общая информация по количественному и качественному составу госслужащих и правоохранительных органов².

Нельзя не отметить, что вплоть до начала 2005 года официальный Вашингтон и подконтрольные ему неправительственные структуры старались не выказывать открытой и однозначной поддержки киргизским оппозиционерам, занимаясь лишь созданием необходимого общественного фона и объединением различных антиправительственных акторов. Однако сама избирательная кампания в Жогору Кенеш, по мнению ряда исследователей, явилась беспрецедентным примером открытого вмешательства США во внутривнутриполитический процесс постсоветского государства. Используя результаты многолетней работы по формированию общественно-политического дискурса в стране и опираясь на заранее подготовленную сеть оппозиционных партий, НПО и СМИ, Вашингтон оказывал на Бишкек сильнейшее политико-дипломатическое давление. Одной из самых заметных фигур киргизской политики в тот момент являлся американский посол С. Янг (его имя даже вошло

¹ Наумова А.Ю., Авдеев В.Е., Наумов А.О. Ук. соч. С. 126–127.

² Князев А., Масаулов С. Ук. соч. С. 302–303.

в рейтинг ста ведущих политиков Кыргызстана). Высокопоставленный дипломат открыто встречался с оппозиционными кандидатами и критиковал, порой весьма недипломатично, действовавшую власть. «Наша основная задача на предвыборный период — заявил накануне «тюльпановой революции» Янг, — вызвать неуважением к властям и к недееспособному коррупционному режиму А. Акаева, его прорусской ориентации и незаконному использованию административного ресурса на выборах». Янг потребовал от Акаева оставить пост главы государства по завершении президентского срока, заявив, что «решение уйти в отставку этой осенью станет серьезным шагом вперед в развитии кыргызской демократии и послужит важным примером для других государств региона»¹.

В такой обстановке 27 февраля 2005 года в Киргизии прошел первый тур парламентских выборов, в ходе которого определились победители почти в половине избирательных округов; в остальных был назначен второй тур голосования. Оппозиционные кандидаты сумели добиться победы только на двух избирательных участках. Уже тогда стало ясно, что большинство мест в новом парламенте займет пропрезидентская партия «Алга, Кыргызстан!», которой руководила старшая дочь Акаева Бермет.

На следующий день, 28 февраля, европейские наблюдатели от ОБСЕ и Европарламента признали прошедшие выборы не соответствующими международным нормам. Они указали на попытки давления на избирателей со стороны как президента, так и оппозиции, а также подкупа избирателей².

Киргизская оппозиция начала акции протеста, требуя перевыборов и отставки Акаева. В центре Бишкека был организован несанкционированный, немногочисленный и непродолжительный митинг. Гораздо решительнее оппозиция действовала на юге страны. 4 марта при поддержке тысячи манифестантов оппозиционеры захватили и начали удерживать здание областной администрации в Джалал-Абаде. На центральной площади города был разбит лагерь антиакаевских демонстрантов. Губернатор области вынужден был искать убежище в здании местного УВД. Несмотря на то, что по приказу из Бишкека Джалал-Абад был оцеплен и окружен блокпостами, волнения постепенно стали распространяться на другие города республики — Ош, Нарын и Талас.

¹ См.: Цит. по: Иррегулярные конфликты: «цветные революции». Анализ и оценка форм, приемов и способов ведения операций по смене режимов в суверенных государствах. С.100; Князев А., Масаулов С. Ук. соч. С. 304.

² OSCE. Office for Democratic Institutions and Human Rights. Parliamentary Elections, the Kyrgyz Republic: Statement of Preliminary Findings and Conclusions. The Kyrgyz Republic Parliamentary elections 27 February and 13 March 2005 OSCE/ODIHR Election Observation Mission Final Report. URL: <http://www.osce.org/odihr/elections/kyrgyzstan/14835?download=true>.

Стараясь развить инициативу, возглавляемое К. Бакиевым оппозиционное «Народное движение Кыргызстана» призвало президента Акаева немедленно подать в отставку, объявить о досрочных президентских выборах, а результаты прошедших в феврале выборов в Жогорку Кенеш признать недействительными. Движение обратилось также к правоохранительным органам с призывом не применять оружие против мирных граждан и заявило, что для предотвращения хаоса и анархии берет на себя ответственность за координацию народных масс до достижения их главных требований. С этого момента именно Бакиев, который и так обладал наибольшим политическим весом среди противников действовавшего президента, выдвинулся на первый план в оппозиционном лагере.

13 марта 2005 года прошел второй тур парламентских выборов. ОБСЕ вновь указала на многочисленные нарушения¹. По предварительным результатам стало ясно, что абсолютное большинство мест в парламенте получили сторонники президента. По итогам двух туров голосования оппозиционные кандидаты получали всего шесть из семидесяти пяти мест в парламенте, причем за бортом Жогорку Кенеша остались известные оппоненты власти, в том числе и сам К. Бакиев.

Обвинив режим в фальсификациях на выборах, оппозиция объявила о созыве 15 марта в Джалал-Абаде курултая (всенародного собрания). В его президиум вошли главные лидеры оппозиции: бывший премьер К. Бакиев, бывший министр иностранных дел Р. Отунбаева, бывший министр образования И. Болджурова. Курултай, состоявшийся на захваченной ранее площади перед зданием областной администрации, стал местом сбора протестных масс и их организационного оформления в масштабное антиправительственное движение. К митингующим начали присоединяться демонстранты из соседних областей, их общее количество составило несколько тысяч человек. Согласно принятым на курултае решениям, в Джалал-Абадской области был создан параллельный официальным властям орган — Координационный совет Народного единства Киргизии. Заметим, что создание этого органа почти буквально совпадало с рекомендациями Дж. Шарпа, в частности, с его заключительным, сто девяносто восьмым, методом ненасильственной борьбы — двойной суверенитет и создание параллельного правительства². Главным и основным требованием стала отставка Акаева и проведение досрочных президентских выборов. Митинги против

¹ OSCE. Office for Democratic Institutions and Human Rights. Parliamentary Elections, the Kyrgyz Republic: Statement of Preliminary Findings and Conclusions. The Kyrgyz Republic Parliamentary elections 27 February and 13 March 2005 OSCE/ODIHR Election Observation Mission Final Report. URL: <http://www.osce.org/odhr/elections/kyrgyzstan/14835?download=true>.

² Шарп Дж. Ук. соч. С. 110.

фальсификации выборов прошли и в других регионах страны — в первую очередь в Таласской и Ошской областях. 16 марта в Таласе, требовавшие пересмотра итогов выборов, митингующие при попустительстве милиции захватили здание областной администрации вместе с губернатором. Спустя два дня была захвачена и администрация в городе Ош.

Обеспокоенные происходившем на юге страны, власти были вынуждены пойти на определенные уступки оппозиции: 16 марта было заявлено о возможном пересмотре результатов голосования в некоторых избирательных округах. «Определенные недостатки» в ходе предвыборной борьбы публично признал и сам А. Акаев. Выступая по национальному телевидению, он отметил: «Шла острая борьба кандидатов, и не все соблюдали требования закона». Мирολюбивую риторику президент, однако, попытался сочетать с жесткими мерами по наведению порядка. Рано утром 20 марта в Джалал-Абаде и Оше силами спецназа и местной милиции одновременно были проведены операции по освобождению зданий областных администраций. Действия силовиков были почти бескровными и, казалось, увенчались полным успехом. Однако сразу после операций по обоим городам распространились слухи о погибших и раненых среди населения и милиции. Сотни людей из соседних сел направились к областным центрам, чтобы присоединиться к митингующим. Волнения вспыхнули с новой силой. В Джалал-Абаде протестующие вновь заняли здание администрации, захватили и разгромили местное УВД, а также взяли под контроль аэропорт. В ходе столкновений среди сотрудников милиции появились раненые. 21 марта оппозиционеры в Оше штурмом взяли практически все государственные учреждения, в том числе и управления министерства внутренних дел и Службы национальной безопасности.

После того, как под контроль оппозиции перешел аэропорт в Оше, южные регионы Киргизии оказались окончательно отрезаны от остальной части страны. Официальный Бишкек потерял контроль над регионом, власть на юге перешла в руки мятежников, на местах начали создаваться органы «народной власти». На сторону восставших стали переходить представители силовых структур. Несмотря на противодействие властей, часть оппозиционеров начала выдвигаться в столицу республики. Формировались колонны автобусов, прежде всего из южных городов Киргизии — Джалал-Абада, Оша, но часть оппозиционеров готовилась к «маршу на Бишкек» и с севера, в основном из Нарынской и Таласской областей.

Правительство явно колебалось в выборе тактики и уже вечером 20 марта заявило о готовности к переговорам. Однако в ответ К. Бакиев огласил условие для ведения подобных переговоров — обязательное личное участие президента Акаева. Одновременно оппозиция старалась избежать маргинализации своего имиджа в глазах обеспокоенных про-

исходящими событиями заинтересованных внешних игроков, прежде всего России. Р. Отунбаева подчеркнула, что антиакаевская коалиция в случае прихода к власти намерена сохранить союзнические отношения с Москвой и не будет требовать вывода российской военной базы в Канте (в конце января — начале февраля Отунбаева и Бакиев совершили визит в Москву, где были приняты на высоком уровне).

Оппозиция продолжала настаивать на отставке президента и отмене результатов парламентских выборов, однако на призывы уйти в отставку Акаев отвечал категорическим отказом. В разжигании протестов киргизский президент обвинил иностранные НПО, религиозных экстремистов, террористов и наркомафию¹. 22 марта ЦИК Кыргызстана утвердила итоги выборов в Жогорку Кенеш (в соответствии с которыми представители оппозиции получали только 10% от общего числа мест), и в Бишкеке открылась первая сессия нового парламента, в которой приняли участие все депутаты из проправительственных партий. Выступая перед народными избранниками, Акаев пообещал, что не будет вводить чрезвычайное положение и предпринимать силовые меры против оппозиции. В этот же день в Бишкеке прошел проправительственный митинг. А вечером в специальном телеобращении президент объявил, что его досрочная отставка «не в компетенции каких-либо политических сил», и он не собирается «вести на эту тему какие-либо переговоры». По словам Акаева, события в Киргизии являются, по сути, «цветной революцией» наподобие тех, что уже прошли в ряде постсоветских государств, где они стали государственными переворотами и вышли за пределы правового поля². Тем временем, волнения охватили и северные регионы страны.

23 марта на главной площади Бишкека Ала-Тоо на антиправительственный митинг собралось несколько сотен человек, в основном студентов, членов молодежных движений «Бирге!» и «Кел-Кел», выражавших солидарность с протестами на юге страны. Однако уже через пятнадцать минут после начала митинга милицейский спецназ рассеял манифестантов, задержав несколько десятков активистов. Позиции Акаева, однако, даже в столице не выглядели незыблемыми. Находясь под впечатлением от утраты юга и испытывая постоянное информационно-пропагандистское давление оппозиции и внешних сил в лице западных посольств и представителей ОБСЕ, а также утратив уверенность из-за непостоянной линии поведения самого Акаева, столичные власти с катастрофической быстротой теряли способность и желание к сопротивлению. Когда протестующие из южных регионов

¹ Nichol J. Coup in Kyrgyzstan: Developments and Implications. P. 5.

² Цит. по: Аскар Акаев дал перевороту отворот // Коммерсантъ, № 50 (3134). 23.03.2005. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/556855>.

начали стекаться в Бишкек, руководство и рядовые сотрудники силовых ведомств стали уклоняться от выполнения президентских распоряжений, а часть из них вступила в прямые переговоры с оппозицией. Стал очевиден раскол среди силовиков. Попытки Акаева осуществить перестановки в силовых органах и прокуратуре с целью восстановить контроль над ними не принесли ожидаемого эффекта.

24 марта 2005 года стал переломным днем «тюльпановой революции». На улицы Бишкека вышли как столичные жители, так и прибывшие с юга демонстранты. Митинг оппозиции во главе с К. Бакиевым на центральной площади Ала-Тоо собрал около тридцати тысяч человек — огромное число по киргизским меркам и проходил под лозунгами «Акаева — в отставку!». Спустя несколько часов после его начала завязались масштабные столкновения манифестантов с силами правопорядка, которые переросли в стихийный штурм Дома правительства. Аскар Акаев с семьей и ближайшими соратниками успел покинуть здание за несколько минут до штурма, отдав приказ не применять силу против демонстрантов. Сами силовики предпочли спасаться бегством. Дом правительства охватили погромы, началось мародерство. Сотни людей, особенно сотрудников милиции и внутренних войск, были ранены.

К вечеру из колонии в пригороде Бишкека был освобожден Феликс Кулов, и уже через полчаса он выступил с обращением к нации по киргизскому государственному телевидению, сотрудники которого перешли на сторону восставших. Поздравив население с победой «народной революции», Кулов призвал демонстрантов соблюдать спокойствие, а силовые структуры страны — не применять против мирных людей оружие. К. Бакиев вместе с другими лидерами оппозиции — Р. Отунбаевой, М. Абыловым и Ф. Куловым — приступил к переговорам о создании коалиционного правительства.

К ночи старой власти в Киргизии уже не осталось. Самолет с президентом Акаевым вылетел вначале в Казахстан, а затем в Россию. Прежнее правительство во главе с премьером Н. Танаевым было отправлено в отставку. В это же время Верховный суд Киргизии на экстренном заседании отменил итоги парламентских выборов, вернув полномочия предыдущему составу парламента, который поздно ночью назначил своим спикером бывшего министра строительства И. Кадырбекова. На следующий день, 25 марта, Жогорку Кенеш прежнего созыва назначил К. Бакиева исполняющим обязанности президента и премьер-министра страны.

Столицу Кыргызстана тем временем охватили массовые погромы, грабежи и поджоги. В ночь с 24 на 25 марта разграблению подверглись магазины, бензоколонки, рынки, в основном принадлежавшие семье А. Акаева. Лишь 27 марта во многом благодаря решительным действиям

Ф. Кулова по наведению порядка беспорядки в Бишкеке прекратились (в бишкекских погромах победившая оппозиция и «МСН» обвинили сторонников Акаева: якобы, именно они манипулировали тысячами вооружённых молодчиков¹).

4 апреля 2005 года в здании киргизского посольства в Москве А. Акаев подписал заявление о своей отставке. 11 апреля ее утвердил Жогорку Кенеш. «Тюльпановая революция» победила.

Подводя итоги «революционным» событиям 24-25 марта, следует отметить, что способности киргизской оппозиции к мобилизации были изначально значительно меньше, чем у их «коллег» в Грузии или на Украине. Но, как справедливо заметил западный исследователь Л. Уэй, состояние политической власти было таково, что и нескольких тысяч человек оказалось достаточно, чтобы смести режим². При этом слабые мобилизационные возможности оппозиции сказались и на уровне контроля за ситуацией. Именно поэтому протесты в Киргизии, в отличие от Грузии и Украины, оказались слабоуправляемыми и обернулись насильственными эксцессами, которые, впрочем, тогда не привели к многочисленным человеческим жертвам.

В итоге, обострившийся социально-политический кризис в республике позволил произвести смену элит по сценарию других «цветных революций». Движущими силами «тюльпановой революции» стали самые разнородные слои общества. Киргизская оппозиция не имела единой политической платформы, представляя собой группу бывших партийных и государственных деятелей, по той или иной причине оказавшихся неугодными А. Акаеву, а потому лишенных доступа к льготам и привилегиям, которые давали государственные посты. Потерпев поражение на парламентских выборах, оппозиционеры сумели увлечь за собой толпы бедного и безработного населения из самых низших социальных кругов, недовольных своим уровнем жизни, и использовать их в своих целях.

Определенную роль сыграл личностный фактор: будучи в большей степени ученым, нежели стойким политическим борцом, президент Акаев оказался неспособен проявить жесткость, отстаивать определенную позицию при подавлении первых ростков мятежа и предпочел покинуть страну. Власть перешла в руки разношерстной оппозиции, которая сама оказалась ошеломлена произошедшим, потеряла контроль над массами, которые устроили невиданные погромы в киргизской столице.

¹ Громова А.В. Роль и место масс-медиа в подготовке и проведении «цветных революций». Дисс. на соискание ученой степени к. филолог. н. М., 2009. С.110.

² См.: Way L. The Real Causes of the Color Revolutions // Journal of Democracy. 2008. Vol.19. № 3. P. 59.

Вообще, говоря о «тюльпановой революции», надо отметить, что она была наиболее стихийной и наименее подготовленной по сравнению с другими «цветными революциями». Многие компоненты «цветных революций» в ней были выражены крайне слабо. Консолидированная и подготовленная к выступлениям оппозиция только начала создаваться, как и сетевые молодежные структуры, неправительственные организации и независимые средства массовой информации. Но и в этих условиях западные специалисты по ненасильственной смене политических режимов смогли преуспеть. Не вызывает сомнения, что без массивного применения технологий «мягкой силы» США и их западных союзников для свержения режима Акаева (позволявшего почти бесконтрольное использование в собственной стране данных технологий) «тюльпановая революция» не смогла бы состояться в том виде, в котором она произошла в марте 2005 года. С другой стороны, особенности социально-экономического и политического устройства, а также исторически сложившаяся пророссийская внешнеполитическая ориентация Кыргызстана, не позволили Западу полностью реализовать замысел «цветной революции» в этом центрально-азиатском государстве.

10 июля 2005 года Бакиев был официально избран президентом, получив почти 90% голосов. В истории Киргизии началась новая, правда, как впоследствии выяснилось, непродолжительная эпоха. Пришедшие к власти «революционеры» провозгласили весьма позитивную и многообещающую программу развития Киргизской республики. Предполагалось создать государственную систему, способную обеспечить достойную жизнь гражданам страны, преодолеть семейственность, коррупцию и неэффективность управления. В день победы «тюльпановой революции» Бакиев поклялся на площади перед народными массами, что никогда не допустит членов своей семьи до вмешательства в политику и государственные дела. Потом он письменно пообещал Жогорку Кенешу (парламенту Кыргызстана) провести радикальные реформы.

Новый киргизский режим, однако, явно не мог похвастаться внутренней устойчивостью и сбалансированностью. Сохранявшаяся политическая нестабильность, высокая степень разделения внутри политической элиты и сравнительно низкая легитимность президента — все эти факторы являлись серьезным препятствием на пути реформ. Наибольшие угрозы власти главы государства исходили из его же окружения, которое было сформировано в вынужденном для президента ключе. И премьер-министр, и другие высшие государственные фигуры не были командой Бакиева. Ключевые посты в новом правительстве ожидаемо заняли принимавшие непосредственное участие в «тюльпановой революции» оппозиционные политики из разных движений и партий.

В мае 2005 года Бакиев и другой видный оппозиционер акаевскому режиму Ф. Кулов достигли договоренности о формировании политического тандема. Этому предшествовала мощная кампания уже упоминавшейся выше газеты «Моя столица — Новости», находившейся под контролем К. Бакиева, по дискредитации его главного потенциального соперника в борьбе за президентское кресло. «МСН» обвинила Кулова в связях с режимом Акаева, заявив, что если бы Кулов стал президентом, он обязательно вернул бы «семье» отобранное, а «народ получит дырку от бублика: все ту же коррупцию, криминальные разборки, построение по стойке «смирно» и безбрежные моря невыполнимых обещаний»¹.

В итоге стороны заключили предвыборный меморандум. Кулов отказался от выдвижения своей кандидатуры на пост президента и заявил о поддержке Бакиева, который пообещал назначить Кулова премьер-министром. Создание тандема Бакиев—Кулов, в частности, способствовало разрядке по линии противостояния Север—Юг, что вело к снижению конфликта между элитами. Кроме того, связка президент Бакиев — премьер Кулов окончательно лишила интриги первые постакаевские президентские выборы. 10 июля 2005 года Бакиев был избран президентом, получив 88,6% голосов.

К началу 2006 года стало очевидно, что надежды населения на лучшую жизнь не оправдались. Условия, приведшие к «тюльпановой революции» в годы правления Бакиева, по сути, так и не претерпели существенных изменений, поскольку решить застарелые социальные и экономические проблемы страны, а тем более реформировать политическую систему «революционеры» не смогли, или не захотели.

Новая власть не выполнила тех обещаний, о которых она заявила сразу после событий 24 марта 2005 года. Ситуация в экономике постоянно ухудшалась. По-прежнему остро стоял вопрос о земле, так как в условиях полного спада промышленного производства основная масса людей вынуждена была жить за счет натурального хозяйства. Более миллиона жителей Киргизии оказались в положении рабочих-мигрантов, продолжился исход русскоязычного населения. Не были преодолены регионализация и криминализация общества, усиливалась зависимость от различных видов иностранной помощи, которая обостряла конкуренцию среди политических группировок киргизской элиты. В стране продолжался процесс сращивания организованной преступности, правоохранительных органов и государственной власти, росла коррупция на всех уровнях. Продолжалась и политическая борьба за власть. Интересы элит, оказавшихся в союзе после падения режима Акаева, расходились все сильнее.

¹ Громова А.В. Ук. соч. С. 112.

К. Бакиев хорошо усвоил уроки «тюльпановой революции» и обстоятельства отстранения от власти своего предшественника. С самого начала он сделал ставку на укрепление репрессивного аппарата для подавления возможных выступлений оппозиции, а также на создание массовой опоры своего режима путем формирования собственной влиятельной политической партии «Ак жол» («Светлый путь»). Довольно быстро демократ Бакиев превратился в авторитарного правителя, активно избавлявшегося от вчерашних соратников. На ключевые должности в государственном аппарате президент стал назначать своих многочисленных братьев, других родственников, лично преданных ему людей. В удержании власти он все больше делал ставку на насилие. Активно шел передел собственности в пользу членов команды президента.

В результате хрупкое согласие в верхах стало разрушаться. Сформировалась новая оппозиция, требовавшая проведения конституционной реформы, призванной трансформировать Киргизию в парламентскую республику, и отставки тандема Бакиев–Кулов. Оппозиционное движение «За реформы» возглавили бывшие вожди «тюльпановой революции» Р. Отунбаева, О. Текебаев, А. Бекназаров и другие.

В феврале 2007 года в оппозицию к президенту перешел и Ф. Кулов, которого парламент дважды не утвердил премьер-министром. Первоначальный пакт элит, сформированный в ходе «тюльпановой революции», оказался разорван. Бакиев, со своей стороны, последовательно лишал политических ресурсов соперничавших с ним оппозиционных лидеров. В рамках укрепления своего влияния президент предпринял три ключевых шага: демонстрацию возможности применения силы против оппозиции; подавление независимых от власти институтов гражданского общества; формирование подконтрольного парламента¹.

Важным моментом в укреплении власти Бакиева стали президентские выборы 23 июля 2009 года, на которых он одержал уверенную победу, набрав свыше 76% голосов при высокой явке — 79,1% от общего числа избирателей, и, таким образом, был переизбран на второй срок. Второе место с результатом 8,4% занял кандидат от объединенной оппозиции страны, глава Социал-демократической партии Киргизии А. Атамбаев. Лидер оппозиции выступил с заявлением, что его наблюдатели зарегистрировали множество фальсификаций, а сами неоднократно подвергались давлению. Однако 30 июля Конституционный суд Киргизии признал законными выборы президента и подтвердил их результаты.

Период конкуренции элит в Киргизии, таким образом, закончился возвращением к режиму личной власти президента республики. Куль-

¹ Прокофьев А.В. Ук. соч. С. 146.

минацией правления К. Бакиева можно считать собранный 23 марта 2010 года в Бишкеке по его инициативе Народный курултай (Курултай согласия), который одобрил новую модель управления страной, названную самим президентом «совещательной демократией». Обществом и элитами Кыргызстана такое решение было воспринято не иначе, как желание в дальнейшем передать власть сыну — Максиму Бакиеву, минуя при этом все законные процедуры¹.

При Бакиеве действительно начался период тотальной семейственности. Его родственники стали подчинять себе все звенья государственного аппарата, политические институты, финансовые потоки и бизнес-структуры, включая теневые и криминальные. Страна тем временем скатывалась в социально-экономическую и общественно-политическую пропасть. Свыше трети населения Киргизии на 2010 год находилось за чертой бедности, поднялись цены на продукты и коммунальные тарифы. Тотальной коррупции на всех этапах власти аккомпанировало масштабное преследование оппозиционных политиков и журналистов. Внутри правящего класса также не было единства, о чем говорили постоянные кадровые перестановки в правительстве, министерствах и местных органах власти. Президент не доверял даже ближайшим соратникам и своими действиями лишь выдавливал их в лагерь оппозиции.

«Точкой невозврата» жизнеспособности бакиевского режима многие эксперты считают второе полугодие 2008 года. Именно в это время произошёл ряд знаковых событий, а именно: насильственная смерть оппозиционных журналистов Г. Павлюка и С. Шулембаева, интриги относительно статуса американской базы Манас, арест бывшего министра обороны Киргизии И. Исакова, нецелевое расходование М. Бакиевым многомиллионного российского кредита и целый ряд других коррупционных скандалов². Именно в 2008 году киргизский политолог Н. Омаров отмечал, что К. Бакиев, как и А. Акаев, стал заложником традиционалистской системы отношений, прямо влияющей на его образ мышления и практические действия. Однако «если Акаев в начале своего пути имел внутреннюю убежденность в необходимости демократии для Кыргызстана, то у К. Бакиева, по-видимому, ее нет или явно недостаточно для проведения заявленных реформ»³.

Бывший секретарь Совета Безопасности Киргизии М. Ниязов отмечал: «Во власть пришли безответственные люди, не имеющие ни малей-

¹ Иванов А.В., Лукин А.В., Никитин А.И. Киргизия на пути от автократии к парламентской республике // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 2. С. 163.

² Чернявский С. Киргизская революция 2010 года: причины и перспективы постреволюционного развития Киргизии // Центральная Азия и Кавказ. Том 13. Выпуск 2. 2010. С. 46.

³ Омаров Н.М. Государства Центральной Азии в эпоху глобализации: поиски стратегии развития. Бишкек, 2008. С. 69.

шего представления по вопросам государственного строительства, не обладающие элементарной политической и правовой культурой. Их уровень сознания не выходит за рамки семейно-клановых интересов. Свою миссию они видят в обогащении путем пиратского грабежа национальных ценностей»¹.

Действительно, заявленные Бакиевым остро необходимые социально-экономические преобразования по большей части так и остались на бумаге. Основное внимание уделялось лишь повышению роли президента на всех стадиях процесса принятия решений. Зеркально повторялась история становления, развития и падения режима А. Акаева. Как и его предшественник, К. Бакиев, при внешне эффектно выглядывшей картине своего тотального контроля и абсолютной гегемонии, в реальности с каждым днем утрачивал социальную и политическую базу, превращался в очередного авторитарного диктатора, центрально-азиатского «хана», пытавшегося удержаться у власти путем верхушечных манипуляций.

К весне 2010 года сложились все предпосылки для очередной киргизской «революции» (часто ее называют «дынной революцией»). Это и падение уровня жизни населения, и неспособность властей решать насущные экономические и социальные проблемы, и острое соперничество между северными и южными кланами, и раскол правящей элиты, и нарастание недовольства авторитарными тенденциями президента Бакиева². В целом, сценарий «дынной революции» апреля 2010 года был предопределен теми же факторами, что и события марта 2005 года, когда в результате «тюльпановой революции» был свергнут режим Акаева.

Отдельно следует упомянуть внешний фактор. В годы своего правления во внешней политике Бакиев пытался лавировать между Россией, США и Китаем. Главным камнем преткновения в отношениях Киргизии с ее основными внешнеполитическими партнерами стали военные базы, в первую очередь, база в Манасе, которую Бишкек попеременно обещал отдать в пользование то США, то России.

Форсировал сложную общественно-политическую ситуацию как раз обострившийся конфликт между российским руководством и киргизским президентом, который все больше ориентировался на тесное сотрудничество с США в ущерб России. Были у Москвы и серьезные претензии к бишкекскому режиму в связи с его «желанием» бороться

¹ «Дядюшка Сэм» или «дядя Ваня» нам не помогут: интервью экс-секретаря Совбеза Киргизии // ИА REGNUM. Официальный сайт. 15.03.2010 г. URL: <http://www.regnum.ru/news/1263241.html>.

² Мальшев Д.В. Революционные события 2010 года в Киргизии: основные предпосылки и реакция мирового сообщества // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2011. № 1. С. 136.

с проходившим по территории республики афганским наркотрафиком. Кремль стали серьезно раздражать внешнеполитические метания киргизских властей, а также способ расходования российской помощи, «приватизированной», как утверждали местные СМИ, семьей киргизского лидера. Для давления на бакиевский режим Москва использовала финансово-экономические рычаги. Особенно неприятным ударом для Бишкека стала отмена льготных таможенных пошлин на поставляемые нефтепродукты. Эти и другие шаги привели к почти 30% повышению цен на топливо, соответствующему скачку инфляции, а также двукратному повышению тарифов на электроэнергию и отопление.

Массированная информационная атака, развернувшаяся в российских СМИ против режима Бакиева, была воспринята как благоприятный знак оппозицией, которая взяла курс на жесткое противостояние президенту и его клану. Важным шагом в консолидации антипрезидентского лагеря стал проведенный 17 марта 2010 года Народный курултай оппозиции, на котором был создан координирующий орган будущей «революции» — Центральный исполнительный комитет. Возглавила антибакиевскую фронду активный участник «тюльпановой революции», лидер Социал-демократической партии Кыргызстана Р. Отунбаева, которая, в том числе, заявила о приоритете экономических и политических отношений с Россией. Оппозиционеры приняли решение о проведении народных съездов — курултаев в регионах с 7 апреля 2010 года.

Далее события развивались стремительно. Если «тюльпановая революция» 2005 года началась на юге Киргизии, то пожар «дынной революции» в 2010 году запылал на севере страны, что неудивительно, учитывая тотальное засилье южан во власти. 6 апреля начались беспорядки в расположенном на севере страны город Таласе. Там был арестован влиятельный оппозиционер и один из лидеров оппозиционной партии «Ата-Мекен» Б. Шерниязов. Однако спустя буквально пару часов несколько тысяч его сторонников окружили местное управление внутренних дел и вынудили отпустить их лидера. Затем протестная масса двинулась к зданию областной администрации и захватила его. Переброшенный из столицы спецназ, используя слезоточивый газ и резиновые пули, отбил здание администрации и освободил местного губернатора, но затем под впечатлением роста численности митингующих укрылся в здании ГУВД. Такие же волнения прокатились по другим городам Киргизии. В Бишкек направились колонны автобусов с агрессивно настроенной молодежью из регионов. В столице к ним присоединились жители бедных окраин города и приехавшие на заработки в Бишкек выходцы из киргизской глубинки.

Понимая всю серьезность сложившегося положения, К. Бакиев постарался не совершать ошибок своего предшественника и уже вече-

ром 6 апреля развернул массовые аресты лидеров оппозиции. Большинство из них было задержано полицией и спецслужбами. Р. Отунбаева, одна из немногих оставшихся на свободе, фактически ушла в подполье. Были отключены российские телеканалы, заблокирован Интернет, а намеченные на следующий день оппозиционные курултай по регионам запрещены. Однако надежды президента и его окружения затушить недовольство в зародыше не оправдались. Градус неприятия власти у населения достиг максимума, поэтому привычные методы разгона антиправительственных протестов не сработали, а лишь увеличили количество протестующих.

Центром противостояния власти и оппозиции, как и в марте 2005 года, стала столица Кыргызстана — Бишкек. Силовые структуры в основном заняли нейтральную позицию, и только преданный президенту армейский спецназ защищал некоторые государственные здания. Чрезвычайные меры в виде стрельбы боевыми патронами на поражение, санкционированные главой президентской охраны и по совместительству братом президента Ж. Бакиевым, окончательно подорвали легитимность президента. К этому времени оппозиционерам в столице удалось захватить оружие, после чего были взяты штурмом здания парламента, генеральной прокуратуры, государственной телерадиокомпании, резиденции президента и правительства. Армия, милиция и спецслужбы вскоре объявили о переходе на сторону «восставшего народа». Вечером 7 апреля Отунбаева объявила о победе оппозиции. «Дынная революция» свершилась. К. Бакиев с родственниками и приближенными бежал в южные районы Киргизии.

8 апреля 2010 года созданное оппозицией Временное правительство Киргизии объявило, что распускает парламент и забирает себе функции президента и кабинета министров. Премьер-министром — Председателем правительства «Народного доверия», по сути, главой государства, стала Р. Отунбаева. Была приостановлена деятельность Конституционного суда, а на ключевых фигурах бакиевского режима выданы ордера на арест.

При этом ненасильственной эту «революцию» назвать вряд ли возможно. В ходе столкновений в Бишкеке погибло более 80 человек, 1500 были ранены, подверглись разграблению государственные учреждения и бизнес-объекты (магазины, клубы, аптеки и т.д.), принадлежавшие семье Бакиева¹. Отечественный исследователь С. Чернявский справедливо замечает, что начавшееся после переворота массовое мародерство положило конец эпохе «цветных революций» на постсоветском про-

¹ См.: Чернявский С. Ук. соч.; Иванов А.В., Лукин А.В., Никитин А.И. Ук. соч. Богатуров А.Д., Дундич А.С., Троицкий Е.Ф. Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах. М., 2010.

странстве, «когда правители отдавали власть легко и почти бескровно. Шумные смены правящей команды «цветочного периода», при которых «избранные народом» президенты недолго цеплялись за кресло и гордо объявляли о нежелании кровопролития, завершились»¹. Действительно, К. Бакиев отказался добровольно покинуть свой пост и попробовал заручиться поддержкой родного юга. Однако его попытка не увенчалась успехом, и 15 апреля он покинул Киргизию.

Тем временем стремительно развивавшийся внутривластный кризис до предела обострил другие проблемные участки общественно-политической жизни Кыргызстана. Особенно остро встал межнациональный вопрос — этнический конфликт между киргизами и узбеками. 11 июня 2010 года в результате серии провокаций, по-видимому, организованных членами семьи Бакиева, на юге страны начались межэтнические столкновения, которые переросли в масштабное побоище во втором по величине городе Киргизии Оше, перекинувшиеся затем на соседние населенные пункты. Вскоре беспорядки охватили Ошскую, Джалал-Абадскую и Баткенскую области. Поднятые под националистическими лозунгами киргизы, захватив оружие и бронетехнику, развернули штурм баррикад в махаллях — этнических городских кварталах, где закрепились узбеки. Открытый киргизско-узбекский межэтнический конфликт сопровождался погромами, поджогами, мародерством, издевательствами, изнасилованиями, убийствами и привел к многочисленным жертвам с обеих сторон. По официальным данным погибло 426 человек, 1930 были ранены. По сведениям неправительственных организаций, число жертв было значительно больше — около 2 тысяч погибших и 5 тысяч раненых. По оценкам ООН, данным в разгар событий, 300 тысяч людей были вытеснены в результате конфликта на юге, и еще 765 тысяч людей стали жертвами кризиса².

Объявленный Временным правительством режим чрезвычайного положения и введенный комендантский час наряду со слухами о возможном вмешательстве Российской Федерации позволили к середине июня в целом стабилизировать обстановку. В этой связи интересно отметить, что Москва в целом поддержала действия оппозиции в Киргизии, хотя прежде выступала против «цветных революций». Причины такого поведения, по мнению исследователей, следует искать в геополитической плоскости, а именно в том, что К. Бакиев слишком сблизился с США, что шло вразрез с интересами России. Возвращение

¹ Чернявский С. Ук. соч. С. 45.

² См.: Заключение Нацкомиссии по всестороннему изучению причин, последствий и выработке рекомендаций по трагическим событиям, произошедшим на юге республики в июне 2010 года // URL: http://www.vesti.kg/index.php?option=com_k2&view=item&id=3199:vazhnyiy-dokument-prochti-kazhdyy&Itemid=83; Наумова А.Ю., Авдеев В.Е., Наумов А.О. Ук. соч. С. 147.

к власти бакиевского клана представлялось маловероятным, а в случае провала Временного правительства любое другое руководство вполне могло бы занять антироссийскую позицию. Поэтому в Москве и приняты решение оказать поддержку новым властям Киргизии, в первую очередь, в экономической и гуманитарной области¹. США же, напротив, заняли внешне отстраненную позицию. На наш взгляд, это объясняется тем, что в Вашингтоне пусть и неохотно, но осознали провал собственной политики по «демократизации» Киргизии с помощью технологий «цветных революций», которые, по сути, в данном случае вышли из под контроля их организаторов и режиссеров.

Хотя Временному правительству не удалось избежать межэтнического конфликта, оно смогло провести политическую реформу — переход к парламентской системе правления. В результате референдума 27 июня 2010 года и принятия новой конституции страны весомая часть полномочий была передана от президента парламенту, существенно усилилась роль спикера парламента и премьер-министра. Власть президента отныне распространялась в большей степени на принятие решений по вопросам, предполагавшим наличие общенационального консенсуса. По сути, создавалась парламентско-президентская форма правления с достаточно продуманной системой сдержек и противовесов².

Формируемая политическая система так называемой Третьей республики была предназначена для того, чтобы законодательно институализировать механизм согласования интересов элит. При этом авторы новой конституции постарались ослабить роль кланов, организовав выборы по партийным спискам. Страховала данную конфигурацию от распада и других осложнений назначенная 19 мая 2010 года на пост президента переходного периода Р. Отунбаева, фигура одновременно достаточно авторитетная и компромиссная. Пост премьер-министра занял ее соратник по Социал-демократической партии А. Атамбаев

Проверкой на прочность и жизнеспособность для новой власти стали парламентские выборы в октябре 2010 года. С подачи Отунбаевой в ходе электорального процесса вновь, как и при А. Акаеве, активизировались неправительственные организации. Одновременно президент пригрозила участникам предвыборной гонки пойти на крайние меры, чтобы не допустить насильственных действий, разжигания межнациональной розни, вплоть до приостановки выборов и введения чрезвычай-

¹ Иванов А.В., Лукин А.В., Никитин А.И. Ук. соч. С.168; Малышев Д.В. Революционные события 2010 года в Киргизии: основные предпосылки и реакция мирового сообщества // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2011. № 1. С. 140.

² Пряхин В. Кыргызстан: политическая история двадцати лет независимости // Центральная Азия и Кавказ. Том 14. Выпуск 4. 2011. С. 121.

чайного положения. В парламент прошли пять политических партий, однако ни одной из них не удалось оторваться от остальных настолько, чтобы создать жизнеспособное парламентское большинство. Формальной границей завершившегося переходного периода стало избрание 30 октября 2011 года нового и в полной мере легитимного президента А. Атамбаева, который и по сей день занимает этот пост.

Подводя итог, следует заметить, что технологии и результаты «тюльпановой революции» 2005 года произвели разрушительное воздействие на киргизское общество. Слабая политическая культура в республике, которая и во времена Советского Союза являлась периферийной, за период независимости получила в местной политической терминологии гордое название «степной демократии». В реальности же быстро возродившаяся в Киргизии после распада СССР родоплеменная структура обрела удобный инструмент для ведения клановой борьбы в виде методик «цветных революций». Но увлечение подобными технологиями обернулось для Киргизии целой чередой кризисов, самым ярким из которых стала «дынная революция» 2010 года, сползанием к статусу «несостоявшегося государства» и весьма реально замаячившей перспективой гражданской войны и утраты государственного суверенитета.

И только переход к новой форме правления и, особенно, отказ от внешнеполитических метаний и заигрываний с США, ставка на тесный союз с Россией, членство в Евразийском союзе помогло Киргизии, по крайней мере, на данный момент, разорвать этот порочный круг нестабильности и хаоса, порожденный «цветными революциями».

Необходимо отметить и еще один важнейший момент, а именно: «тюльпановая», а затем в еще большей степени «дынная революция» со всей очевидностью обозначили тенденцию к отказу «революционеров» от ненасильственного противостояния с режимом, положив конец эпохе «цветных революций 1.0» и открыв новую страницу в развитии этого геополитического феномена.

Глава 8

«АРАБСКАЯ ВЕСНА»

(на примере Туниса и Египта)

В конце 2010 — начале 2011 года по странам Северной Африки и Ближнего Востока прокатилась волна массовых антиправительственных выступлений. Данные события вошли в общественно-политический лексикон под названием «арабская весна», хотя в самих государствах Магриба предпочитали говорить об «арабском пробуждении». Так или иначе, но за считанные недели это цунами смело два казавшихся незыблемыми режима — З. Бен Али в Тунисе и Х. Мубарака в Египте. Массовые протестные движения затронули также Марокко, Иорданию, Ирак, Судан, Ливан, Бахрейн, Йемен, Ливию, Сирию; попытки проведения антиправительственных манифестаций имели место также в Кувейте и Саудовской Аравии. Однако только события в Тунисе и Египте можно отнести к категории «цветных революций», в ходе которых были применены технологии «мягкой силы» по смене политических режимов.

Достаточно точное и полное определение сути «арабской весны» дал отечественный исследователь А.А. Давыдов. По его мнению, этот феномен «представляет собой системное социальное явление, обусловленное множеством взаимосвязанных глобальных, региональных и национальных факторов — как объективных (социально-демографических, экономических, политических, технологических, социокультурных и т.д.), так и субъективных (уровень притязаний, реализация потребности в политической свободе, самореализация, неудовлетворенность авторитарным политическим режимом, готовность к массовым акциям протеста, делегитимизация власти и т.д.)»¹.

Можно выделить целый комплекс причин и предпосылок, приведших к началу «арабской весны», которые уместно разделить на внутренние и внешние факторы. Основными причинами внутреннего характера в большинстве арабских стран, в том числе, в Тунисе и Египте,

¹ Давыдов А.А. Арабские революции 2011 г.: системная диагностика // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 г. М., 2012. С. 175–176.

являлись обострение социально-экономических проблем, безработица и бедность, отсутствие жизненных перспектив и социальных лифтов для значительной части населения, особенно молодежи. Катализаторами протестов стали также всеобъемлющая коррупция, nepотизм и геронтократия правящих кругов, неэффективность государственного управления, подавление демократических свобод при формальном сохранении режимов «управляемой демократии». Значительным внутренним фактором общественного недовольства стал конфликт между коррумпированными семейными кланами, которые десятилетиями находились у власти, и обществом, чей образовательный уровень в последние годы значительно вырос¹.

При этом, как ни парадоксально, и Тунис, и Египет по основным социально-экономическим показателям являлись одними из наиболее свободных и динамично развивающихся государств региона. Индекс развития человеческого потенциала ООН (интегральный показатель состояния здоровья, уровня образования и доходов в странах) за период 1990 — 2010 годов вырос в Тунисе на 30%, а в Египте — на 28%². Тем не менее, проблемы, которые накапливались десятилетиями, все сильнее давали о себе знать. Протест масс против ухудшившихся условий жизни действительно имел место быть.

Особенно остро стоял демографический вопрос, наличие «молодежных бугров» (резкий рост пропорции молодежи в общей численности населения) и связанные с этим проблемы безработицы. Арабские общества имели один из самых высоких показателей прироста населения в регионах со средним уровнем дохода. Это привело к появлению большого слоя честолюбивой молодежи и одновременно к сокращению земли и воды для ведения сельского хозяйства. В свое время Тунис и Египет пошли по пути, предложенному в 1950-х годах египетским президентом Г.А. Насером, и стремились обеспечить себе поддержку, щедро дотируя образование, продукты питания, топливо, другие жизненно важные товары и обещая выпускникам колледжей и университетов рабочие места в бюджетной сфере. Однако быстрый рост населения в сочетании с самым высоким в мире уровнем зависимости от импорта зерна делали эти программы все более дорогими и все менее выполнимыми. Заработные платы большинства населения отставали от роста

¹ См.: Долгов Б.В. Причины подъема протестных движений в арабских странах // Протестные движения в арабских странах: Предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола». М., 2012; Гусаров В.И. Важнейшие факторы «арабской весны» // Протестные движения в арабских странах: Предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола». М., 2012; Шульц Э.Э. Технологии бунта: «цветные революции» и «арабская весна». // Угрозы и безопасность. № 19 (256). 2014; Голдстоун Дж. Революции. Очень краткое введение. М., 2015,

² Никонов В.А. Современный мир и его истоки. М., 2015. С. 730.

цен, и, хотя экономика арабских стран продолжала расти за счет привлечения иностранного капитала, рабочих мест не хватало. Страны угодили в «мальтузианскую ловушку» — ситуацию, когда рост населения обгонял рост производства продуктов питания. Когда к началу 1990-х годов власти стали сокращать объем субсидий, начались волнения. После скачка цен на продовольствие в 2008 году в Тунисе и Египте вспыхнули бунты; следующий скачок произошел в 2010 году, как раз накануне «арабской весны».

В наибольшей степени нерешенность социально-экономических проблем ощущали на себе молодые люди в возрасте до тридцати пяти лет, составлявшие почти половину населения арабских стран. Количество незанятых среди молодежи достигало 42,8% в Египте и 30,4% — в Тунисе¹. Причем сильнее всего от безработицы страдали наиболее образованные слои, которые рассчитывали на работу в профессиональной сфере или на государственной службе, но не имели такой возможности. Десятки тысяч дипломированных специалистов, особенно получивших высшее образование по гуманитарным специальностям, были либо вовсе безработными, либо занимали рабочие места, явно не соответствовавшие их квалификации. Рост застойной безработицы и в связи с этим выталкивание на общественное дно большей части молодого трудоспособного населения неизбежно вело к их радикализации.

Огромное воздействие на развитие ситуации в странах арабского Магриба оказал начавшийся в 2008 году мировой финансово-экономический кризис. Он привел к серьезному падению государственных доходов; особенно пострадала туристическая отрасль, в которой было занято большое число местного населения в тех же Тунисе и Египте. Этот фактор вкупе с повышением в 2007 — 2008 годах мировых цен на продовольствие (что резко сократило возможность государственного субсидирования цен на хлеб) очень значительно повлиял на рост протестных настроений в арабских странах.

Но не менее важной причиной «арабской весны» стал внешний фактор — то, что отечественный историк и политолог В.А. Никонов назвал «цветной демократизацией» со стороны Запада². Некоторые отечественные исследователи уверены, что события в Тунисе и Египте застигли официальный Вашингтон врасплох³, но, на наш взгляд, это справедливо лишь отчасти. Представители американской политической элиты

¹ Сапронова М. Генезис арабских революций // Международные процессы. Сентябрь-декабрь 2011. С. 129.

² Никонов В.А. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? М., 2015. С. 505.

³ См.; напр.: Шумилин А.И. Политика США на Ближнем Востоке в контексте «Арабской весны». М., 2015. С. 248, 251.

не раз призывали к «демократизации» региона. Так, выступая со своей знаменитой речью в Каирском университете в июне 2009 года, президент США Б. Обама заявил буквально следующее: «Все люди страстно желают одного и того же: выражать свое мнение, иметь возможность повлиять на то, как ими правят, а также уверенность в верховенстве закона и равном для всех его применении, чтобы власть была прозрачной и не занималась воровством и можно было выбирать образ жизни по собственному усмотрению. Это не только американские идеи — это права человека. И поэтому мы будем поддерживать их повсюду»¹. Речь в данном случае шла о странах, в которых затем и произошли события «арабской весны» (неудивительно, что подобные заявления были болезненно восприняты принимавшим Обаму президентом Египта, который вопреки протоколу даже не присутствовал на выступлении своего американского коллеги).

Характерно, что ни тунисский, ни египетский лидеры до начала «арабской весны» никогда не подвергались на Западе серьезной критике за нарушения прав человека. Напротив, эти страны представляли как образцы для подражания с точки зрения модернизации, борьбы с международным терроризмом, конструктивной позиции в палестино-израильском конфликте и выступали ведущими союзниками Запада в арабском мире. В тех арабских странах, где демократия отсутствовала в принципе, например, в Саудовской Аравии, серьезных выступлений не наблюдалось. Свергнутыми оказались режимы в тех странах, где проходили выборы, появлялись относительно самостоятельные СМИ, развивался Интернет, существовали возможности для уличных выступлений².

Не вызывает сомнения, что за событиями «арабской весны» стояли некоторые иностранные государства. Для заливных монархий-автократий — Саудовской Аравии и Катара — главной мишенью являлись секуляризированные светские режимы с зачатками демократии, а целью — установление исламистских суннитских режимов. Для Соединенных Штатов, а также их ведущих заинтересованных европейских союзников — Великобритании и Франции — мишенью были те же режимы, что и для саудовцев, но не по причине их светскости, а из-за антизападной или недостаточно прозападной позиции, стратегической, политической и/или экономической, энергетической значимости.

Западные страны прямо говорили о поддержке демократического процесса, при этом они пытались втискивать происходившее в прокру-

¹ Remarks by the President at Cairo University, 6-04-09 // The White House. Office of the press secretary. <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-cairo-university-6-04-09>.

² Никонов В.А. Современный мир и его истоки. С. 730.

ствово ложе формулы «демократия против диктатуры»¹. На самом деле, с начала 2000-х годов, особенно после терактов 2001 года, только официальный Вашингтон запустил несколько сотен различных программ в области образования, культуры и информации для продвижения демократии в арабских странах. В 2004 году все эти программы «мягкой силы» США были объединены в масштабный проект, получивший название «Инициатива поддержки партнерства на Ближнем Востоке». Его региональная штаб-квартира расположилась (совпадение?) в столице Туниса². Причем Госдепартамент достаточно четко поставил цель данной «Инициативы» — осуществить демократические преобразования в арабских государствах, в том числе, в Тунисе и Египте. Эти преобразования должны были осуществиться при помощи масштабных образовательных программ среди различных социальных слоев (школьники, студенты, рабочие, женщины и др.), а также «изменения политического строя через создание партий, подготовку альтернативных политиков, эмансипацию женщин и формирование лояльной и демократически настроенной молодежи»³.

В этой связи нельзя не отметить, что в ходе событий 2011 года в Северной Африке выступавшие против режима оппозиционеры в ряде стран (в Тунисе и Египте), в отличие от предшествующих периодов, отошли от радикального, лобового противостояния и сделали ставку преимущественно на использование технологий «мягкой силы». Как справедливо замечает Е.А. Антюхова, такая тактика явно не укладывается в традиционную политическую культуру стран арабского Востока, где социально-политические протесты имели насильственный характер, а это, в свою очередь, указывает на использование в ходе «арабской весны» экспортированных с Запада политтехнологических методик по смене режимов⁴.

Действительно, методы ненасильственной смены режимов активно использовались как при подготовке, так и в ходе проведения протестных действий. События «арабской весны» в Тунисе и Египте наглядно продемонстрировали, как концепции Дж. Шарпа могут быть реализованы в арабском и мусульманском мире. Важную роль в этом процессе, как и в ходе «цветных революций» в Восточной Европе, сыграли

¹ Долгов Б.В. Ук. соч. С.21; Никонов В.А. Современный мир и его истоки. С.733.

² Подр. см.: Middle East Initiative Partnership. About Us. URL: <http://www.medregion.mepi.state.gov/mepi/about-us.html>.

³ См.: Middle East Partnership Initiative Offers Tools for Supporting Reform, but Project Monitoring Needs Improvement // United States Government Accountability Office. August 2005. URL: <http://www.gao.gov/new.items/d05711.pdf>.

⁴ Антюхова Е.А. Технологии ведения США и НАТО информационно-сетевых операций в конфликтах «арабской весны» // Вестник Брянского государственного университета 2015. № 1. С. 95.

западные неправительственные организации: Национальный фонд в поддержку демократии, Международный республиканский институт, «Фридом Хаус» и другие известные структуры.

В качестве яркого примера деятельности неправительственных структур стоит привести организацию «КАНВАС» (CANVAS, Center for Applied Non-Violent Action and Strategies¹), основанную в Белграде на базе сербского «Отпора» в 2003 году и возглавляемую небезызвестным активистом «бульдозерной революции» С. Поповичем. С 2008 года под эгидой «КАНВАС» и при поддержке «Фридом хаус» и Национального фонда в поддержку демократии в Сербии для будущих организаторов и активистов «арабской весны», в том числе из Туниса и Египта, проводились обучающие семинары по ненасильственной борьбе (в программу курса входили такие дисциплины, как «Сущность политической власти», «Социальные конфликты: типы, причины, модели разрешения», «Стратегическое планирование», «Управление политическими кампаниями», «Методы и тактика ненасильственного сопротивления», «Вызовы процессам демократического строительства»)².

Особое значение придавалось новейшим цифровым технологиям «мягкой силы»: в целях смены политических режимов активно использовались ресурсы Интернета, в первую очередь, социальные сети. Еще в 2009 году в общественно-политическом дискурсе появился термин «Twitter-революция», обозначающий акции массового протеста против результатов парламентских выборов в Молдавии и неудавшейся «зеленой революции» в Иране. Но только триумф «революций» в Тунисе и Египте в ходе «арабской весны» 2010–2011 годов дал повод политикам и журналистам говорить о победоносных «Twitter-» и «Facebook-революциях»³.

США и их союзники приступили к активному использованию социальных сетей для развития протестного движения среди молодежи в государствах Магриба за несколько лет до старта «арабской весны». Уже с середины нулевых годов началось финансирование ряда оппози-

¹ CANVAS. Official web-site. URL: <http://www.canvasopedia.org>.

² Цатурян С.А. Стратегия ненасильственного сопротивления на Ближнем Востоке и в Северной Африке: роль США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2012. № 9 (513). С.79; CANVAS Belgrade University Program. URL: <http://www.canvasopedia.org/index.php/canvas-belgrade-university-program>

³ См., напр.: Априянц К.В. «Твиттер-революции»: микроблоги как инструмент выражения протестных настроений гражданского общества // Вестник ВГУ. Серия: Филология. 2014. № 1; Беляков Н.В., Прохвятилов В.В. Новые СМИ и «арабская весна» // Информационные войны. № 4 (24). 2012; Reardon S. Was the Arab Spring really a Facebook revolution? // New Scientist. 13 April, 2012. URL: <http://www.newscientist.com/article/mg21428596.400-was-the-arab-spring-really-a-facebook-revolution.html>; Kassim S. Twitter Revolution: How the Arab Spring Was Helped By Social Media // Policymic. 3 July, 2012 // URL: <http://www.policymic.com/articles/10642/twitter-revolution-how-the-arab-spring-was-helped-by-social-media>.

ционных организаций, созданных в социальных сетях Туниса, Египта и других арабских стран. Были профинансированы и запущены различные диссидентские сайты, действовавшие в регионе, например, Arab Bloggers, Aswat и Cyberdissidents. Западные специалисты обучали молодых арабских активистов грамотному использованию электронной почты, сайтов, блогов и микроблогов, мобильных телефонов и социальных сетей для распространения информации, петиций и воззваний среди граждан своих стран¹.

В арабском мире основной мишенью программ «мягкой силы» США, направленных на создание неправительственных и оппозиционных организаций, проходивших под лозунгом «Изменения внутри», стал Египет. По данным исследователей вопроса, с 2005 года более десяти тысяч египтян приняли участие в политических образовательных программах, организованных американскими неправительственными организациями; к моменту «финиковой революции» 2011 года было подготовлено пять тысяч молодых наблюдателей для выборов, проведено масштабное обучение журналистов и создан ряд новых газет. Только в 2008 году Государственный департамент США пригласил к участию в программах в области развития демократии почти сто пятьдесят тысяч египетских граждан². А буквально за три месяца до начала «арабской весны» Google организовала Интернет-конференцию «Свобода–2010», где обсуждались перспективы использования Интернета для распространения в мире демократических ценностей и на которой активно работала отдельная секция «Сеть блогеров Среднего Востока и Северной Африки», где также было немало египтян³.

В ноябре 2009 года во время пребывания в Марокко государственный секретарь США Х. Клинтон озвучила инициативу «Гражданское общество 2.0», суть которой состояла в работе с гражданским обществом арабо-мусульманского мира для «наращивания потенциала и обеспечения местных организаций и отдельных лиц правами и возможностями для осуществления необратимых перемен». С этой целью «Гражданское общество 2.0» предложило консультативную помощь неправительственным организациям и объединениям гражданского общества для максимально эффективного использования цифровых технологий⁴.

¹ Кубышкин А.И., Цветкова Н.А. Ук. соч. С. 181, 186–188.

² См.: Кубышкин А.И., Цветкова Н.А. Ук. соч. С.182-183; Антюхова Е.А. «Арабская весна»: новые механизмы смены авторитарных политических режимов // Вестник МГИМО-Университета. № 2 (41). 2015. С. 204.

³ Антюхова Е.А. «Арабская весна»: новые механизмы смены авторитарных политических режимов. С. 205.

⁴ Secretary Clinton Announces Civil Society 2.0 Initiative to Build Capacity of Grassroots Organizations. Marrakech, Morocco. November 3, 2009// US Department of State. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2009/nov/131234.htm/>

В целом, начиная с 2009 года в Интернет-пространстве стала формироваться новая сила на Ближнем Востоке — до поры находившееся в киберпространстве панарабское молодежное движение, нацеленное на распространение демократии в регионе и демонтаж светских авторитарных режимов. При этом данная сила была вооружена передовыми цифровыми технологиями, а также теоретическими и практическими наработками в области ненасильственного свержения политических режимов.

«Арабская весна» началась в конце 2010 года в Тунисе, где с 1987 года у власти бессменно находился президент Зин аль-Абидин Бен Али. К началу «жасминовой революции» Тунис являлся едва ли наиболее благополучной и развитой страной Северной Африки, образцом успешной социально-экономической и политической модернизации. По темпам экономического развития и социальным индикаторам, по внедрению в общественное сознание и реальную действительность наиболее современных форматов гражданского общества Тунис занимал лидирующие позиции не только в Северной Африке, но и во всем арабском мире. Фактически по каждому показателю, характеризующему человеческую деятельность, — от средней продолжительности жизни до охвата школьным обучением и детской смертности — Тунис был весьма и весьма успешным в своем развитии.

Национальный доход на душу населения в Тунисе являлся вторым на африканском континенте после Ливии. Структура экономики была характерна даже не для индустриальных, а для постиндустриальных стран: по оценкам за 2010 год на сельское хозяйство приходилось 8% ВВП, на промышленность 32%, на сферу услуг — 60%. Основной вес в индустрии был сосредоточен на обрабатывающих отраслях с довольно продвинутой технологической базой, а значительная доля сферы услуг приходилась на современную туристическую отрасль, которая по уровню сервиса была эталоном для арабского мира. В общественно-политическом плане Тунис также являлся одним из самых современных, если не самым современным, государством арабского мира. В стране регулярно и в соответствии с конституцией проводились парламентские и президентские выборы на альтернативной основе, существовала легальная многопартийность, имелись институты государственной правовой защиты, функционировали неправительственные организации.

Даже экономический кризис 2008 года затронул Тунис значительно меньше, чем, например, развитые страны Запада. Казалось, что крупная вспышка народного гнева в Тунисе маловероятна. Правда, нельзя забывать в этой связи, что история независимого Туниса знает случаи открытого и массового проявления социального недовольства, народных волнений и забастовок. Именно нарастание социальной напряженности в стране привело к перевороту 7 ноября 1987 года, получившему

название «жасминовой революции» (после событий 2010–2011 годов ее стали называть «первой жасминовой революцией»), которая и привела к власти Бен Али.

Став президентом, Бен Али пообещал тунисскому народу либерализацию экономики, содействие здоровой конкуренции между политическими партиями, создание стабильного, открытого и толерантного общества. Подавив исламскую оппозицию и провозгласив приверженность либерально-демократическим ценностям, режим Бен Али действительно провел ряд удачных реформ. Начало XXI века было периодом относительной стабилизации тунисского режима.

Однако, несмотря на определенные успехи в социально-экономическом развитии, Тунис к 2010 году имел массу нерешенных проблем. Глубинные причины нарастания социальной нестабильности, главными среди которых были бесконтрольная рождаемость и подхлестываемая ею массовая безработица, в эпоху правления Бен Али никуда не исчезли. Общий уровень безработицы в 2010 году составлял примерно 13%, но почти 60% безработных Туниса были люди моложе тридцати лет, для которых была заблокирована социальная мобильность. За пределами столицы, особенно на юге страны, царили нищета и почти полная безработица. В Тунисе активно развивалась «теневая экономика», в которой были заняты массы безработных и полубезработных граждан. Неудивительно, что первыми очагами протестных настроений в 2010 году стали города внутреннего Туниса — Сиди-Бузид, Тала и Кассерин, входившие как раз в такие теневые зоны. Это были шахтерские поселки и бедные деревни с неудовлетворительной ресурсной базой, плохой инфраструктурой, удаленные от центральных экономических районов страны, где был сосредоточен туристический бизнес, приносящий основной доход государству¹. Отставание в развитии внутренних районов, ярко выраженная несбалансированность экономического развития страны по территориальному признаку стало важной причиной, спровоцировавшей «жасминовую революцию».

Как говорилось выше, внешне Тунис выглядел вполне демократическим государством, особенно по арабским меркам. В стране проводились всеобщие альтернативные выборы, функционировал двухпалатный парламент, имелись различные политические партии, профсоюзы, неправительственные организации. В реальности же в Тунисе десятилетиями существовал авторитарный режим личной власти. Оппозиционные партии существовали на деньги государства; исламская и левая оппозиция была отсечена от участия в выборах. В 2002 году

¹ Труевцев К.М. Жасминовая революция в Тунисе // Арабский мир после Арабской весны. М., 2012. С.394; Кашина А. «Жасминовая революция» в Тунисе. Социально-политический аспект // Обозреватель-Observer. 7/2011. С. 77.

Бен Али организовал референдум, по итогам которого получил право избираться президентом неограниченное количество раз. Несмотря на альтернативный характер таких выборов, они неизменно превращались в процесс с заранее известным результатом (на выборах 2004 года Бен Али получил 94,48% голосов, в 2009 году — 89,2%); всего Бен Али выигрывал выборы пять раз.

Относительная стабилизация политической обстановки при правлении Бен Али породила среди тунисской политической элиты иллюзии, что авторитарная монополия на власть с «фасадной» демократией будет длиться бесконечно долго. Такому пониманию способствовала как достаточно стабильная социально-экономическая ситуация, так и уверенность в политической устойчивости режима: силовой блок, включая армию и органы госбезопасности, превратились в непосредственную опору режима, прямо связанную с институтом президентской власти. При десятиmillionном населении Туниса полицейские силы насчитывали сто пятьдесят тысяч человек, а штат тайной полиции превышал двадцать тысяч¹.

В высших эшелонах власти процветала коррупция и семейственность. В годы правления Бен Али выгодами от экономического роста пользовался лишь узкий круг приближенных, а более широким слоям бизнес-сообщества приходилось давать взятки, обслуживая нужды президентской семьи. От 30 до 60% экономики страны контролировалось кланом Бен Али и его супруги Лейлы Трабелси. Состояние самого президента оценивалось, по разным оценкам, от 6 до 18 миллиардов долларов. На фоне острой безработицы и роста цен на продукты семья президента вела вызывающе роскошный образ жизни: в автопарке Л. Трабелси (бывшей парикмахерши, ставшей первой-леди, которую рядовые тунисцы именовали не иначе, как «тунисская Мария-Антуанетта» или «тунисская Имельда Маркос») насчитывалось более пятидесяти дорогих спортивных машин, а дочери Бен Али Несри специальным самолетом доставляли деликатесы из французского Сен-Тропе. Клан Трабелси владел множеством ликвидных активов в стране — единственной частной радиостанцией, крупнейшей авиакомпанией, несколькими гостиничными компаниями, крупными холдингами недвижимости и т.д. Важно отметить, что тотальная гегемония президентской семьи в экономике вызывала недовольство среди других влиятельных тунисских кланов, которые в случае возникновения политической турбулентности не были настроены безоговорочно поддерживать режим Бен Али².

¹ Долгов Б.В. Ук. соч. С.18-19; Кашина А. Ук. соч. С. 78.

² Кашина А. Ук. соч. С.80; Gelvin J.L. The Arab Uprising: What Everyone Needs to know. Oxford, 2012. Pp. 40–41.

Немаловажную роль в запуске переворота в Тунисе сыграли секретные материалы с характеристиками правящей верхушки страны, выложенные на сайте WikiLeaks. Не случайно, журнал Foreign Policy назвал произошедшую смену власти в Тунисе «первой революцией WikiLeaks». Вброс на WikiLeaks произошел именно перед началом волнений: в первой половине декабря 2010 года на сайт была опубликована шифро-телеграмма, отправленная в июне 2008 года послом США в Тунисе Р. Годцем. Посол разоблачал коррумпированность семьи тунисского президента Бен Али, ведение ею бизнеса и пренебрежение к закону. Этот вброс, растиражированный в социальных сетях, по мнению ряда экспертов, и подтолкнул к началу уличных забастовок¹. Кроме того, накануне «жасминовой революции» в тунисском обществе активно циркулировали слухи о том, что Бен Али готовит себе преемника из президентской семьи — зятя Сакера аль Матри или супругу Л. Трабелси.

К началу «арабской весны» стареющему президенту, находившемуся у власти уже двадцать три года, было все труднее обеспечивать поддержку населения с помощью экономического роста и дотаций. Его полицейский аппарат начал вести себя все более агрессивно и безнаказанно. В небольшом городе Сиди-Бузид на юге страны их мишенью стал молодой торговец фруктами Мохаммед Буазизи, который уже несколько лет вел полуполюгальную торговлю овощами и фруктами. После того, как полиция конфисковала его повозку со всем товаром, 17 декабря 2010 года он совершил акт самосожжения прямо напротив местных органов власти. Так в Тунисе началась вторая «жасминовая революция».

По наиболее распространенной версии, растиражированной всеми мировыми СМИ, М. Буазизи по окончанию юридического факультета не смог устроиться по специальности и был вынужден работать уличным торговцем в своем родном городе (как выяснилось позже, никакого отношения к обучению в университете он не имел²). Полицейский, а им оказалась женщина, объявила, что за нелегализованную торговлю пищевыми продуктами его тележка и товар подлежат конфискации. Поскольку подобное с Буазизи уже случалось, он решил предложить взятку в десять динар (примерно семь долларов США). Однако вместо того, чтобы с благодарностью принять «штраф», как уже много раз до этого делали ее коллеги мужчины, и снять объявленный арест с тележки, полицейская дала ему пощечину, плюнула в лицо и «оскорбила память его покойного отца». Униженный оскорблением (тем более полученным от руки женщины), Буазизи попытался пожаловаться властям, но не был принят местными чиновниками. Через час он вернулся

¹ Политическое цунами. Аналитика событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Под. ред. С. Кургиняна. М., 2011. С. 6.

² Gelvin J.L. Op. cit. P. 42.

к зданию муниципалитета, облил себя легковоспламеняющейся жидкостью и поджег. После того, как в городе стало известно об инциденте, в Сиди-Бузиде начались волнения. Полиция открыла огонь по состоявшейся в основном из молодежи толпе, а затем полностью блокировала город, изолировав его от остального Туниса.

На информацию о событиях в Сиди-Бузиде правительством был наложен тотальный запрет. Министр информации Туниса лично отдал приказ не передавать какие-либо новости из бунтующего города. По воспоминаниям очевидцев, блокада была настолько мощной, что даже пользователи Twitter не доверяли тревожным сообщениями, поскольку по телевидению не было никакого подтверждения¹. Однако кто-то из демонстрантов снял столкновения с полицией на видео и выложил эту информацию на Facebook. Из социальной сети материал попал на канал Al-Jazeera, и вскоре о событиях в далеком Сиди-Бузиде знали миллионы людей на планете.

Буазизи скончался от ожогов только через три недели, однако конкретные обстоятельства его смерти не стали предметом публичного расследования. Более того, трагическая гибель уличного торговца была не первой, а уже четвертой за время продолжавшихся уже почти три недели антиправительственных выступлений в Тунисе². Но именно действия Буазизи получили широкий резонанс среди населения страны и спровоцировали массовые протесты против безработицы и высоких цен на товары первой необходимости.

Движущей силой «жасминовой революции» стала образованная и зачастую безработная молодежь, которой удалось найти канал в виде Интернета для мобилизации сил для организации демонстраций (по злой иронии исторического процесса Бен Али объявил 2010 год в Тунисе «Годом молодежи»). Взрыв недовольства молодежи потянул за собой более инерционные общественные слои — участниками антиправительственных выступлений стали представители среднего класса, деловой и культурной элиты Туниса.

Правящий режим ввел жесткую цензуру на телевидении, радио, в газетах и на большинстве Интернет-сайтов. Были закрыты многие оппозиционные издания, арестованы журналисты, телевидению запретили показывать волнения и манифестации. Однако власти не смогли контролировать социальные сети и блоги, вероятно, рассматривая Facebook и Twitter чем-то вроде светского развлечения. Кроме того,

¹ Lynch M. The Arab Uprising. The Unfinished Revolutions of the New Middle East. N.Y., 2012. P. 76.

² Фитунни Л.Л. «Арабская весна» в глобальном и региональном измерениях // Протестные движения в арабских странах: Предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола». М., 2012. С. 82–83.

оппозиционеры использовали разработанное в США и бесплатно предоставленное им программное обеспечение TOR, позволявшее шифровать все виды посланий и действовать в Интернете анонимно¹.

Как уже отмечалось, Тунис располагал относительно многочисленным средним классом, а доля пользователей Facebook среди молодежи была самой высокой в Северной Африке. Немаловажную роль сыграло и возникновение новых социальных медиа: мобильные телефоны с возможностью выхода в Интернет получили в арабских странах большое распространение; особенно поразительную динамику продемонстрировал Тунис, где с начала 2000-х годов количество мобильных телефонов на сто человек увеличилось в восемнадцать раз².

Вообще, распространение Интернета в Тунисе началось в конце 1990-х годов. Тогда же в Сети стали появляться первые группы кибердиссидентов. В 1998 году, например, была организована виртуальная группа «Такриз», получившая неформальное название «Сеть уличного сопротивления». Ее ключевой аудиторией стала лишенная возможности участия в политической жизни страны молодежь, привлечение которой в Интернет-сообщество осуществлялось посредством использования агрессивного уличного сленга и грубого высмеивания властей. В 2000 году «Такриз» была заблокирована, однако вскоре ее место заняли другие веб-сайты. В 2004 году появился коллективный блог «Наваат», призванный стать публичной площадкой для тунисских диссидентов, а также публикации информации о коррупции в стране и случаях нарушений прав человека. «Наваат», как и другие подобные группы, принимали участие в освещении протестов декабря 2010 года, причем Интернет-активисты нередко выполняли роль посредников для традиционных средств массовой информации, поскольку журналисты активно использовали посты блогеров. Эффективным инструментом распространения информации стало использование так называемых хэштэгов — тематических меток, содержащих слово или фразу, о которой идет речь в записи. Так, к примеру, фраза «Сиди Бузид» (родной город М. Буазизи) широко применялась для маркировки сообщений и стала своего рода лозунгом восстания³.

В сложившихся условиях скрыть информацию о беспорядках в Сиди-Бузиде от многочисленной Интернет-аудитории Туниса официальным властям оказалось не под силу. Уже 19 декабря в Facebook появилась первая страница, посвященная протестам против режима Бен Али. С этого дня в социальных сетях тунисцы начали активно публиковать

¹ Антюхова Е.А. «Арабская весна»: новые механизмы смены авторитарных политических режимов. С. 205.

² Шишкина А.Р., Исаев Л.М. Арабский мир в цифровую эпоху: социальные медиа как форма политической активности. М., 2014. С. 27.

³ Там же. С. 42.

видеоролики и фотографии с митингов и акций протеста, а также выкладывать репортажи мировых телеканалов о происходивших событиях.

К освещению массовых протестов действительно подключились влиятельные глобальные СМИ, которые также сыграли важную роль в событиях «жасминовой революции» (а потом и в ходе «финиковой революции» в Египте). Именно через них осуществлялось отражение политических выступлений и происходило формирование международного общественного мнения в отношении «революционных» событий в арабских государствах. Значительную роль в этом сыграли англо-американские и арабские телеканалы: CNN (США), BBC (Великобритания), Al-Jazeera (Катар) и Al-Arabiya (Саудовская Аравия). Некоторые аналитики даже считают вклад традиционных СМИ в победу арабских «революций» более весомым, чем Facebook или Twitter. Так, редактор агентства «Франс-Пресс» Ж. Шармело полагает, что спутниковые каналы «сыграли фундаментальную роль не только в освещении данных событий, но в изменении режимов в арабском мире. Если социальные сети мобилизовали людей на протестные действия и выход на улицы, то настоящими «структурами», которые «двигали» эти революции, стали именно спутниковые электронные СМИ»¹.

Глобальные западные и арабские СМИ целенаправленно внедряли в сознание обывателей в государствах, по которым прокатилась «арабская весна», имидж богатых и преуспевающих западных стран, роскошной жизни западного населения и всех тех благ, которые сулит обществу демократия. В результате у многомиллионных масс молодежи, сравнивавшей собственную бедность с процветанием на Западе, возник разрыв между ожиданиями благосостояния и действительностью, что и спровоцировало их впоследствии на активное противодействие правящим режимам. Причем зачастую реальное положение вещей было не столь катастрофическим, как его представляли зрителям СМИ.

Особенно ангажировано вели себя арабские спутниковые телеканалы. С самого начала протестов против режимов Бен Али и Мубарка со стороны персидских монархий началась настоящая информационная война. Искажение информации носило самый разнообразный характер, начиная с характера и масштаба антиправительственных выступлений и развития ситуации на местах и вплоть до фабрикация репортажей о судьбе тех или иных индивидов. СМИ, как правило, старались подчеркнуть их массовость и мирный характер и показать, насколько беспощадно с этими мирными демонстрантами расправляется режим².

¹ Цит. по: Макарычев М. Проблема в неравенстве // Российская газета. 18.05.2011. URL: <http://www.rg.ru/2011/05/18/dubai-site.html>.

² Вестфрид М. Итоги «арабской весны»: анализ причин и особенностей // Право и управление. XXI век. № 1(30)/2014. С. 62–63.

Особенно следует отметить деятельность флагама «теле-революции» в арабском мире — Al-Jazeera, которая благодаря новаторскому стилю вещания обладала гигантской популярностью у населения стран Магриба. И, принадлежа эмиру Катара, активно использовала свои преимущества: в подаваемой информации светский тунисский (а затем и египетский) режим представлялся душителем свободы и прав человека, а оппозиционные силы, в свою очередь, преподносились как мученики за свободу собственного народа в частности и всего арабского мира в целом. Характерен пример трагедии М. Буазизи, ставшей благодаря регулярно повторяемым репортажам Al-Jazeera символом социальных несчастий Туниса. Можно согласиться с американским исследователем М. Линчем, что шаг Буазизи не являлся спонтанным актом отчаяния, каким его пытались преподнести, а был хорошо просчитанным политическим ходом, нацеленным именно на ту реакцию, которую он в итоге и получил¹. Необходимо в этой связи упомянуть о весьма натянутых и сложных взаимоотношениях между тунисским режимом и Al-Jazeera и его владельцем. Официальный Тунис не раз блокировал работу телеканала в стране, а в 2006 году и вовсе закрыл посольство в Дохе в знак протеста против «враждебной кампании» телеканала. Al-Jazeera, однако, даже в таких условиях удалось создать целую сеть собственных агентов в Тунисе, которые с началом «жасминовой революции» активно снабжали телеканал самой актуальной информацией с мест.

Тем временем, массовые протесты из Сиди-Бузиды перекинулись на другие города на юге страны. В ходе столкновений с представителями правопорядка среди митингующих появились первые жертвы. Различные организации высказались в поддержку протестующих; с открытой критикой режима выступили юристы, журналисты и даже рэп-музыканты. Генеральный союз трудящихся Туниса, который в течение многих лет устраивал забастовки шахтеров, учителей и других профессиональных групп, организовал всеобщую стачку в крупнейших городах страны, что во многом способствовало увеличению количества митингующих, а также перемещению протестной активности с периферии в центр страны².

Режим ответил дальнейшими репрессиями, о которых тут же сообщали зарубежные спутниковые телеканалы и, особенно, социальные сети. Распространявшаяся через Facebook и Twitter информация буквально открыла шлюзы для массового протестного движения в стране. Около двух миллионов (!) тунисских пользователей Facebook использовали в своих профайлах революционную тематику³. Правительство

¹ Lynch M. Op. cit. P. 75.

² Голдстоун Дж. Ук. соч. С. 165.

³ Chomiak L., Entelis J. The Making of North Africa's Intifadas // Middle East Report. Vol.41 (Summer 2011). P. 13.

отвечало повальным закрытием аккаунтов в социальных сетях и других сайтах, через которые оппозиционеры поддерживали связь. В ответ Facebook создал зашифрованный канал доступа к сайту для пользователей из Туниса. А тунисский посол в Вашингтоне был вызван в Государственный департамент США, где ему выразили протест против действий по ограничению доступа к электронным каналам связи¹.

Международные новостные средства массовой информации изображали события в Тунисе как противостояние пользующегося Интернетом, но жестоко преследуемого населения, с одной стороны, и жадного и коррумпированного правителя — с другой. Традиционные партнеры и союзники Бен Али на Западе — США, Франция и другие — полностью отказали ему в поддержке. Так, американский президент с первых дней революции выступал с осуждением применения насилия режимом Бен Али против демонстрантов, «храбростью и достоинством» которых Б. Обама «восхищался». В ходе развития «жасминовой революции» глава Белого дома призвал тунисского президента соблюдать и уважать права человека, и как можно скорее «провести честные, свободные и справедливые выборы для того, чтобы отразить истинную волю тунисского народа и удовлетворить его просьбы». Ему вторили и европейские союзники США. Президент Франции Н. Саркози убеждал, что «только диалог сможет обеспечить демократический и надежный выход из нынешнего кризиса», а Верховный представитель Европейского Союза по иностранным делам и политике безопасности К. Эштон от лица ЕС заявила, что Брюссель «выражает поддержку и признание тунисскому народу и что все демократические устремления должны быть достигнуты мирным путем»².

Учитывая подобное давление извне, режиму Бен Али было крайне сложно решиться в полной мере использовать собственное право на легитимное насилие. Следует отметить в этой связи, что в «жасминовой революции» не принимали участия исламисты (к этому времени Бен Али разгромил главную исламистскую партию «Ан-Нахда» и выслал из страны ее лидеров), и в отсутствие исламистской угрозы западный мир открыто поощрял борьбу молодых демонстрантов против стареющего диктатора³.

«Революционеры» же посредством публикации материалов в Facebook и Twitter вели прямой репортаж с мест протестов, координировали их ход, рассказывали и показывали в социальных медиа факты применения насилия против безоружных демонстрантов. Эти

¹ Исаев Л.М., Шишкина А.Р. Египетская смута XXI века. М., 2012. С. 23.

² См.: In quotes: Reaction to Tunisian crisis // BBC News. URL: <http://www.bbc.com/news/world-africa-12197681>

³ Голдстоун Дж. Ук. соч. С. 165.

кадры вдохновляли прежде аполитично настроенные группы населения, которые спешили присоединиться к антиправительственным демонстрациям. Выходя на улицы, такие участники социальных сетей превращались в реальных противников режима, число которых постоянно росло. Во время акций протеста в микроблогах цитировались масс-медиа, в результате чего каждый пользователь мог стать самостоятельным вещателем информации, а читатель — наблюдать за множеством независимых друг от друга комментариев, погружаясь в идиллию плюрализма мнений¹. Более того, Интернет-активисты специально посещали даже удаленные регионы страны, чтобы освещать посредством социальных площадок происходившие события. Яркие образы масштабных демонстраций, транслируемые блогерами, способствовали преодолению многими жителями Туниса барьера страха перед активными действиями «офф-лайн».

К началу января массовые волнения охватили всю страну. В городах Касерин, Тала и Рагеб прошли демонстрации и ожесточенные столкновения молодежи с полицией, приведшие к гибели нескольких десятков человек (в Тале были убиты пять демонстрантов; в Кассерине снайперы застрелили двадцать одного протестующего). Прежде звучавшие экономические лозунги сменились политическими, главным из которых был немедленный уход президента Бен Али.

10 января 2011 года Бен Али выступил по национальному телевидению, обвинив в беспорядках враждебно настроенные иностранные силы и пообещав решить проблему безработицы путем создания более трехсот тысяч дополнительных рабочих мест.

12 января в Twitter появился ярко выраженный призыв к антиправительственным выступлениям в столичном Тунисе. В группе #sidibouid появилось сообщение: «Истинная сила тунисцев (будет видна), если завтра мы все соберемся в центре города, чтобы показать наш гнев»². 13 января на улицы вышли десятки тысяч человек — это была крупнейшая демонстрация «жасминовой революции». Стало ясно, что единственной надеждой Бен Али осталась армия. В столицу и ее пригороды были введены войска, вечером в городе был объявлен комендантский час. Глава Генерального штаба генерал Р. Аммар заявил, однако, что армия не будет нарушать профессиональный кодекс и стрелять по согражданам.

14 января 2011 года в столичном Тунисе и других крупных городах вновь прошли многотысячные демонстрации под лозунгами «Восстание продолжается!», «Скажем “нет” Бен Али», «Бен Али, убирайтесь!», «Спасибо, Бен Али, с нас хватит», «Хлеб и вода — да, Бен Али — нет».

¹ Априянц К.В. Ук. соч. С. 120.

² Беляков Н.В., Прохвятилов В.В. Ук. соч. С. 39–40.

В столице правящая партия — «Демократическое конституционное объединение» — организовала контрдемонстрацию в поддержку Бен Али, однако она сильно уступала по массовости оппозиционным митингам. Ведя антиправительственную пропаганду и координируя революционные выступления через Facebook и Twitter, «революционеры» захватили основные коммуникационные артерии государства. В столице восставшие блокировали президентский дворец и правительственные здания.

Силы безопасности, снявшие утром согласно распоряжению президента оцепление столичных улиц, сначала не препятствовали прохождению демонстраций. Однако когда протестующие попытались прорваться к правительственным зданиям, Центробанку и телецентру полицейский спецназ начал разгон демонстрантов с применением слезоточивого газа. В этих условиях армейские подразделения заняли ключевые позиции в тунисской столице, а на всей территории страны было введено чрезвычайное положение.

В 17.00 14 января по местному времени под давлением массовых протестов и нейтралитета армии, покинутый внешнеполитическими партнерами, президент З. Бен Али предпочел не рисковать собственной судьбой (а, возможно, и жизнью), оставил страну и вылетел в Саудовскую Аравию. Бегство Бен Али вызвало ликование и победную эйфорию у протестующих. В столице тем временем начались погромы и мародерство: был сожжен железнодорожный вокзал, грабежу и разорению подверглись магазины, кафе и крупные торговые центры, а также дома зажиточных граждан. Всего в ходе столкновений, которыми сопровождалась «жасминовая революция», погибло семьдесят восемь человек¹.

Власть в стране оказалась в руках военных, а функции главы государства взял на себя премьер-министр М. Ганнуши. 17 января он объявил о создании временного коалиционного правительства, ключевые посты в котором (министров обороны, МВД, МИД, финансов) сохранили представители режима Бен Али. Это вызвало новые протесты и демонстрации с требованием ухода всех представителей старого режима. 20 января были взяты под стражу более тридцати родственников свергнутого президента. 27 января Ганнуши отстранил от власти всех членов бывшей правящей партии, кроме себя. Спустя ровно месяц ушел в отставку и сам Ганнуши, премьер-министром стал Б. Каид ас-Себси. В конце октября 2011 года в стране прошли выборы в парламент, на которых большинство мест получила исламистская партия «Ан-Нахда».

Общественно-политический кризис в Египте и падение режима президента Хосни Мубарака были вызваны практически теми же факто-

¹ В результате насилия в Тунисе погибли 78 человек // Интернет-канал «Вести.ру». URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=421208>.

рами, что привели к «жасминовой революции» в Тунисе: безработица и бедность, неэффективность государственного и муниципального управления, гипертрофированный уровень коррупции, демографические и продовольственные проблемы, слабое социальное обеспечение, авторитарный характер правления, клановость и nepотизм правящей верхушки. В этой связи интересно мнение отечественного исследователя М.З. Ражбадинова, который отметил, что «если в отношении революции в Тунисе можно использовать выражение французского общественного деятеля и политолога Алексиса де Токвиля — “Революции вспыхивают не тогда, когда массы живут хуже в абсолютном смысле, а тогда, когда их положение несколько улучшилось, вызвав, однако, значительный рост ожиданий”, то египетские события вполне вписываются в фразу русского теоретика анархизма Петра Кропоткина — “Если отчаяние и нищета толкает народ к бунту, то надежда на улучшение ведет его к революции”»¹. Между двумя странами, конечно, существовали определенные различия, а именно: размер территории и численность населения (Египет превосходит Тунис в шесть раз по размеру территории и более чем в восемь раз по количеству жителей), уровень урбанизации (67% в Тунисе и 43% в Египте), роль армии в жизни общества, особенности внутренней и внешней политики, значение государства для арабского мира и т.д.

Как и Тунис, Египет к началу «финиковой революции» 2011 года явно не находился в критическом положении. В годы правления Мубарака египетская экономика развивалась вполне динамично, показав за тридцать лет рост в четыре с половиной раза, что являлось одним из лучших показателей для стран Третьего мира. Несмотря на негативное воздействие мирового финансово-экономического кризиса, египетская экономика продолжала демонстрировать неплохие показатели: в 2008 году рост ВВП Египта снизился, но составлял очень приличные 4,6% в год. А в 2010 году экономический рост в Египте снова ускорился².

Политические реформы, правда, сильно отставали от экономических, а высокий уровень коррупции и традиционная египетская бюрократия препятствовали поступательному развитию рыночных отношений в стране. Как отмечает А.М. Васильев, «любая бумажка в государственном учреждении, получаемая из рук мелкого чиновника, могла стоить пятьдесят — сто фунтов при зарплате текстильщика триста пятьдесят фунтов в месяц (примерно семьдесят пять долларов

¹ Ражбадинов М.З. Анатомия египетской революции — 2011. Египет накануне и после политического кризиса в январе-феврале 2011 года. М., 2013. С. 391.

² Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Египетская революция 2011 года. Структурно-демографический анализ // Азия и Африка сегодня. 2011. № 6. С. 10–11.

США — А.Н.). ...Взятки на высшем уровне исчислялись миллионами и десятками миллионов фунтов»¹. Несмотря на позитивные экономические сдвиги в результате проведенных в нулевых годах неолиберальных по духу реформ, проблемы социально-экономического характера к моменту начала «арабской войны» сохранились и даже обострились.

Значительная часть населения Египта проживала за чертой бедности (хотя, как отмечают А.В. Коротаев и Ю.В. Зинькина, «египетская бедность — явление достаточно специфическое»). 40% египтян жили менее, чем на два доллара в день, в то время как состояние президента Хосни Мубарака оценивалось в два-три миллиарда долларов США. Начавшийся в 2008 году рост мировых цен на продовольствие на фоне очень высокой зависимости Египта от продовольственного импорта привел к резкому падению жизненного уровня населения страны; за считанные месяцы за чертой бедности оказалось около трех миллионов египтян. Еще более увеличился итак внушительный разрыв в доходах между богатыми и бедными гражданами арабской республики².

Уровень безработицы в Египте к началу «финиковой революции» был по мировым меркам не особенно высоким — порядка 9%, или около двух с половиной миллионов человек. Но почти половину из этой армии безработных составляла египетская молодежь в возрасте 20-24 лет, часто получившая диплом колледжа или университета (всего среди безработных в Египте было 43% людей с высшим образованием). В ходе событий начала 2011 года эти безработные, молодые и образованные люди и составили ударную силу протестов. В целом, как справедливо полагают исследователи вопроса, сочетание многочисленной неустроенной высокообразованной молодежи и миллионов египтян, оказавшихся за считанные месяцы ниже уровня бедности, и создало социальный взрывчатый материал для свержения Х. Мубарака³.

В политическом отношении египетский режим, как и режим Бен Али, представлял собой «фасадную» и коррумпированную «управляемую демократию». Но он был гораздо более авторитарный, нежели тунисский, так как к моменту «финиковой революции» Египет почти тридцать лет находился в состоянии чрезвычайного положения, которое было введено после убийства президента А. Садата в 1981 году и которое Мубарак обещал отменить перед президентскими выборами 2005 года, но так и не сделал этого. Данная ситуация, в свою очередь, способствовала почти полной бесконтрольности сил безопасности (по оценкам экспертов к моменту «финиковой революции» в той или иной степени

¹ Васильев А.М. Цунами революций // Азия и Африка сегодня. 2011. № 3. С. 12.

² Gelvin J.L. Op. cit. Pp. 35, 41.

³ См., напр.: Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Египетская революция 2011 года. Структурно-демографический анализ // Азия и Африка сегодня. 2011. № 7. С. 21.

в аппарате спецслужб режима Мубарака состояло до двух миллионов египтян), в массовом порядке применявших насилие по отношению ко всем недовольным действиями властей. Не добавляло популярности правящему режиму и упорно распространявшиеся в стране слухи о желании правившего уже двадцать девять лет Х. Мубарака выдвинуть своего младшего сына Гамалья, чье имя прямо ассоциировалось с гигантской коррупцией в правящей верхушке Египта, в качестве преемника на президентских выборах 2011 года (Гамаль Мубарак вызывал неприязненное отношение даже у египетских военных)¹.

Надо заметить, что к этому времени в Египте уже активно распространялся Интернет. Из восьмидесяти миллионов населения страны пятьдесят шесть имели мобильные телефоны, а двадцать два обладали возможностью выхода в Сеть. Причем доступ к Интернету для египтян (в основном образованной молодежи) был совсем необременительным; средняя цена доступа в Интернет-кафе составляла три-пять египетских фунтов (не более одного доллара США) за час. Благодаря такой информационной открытости (по арабским меркам, конечно) многие факты злоупотребления властей, реальные или мнимые, становились достоянием гласности и вызывали общественное возмущение.

Ряд экспертов считает, что свою роль в разжигании конфликта, как и в соседнем Тунисе, сыграл сайт WikiLeaks, в изобилии публиковавший секретные материалы о внутривосточной ситуации в Египте. В частности, там упоминалось о намерениях президента Мубарака в 2008 году назначить директора Службы общей разведки (главной гражданской спецслужбы Египта) Омара Сулеймана своим преемником. Также на данном сайте были опубликованы депеши американских дипломатов из Каира с сообщениями о подготовке Вашингтоном государственного переворота в Египте². Забегая вперед, отметим, что спустя три дня после начала «финиковой революции», 28 января 2011 года в британской газете The Daily Telegraph появилась статья под названием «Протесты в Египте: США тайно поддерживали лидеров, стоящих за восстанием». В публикации излагалось содержание выложенной на сайте WikiLeaks той самой секретной депеши, отправленной в конце декабря 2008 года послом США в Каире М. Скуби в Вашингтон. В ней говорилось, что объединение оппозиционных групп подготовило план по свержению президента Х. Мубарака и установлению в 2011 году в Египте демократического режима. The Telegraph сообщала также, что в Facebook создана группа активистов, которая привлекала к сотрудничеству молодых образованных участников и использовала сайты социальных сетей для того, чтобы дирижировать протестами. Указанный

¹ Gelvin J.L. Op. cit. P.39; Долгов Б.В. Ук. соч. С. 20.

² Исаев Л.М. Шишкина А.Р. Египетская смута XXI века. С.2 4–25.

документ, опубликованный WikiLeaks, касался также вопроса о счетах египетской верхушки, которые рекомендовалось использовать как средство давления на администрацию президента Мубарака¹.

Но все же ключевую роль в начале антиправительственных протестов в Египте, скорее всего, сыграл «эффект домино». Быстрая, бескровная и успешная «жасминовая революция» в соседнем Тунисе произвела колоссальное впечатление на египетское общество, особенно молодежь. Поверив в возможность оперативной и ненасильственной смены режима, противники Мубарака получили мощный стимул для организации протестов в надежде повторить тунисский опыт и вынудить легитимного президента уйти в отставку.

Реакция египетской оппозиции на «жасминовую революцию» в Тунисе была однозначна. Представители оппозиционных партий и молодежных движений, а также «Братья-мусульмане» пропагандировали тезис о том, что произошедшее в Тунисе — вполне естественный результат политического недовольства народных масс полицейским режимом и монополизацией власти в руках одной партии². Не случайно в ходе антиправительственных демонстраций можно было заметить не только египетские, но и тунисские национальные флаги. Тунисский сценарий вселил уверенность в оппозиционные движения в Стране пирамид (и не только), позволив египетскому активисту В. Рашиду заявить, что «Тунис — это та сила, которая привела в движение Египет, а он, в свою очередь, приведет в движение весь мир»³.

Однако призыв египетских оппозиционеров повторить опыт «жасминовой революции» не являлся спонтанным эмоциональным порывом. Напротив, этому предшествовала кропотливая работа, занявшая не один год. Еще осенью 2004 года в Египте была создана оппозиционная группа «Кифайа». Учредительная конференция новой структуры была проведена 22 сентября 2004 года. По свидетельству одного из основателей организации, в ней приняли участие более пятисот человек, представлявших различные спектры оппозиционных сил Египта⁴. По сути, «Кифайа» изначально являлась коалицией разнородных политических сил от прозападных либералов и христиан-коптов до коммунистов и исламистов. Именно эта надпартийная ориентация и стремление «служить всем гражданам Египта» разительно отли-

¹ Egypt protests: secret US document discloses support for protesters // The Telegraph. 28 Jan. 2011. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/africaandindianocean/egypt/8289698/Egypt-protests-secret-US-document-discloses-support-for-protesters.html>.

² Исаев Л.М. Шишкина А.Р. Египетская смута XXI века. С. 28–29.

³ Kirkpatrick D., Sanger D. A Tunisian-Egyptian Link That Shook Arab History // The New York Times. Feb. 13. 2011. URL: http://www.nytimes.com/2011/02/14/world/middleeast/14egypt-tunisia-protests.html?pagewanted=all&_r=0.

⁴ Sha'ban A. The Butterfly Effect: Kefaya. Past and Present. Cairo, 2006. P. 65.

чала организацию от других оппозиционных структур и, по крайней мере, на первых порах обеспечивала ее популярность среди населения. В ряды «Кифайи» вливались как люди рабочих специальностей (каменщики, водопроводчики, плотники, уборщики и др.), так и представители среднего класса (студенты, журналисты, преподаватели, бухгалтеры, доктора, бизнесмены, артисты и др.) и даже некоторые члены политической и финансовой элиты Египта¹

Уникальной была и выбранная «Кифайей» тактика борьбы с режимом Мубарака. В переводе с арабского название буквально переводится как «Хватит», что полностью соответствует названиям аналогичных групп — главных действующих лиц «цветных революций» в Сербии («Отпор»), Грузии («Кмара») и Украине («Пора»). «Кифайа» выступала за кардинальное обновление всей системы управления — установление парламентской республики с четким разделением властей, независимостью судебной системы, подотчетным парламенту правительством и т.д. Особенно рьяно активисты «Кифайи» были настроены против попыток Х. Мубарака остаться на еще один президентский срок или передать власть своему сыну Гамалю. «Нет пятому сроку и нет наследственному правлению» — так звучал первоначальный лозунг движения. В целом, «Кифайа» выступала за смену политического режима в Египте, но предполагала сделать это ненасильственными методами. По признанию самих членов организации, на них большое влияние оказал опыт мирного демократического транзита политических режимов в Восточной Европе и Центральной Азии, особенно «революция роз» в Грузии и «оранжевая революция» на Украине².

Среди слагаемых успеха «Кифайи» можно выделить ясность и простоту их лозунгов; способность к мобилизации и формированию широкой коалиции участников протестных действий; ненасильственный характер протестов (что в египетских условиях оказалось эффективнее прямого столкновения с силовыми структурами, заранее обреченное на провал); умелое взаимодействие с западными и арабскими СМИ. Но главной «фишкой» организации, на наш взгляд, стало использование в своей деятельности новейших информационных технологий — продуктов Интернета. Именно с движением «Кифайа» исследователи связывают начало использования блогосферы в качестве платформы протестной активности египетского общества против действовавшего режима. Попытки распространения народного недовольства через Интернет и его перенесения в реальную жизнь, как пра-

¹ Oweidat N., Benard C., Stahl D., Kildani W., O'Connell E., Grant A.K. The Kefaya Movement. A Case Study of a Grassroots Reform Initiative. URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2008/RAND_MG778.pdf. Pp. 11–12.

² Ibid. P. 14.

вило, подавлялись силами государственной безопасности, однако опыт и знания, приобретенные на ранних этапах широкого использования социальных медиа антимубаракской оппозицией, сыграли важную роль в подготовке и проведении «финиковой революции»¹.

«Кифайя» провела ряд масштабных кампаний, организовав, например, массовые выступления в связи с проведением 25 мая 2005 года референдума о введении прямых альтернативных выборов президента, что в реальности открывало дорогу Мубараку для пятого шестилетнего срока на посту главы государства. Однако согласно проведенному в 2008 году известным западным аналитическим центром RAND Corporation исследованию, к этому времени «Кифайя» по целому ряду причин (главными из которых стали репрессии со стороны властей и внутренние противоречия) была дезинтегрирована и ее активность почти сошла на нет². Тем не менее, именно «Кифайя» вдохнула новую жизнь в протестную активность в Египте, продемонстрировав возможность сопротивления правящему режиму инновационными методами.

Тогда же из «Кифайи» выделилась группа во главе с Ахмедом Махером и рядом других молодых активистов, которой было суждено сыграть немаловажную роль в «финиковой революции», — «Молодежное движение 6 апреля». Организация была названа в честь забастовки рабочих египетского города Эль-Махалла-эль-Кубра весной 2008 года. Махер создал группу единомышленников в Facebook, которые посредством Интернета оказывали моральную поддержку бастующим, призывали своих участников одеваться в черное и оставаться дома в день забастовки. Блогеры и независимые журналисты — участники движения использовали Facebook, Twitter, блоги для привлечения внимания общественности к своим действиям, информирования СМИ о ходе забастовки, предупреждения участников о действиях полиции и организации их правовой защиты.

Ориентируясь на опыт сербского «Отпора» (некоторые члены нового движения посещали Сербию для стажировки у ветеранов сербской «бульдозерной революции» 2000 года) и труды идеолога ненасильственных революций Дж. Шарпа, участники «Движения 6 апреля» приступили к подготовке выступления против правления Мубарака. По примеру «цветных революций» главной тактикой борьбы с режимом это движение (в отличие от традиционных египетских политических партий) сделало ставку на ненасильственное сопротивление властям, а символом стало заимствованное у сербских «коллег» изображение сжатого кулака. Параллельно были установлены контакты с созданной

¹ Шишкина А.Р., Исаев Л.М. Арабский мир в цифровую эпоху: социальные медиа как форма политической активности. С. 46–47.

² Oweidat N., Benard C., Stahl D., Kildani W., O'Connell E., Grant A.K. Op. cit. P. 27.

египетскими репатриантами в Катаре неправительственной организацией «Академия перемен», также пропагандировавшей идеи ненасильственной смены власти по рецепту Шарпа, и рядом других организаций, получавших американские гранты (по подсчетам исследователей в 2009 — 2010 годах на развитие гражданского общества и финансирование НПО в Египте только один американский Национальный фонд в поддержку демократии потратил почти четыре миллиона долларов¹). «Движение 6 апреля» стало наиболее активной молодежной группой, по сути, застрельщиком «революционных» событий в Египте. Ее страница на Facebook использовалась для распространения первичной информации и координации действий активистов протестных движений.

В 2009 году движение наладило взаимодействие с другой молодежной группой во главе с Ваэлем Гонимом — руководителем отдела маркетинга компании Google на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Его группа ориентировалась на экс-главу МАГАТЭ Мохамеда эль-Барадеи. Так протестное молодежное движение в Египте, в полном соответствии с механизмами и логикой «цветных революций», получило в свои ряды хорошо узнаваемую и принимаемую на Западе фигуру, а к организации восстания в Египте, по сути, подключилась одна из крупнейших Интернет-компаний мира.

Вскоре топ-менеджер Google, большую часть времени проводивший в Дубае, создал на Facebook страничку под названием «Мы все Халед Саид» в память о египетском Интернет-активисте и блогере Х. Саиде, насмерть забитым полицейскими 6 июня 2010 года в Александрии. На ней Гоним начал размещать видеоклипы и печатные материалы о полицейском насилии в стране. В короткие сроки его детище привлекло тысячи пользователей, а к началу протестов в январе 2011 года на странице было зарегистрировано почти полмиллиона человек! Сам В. Гоним стал виртуальным, «электронным» лицом «финиковой революции», а после делегирования тысячами пользователей социальных сетей права выступить на площади Тахрир — и вполне реальным символом протестов против режима Мубарака.

Победа «жасминовой революции» в Тунисе 14 января 2011 года послужила сигналом для кибероппозиционеров и других молодежных антиправительственных групп. В Египет для подготовки свержения Мубарака прибыли инструкторы из Туниса, опытные активисты из Сербии и специалисты из «Академии перемен», которые делились опытом противостояния с силовыми структурами и в целом помогали разрабатывать тактику и стратегию «финиковой революции».

¹ Фитуни Л.Л. «Ук. соч. С. 88.

Египетское политическое руководство, однако, не придавало должного значения событиям в Тунисе. 17 января 2011 года в англоязычной египетской газете Daily News Egypt глава МИД Египта Ахмед Абу аль-Гейт категорично заявил о невозможности реализации тунисского сценария в других странах региона. «Разговоры о распространении случившегося в Тунисе на другие страны — нонсенс, каждая страна обладает собственными условиями развития — заявил министр. — Если тунисский народ решил избрать данный подход — это их личный выбор»¹. Силы безопасности Египте все же были приведены в состояние повышенной готовности. Но правящая элита страны во главе с Мубараком, на протяжении последних тридцати лет подавлявшая все оппозиционные выступления, не могла (или не хотела) поверить в возможность скорого краха казавшегося незыблемым режима под натиском возмущенных народных масс. Лишним подтверждением прочности режима явились прошедшие 28 ноября — 5 декабря 2010 года парламентские выборы, которые хоть и продемонстрировали апатию подавляющего большинства населения, но опять прошли под диктовку правящей партии и не вызвали сколько-нибудь серьезных протестов.

Как показали дальнейшие события, Мубарак и его окружение фатально заблуждались. 17 января 2011 года, в тот самый день, когда египетский министр иностранных дел убеждал мировое сообщество, что повторение тунисского сценария в Египте невозможно, пятидесятилетний собственник небольшого ресторана в городе Кантара близ Исмаилии Абдель Муниб Камаль в знак протеста против политики по исключению собственников ресторанов из списка людей, которым предоставляются субсидии на хлеб, прямо перед входом в здание египетского парламента совершил акт самосожжения.

За день до этого на странице «Мы все Халед Саид» был опубликован первый отчетливый призыв к массовым антиправительственным акциям. На странице в Facebook подробно излагались инструкции по организации и проведению протестного движения: давались рекомендации, как работать со СМИ, как распространять в Интернете информацию, видео- и фотоотчеты о событиях, как работать с людьми старшего возраста, как организовывать явку на акцию и т.д.². Вскоре здесь же появился призыв к всеобщей забастовке 25 января 2011 года — «Дню гнева». По сути, впервые в истории началась заранее объявленная революция. Ее «гараном» оказалась именно молодежь, узнавшая об этом из Интернета, а либеральная и исламская оппозиция, в руко-

¹ Egypt says fear of Tunisia-style revolt 'nonsense'// Daily News Egypt. 17.01.2011. URL: <http://www.dailynewsegypt.com/2011/01/17/egypt-says-fear-of-tunisia-style-revolt-nonsense>.

² Беляков Н.В., Прохвятилов В.В. Ук. соч. С. 42–44.

водстве которой преобладали политики старой формации, оказалась застигнута врасплох.

Начало массовых акций протеста был приурочено к государственному празднику, отмечавшемуся в Египте 25 января, — Дню полиции. Это было сделано с целью выразить отрицательное отношение народа к действиям правоохранительных структур в условиях режима чрезвычайного положения. На страницах Facebook содержался призыв к «молодежи различных политических взглядов и ко всем слоям египетского народа, выразить свой протест против пыток и жестокости полиции». «Так же как в Тунисе, — говорилось в манифесте, — 25 января египетский народ восстановит свое достоинство». Показателен пост одного из основателей «Молодежного движения 6 апреля» А. Мафуз: «Я, девушка, выйду на площадь Тахрир и встану одна... я подниму баннер, и тогда возможно люди покажут свою честь». Для набора участников в группы Facebook и обмена сообщениями в Twitter между теми, кто уже присоединился к массовым протестам, были использованы плакаты с изображением национального флага Египта и надписью: «25 января. День гнева!». В группе «Мы все Халед Саид» к назначенному дню оказалось более ста тысяч подписчиков¹.

Решение выйти на демонстрации протеста приняли все египетские оппозиционные молодежные группы. Следуя тактике сербского «Отпора» (подробные инструкции были выложены активистами «Движения 6 апреля» на страницах в Facebook), каждая из них организовывала собственные точки сбора в определенных местах по всему Каиру. В поддержку мероприятия высказались и политические партии, находившиеся в оппозиции к режиму Мубарака и придерживавшиеся в основном прозападной и либеральной ориентации. Лишь исламистская организация «Братья-мусульмане», которая, несмотря на многолетний запрет, была самой многочисленной и организованной антиправительственной силой в Египте, приняла решение не участвовать в акциях протеста как организованная группа, что, однако, не запрещало ее членам участвовать в демонстрациях индивидуально.

Основной точкой массовых протестов должна была стать центральная столичная площадь Каира — площадь Тахрир. Выбор был не случаен: площадь могла вместить до одного миллиона человек, именно к ней сходились дороги со всех районов Каира, которые было весьма трудно перекрыть ввиду их расширения на подьезде к Тахриру. Наконец, на площади находился Американский университет в Каире, студенты и даже некоторые преподаватели которого принимали активное участие в выступле-

¹ См.: Исаев Л.М. Социальные сетевые технологии и революционный процесс в Египте // Протестные движения в арабских странах: Предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола». М., 2012. С.43-44; Gelvin J.L. Op. cit. P.45; Kirkpatrick D., Sanger D. Op. cit.

ниях, а также штаб-квартира правящей Национальной демократической партии Египта, столь ненавидимой протестующими.

25 января 2011 года десятки тысяч людей вышли на улицы египетских городов — Каира, Александрии, Суэца, Исмаилии и других — с призывами устранить коррупцию, ограничить чрезмерные полномочия полиции, гарантировать свободы слова, собраний, организации профсоюзов, увеличить размер заработных плат, решить жилищный вопрос, предотвратить дальнейший рост цен на продукты питания и, самое главное, искоренить безработицу. Демонстрациями были охвачены двенадцать из двадцати семи провинций Египта. Конкретные требования протестующих сводились к четырем основным пунктам: повышение минимальной заработной платы до тысячи двухсот египетских фунтов (примерно двести пятьдесят долларов США); роспуск парламента; отмена чрезвычайного положения; отставка министра внутренних дел Египта Хабиба аль-Адли¹.

В ходе массовых антиправительственных выступлений 25 января начались столкновения манифестантов с силами правопорядка, в результате которых было убито несколько десятков демонстрантов. МВД Египта запретило проводить любые демонстрации, митинги и выступления на улицах, пригрозив, что попытки таких собраний будут жестко пресекаться полицией. Также было объявлено, что аресту будут подвергаться и представители средств массовой информации, в том числе иностранные журналисты, принимавшие участие в демонстрациях.

На следующий день, 26 января, египетским спецслужбам, изучившим группы на Facebook, с помощью которых координировались демонстрации, удалось пресечь попытки протестующих консолидироваться. Был отключен ведущий оператор мобильной связи в стране «Водафон». Полиция, дежурившая на всех основных площадях Египта, руководствовалась правилом ареста групп, состоящих из трех и более людей, независимо от их национальной и религиозной принадлежности. Правда, египетские власти не смогли заблокировать спутниковое вещание, посредством которого Al-Jazeera, например, сообщала о местах сбора новых митингов. Кроме того, активисты использовали точки доступа в Интернет, расположенные в фешенебельных отелях, где традиционно останавливались иностранные граждане, в связи с чем выход в Сеть там заблокирован не был.

27 января появились сообщения о том, что в Каире, Суэце и Александрии задержаны около восьми сотен активистов оппозиции. Одновременно стало известно, что в Египет возвращается М. эль-Барадеи, возможный претендент на президентский пост от прозападной оппозиции. (Эль-Барадеи, а также Генеральный секретарь Лиги арабских

¹ Исаев Л.М., Шишкина А.Р. Египетская смута XXI века. С. 54.

государств Амр Муса пытались взять на себя роль лидеров протестного движения, однако по-настоящему возглавить процесс и стать харизматическими лидерами «финиковой революции» им так и не удалось.)

Лига арабских государств призвала египетские власти к проведению реформ, а Евросоюз — к отказу от насилия. Госсекретарь США Х. Клинтон в своем обращении к правительству Египта призвала его отменить запрет на демонстрации и разрешить египетскому народу высказывать свое мнение и порекомендовала президенту Мубараку воспользоваться моментом и осуществить политические реформы в стране. По данным влиятельных американских СМИ, к этому времени в Белом доме была создана своеобразная рабочая группа, ведущими аналитиками которой стали М. Макфол (специальный помощник президента Обамы по вопросам национальной безопасности и директор отдела по делам России и Евразии при Совете национальной безопасности США), К. Брукс (директор по делам Азии при Совете национальной безопасности во времена администрации президента Дж. Буша-мл.), а также ведущие университетские специалисты по проблеме ненасильственной смены режимов Л. Даймонд, Д. Хоровиц и В. Банс. В результате серии «мозговых штурмов» американская администрация на основе изучения опыта «бархатных» и «цветных революций» последних двадцати пяти лет разработала собственную стратегию поведения в египетском кризисе.

В этом контексте уместно вспомнить слова Е.М. Примакова, который в 2012 году справедливо назвал «примитивными» выводы о том, что «арабскую весну» подготовили и организовали США или их союзники по НАТО»¹. «Но, — продолжал академик, — США и их союзники попытались оседлать эту волну, чтобы убрать те режимы, которые мешают осуществлению их политики на Ближнем Востоке». В итоге в Вашингтоне посчитали необходимым выразить поддержку массовым выступлениям против режима Мубарака. Не случайно сразу после начала уличных демонстраций президент Обама в обращении к протестующей толпе на площади Тахрир сравнил события в Египте с ненасильственными протестами М. Ганди, падением Берлинской стены и студенческими выступлениями против режима М. Сухарто в Индонезии в 1998 года. Однако на тот момент вопрос об уходе Мубарака с поста президента для американской администрации все еще не стоял на повестке дня².

¹ «Арабскую весну» готовили не США или НАТО. Интервью с Е.М. Примаковым // Российский совет по международным делам. Официальный сайт. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=583#top-content.

² См.: Kirkpatrick D., Sanger D. Op. cit.; Wilson S. Obama administration studies recent revolutions for lessons applicable in Egypt // The Washington Post. February 13, 2011. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2011/02/13/AR2011021302783.html>.

Массовые антиправительственные выступления тем временем возобновились с новой силой. Теперь манифестанты требовали отставки самого Мубарака — «Последнего фараона», как его окрестила бунтующая толпа. «Молодежное движение 6 апреля» к этому времени уже наладило взаимодействие с представителями Эль-Барадея, некоторыми либеральными и левыми партиями, молодежным крылом «Братьев-мусульман» и даже футбольными фанатами. Вокруг идеи свержения Хосни Мубарака, несмотря на серьезные идеологические противоречия, объединились почти все оппозиционные силы Страны пирамид.

Пятница 28 января 2011 была объявлена оппозицией «Пятницей гнева». С целью предотвращения координации действий и мобилизации демонстрантов в Каире были заблокированы Интернет и мобильная связь. Однако отключение «привычных» пользовательских ресурсов лишь спровоцировало попытки посетить запрещенные ресурсы и, как следствие, повышенный интерес к происходившим событиям. Был заблокирован и телеканал Al-Jazeera, который вел прямую трансляцию событий на Тахрире (контролируемая правительством сеть каналов Nile-set в новостях показывала только ту часть города, которая была практически не затронута демонстрациями). Но этот запоздалый ход властей дал обратный эффект, только увеличив приток людей на улицы Каира и площадь Тахрир. Более того, к этому времени американская корпорация Google предоставила в пользование жителям Египта новый сервис, с помощью которого они получили доступ к сети Twitter через голосовую телефонную связь без прямого подключения к Интернету. Немаловажную информативную роль сыграл и телеканал CNN, принимавшийся практически в каждом египетском доме и освещавший самые острые моменты противостояния протестующих с органами правопорядка. Кроме того, во многом именно из новостей CNN люди могли узнавать о планировавшихся оппозицией действиях.

28 января массовые антиправительственные выступления развернулись в Каире, Александрии, Суэце, других городах страны и практически везде сопровождалась ожесточенными столкновениями демонстрантов с полицией. На этом этапе к протестам активно и организованно подключились «Братья-мусульмане», разработавшие собственную стратегию мобилизации масс. Как известно, еженедельно подавляющее большинство жителей Каира посещают мечети, которые даже в эпоху Интернета остаются главным способом распространения информации в арабо-мусульманском мире. Учитывая этот факт, «Братья» разослали своих представителей в большинство мечетей города, подготовив тем самым возможность для массового выступления. В два часа дня по местному времени 28 января по окончании пятничной молитвы тысячи людей вышли на улицы города. Полиция была застиг-

нута врасплох, поскольку оказалась окружена со всех сторон демонстрантами, которым понадобилось буквально несколько часов, чтобы полностью овладеть площадью Тахрир и закрепиться на ней.

Толпы митингующих собрались у президентского дворца в Каире, они попытались взять штурмом министерство иностранных дел, нападениям подверглись ряд других зданий в центре египетской столицы. Полиция начала разгонять людей при помощи водяных пушек, слезоточивого газа, дубинок и резиновых пуль, однако спустя несколько часов ожесточенных столкновений потеряла контроль над ситуацией и покинула центр Каира. Нельзя не отметить, что часть протестующих была хорошо подготовлена к такому развитию событий благодаря помощи сербских и тунисских «коллег по революции», а также обучению на специальных семинарах, проводимых «Академией перемен» и другими подобными структурами. В столице начались беспорядки и мародерство. Суэц оказался под контролем восставших масс, в Александрии силы правопорядка были вынуждены уйти из города, в ряде других населенных пунктах Египта начался штурм и захват отделений правящей партии. По указу Мубарака на всей территории Египта был введен комендантский час с шести вечера до семи утра.

В этих условиях к столице были стянуты армейские подразделения. В десять часов вечера в Каир вошла египетская армия. Официальной целью введения войск была объявлена защита имевших важное стратегическое значение объектов на площади Тахрир: здания парламента, телевидения, Национального музея и т.д. Однако, когда министр обороны фельдмаршал Тантауи получил приказ верховного главнокомандующего применить боевое оружие против демонстрантов, он проигнорировал его. Военное руководство публично заявило об отказе стрелять в «собственный народ». Этот факт оказал очень значительное (едва ли не решающее) воздействие на дальнейшее развитие «финиковой революции» в Египте.

После отказа армии стрелять в протестующих на площадь Тахрир прибыли подразделения республиканской гвардии (весьма схожей по цвету техники и униформы с силами министерства обороны), которые атаковали митингующих. С расположенных вокруг Тахрира крыш домов начала раздаваться стрельба. Армейские подразделения приступили к занятию Тахрира, после чего стрельба «неизвестных» снайперов прекратилась. Несколько сот тысяч демонстрантов смогло остаться на площади, продолжив протестные выступления в окружении военных кордонов. В считанные часы на площади был разбит палаточный лагерь и возведены баррикады для его обороны.

Когда стало понятно, что митингующим удалось отстоять Тахрир, все функции, связанные с организацией и осуществлением коммуникации в «революционном» лагере, взяли на себя «Братья-мусульмане».

Представители группировки рассредоточились по периметру площади, организуя и возглавляя группы протестующих по восемь — десять человек. Подключение к восстанию «Братьев-мусульман» окончательно превратило «стихийное» народное выступление в хорошо отлаженный механизм по смене власти в стране.

29 января в обращении к нации по телевидению Х. Мубарак сообщил, что отправил действующее правительство в отставку и пообещал начать реформы. Президент объявил также о восстановлении поста вице-президента, который занял глава египетских спецслужб О. Сулейман, и назначении бывшего министра гражданской авиации Ахмеда Шафика новым премьер-министром.

Переформатирование кабинета министров, в котором осталось немало членов старой команды Мубарака, не удовлетворило требований протестующих. В стране продолжились многотысячные митинги с требованием отставки президента. В Каире и Александрии полиция открыла огонь по демонстрантам — погибло несколько десятков человек, многие были ранены. Но люди продолжали массово выходить на демонстрации под лозунгом «Мы с теми, кто был убит!». Армия не препятствовала демонстрантам.

Ситуация в Стране пирамид продолжала находиться в центре повышенного внимания Белого дома. Еще 28 января по инициативе Б. Обамы состоялись телефонные переговоры между ним и Х. Мубараком. Обама призвал своего египетского коллегу немедленно начать политические и социально-экономические реформы в стране. «Последний фараон» был непреклонен, заявив, что протесты — это внутреннее дело Египта. Более того, президент Египта утверждал, что протесты не являются массовыми, а также апеллировал к исламистской угрозе¹. Американская политическая элита, тем не менее, была уверена в том, что египетские волнения являются наглядным подтверждением глобального тренда демократизации авторитарных режимов в арабском мире, которая в конечном счете должна дойти и до Ирана. 29 января 2011 года из Вашингтона в Каир был отправлен специальный посланник президента США Ф. Уизнер (в 1986–1991 годах он занимал должность посла в Египте). Обама вел напряженные переговоры с лидерами Израиля, Турции и Саудовской Аравии (на тот момент власти королевства убеждали Обаму, что США должны поддержать Мубарака, даже если он применит силу против демонстрантов, вероятно, опасаясь, что бросив своего стратегического союзника на произвол судьбы, Вашингтон может в дальнейшем поступить также и с Эр-Риядом), а также продолжал убеждать Мубарака пойти на уступки народным массам. Вице-

¹ Lynch M. Op. cit. P.94; Kirkpatrick D., Sanger D. Op. cit.

президент Дж. Байден, в свою очередь, «обрабатывал» своего недавно назначенного египетского коллегу Омара Сулеймана¹.

1 февраля, объединившаяся в Национальный фронт оппозиция, объявила о проведении «Марша миллионов». Реагируя на события, Х. Мубарак вновь обратился к египтянам с телеобращением, заверив, что он покинет президентский пост в сентябре 2011 года и не станет передавать власть своему сыну Гамалю. В этот же день Б. Обама также появился перед телекамерами для обозначения своей позиции в отношении египетского кризиса. Американский президент заявил о срочной необходимости мирного демократического перехода власти в Египте. Таким образом, спустя всего шесть дней после начала протестов Белый дом публично призвал своего ключевого союзника в регионе уйти в отставку.

Американское видение ситуации одновременно было передано в Каир и по специальным каналам. Однако Х. Мубарак не собирался следовать советам из Вашингтона. Его эмоциональное обращение произвело сильное впечатление на египтян; многие оказались удовлетворены этим, и часть демонстрантов начала расходиться по домам. Но уже на следующий день, 2 февраля, высшими должностными лицами правящей Национальной демократической партии под руководством Гамалья Мубарака было организовано массовое столкновение между сторонниками и противниками режима. Как выяснилось позже, каждому из нападавших, многие из которых были верхом на лошадях и верблюдах, было выплачено по триста египетских фунтов (около шестидесяти пяти долларов США)². Вероятно, Г. Мубарак и его сторонники надеялись, что им удастся запугать и обратить в бегство протестующих, освободив Тахрир и подавив тем самым «финиковую революцию». Ставка делалась также и на то, что покинувшие площадь после выступления Х. Мубарака стали призывать своих вчерашних соратников закончить демонстрации и дать возможность стране вернуться к нормальному ритму жизни. Сын президента Египта, однако, не учел того факта, что в городе практически в каждом доме имелся доступ к спутниковому телевидению, а у многих — еще и к Интернету. Родственники оставшихся на площади демонстрантов, прочитав и увидев, как ворвавшиеся на Тахрир верблюжатники атаковали их близких, сразу же вернулись в центр Каира. Боле того, когда в столкновениях появились первые уби-

¹ Warrick J., D. Eggen. Obama turned to envoy who could speak to Mubarak as a friend // The Washington Post. February 1, 2011. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2011/02/01/AR2011020106216.html>; Warrick J., Miller G. Egypt's intelligence chief, Omar Suleiman, could be called on to smooth turmoil // The Washington Post. February 1, 2011. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2011/02/01/AR2011020106731.html>.

² Исаев Л.М., Шишкина А.Р. Египетская смута XXI века. С. 71–72.

тые, в дело вмешались и наблюдавшие до того за событиями со стороны армейские подразделения. Все это вынудило нападавших ретироваться.

После этой локальной, но очень важной победы антиправительственных сил в Интернете мгновенно возникли многочисленные призывы к египтянами выйти на площадь, поддержать митингующих и не допустить повторения провокаций со стороны властей. На странице «Молодежного движения 6 апреля» в Facebook, например, появлялись записи следующего содержания: «Машина «Кадиллак 4x4» черного цвета номер «ЛГА 135» на мосту 7-го Октября над площадью Абд аль-Муним Абд ар-Рийад раздает деньги наемникам, которые готовятся к вторжению на площадь Тахрир сегодня утром. Просим распространить везде»¹. Подобные призывы были услышаны, и количество митингующих стало вновь увеличиваться.

По сути, дата 2 февраля 2011 года явилась «точкой невозврата» для Хосни Мубарака, его сына Гамаля, Национальной демократической партии и всего правившего уже почти тридцать лет режима. 3 февраля многотысячные протесты на площади Тахрир продолжились. 4 февраля оппозиция вывела на Тахрир миллион своих сторонников, требовавших отставки «Последнего фараона». Когда же сторонники президента попытались продвинуться на Тахрир, они были заблокированы военными, которые все сильнее выказывали симпатии протестующим народным массам.

В США тем временем склонялись к варианту, в соответствии с которым уход Мубарака с поста и передача власти в руки военных было наилучшим выходом из сложившегося кризиса. Вашингтон продолжал оказывать давление как на самого Мубарака и его окружение, так и на армейскую элиту с требованием осуществить ненасильственный демократический транзит в стране. В итоге именно позиция Вашингтона сыграла решающую роль в развязке «финиковой революции». Египетские военные окончательно убедились в нежелании Вашингтона более поддерживать опального президента и взяли курс на отстранение Мубарака от власти (в этой связи не стоит забывать, что в постнасеровском Египте армия — это наиболее проамериканская сила, начиная с 1979 года получавшая из Вашингтона ежегодно 1,3 миллиарда долларов).

6 февраля О. Сулейман вступил в переговоры с представителями Тахрира для выработки «дорожной карты» демократических преобразований. Митингующие, в рядах которых не было единства, тем не менее, были солидарны в одном — Мубарак должен был покинуть пост президента Египта. 8 февраля после двенадцатидневного ареста

¹ Цит. по: Шишкина А.Р., Исаев Л.М. Арабский мир в цифровую эпоху: социальные медиа как форма политической активности. С. 48.

был освобожден В. Гоним, который немедленно прибыл на Тахрир, дал интервью зарубежным телеканалам и выступил перед толпой. Это послужило сильнейшим импульсом к новым массовым выступлениям.

10 февраля в течение дня вице-президент Египта Сулейман и его американский коллега Байден несколько раз обсуждали по телефону пути решения египетской проблемы, в результате которых судьба Х. Мубарак была, по сути, решена. 82-летний президент, тем не менее, не собирався сдаваться; он объявил, что передаст свои полномочия вице-президенту Сулейману, но останется на своем посту, что вызвало бурю негодования оппозиции, требовавшей его ухода. Американские официальные лица усилили давление на египетских генералов, побуждая их сместить Мубарака¹.

11 февраля 2011 года после пятничной молитвы на улицы египетских городов вышли огромные массы людей с требованием немедленной отставки Мубарака. В ночь на пятницу 11 февраля Х. Мубарак на военном вертолете вылетел из Каира в Шарм-эль-Шейх. Премьер-министр А. Шафик ушел в отставку, его место занял Исам Шараф. В экстренном телеобращении к нации обратился О. Сулейман, который сообщил, что президент Египта сложил с себя полномочия, и вся полнота власти перешла к Высшему военному совету.

13 февраля в Каире началась расчистка площади Тахрир от палаток. Получившие всю полноту власти армейские генералы призвали полицию вернуться на свои места, распустили парламент, приостановили действие конституции и установили срок в шесть месяцев для подготовки к выборам, в течение которых в стране должно было действовать переходное правительство.

Длившаяся восемнадцать дней «финиковая революция» победила. Общее число жертв с начала беспорядков в Стране пирамид к этому моменту превысило триста человек.

Сценарии «революций» в двух наиболее динамично развивавшихся стран арабского Магриба — Тунисе и Египте — были весьма похожи и развивались по определенной стадийной схеме. На подготовительном этапе шла консолидация народного недовольства, в первую очередь, благодаря активности Интернет-блогеров и других кибероппозиционеров. Затем происходило знаковое событие, становившееся спусковым крючком начала массовых выступлений, — акты самосожжения. Они не получали широкого освещения в государственных СМИ, но широко тиражировались арабскими телеканалами и социальными сетями, что, в свою очередь, значительно накаляло градус недовольства в стране. Следующей фазой «революции» были непосредственно акции протеста, которые с помощью зарубежных средств массовой информации

¹ Kirkpatrick D., Sanger D. Op. cit.

и Интернета вызывали бурную реакцию в и так уже наэлектризованной общественности. Быстро перерастая в массовое народное движение, антиправительственные выступления заставляли правящие режимы маневрировать между попытками подавления протестов и уступками демонстрантам, что в конечном счете приводило к краху действовавшей власти.

Главной движущей силой общественно-политических протестов стала образованная молодежь, неудовлетворенная социальным положением. Обладая компьютерной грамотностью и достаточным уровнем знания иностранных языков, эта сила оказалась в состоянии полностью переформатировать политическую обстановку в Тунисе и Египте. Вообще, отличительной чертой «жасминовой» и, особенно, «финиковой революции» стало использование современных коммуникационных средств. Рупорами и организаторами массовых манифестаций становились не политические лидеры (примкнувшие — без особого успеха — к движению позже), а молодые люди, имевшие возможность через систему коллективных блогов и социальных сетей распространять оперативную информацию и обращаться с призывами к тысячам своих сторонников.

Уровня проникновения Интернета в Тунисе и Египте (24% и более) оказалось достаточно для того, чтобы вывести массы людей на улицу и парализовать ответные действия властей, создать условия для сравнительно мирного свержения правящих режимов. Выяснилось, что потенциал современных информационных технологий способен обеспечить мобилизацию масс буквально в часы и минуты, создать практически «из ничего» активно действующую протестную массу¹.

В ходе «арабской весны» возможности Интернета оппозиционеры применяли, в первую очередь, в качестве инструмента для мобилизации, консолидации и координации протестующих. Один из египетских «революционеров» отмечал в своем микроблоге: «Мы используем Facebook, чтобы планировать протесты, Twitter, чтобы координировать действия и Youtube, чтобы рассказать о себе остальному миру»².

На начальном этапе в социальных сервисах «революционеры» делились взглядами на имевшиеся проблемы. Затем участники обсуждения приглашали к дискуссии других пользователей, расширяя круг единомышленников. Параллельно проводилась активная идеологическая обработка новых членов, в Интернете выкладывались агитационные

¹ Исаев Л.М. Социальные сетевые технологии и революционный процесс в Египте // Протестные движения в арабских странах: Предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола». М., 2012. С. 43.

² Howard Ph. The Arab Spring's Cascading Effects // Pacific Standard. Feb. 24, 2011. URL: <http://www.psmag.com/business-economics/the-cascading-effects-of-the-arab-spring-28575>.

материалы, направленные против режимов, в том числе, различные аудиозаписи. После этого противники властей координировали действия и организовывали протестные мероприятия. Насыщенная сеть Интернет-ресурсов играла исключительно важную роль и в формировании «позитивного общественного мнения» и «прозападных стереотипов» среди местного населения. Причем высокая посещаемость порталов подкреплялась их стабильным финансированием, которое осуществлялось через гранты американского Национального фонда в поддержку демократии и других западных и местных прозападных НПО. Они самым активным образом использовались как для организации и координации действий протестующих, так и для формирования «правильной» картинка для мирового общественного мнения¹.

Особую роль в событиях «арабской весны» сыграли социальная сеть Facebook, микроблог Twitter, а также видеохостинг YouTube. Именно в социальных сетях появились первые оппозиционные электронные ресурсы (страницы) и призывы к смене власти. Там же назначались и даты проведения акций протеста, выбиралась соответствующая символика, формировались первоначальные цели протестных движений. В соцсетях происходил обмен опытом с молодыми активистами из других стран и распространялась информация о готовившихся акциях среди тунисцев и египтян; они являлись своеобразной «платформой» для передачи ссылок на видеодокументы (снятые, в свою очередь, при помощи мобильных телефонов), различных материалов СМИ, а также программы по организации кибератак.

Возможности социальных сетей в ходе «революционных» событий в Египте и Тунисе были задействованы максимально широко. На Facebook, к примеру, выкладывались фотографии пострадавших от насилия со стороны «диктаторских» режимов и демонстрировались видеозаписи, показывающие мужество и стойкость участников протестов. Здесь можно было в онлайн-режиме наблюдать картинку многотысячной толпы, например, на площади Тахрир с призывами присоединяться к восставшим. Страницы Facebook предоставляли исчерпывающие данные о жертвах среди восставших с требованиями наказать виновных; различные варианты списков требований демонстрантов; поэтические произведения, песни, картинки и другой «революционный» материал. Именно на платформе данной социальной сети публиковались подробные инструкции и советы демонстрантам, как защититься от слезоточивого газа, водометов и электрических дубинок, применяемых полицией при разгоне демонстраций и т.д. и т.п.

¹ Антюхова Е.А. Технологии ведения США и НАТО информационно-сетевых операций в конфликтах «арабской весны». С. 98.

Twitter также сыграл важную роль в ходе массовых волнений в арабских странах. Преимущества этого сервиса мгновенных сообщений заключались, прежде всего, в его непосредственности и возможности сверхоперативного распространения информации; заснятое событие в сети Twitter можно было в считанные секунды сделать достоянием миллионов. Главной функцией сервиса стало оперативное информирование общественности, в том числе зарубежной, о «революционной» ситуации в Тунисе и Египте.

В целом, вклад созданных в Америке и, по сути, контролируемых из США социальных сетей в организацию и проведение «революций» в Тунисе и Египте трудно переоценить. Twitter, Facebook и другие механизмы «мягкой силы» Запада органично вписались в общую теорию ненасильственных переворотов, реализуемых США и их союзниками. Не случайно, сразу после триумфальной победы «жасминовой» и «финиковой» «революций» глава Госдепартамента Х. Клинтон декларировала: «Интернет стал общественным пространством XXI века», подчеркнув, что демонстрации в исламском мире, «поддержанные Facebook, Twitter, Youtube, отражали мощь технологий соединения в качестве ускорителей политических, социальных и экономических изменений»¹.

В этом плане показательна книга уже упоминавшегося сотрудника Google В. Гонима под названием «Революция 2.0»². Как отмечают исследователи, эта работа, по сути, стала логическим продолжением (с ориентацией на опыт североафриканских стран и поправкой на новые электронные технологии) изысканий Дж. Шарпа, практически руководством для протестующих по преодолению репрессивных механизмов государства и реализации демократического транзита с использованием новейших средств массовой информации и коммуникации³.

Использование Интернет-технологий и в частности, социальных медиа послужило значительным мобилизационным ресурсом для проведения акций протеста, планирования и организации демонстраций, а также преодоления порога страха перед реальными действиями на улицах городов. Как в свое время печатная пресса и телеграф, социальные сети кардинальным образом упростили систему коммуникаций между оппозиционными активистами. Они значительно расширили тактические возможности участников массовых протестов, внедрив, например практику организации демонстраций «он-лайн». Наконец, соцсети способствовали преодолению географических и социально-

¹ Le Mond. 16 Fevrier 2011.

² Гоним В. Революция 2.0: документальный роман. СПб., 2012.

³ Шишкина А.Р. «Арабская весна»: сценарии, основные акторы, движущие силы // Политическая наука. 2014. № 4. С. 121–122.

экономических различий и фактически стали основой для формирования национальной коллективной идентичности на основе растущего чувства неудовлетворенности действовавшим режимом, будучи основанием для выражения народного недовольства¹.

Конечно, сам по себе Интернет и социальные сети являлись не столько причиной, сколько средством канализации народных протестов. И это средство актуализировалось только в тот момент, когда в обществе созрели реальные социально-экономические и политические причины для недовольства. Однако использование новейших технологий резко усилило протестный потенциал, уже имевшийся в обществе. Кроме того, благодаря работе социальных сетей у их посетителей создавалось впечатление, что в протестных действиях участвуют миллионы людей, хотя в действительности число реально протестующих и протестующих в сети различалось многократно. Особое значение фактор социальных сетей приобрел в условиях принудительного блокирования властями доступа в Интернет; это повышало градус протестной активности, происходила политизация некоторых групп населения, отличавшихся до этого момента политической пассивностью. Ставка на использование социальных сетей позволяла противникам режима сократить материальные расходы и временные затраты на организацию государственного переворота. Наконец, именно социальные сети наряду с традиционными СМИ формировали международное общественное мнение в отношении происходившего в Тунисе и Египте².

Мобилизация активной арабской молодежи, обучение ее методам координации манифестаций посредством социальных сетей, создание многочисленных виртуальных неправительственных организаций, которые пропагандировали ценности либерализма на арабском и английском языках, поддержка массовых выступлений в регионе американским политическим истеблишментом через глобальные Интернет-сервисы — все эти методы свидетельствовали о реализации на практике концепции «мягкой силы» Дж. Ная и его последователей, но уже в новых условиях цифровой эпохи. По сути, молодые, образованные, увлеченными новыми информационными технологиями кибердиссиденты использовали в своих политических протестах два пространства: реальное и виртуальное. Благодаря использованию Интернета им удалось соединить оба этих вида и с помощью ненасильственных технологий успешно демонтировать правившие годами авторитарные режимы в Тунисе и Египте.

¹ Шишкина А.Р., Исаев Л.М. Арабский мир в цифровую эпоху: социальные медиа как форма политической активности. С. 45.

² Наумов А.О. Оружие технотронного века. Социальные сети и «арабская весна» // Стратегия России. № 11. 2015. URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1446378209&archive=1449042076&start_from=&

Подготовка, ход, палитра движущих сил «жасминовой» и «финиковой» «революций» в значительной мере (с поправкой на арабскую действительность) напоминают «цветные революции» в первой половине 2000-х годов. В Тунисе и, особенно, в Египте действительно были использованы многие механизмы ненасильственной смены власти, отработанные во время «бульдозерной революции» в Сербии в 2000 году, грузинской «революции роз» в 2003 году, «оранжевой революции» в Украине в 2004 году и «тюльпановой революции» в Киргизии в 2005 году. Все они, как известно, были активно спонсированы и поддержаны Вашингтоном и его союзниками. Волнения в арабских странах имеют целый набор признаков, характерных для «цветных революций»: создание оппозиционных молодежных структур, парализация работы органов государственной власти, закрепление определенных стереотипов, кампания неповиновения власти, создание территориального анклава и ненасильственная оккупация территории в центре страны, экспрессивный характер действий восставших и т.д. Но были и отличия, главным из которых стало использование новейших Интернет-технологий, что позволяет назвать события в Тунисе и Египте в конце 2010 — начале 2011 годов «цветными революциями 2.0».

Ударной силой «цветных революций 2.0», как говорилось выше, стала образованная молодежь. Она имела развитые сетевые организации, которые оказались чрезвычайно эффективны в ходе антиправительственных волнений, координированных через Интернет. Однако эти движения оказались не готовы к тому, чтобы перестроиться на организационную работу, связанную с политической деятельностью и нацеленную на легальный политический процесс. Напротив, исламисты были политически более мобилизованы и активны, идеологически ангажированы и дисциплинированы, чем сторонники светских партий. На первых же парламентских выборах в Тунисе и Египте победили исламистские силы — партия «Ан-Нахда» и «Братья-мусульмане», соответственно.

Пришедшие к власти исламисты, однако, продемонстрировали неспособность построить эффективную модель государственного управления и решить реальные социально-экономические проблемы. Экономика Туниса и Египта потеряли сотни миллионов долларов, упали доходы от туризма, пострадал инвестиционный климат, проблемы безработицы не только не были решены, но и значительно усугубились, резко возросла угроза терроризма. Политические изменения, произошедшие в Тунисе и Египте, коснулись лишь верхнего эшелона элиты. Не произошло в этих странах и улучшения социально-экономического положения, за что, собственно, и выступали народные массы, свергавшие режимы Бен Али и Мубарака.

Тунисская писательница С. Стефенсон осенью 2012 года не без оснований утверждала: «Через год (после «жасминовой революции» — А.Н.) у нас нет ни демократии, ни веры к избранным официальным лицам, ни улучшенной конституции. Права человека и права женщин под угрозой. Экономика тонет. Туризм деградирует. Кто хочет провести отпуск среди банд бородатых бродяг, которые штурмуют посольства, поднимают свой черный пиратский флаг над университетами и сжигают грузовики, перевозящие пиво?»¹. Как справедливо заметил британский исследователь Дж. Гелвин, восстания в Тунисе и Египте привели к свержению автократов, но говорить о том, что была свергнута сама автократия, пока явно преждевременно².

В октябре 2014 года в Тунисе прошли парламентские выборы. Как и ожидалось, «Ан-Нахда» не смогла повторить успех 2011 года, и большинство мандатов получили представители главной светской партии «Нидаа Тунис». 26 ноября была принята новая конституция, в которой были прописанные отношения между ветвями власти, гарантированы широкие права человека и гражданина, декларировано равенство мужчин и женщин и т.д. Президентом Туниса в декабре 2014 года стал Беджи Каид Эс-Себси, неоднократно занимавший различные министерские посты при режиме Бен Али. Тем не менее, вернуться на тот уровень социально-экономического развития, который существовал до «жасминовой революции», Тунису, по сути, до сих пор так и не удалось.

Правление исламистов в Египте длилось еще меньше. На первых после «финиковой революции» парламентских выборах в 2012 победу одержала «Партия свободы и справедливости» — умеренное крыло «Братьев-мусульман». На президентских выборах в мае — июне 2012 года триумф праздновал ее лидер — Мухаммед Мурси. Однако политика, основанная на лозунге «Ислам — вот решение», вызвала сопротивление традиционно светских армейских кругов, значительной части городской молодежи, христиан (10% египтян), бизнеса, особенно туристического, страдавшего от отношения исламистов к туризму как к разновидности проституции³.

25 января 2013 года, во вторую годовщину «финиковой революции», в Египте начались массовые волнения. В конце июня уже сотни тысяч протестующих требовали отставки Мурси. 3 июля 2013 года военные организовали государственный переворот, который, возглавил министр обороны фельдмаршал Абдул-Фаттах Халил Ас-Сиси — выходец из армейской элиты, долгие годы прослуживший при режиме Хосни

¹ Stephenson S. Tunisia, a Sad Year Later // The New York Times. October, 31, 2012. URL: http://www.nytimes.com/2012/11/01/opinion/tunisia-a-sad-year-later.html?_r=0.

² Gelvin J.L. Op. cit. Pp. 65.

³ Беляков В. Египет: «рождение «второй республики» // Международная жизнь. Ноябрь 2012. С. 130–140.

Мубарака. В мае 2014 года Ас-Сиси был избран президентом Египта. В стране начались масштабные преследования исламистов и общее усиление военных и правоохранительных структур. «Братья-мусульмане» были объявлены террористической организацией; над ними начались показательные судебные процессы, в результате которых их лидеры и сотни рядовых активистов были приговорены к смертной казни (к казни был приговорен и М. Мурси). Однако, как и в Тунисе, негативный шлейф «финиковой революции», включая правление исламистов, продолжает оказывать самое серьезное воздействие на развитие Страны пирамид.

Таким образом, можно заключить, что «достижения» «цветных революций 2.0» мало чем отличаются от последствий «цветных революций» в Сербии, Грузии, Украине и Киргизии. Победившие с помощью народного недовольства и зарубежных политтехнологий «жасминовая» и «финиковая» «революции», по сути, ничего не дали тунисскому и египетскому народу. Пришедшие на гребне общественной турбулентности к власти исламисты только усугубили имевшиеся в Тунисе и Египте проблемы. Спустя несколько лет сами исламистские лидеры канули в политическое небытие, перед этим успев запустить разрушительные механизмы в политике и экономике собственных государств.

Глава 9

«ЕВРОМАЙДАН», ИЛИ «РЕВОЛЮЦИЯ ГИДНОСТИ» НА УКРАИНЕ

(Наумов А., Наумова А.)

В феврале 2014 года на Украине произошел государственный переворот. Для объективного рассмотрения истинных причин, предпосылок и технологий данного феномена необходимо вновь обратиться к «оранжевой революции» 2004 года, ведь именно тогда были заложены основные противоречия, приведшие страну к «цветной революции» в форме «Евромайдана»¹.

Как было отмечено в шестой главе, одним из итогов «оранжевой революции» стала политическая реформа, превращавшая Украину в парламентско-президентскую республику. Конституционные изменения действительно значительно усиливали роль парламента в политической жизни страны; Верховная Рада, по сути, получала контроль над деятельностью правительства. Президент Украины, наоборот, лишался многих своих полномочий. Он более не мог самостоятельно назначать и увольнять премьер-министра и других руководителей центральных органов исполнительной власти, а правительство оказывалось ответственно не только перед президентом, но и перед Верховной Радой. Тем не менее, за президентом сохранялось и право вето, и право роспуска парламента, он обладал монопольным правом подписывать законы и назначать глав областных администраций. Важным моментом в «пакетных соглашениях» от 8 декабря 2004 года был пункт о необходимости создания обладавшей большинством коалиции депутатских фракций и групп, образуемой путем объединения избранных в парламента политических партий и политических блоков. Такая коалиция и должна была вносить президенту Украины предложения кандидатуры премьер-министра, формировать состав кабинета министров и быть ответственной за его деятельность. В распоряжении главы государства между тем оставалась прерогатива распустить парламента

¹ Второе название «Евромайдана» — «революция гидности». «Гідність» по-украински означает «достоинство»; «революцией достоинства» кощунственно окрестили государственный переворот 2014 года пришедшие к власти в Киеве радикалы и националисты.

в случае, если Верховная Рада в установленные сроки не могла создать парламентскую коалицию и/или сформировать правительство¹.

В лагере «оранжевых» в 2004 году оказалось немало противников политической реформы, воспринятой как компромисс с правящим режимом. Ю. Тимошенко, например, прямо назвала его «самой большой победой Леонида Кучмы»². С другой стороны, «пакетные соглашения» стали тем инструментом, который помог избежать лобового столкновения оппозиции и власти в критические дни декабря 2004 года. Он давал надежду на переход украинского государства в русло эволюционного развития как парламентской республики с крупными и влиятельными партиями, формировавшими ответственное перед Верховной Радой правительство. Однако в силу незавершенности политической реформы, явной несбалансированности части «пакетных соглашений» и прямого нежелания нового президента урезать собственные полномочия этого так и не произошло. Напротив, Украина вступила в полосу еще более глубокого системного общественно-политического кризиса.

23 января 2005 года президент В. Ющенко принял присягу президента Украины. Через несколько дней он внес кандидатуру Тимошенко на пост премьер-министра, и уже 4 февраля 2005 года Верховная Рада избрала ее на этот пост. Таким образом, на Украине было положено начало правлению «оранжевых». Вчерашние «революционеры» пытались позиционировать себя как принципиально новую демократическую команду, способную перестроить и кардинально обновить систему исполнительной власти, навести порядок во всех сферах жизни общества, прекратить коррупцию и направить страну по пути интеграции в евроатлантические структуры. Особых успехов на ниве социально-экономического строительства «оранжевые» не снискали. Несмотря на все усилия киевских евроинтеграторов, ни в Европейский Союз, ни в НАТО страна принята не была, зато отношения с Россией серьезно деградировали. Резко обострился российско-украинский газовый вопрос; перманентные «газовые войны» между Россией и Украиной стали новым очагом нестабильности не только в двусторонних отношениях, но и поставили вопрос об энергетической безопасности ряда стран Европейского Союза. В национально-культурной политике был взят курс на дальнейшую украинизации среднего и высшего образования, выдавливание русскоязычной печатной продукции, ущемление прав русскоязычного населения, переписывание истории и героизацию нацистских пособников.

¹ Закон України. Про внесення змін до Конституції України. 8.12.2004 // URL: <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=2222%2D15&p=1101898632259327>.

² Стриха М. Украинские выборы: до и после // «Оранжевая революция». Украинская версия. Сост. М.Б. Погребинский. С. 181.

При этом доминировавший в ходе правления «оранжевых» анти-российский вектор был едва ли не единственным, по которому у новой власти существовал определенный консенсус. По остальным вопросам совместного правления между Ющенко и Тимошенко уже с самого начала стали нарастать противоречия. Спустя восемь месяцев кабинет министров Тимошенко был отправлен в отставку, на смену ему пришло правительство Ю. Еханурова, которое также продержалось меньше года. В августе 2006 года Ющенко был вынужден назначить премьер-министром своего недавнего оппонента на президентских выборах В. Януковича. Он занимал этот пост до ноября 2007 года, после чего пост главы правительства вновь перешел к Ю. Тимошенко. Разумеется, подобная министерская чехарда не способствовала оздоровлению социально-экономической ситуации в стране, которая, напротив, только ухудшалась.

Итогом провальной внутренней и внешней политики «оранжевого» президента логично стали позорные 5,45% голосов, которые Ющенко набрал в ходе состоявшихся в январе 2010 года президентских выборов. Основная борьба за пост главы государства развернулась между двумя экс-премьерами — Януковичем и Тимошенко. Предвыборная агитация проходила в достаточно напряженной психологической обстановке, изобиловала публикациями различных компрометирующих материалов (особенно резкими обвинениями обменивались бывшие соратники по «оранжевой революции» Ющенко и Тимошенко). В первом туре выборов большинство голосов набрали В. Янукович и Ю. Тимошенко, существенно опередив других претендентов, — 35,32% и 25,05%, соответственно. Во втором туре голосования 7 февраля 2010 года победу одержал Янукович, который сумел заручиться поддержкой Блока левых и левоцентристских сил во главе с лидером украинских коммунистов П. Симоненко и набрал 48,95% голосов избирателей против 45,47% у Тимошенко. Ни в первом, ни во втором туре голосования каких-либо грубых нарушений, которые бы могли повлиять на результаты голосования, зафиксировано не было. Характерно, что, как и на президентских выборах 2004 года, предпочтения избирателей четко распределились по региональному принципу: Янукович набрал большинство голосов в юго-восточных областях Украины, а Тимошенко — в центральных и западных. Подобное размежевание еще раз продемонстрировало культурно-ценностный раскол страны.

Таким образом, спустя всего пять лет после победы «оранжевой революции» на Украине к власти в стране пришли силы, казалось бы навсегда выброшенные этой «революцией» за борт политического процесса. Почти сразу после прихода к власти проигравшего в 2004 году Януковича Конституционный суд Украины отменил политическую реформу и обязал органы власти привести законы и нормативно-право-

вую документацию в соответствии с конституцией 1996 года. Украина опять вернулась к президентско-парламентской форме правления.

Еще спустя несколько месяцев непримиримый оппонент Януковича — Ю. Тимошенко — оказалась фигурантом уголовного дела о газовых договоренностях с Россией, подписанных ею в бытность премьер-министром в январе 2009 года. В июне 2011 года генпрокуратура Украины предъявила Тимошенко обвинение по статье «Превышение власти или служебных полномочий, повлекшее тяжкие последствия», и уже 5 августа «Жанна д'Арк» «оранжевой революции» была арестована в зале суда. После шумного, но непродолжительного процесса Тимошенко в октябре 2011 года был вынесен обвинительный приговор и назначено тюремное наказание сроком на семь лет. Позже против нее был выдвинут еще ряд обвинений.

Во внешней политике Янукович в целом вернулся к курсу Л. Кучмы. С одной стороны, в апреле 2010 года новый президент подписал с Россией «Харьковские соглашения», продлевавшие пребывание Черноморского флота России в Севастополе и гарантировавшие снижение цены на природный газ для Украины. С другой — Янукович подтвердил свое намерение идти по пути евроинтеграции. Уже через несколько месяцев после подписания соглашений с Россией во время встречи с деловыми кругами Германии он заявил: «Для Украины евроинтеграция — это не только внешнеполитический приоритет, но это наш цивилизационный выбор»¹. Во внешней политике Украины снова воцарилась «многовекторная неопределенность», которая в итоге и стала ключевой предпосылкой для мощнейшего общественно-политического кризиса в конце 2013 года — «Евромайдана», или «революции гидности».

Разумеется, взаимоотношения с Евросоюзом, точнее приостановка подписания Соглашения об ассоциации с ЕС, стали лишь предпосылкой кризиса, завершившегося государственным переворотом. Истоки этой трагедии следует искать в общей «усталости» населения от режима Януковича (в мае 2013 года его электоральный рейтинг не превышал 10%). Отечественный исследователь П.С. Куманичкин выделяет целый комплекс причин, приведших к взрыву общественно-политического недовольства в ноябре 2013 года. К ним он справедливо относит олигархизацию украинской политической элиты, выразившуюся в окончательном складывании нескольких доминирующих кланов и групп, ставших ключевыми акторами поля политики; разрастание в ходе президентства Януковича системы неформальных и авторитарных практик в управлении, связанной с использованием коррупционных схем

¹ Янукович: Евроинтеграция для Украины цивилизационный выбор // Подробности. 30.08.2010. URL: <http://podrobnosti.ua/711460-janukovich-evrointegratsija-dlja-ukrainy-tsilivilizatsionnyj-vybor.html>.

и административно-силового ресурса; неспособность власти за период правления Януковича разрешить проблему регионального сепаратизма и этнолингвистический конфликт между западной и восточной частями Украины, ставший фактически доминантным конфликтным размежеванием, дестабилизирующим саму украинскую государственность; крайнюю непоследовательность внешнеполитического курса команды Януковича и неопределенность приоритетных векторов украинской внешней политики; складывание в сфере экономической политики к концу 2013 года ситуации, близкой к коллапсу¹.

В октябре 2012 года на Украине состоялись выборы в Верховную Раду, которые при формальной победе пропрезидентской Партии регионов, получившей 30% голосов, отразили резкую поляризацию и маргинализацию настроений украинского общества. Значительное число мандатов в украинском парламенте досталось как представителям левых партий, так и праворадикальным организациям (в первую очередь, партии «Свобода» О. Тягнибока). Последние и вовсе прошли в украинский парламент впервые в новейшей истории страны. Этот сигнал, однако, не был услышан и правильно интерпретирован Януковичем и его окружением.

Проводя неэффективную внутреннюю политику, на международной арене режим Януковича продолжал торговаться и заигрывать попеременно с Россией и Западом в надежде на получение как можно больших экономических и политических дивидендов. Данные обстоятельства и привели к тому, что отказ от подписания Януковичем Соглашения об ассоциации Украины с Европейским Союзом, которое должно было состояться на саммите Восточного партнерства в Вильнюсе в конце ноября 2013 года, стало триггером сильнейшего общественно-политического кризиса.

Напомним, что целью этого международного договора было углубление интеграции в сфере политики, торговли, культуры и укрепления безопасности между Украиной и Евросоюзом. Переговоры о его заключении велись с 2007 года, окончательно текст документа был согласован в ноябре 2011 года, 30 марта 2012 года соглашение было парафировано главами делегаций Украины и ЕС. Однако 21 ноября 2013 года, ссылаясь на сложную экономическую ситуацию, украинский кабинет министров во главе с Н. Азаровым принял решение о приостановке подписания Соглашения об ассоциации. На тот момент Украина действительно остро нуждалась в финансовых средствах, однако Брюссель был согласен выделить в качестве помощи лишь шестьсот миллионов евро. Россия же, рассчитывавшая со временем интегрировать Украину в структуры Таможенного Союза, оказалась готова предоста-

¹ Куманичкин П.С. Феномен Евромайдана: предпосылки, генезис, перспективы // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2015. № 1. С. 92.

вить кредит в размере пятнадцати миллиардов долларов и снизить цену на газ. Кроме того, Москва неоднократно заявляла, что в случае подписания Соглашения об ассоциации с Евросоюзом она будет вынуждена принять меры в целях защиты отечественного рынка от европейских товаров, что неизбежно привело бы к потере Киевом рынка главного внешнеэкономического партнера Украины. По мнению экспертов, в условиях крайне тяжелой экономической ситуации и лимита времени выбор Януковича был предрешен¹.

Правда, в соответствии с логикой «многовекторности», Янукович в этот же день попытался успокоить западных партнеров. Выступая 21 ноября на украино-австрийском форуме, он заявил: «Альтернативы реформам в Украине, альтернативы европейской интеграции не существуют... Возможно, есть временные трудности. Возможно, на пути восхождения к вершине настала неблагоприятная погода, но мы идем этим путем и не меняем маршрута»². Однако эти доводы на Западе услышаны не были (или их просто не захотели слушать). Брюссель, Берлин, Вашингтон и другие западные столицы были солидарны в негативной оценке шага правительства Азарова и выразили «глубокое разочарование» этим решением. «Это грустный день для Украины и Европы. Это сигнал международному сообществу о том, что оно не должно бездействовать, когда Россия пытается диктовать условия соседям», — охарактеризовал решение украинского кабинета министров глава Комитета по иностранным делам в Палате представителей США Э. Энджелс³.

С этого момента процесс государственного переворота на Украине был запущен. Украинская оппозиция к такому сценарию была явно готова. Временное приостановление подписания соглашения было интерпретировано и подано находившемуся благодаря пропагандистским усилиям в состоянии близкой к экзальтации обществу как предательство национальных интересов, окончательный разрыв с Европой и решительный поворот в сторону России. 21 ноября 2013 года, несмотря на заявления властей о лишь временной приостановке процесса евроинтеграции, лидер парламентской фракции «Батькивщина» А. Яценюк обвинил президента и премьера в государственной измене⁴.

¹ См., напр.: Федоровская И.М. Политический кризис на Украине // Россия и новые государства Евразии. № 1. М., 2014. С. 55.

² Янукович уверяет, что временные трудности не заставят Украину свернуть с пути // Портал новостей LB.ua. 21.11.2013. URL: http://lb.ua/news/2013/11/21/242300_yanukovich_uveryaet_vremennie.html.

³ Цит. по: Карпович О.Г. Роль США в украинском кризисе // Международные отношения. № 2. 2016. С. 180.

⁴ Оппозиция заявляет о государственной измене и требует Януковича и Азарова — в Раду // Украинская правда. 21.11.2013. URL: <http://www.pravda.com.ua/rus/news/2013/11/21/7002664>.

«Продажный Янукович» представлялся как президент, укравший мечту о европейском будущем Украины и тянувший страну в мрачное «совковое» прошлое. Противниками правящего режима были оперативно задействованы все доступные технологии «мягкой силы»; особый акцент делался на эксплуатации привлекательного образа Европейского Союза в сознании украинских граждан. Как справедливо отметил отечественный исследователь П. Родькин, «примитивная пропаганда сторонников евроинтеграции, сводившаяся к тому, что как только Украина станет частью Европы, все проблемы будут автоматически решены и наступит материальное благополучие, имела одно неоспоримое преимущество: веру в бренд «Европа». Можно сказать, что евробренд вышел на заданную проектную мощность и «мотыльки» с ускоренной силой полетели на его сияние»¹.

Иррациональная мечта рядовых украинцев о лучшей жизни в Европе, десятилетиями культивируемая с помощью инструментов «мягкой силой» Запада, фактически перевесила реальные экономические выгоды от сближения с Россией и интеграцией в Таможенный Союз. Буквально в день отказа киевского правительства от немедленного подписания соглашения с ЕС начались «стихийные» выступления против действующей власти. В социальных сетях стали раздаваться призывы в знак протеста выйти на улицы Киева. Пальму первенства в этом процессе захватил известный украинский журналист М. Найем, который через свой аккаунт в Facebook организовал демонстрацию сторонников евроинтеграции на Майдане независимости. Подобные призывы появились и на других страницах в различных социальных сетях (Facebook, Twitter, ВКонтакте), и вечером 21 ноября на Майдане собралось около двух тысяч человек, включая журналистов, общественных деятелей и лидеров оппозиционных партий А. Яценюка из «Батькивщины», В. Кличко из «УДАРа» и О. Тягнибока из «Свободы». Так, собственно, и началась «революция гідності».

22 ноября антиправительственные митинги прошли еще в нескольких городах Украины, а в центре Киева началось возведение палаточного городка. 24 ноября на Майдане независимости состоялось первое «Народное вече», на которое собралось около пятидесяти тысяч человек. На митинге было объявлено о начале бессрочной акции протеста, а также оглашена программа оппозиции, включавшая требования отставки правительства «за предательство национальных интересов», прекращения политических репрессий (в том числе освобождение из заключения Тимошенко) и подписания соглашения с ЕС на Саммите Восточного партнерства, который должен был пройти в литовском Вильнюсе 28-29 ноября 2014 года.

¹ Родькин П. Ук. соч. С. 37–38.

Как справедливо отметил президент Российского совета по международным делам И.С. Иванов, вопрос о подписании Соглашения об ассоциации между Украиной и Евросоюзом «расколол украинское общество, вывел на киевский Майдан силы оппозиции, спровоцировав в конечном итоге эскалацию насилия и политического радикализма. Западные политики и эксперты и в начале кризиса, и на последующих его стадиях часто высказывали мнение о некоей детерминированности конфликта, который, дескать, был связан с историческим «европейским выбором» Украины и противодействием этому выбору со стороны российского руководства»¹. В реальности же ноябрьские акции оппозиции были заранее подготовлены и спланированы западными специалистами в качестве первого шага кампании по смене политического режима на Украине. По утверждению американского политолога из Института Рона Пола за мир и процветание С. Уайсмана, с которым трудно не согласиться, «Евромайдан» был полностью срежиссирован государственным департаментом США через подконтрольные ему неправительственные организации и частные фонды, в том числе Фонд Сороса, «Фридом Хаус» и другие. Основными координаторами госдепартамента по организации переворота в Киеве, по мнению американского комментатора, стали заместитель госсекретаря по делам Европы и Евразии В. Нуланд и посол США в Киеве Дж. Пайетт².

Как и в предыдущих «цветных революциях» Запад заранее готовил акторов для осуществления государственного переворота. Так, Агентство США по международному развитию в сотрудничестве с голландской неправительственной организацией «Европейский центр журналистики» активно продвигало на Украине медийный проект «MediaNet», в ходе реализации которого были обучены три тысячи семьсот работников СМИ, запущено свыше двухсот семидесяти телевизионных и более тысячи двухсот тематических радиопрограмм, направленных на раскачивание общественно-политической ситуации в стране и дискредитации правящего режима³. Политтехнологами оппозиции был создан и активно внедрялся в украинское медиа-пространство отрицательный образ сторонников В. Януковича. Жители Украины, поддерживавшие законную власть, были представлены как продажные необразованные коллаборационисты и презрительно именовались «титущками» (собрательный образ, сформированный от фамилии В.С. Титушко, который

¹ Иванов И.С. Украинский кризис через призму международных отношений. М., 2015. С. 13–14.

² Дунаевский И. Коктейли Молотова и гранты // Российская газета. 11.04.2011. <https://rg.ru/2014/04/07/politolog-site.html>.

³ Партия регионов назвала всех вражеских агентов в Украине // Интернет ресурс «Главком» 11.12.2013. URL: <http://glavcom.ua/publications/123151-partija-regionov-nazvala-vseh-vrazheskih-agentov-v-ukraine-polnyj-spisok.html>.

в мае 2013 года участвовал в Киеве в потасовках с оппозицией и попал в объектив фотокамер, после чего и приобрел известность). Особую роль в «Евромайдане» сыграли технологии, присущие «цветным революциям 2.0», — социальные сети и Интернет-телевидение. Созданные группы и аккаунты в Facebook, Twitter, ВКонтакте и YouTube позволили эффективно вести пропагандистскую работу, грамотно организовывать и координировать антиправительственные выступления. С началом протестов в центре Киева оппозиционные СМИ перешли в формат круглосуточного их освещения. Особую популярностьнискали два Интернет-проекта — «Гражданское.ТВ» и «Эспресо-ТВ», которые были созданы специально для операции по свержению режима Януковича, что подтверждается датой начала вещания — 22 и 25 ноября 2013 года, соответственно¹.

В этой связи достойно упоминания выступление в стенах Верховной Рады О. Царева. 20 ноября 2013 года депутат сообщил своим коллегам об обращении к нему активистов общественной организации «Воля», предоставивших «убедительные свидетельства того, что на территории нашего государства (Украины — А.Н.) при поддержке и непосредственном участии посольства США осуществляется проект «Техкемп», в рамках которого ведется подготовка к разжиганию гражданской войны в Украине». Этот проект был направлен на подготовку специалистов по информационным войнам, подрыв государственных институтов, организации протестных действий, свержению правящего режима и курировался послом США на Украине Дж. Пайеттом. Члены «Воли» отметили, что под видом обучения работе «современных медиа американские инструкторы рассказывали об использовании социальных сетей и Интернет-технологий для целенаправленного влияния на общественное мнение... В качестве примеров американские инструкторы приводили использование социальных сетей для организации и управления уличными беспорядками в Египте, Тунисе и Ливии»².

По объективным причинам (главной из которых является отсутствие полноценного доступа к целому ряду источников, особенно на Украине) доскональный анализ различных аспектов иностранного вмешательства в украинский кризис еще только ждет своего исследователя. Однако уже сейчас ясно, что Запад тщательно подготовился к смене политического режима на Украине. Показательно в этом плане использование в ходе «Евромайдана» уже неоднократно доказавших свою сокрушительную мощь технологий ненасильственной борьбы Дж. Шарпа, а именно: использование запоминающихся символов и лозунгов («Украина — це Европа!», «Банду — геть!», бандеровское привет-

¹ Филимонов Г., Данюк Д., Юраков М. Ук. соч. С. 52.

² Цит. по: Григорьев М.С. Евромайдан. М., 2014. С. 330.

ствии «Слава Украине — героям слава!», кричалка «Кто не скачет, тот москаль!»), автоколонны (движение «Автомайдан»), массовые петиции, братание с представителями силовых структур, невыход на работу «по болезни», бойкот законодательных органов, студенческие забастовки, ненасильственная оккупация и т.п. Собственно, сама «революция гидноти» началась 21 ноября 2013 года с реализации сорок восьмого пункта из пресловутого списка Шарпа, описанного как «митинги протеста»¹. Таким образом, организационная работа по подготовке и осуществлению якобы стихийного «Евромайдана» велась заранее, действия «революционеров» были загодя просчитаны и спланированы.

С точки зрения применения технологий по смене политических режимов в событиях на Украине можно достаточно четко выделить два этапа, с некоторой долей условности обозначив их как ненасильственный и насильственный. Первый этап, включая масштабную подготовительную стадию, характеризовался использованием инструментов «мягкой силы» и продолжался до середины января 2014 года. Затем, не добившись всех поставленных целей с помощью традиционных для «цветных революций» прошлого методик, «евромайдановцы» и их западные кураторы—покровители обратились к формату «жесткой силы».

Развернувшиеся в конце ноября 2013 года акции протеста изначально действительно носили мирный характер. Уместно отметить, что согласно социологическим опросам значительное количество украинцев тогда не были склонны поддерживать агрессивные выступления против правящего режима, а в числе важнейших причин возникновения политического кризиса указывали иностранное влияние и провокации со стороны оппозиции. За мирные демонстрации высказывалась 78,5% украинских граждан, тогда как активные столкновения с властью поддерживало лишь меньшинство².

Активная фаза первого этапа «революции гидноти» началась 29 ноября 2013 года, когда в Киев пришли новости с вильнюсского саммита, где Янукович все же отказался подписывать Соглашение об ассоциации Украины с ЕС. Уже вечером на Майдане лидеры оппозиции обвинили руководство страны в предательстве и государственной измене, начали раздаваться призывы к смещению легитимного президента. Глава националистической партии «Свобода» Тягнибок заявил, что «режим Януковича не просто грубо отбросил предложение европейских государств относительно подписания Соглашения об ассоциации с ЕС — похоже, он готовит форсированную сдачу Украины Кремлю.... Украинское общество должно дать решительный отпор двум агрессор-

¹ Шарп Дж. Ук. соч. С. 103.

² Федорченко С.Н. Ук. соч. С. 52.

рам — Кремлю и режиму Януковича!»¹. В ходе митинга, на котором выступали не только лидеры оппозиции, но и депутаты польского Сейма, была принята резолюция с требованием отставки Януковича. В центре Киева начались беспорядки и столкновения демонстрантов с бойцами спецподразделения милиции «Беркут», в ходе которых к утру 30 ноября митингующие были вытеснены с Майдана.

Негативная реакция Запада на жесткие, но легитимные действия киевских силовиков не заставила себя ждать. Несмотря на отсутствие жертв и серьезно пострадавших (даже немногочисленные задержанные в количестве тридцати четырех человек были отпущены уже днем 30 ноября), американское посольство немедленно выступило с осуждением «насилия над протестующими на Майдане Независимости, совершенное сегодня на рассвете» и призвало «правительство Украины уважать права гражданского общества и принципы свободы слова и свободы собраний, которые являются принципиальными для демократических ценностей и краеугольным камнем нашего стратегического партнерства». Вашингтон указал на необходимость «создавать позитивную атмосферу для гражданского общества и для свободного выражения мыслей и обмена ими между гражданами Украины»². Похожие заявления звучали и из стран Европейского Союза. В этой ситуации украинские власти включились в обсуждение произошедших событий с послами ЕС и США и, по сути, оказались в положении оправдывающихся. Министерство внутренних дел объясняло жестокость при разгоне «Евромайдана» провокациями со стороны его участников и даже продемонстрировало «видео, на котором четко видны те действия провокаторов, которые и вызвали конфликтную ситуацию между правоохранителями и участниками массовых акций»³. Президент Янукович в своем обращении к народу выразил возмущение ночными событиями на Майдане, сообщил о своем поручении в адрес Генпрокуратуры наказать виновных в инциденте, а также вновь заявил о европейском векторе развития страны. Премьер-министр Украины Николай Азаров на своей странице в Facebook выразил возмущение ночным инцидентом на Майдане и заявил, что власти такие действия были невыгодны⁴.

¹ Тягнибок: Режим Януковича готовит сдачу Украины Кремлю // Интернет ресурс «Главком». 29.11.2013. URL: <http://glavcom.ua/news/159463-tjagnibok-rezhim-janukovicha-gotovit-sdachu-ukrainy-kremlju.html>.

² Посольство США осуждает силовой разгон «Евромайдана» в Киеве // Интерфакс. 30.11.2013. URL: <http://www.interfax.ru/world/344294>.

³ Глава украинского МВД показал послам США и ЕС видео с разгона «евромайдана» // Официальный сайт Телекомпании «Мир». 24. 01.12.2013. URL: <http://mir24.tv/news/politics/9406621>.

⁴ Евромайдан. Хроника // Газета «Факты и комментарии». URL: <http://fakty.ua/173091-evromajdan-posle-razgona-hronika>.

Воспользовавшись колебаниями правящей верхушки страны, массы протестующих к 1 декабря сумели восстановить контроль над Майданом, а также захватить расположенные рядом Дом профсоюзов и Киевскую городскую администрацию. Неизвестные, среди которых находились люди в масках, безуспешно попытались взять штурмом здание Администрации президента, используя при этом бульдозер, с помощью которого пытались прорвать милицейское оцепление, но были рассеяны силами правопорядка. Тем временем на Майдане лидеры оппозиционных парламентских партий («Батькивщина», «УДАР», «Свобода») заявили о формировании «Штаба национального сопротивления». Для защиты Евромайдана началось формирование отрядов «самообороны» по периметру площади были возведены баррикады. В центре Киева состоялось многотысячное «Народное вече», на котором оппозиция выдвинула новые требования к власти — привлечение к ответственности министра внутренних дел Захарченко и руководителей ряда областных спецподразделений «Беркута», применивших силу против митингующих. В акции также приняли участие ряд влиятельных европейских политиков, в том числе вице-президент Европарламента Я. Протасевич, бывший председатель Европарламента Е. Бузек, бывший глава польского правительства, лидер партии «Закон и справедливость» Я. Качиньский. На Майдане началась установка жилых палаток. Три западно-украинские области Украины — Львовская, Ивано-Франковская и Тернопольская — объявили бессрочную мирную забастовку в связи с событиями 30 ноября в Киеве. 4 декабря площадь Независимости была полностью забаррикадирована, оппозиционеры приступили к пикетированию ключевых зданий исполнительной власти в Киеве. Тимошенко из колонии призвала граждан Украины брать власть в свои руки и координировать свои действия с оппозиционными силами. Сами лидеры «революции» обратились к Сенату и Конгрессу США с призывом ввести санкции против властей Украины¹.

В эти драматические дни на Майдане «высадился» целый десант из высокопоставленных европейских и американских правительственных чиновников. Всего за неделю, с 4 по 11 декабря 2013 года, засвидетельствовать свою солидарность с противозаконными действиями оппозиции в палаточный городок поспешили министры иностранных дел Германии и Канады, Верховный представитель Европейского Союза по иностранным делам и политике безопасности К. Эштон и, наконец, заместитель госсекретаря США В. Нуланд. Хрестоматийным примером моральной поддержки «Евромайдана» со стороны Запада стал визит на Майдан В. Нуланд 11 декабря, в ходе которого она

¹ Евромайдан. Хроника // Газета «Факты и комментарии». URL: <http://fakty.ua/173091-evromajdan-posle-razgona-hronika>.

в сопровождении посла Пайетта совершила прогулку по лагерю демонстрантов и устроила там раздачу продуктов питания. Поддерживаемые ЕС и США, «евромайдановцы» резко активизировали свои действия и радикализировали требования. На авансцену «борьбы за демократию» выступили откровенные экстремисты и нацисты в виде «Правого сектора» (которые, кстати, активно использовали для координации своих действий новейшие Интернет-медиа). Из западных областей страны в Киев начали прибывать тысячи людей, на самом Майдане незалежности были возведены пятиметровые баррикады.

Власть все это время пребывала в растерянности. С одной стороны, глава МВД Захарченко от имени коллег и от себя лично принес извинения за события 30 ноября, с другой — в стенах Верховной Рады уже начали прорабатывать принятие законопроектов, ужесточивших ответственность за противоправные действия. Начиная с этого момента и вплоть до свержения Януковича политика президента и кабинета министров Украины характеризовалась абсолютной нерешительностью, двойственностью и полным непониманием разворачивавшейся ситуации, что имело для правящего режима фатальные последствия.

Как говорилось выше, с начала декабря «революционеры» начали блокирование зданий Администрации президента и правительства Украины, без особого сопротивления со стороны властей были захвачены Киевская городская администрация и Дом профсоюзов. Эти действия полностью укладывались в концепцию Дж. Шарпа и соответствовали сто семьдесят третьему, сто семьдесят шестому и сто восемьдесят третьему методам борьбы с режимом (ненасильственная оккупация, блокирование дорог, ненасильственный захват земли)¹. Однако к этому времени идеализм «Евромайдана» уже растворялся в более радикальных лозунгах, первопричина протестов (приостановка подписания соглашения с Евросоюзом) «забылась» митингующими, на первый план вышли требования кардинального слома всей государственной системы на Украине. Реальными движущими силами «революции» стали националисты и экстремисты, черно-красные бандеровские полотнища с каждым днем все увереннее вытесняли флаги Евросоюза (апофеозом этой тенденции стало устроенное украинскими неонацистами факельное шествие в духе Третьего рейха 1 января 2014 года в ознаменование дня рождения С. Бандеры). Эта символика достаточно быстро изменила характер ненасильственных протестов, ранее присущий «цветным революциям», сформировав крайне негативную и деструктивную повестку «Евромайдана».

По мнению ряда отечественных исследователей, переломный момент «революции достоинства» произошел 12 января 2014 года, когда на Май-

¹ Шарп Дж. Ук. соч. С. 109.

дане было организовано стотысячное «Народное вече». Авторы справедливо подчеркивают, что вече имеет символическое и даже сакральное значение не только для украинцев, но и для всех славянских народов; именно поэтому организаторы митинга стремились подчеркнуть свое историческое право определять судьбу страны¹. Если к этому добавить достаточно жесткую и иерархично организационную структуру, созданную внутри палаточного городка оппозиции, то можно говорить о реализации на практике сто девяносто восьмого (завершающего список ненасильственных методов борьбы) пункта Шарпа — двойной суверенитет и создание параллельного правительства².

Одновременно на официальные власти в Киеве со стороны западных столиц оказывалось беспрецедентное политическое давление, Януковичу настоятельно рекомендовали не прибегать к законному праву на применение легитимного насилия в отношении зачинщиков беспорядков. Самим «революционерам» оказывалась демонстративная моральная и материальная поддержка. Под нажимом Запада правящий режим не предпринимал никаких реальных попыток восстановить порядок в стране, чем спровоцировал распространение противоправных действий на другие регионы Украины. Попытки Януковича вступить в диалог с митингующей оппозицией воспринимались ее лидерами лишь как проявление слабости режима и только подстегивали разрастание беспорядков и стремление свергнуть власть любой ценой.

16 января 2014 года Верховная Рада приняла пакет законов, ужесточивших ответственность за нарушение общественного порядка. Было запрещено ношение масок и шлемов, движение в автоколоннах из более чем пяти машин без согласования с МВД; в уголовный кодекс добавлена статья об экстремистской деятельности; ужесточилось наказание за сбор конфиденциальной информации о сотрудниках правоохранительных органов и членах их семей; усиливалась ответственность за групповое нарушение общественного порядка; в законодательство вводилось понятие «иностранный агент»³. Большая часть принятых поправок полностью соответствовала европейской и американской практике, однако оппозиция категорически отказалась их признавать и обвинила режим в узурпации власти. Лидер «Свободы» Тягнибок сразу же заявил: «Парламентаризм в Украине сегодня умер». «Правящая верхушка... за считанные минуты превратила Украину из государства, стоявшего на пороге европейского содружества, в новую Северную Корею — страну, в которой будет править диктатура в худшем

¹ Филимонов Г., Данюк Д., Юраков М. Ук. соч. С. 54.

² Шарп Дж. Ук. соч. С. 110.

³ Григорьев М.С. Ук. Соч. С. 384.

проявлении», — солидаризовалась со «Свободой» «Батькивщина»¹. Начался новый виток ожесточенного противостояния оппозиции и власти. Жестокие столкновения протестующих с органами правопорядка в центре украинской столицы продолжились с новой силой. «Евромайдановцы» использовали в боях подручные средства, разбирая на бульжники мостовые, чтобы обрушить их на головы милиционеров, а также закидывали силовиков «коктейлями Молотова». Законы от 16 января 2014 года были призваны успокоить ситуацию в стране, предотвратить хаос, но были приняты с летальным опозданием и вместо перевода общественно-политического кризиса в мирное и правовое русло лишь подняли градус противостояния.

В сложившихся обстоятельствах организаторы и дирижеры «революции гидности» отошли от тактики, основанной на технологиях «мягкой силы», и сделали ставку на насильственную смену режима. В центре Киева начались перестрелки между митингующими и силовиками. 22 января 2014 года появились первые убитые: на улице Грушевского был застрелен один из демонстрантов, активный участник «Евромайдана» С. Нигоян. Буквально несколько часов спустя после трагического инцидента в Интернете появился довольно профессионально снятый и смонтированный видеоклип об этом молодом человеке. Усилиями оппозиционных СМИ гибель Нигояна была представлена как некая сакральная жертва преступного режима Януковича, хотя его убийца так и не был найден. В этот же день от огнестрельного ранения, полученного также улице Грушевского, погиб гражданин Белоруссии М. Жизневский. В западных регионах Украины (Львовской, Тернопольской, Ровненской, Ивано-Франковской и ряде других областей) оппозиционно настроенные манифестанты перешли к захватам зданий областных администраций. Количество «революционных» анклавов стремительно увеличивалось по всей стране.

В самом Киеве продолжались кровопролитные побоища между отрядами «Беркута» и радикалами с Майдана. В этих условиях президент Янукович заявил о готовности с определенными оговорками выполнить требования оппозиции. 28 января президент Украины отправил в отставку кабинет министров в полном составе. Затем на внеочередном заседании Верховная Рада проголосовала за отмену ряда «законов 16 января» и приняла законопроект об амнистии участников акций протеста. Несмотря на это, беспорядки продолжились, теперь оппозиция выдвинула требования по возвращению к парламентско-президентской системе правления и конституции в редакции 2004 года.

¹ Украина превращается в новую Северную Корею, считает «Батькивщина» // Главред. 16.01.2014. URL: <http://glavred.info/politika/oppoziciya-nazvala-golosovanie-v-rade-peravorotom-i-prigrozila-votumom-nedoveriya-268643.html>.

31 января на общем собрании аппарата министерства обороны Украины высокопоставленные офицеры призвали Януковича принять «все законные меры для стабилизации ситуации в стране»¹. Президент, однако, не решился на кардинальные действия по восстановлению правопорядка в государстве.

12 февраля 2014 года Янукович согласился пойти на формирование коалиционного правительства с участием представителей оппозиции. Пост премьер-министра был предложен А. Яценюку, а должность гуманитарного вице-преьера — В. Кличко. В рамках амнистии были освобождены все ранее задержанные участники протестов. Оппозиция же, понимая все возрастающую слабость режима, пошла в решающее наступление и отказалась от какого-либо диалога и сотрудничества с властями. Одновременно Запад еще более усилил давление на официальный Киев.

18 февраля оппозиционные лидеры потребовали немедленного возвращения к конституции 2004 года и организовали «мирное наступление» на Верховную Раду. Главным боевым ядром этого наступления были тысячи вооруженных активистов «Евромайдана» во главе с «Правым сектором». 20 февраля неизвестными снайперами был осуществлен расстрел одновременно протестующих и сотрудников правоохранительных органов. Оппозиция безапелляционно обвинила в данном трагическом событии власть. Янукович полностью потерял контроль над ситуацией и заявил о готовности к внеочередным президентским выборам, формировании «правительства национального единства» и возвращении к конституции 2004 года. 21 февраля 2014 года госсекретарь США Керри в связи с массовым кровопролитием на улицах Киева заявил: «Народ Украины и международное сообщество привлечет к ответственности виновных в том, что произошло... Мы однозначно осуждаем применение силы против гражданских лиц со стороны сил безопасности и настоятельно призываем отозвать эти силы». Вице-президент США Дж. Байден, угрожая введением санкций против президента и его ближайшего окружения, также потребовал отвести все силовые структуры из центра Киева и немедленно начать сотрудничество с оппозицией².

К этому времени в ходе противостояния демонстрантов с органами правопорядка погибло уже более восьмидесяти человек. Вечером 21 февраля 2014 года президент Украины В. Янукович и лидеры оппозиции А. Яценюк («Батькивщина»), В. Кличко («УДАР») и О. Тягнибок («Свободы») подписали «Соглашение об урегулировании политиче-

¹ Евромайдан. Хроника // Газета «Факты и комментарии». URL: <http://fakty.ua/173091-evromajdan-posle-razgona-hronika>.

² См.: Карпович О.Г. Ук. соч. С. 183.

ского кризиса в Украине». Министр иностранных дел Германии Ф.-В. Штайнмайер и его польский коллега Р. Сикорский, а также руководитель Департамента континентальной Европы МИД Франции Э. Фурнье засвидетельствовали подписание данного соглашения. Документ предполагал возврат к конституции в редакции 2004 года, политическую реформу и проведение досрочных президентских выборов не позднее декабря текущего года. В тот же день Верховная Рада приняла проект закона «О восстановлении действия отдельных положений Конституции Украины», однако легитимный президент этот законопроект не подписал и покинул столицу.

После подписания документа силы безопасности ушли из центра Киева, но уже вечером 22 февраля в нарушение всех договоренностей боевики «Правого сектора» и «самообороны Майдана» заняли государственные здания столицы. Так называемый комендант палаточного городка (и один из вероятных организаторов снайперской стрельбы) А. Парубий со сцены Майдана торжественно объявил о взятии под контроль всего правительственного квартала. В этот же день в Верховной Раде состоялся массовый выход депутатов из фракции Партии регионов, и получившая таким образом большинство объединенная оппозиция приняла постановление о том, что Янукович самоустранился от выполнения обязанностей президента.

На следующий день Верховная Рада приняла решение об отстранении от должности президента Украины В. Януковича, хотя по конституции «самоустранение президента» не являлось одним из оснований для досрочного прекращения его полномочий. Это могло произойти только в четырех случаях: отставки, невозможности исполнять свои полномочия по состоянию здоровья, смещения с поста в порядке импичмента и, наконец, смерти. Ни одно из условий соблюдено не было (хотя последний пункт «евромайдановцы» безуспешно пытались реализовать). «Преемник» Януковича А. Турчинов, назначенный Верховной Радой исполняющим обязанности президента, получил эти обязанности в нарушение всех действовавших на Украине законов¹. на Украине состоялся государственный переворот.

Несмотря на очевидную антиконституционную природу смены власти, западные кураторы «евромайдановцев» поспешили поздравить своих подопечных и подтвердить их легитимность. Официальный представитель Еврокомиссии О. Бай охарактеризовал решение Верховной Рады возложить обязанности президента на Турчинова как «демократическое и законное», а посол США на Украине Пайетт заявил: «Мы отвергаем любые намеки на то, что здесь происходит переворот, и на то,

¹ Кремьянская Е.А. Украина 2014: прецедент или новый вектор развития современного государства? // Право и управление. XXI век. № 1 (30). 2014. С. 10.

что легитимность случившегося якобы находится под вопросом из-за иностранной поддержки»¹. «Революция гідности» победила.

Как было показано выше, на заключительном этапе «Евромайдана» его организаторы и технологи полностью отошли от концепции ненасильственной борьбы, характерной для «цветных революций» начала XXI века, нарушив буквально все методологические установки концепции Дж. Шарпа и его последователей. Вместо отказа от насильственных форм борьбы с режимом «революционные» активисты перешли к жестким и кровопролитным столкновениям с органами правопорядка с использованием булыжников и «коктейлей Молотова», а затем и вовсе к стрельбе по сотрудникам внутренних войск и собственным соратникам. Противоречия установке на единство антиправительственных рядов, оппозиционные силы преследовали своекорыстные цели, были расколоты, за показным единством шла ожесточенная борьба за власть с помощью никому не подчинявшихся радикалов. Несмотря на то, что идеологи ненасильственного сопротивления прямо указывают на нежелательность публичного участия иностранцев в подобных операциях, роль США и их младших партнеров из числа стран ЕС не только не скрывалась, но даже выставлялась на показ. Наконец, основой организационной структуры «Евромайдана» стали полувоенные формирования украинских националистов, футбольных фанатов и откровенных нацистов, что априори ставило крест на мирном гражданском характере протестов.

События на Украине продемонстрировали, что западные политтехнологи окончательно перешли на смешанную схему государственных переворотов с применением технологий «умной силы», где ненасильственные методы борьбы трансформируются в кровавые столкновения и даже гражданские войны. Украинская же власть при В. Януковиче оказалась совершенно не готова к такому вызову и расписалась в полном непонимании механизмов защиты современного государства.

Далеко не все граждане Украины поддержали государственный переворот, организованный вожаками «Евромайдана» при активном участии Запада. Жители Крыма уже 16 марта 2014 года провели референдум и почти единогласно (96,77%) выступили за выход из состава Украины; после соблюдения необходимых юридических процедур полуостров вошел в состав Российской Федерации. На Донбассе, граждане которого также не приняли новую власть с ее откровенно русофобской политикой, начались военные действия. Гражданская война на Украине продолжается до сих пор, большинство требований «Евромайдана» так и не выполнено, никакой реальной интеграции в Европейский Союз не произошло, экономика катится в пропасть, уровень

¹ Цит. по: Карпович О.Г. Ук. соч. С. 184.

коррупции зашкаливает и давно побил все «рекорды» режима Януковича, обнищание народа достигло критического уровня, государственный суверенитет страны полностью утерян. «Благодаря» «революции гнидности» Украина стремительно превращается в «несостоявшееся государство», чье будущее на политической карте мира вызывает все больше вопросов.

В конце августа 2016 года на страницах авторитетного британского издания The Telegraph журналист К. Букер писал: «Существует только одна причина трагедии, случившейся с Украиной зимой 2013–2014 года, из-за которой страна разрывается на части. Это наглое стремление Евросоюза, пользующегося поддержкой США, включить Украину в свою не перестающую расширяться империю. Поэтому Запад был рад, когда избранного украинским народом пророссийского президента в результате государственного переворота заменил никем не избранный, но удобный для ЕС президент–марионетка. Тогда можно было с полной уверенностью предсказать, что русскоговорящие жители Крыма и Восточной Украины предпочтут, чтобы ими управляли их русские братья в Москве, чем какое-то странное правительство в Брюсселе, которое они совершенно не понимали. Со стороны Запада было полным безумием отреагировать так, как он отреагировал. Госсекретарь США Джон Керри назвал Крымский референдум о присоединении к России «невероятным актом агрессии», принц Чарльз сравнил Путина с Гитлером, а нелепого тогдашнего представителя ЕС по иностранным делам баронессу Кэтрин Эштон приветствовали в Киеве возгласами «Европа, Европа» двести тысяч украинцев, многим из которых заплатил Брюссель. И вот, после трех лет гражданской войны, которая уже унесла жизни десяти тысяч человек, западные лидеры оказываются, как никогда, неспособны справиться с хаосом, в котором они виноваты больше, чем кто-либо другой»¹.

К этому пассажи сложно что-либо добавить. Лишь один штрих — с сожалением приходится констатировать, что только сейчас на Западе, видимо, начинают понимать, какую угрозу миру на планете несут инспирированные извне и осуществляемые против воли большинства населения операции по смене политических режимов. Правда, до сих пор такие люди находятся в явном меньшинстве...

¹ Booker C. Thanks to the EU's bungling, Russia will inevitably win in Ukraine // The Telegraph. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/2016/08/27/thanks-to-the-eus-bungling-russia-will-inevitably-win-in-ukraine>.

Заключение

Практика организованных Западом, в первую очередь Соединенными Штатами Америки, государственных переворотов в независимых государствах начитывает не одно десятилетие и уходит своими корнями в конец XIX века, а точнее в 1893 год, когда усилиями Вашингтона была свергнута Гавайская монархия. В двадцатом столетии печальный список стран-жертв американского вмешательства пополнили Филиппины, Никарагуа, Гватемала, Чили, Гренада, Панама и еще целый ряд неугодных Белому дому режимов, а в самом начале XXI века эту участь разделили Афганистан и Ирак. При этом американские методики смещения законных правительств постоянно эволюционировали. На рубеже двух тысячелетий Вашингтон наряду с тайными операциями спецслужб и прямыми военными интервенциями начал использовать инновационную внешнеполитическую стратегию по смене политических режимов, основанную на технологиях «мягкой силы», — «цветные революции».

На протяжении первых пятнадцати лет нового тысячелетия «цветные революции» произошли сразу в шести государствах Восточной Европы, Центральной Азии и Северной Африки — Сербии, Грузии, Украине, Киргизии, Тунисе, Египте и опять на Украине. Все они представляли собой оригинальный продукт западной геополитической инженерии, созданный на основе технологий «мягкой силы» по смене политических режимов.

Каждая «революция» получила уникальное название и собственную символику, которая была привязана к цвету («оранжевая революция»), растению («розовая революция», «тюльпановая революция», «дынная революция», «жасминовая революция» и «финиковая революция») или объекту окружающего мира («бульдозерная революция»). Однако такая классификация по внешним ассоциативным образам описывает лишь медийную маркировку этих «революций». Именно поэтому в современной отечественной историографии сегодня предпринимаются попытки классифицировать «цветные революции», используя научный подход¹.

¹ См., напр.: Пономарева Е., Рябинин Е. «Цветные революции» в контексте стратегии управляемого хаоса // Обозреватель-Observer. Декабрь 2015. № 12(311). С. 47–49.

На наш взгляд, уместно говорить о целом ряде особенностей этой формы государственных переворотов. В первую очередь, следует подчеркнуть, что между «цветными революциями» начала XXI века и реальными революциями Нового времени лежит настоящая пропасть. Ядром классических революций образца XVIII–XX веков была новая идеологическая картина, призванная сформировать высшие ценности и смысл человеческого бытия. Такой обязательной для социальной революции (здесь действительно уместно отбросить кавычки) идеологической конструкции, являющейся ее основным стержнем, «цветные революции» не имели. Симулякрот этой конструкции выступали обещания со стороны зарубежных акторов и вожжаков «революций» неизбежных перемен к лучшему: отмену санкций, предоставление кредитов, модернизацию экономики, искоренение коррупции, интеграцию в евроатлантические структуры. Собственно, и сами «цветные революции» являлись лишь имитацией и симуляцией реальной революции.

Не вызывает сомнения, что «цветные революции» — это продукт совместной деятельности внутренних и внешних сил, заинтересованных в отстранении от власти представителей определенной политической группы и ее замене на другую, полностью лояльную по отношению к зарубежным кураторам и готовую пожертвовать национальными интересами ради личного обогащения. Для начала «цветной революции» необходимо наличие в стране целого комплекса социально-экономических проблем и общественно-политических вызовов, способных сформировать устойчивое раздражение правящим режимом у значительной части активного населения. Однако сама по себе доморощенная оппозиция не обладала достаточными ресурсами для свержения законной власти, поэтому ее деятельность в значительной мере осуществлялась и курировалась извне — США и их европейскими союзниками. Представляется, что если бы условия для «цветных революций» не созрели, то даже массивные финансовые вливания с Запада вряд ли смогли бы переломить ситуацию. Однако верно и обратное: реализация технологий «цветных революций» не могла быть успешной без всесторонней поддержки извне.

Главной особенностью данных государственных переворотов заключалась в том, что все они были организованы на основе западных (англо-саксонских) технологий «мягкой силы». Следует согласиться с известным российским политиком К.И. Косачевым, что линия поведения США и их союзников в ходе «цветных революций» «оставляет все меньше места для сомнений в том, что «мягкая сила» Запада, выступавшая в роли активного катализатора государственных переворотов и мятежей, не продвигает некие универсальные демократические ценности, а банально обслуживает групповые интересы самого Запада —

геополитические, экономические и т.п.»¹. Главными бенефициарами победивших «цветных революций» действительно оказались именно Соединенные Штаты Америки и их младшие партнеры из числа стран Европейского Союза.

Успех операций по смене политических режимов был обусловлен целым рядом взаимодополняющих факторов. Мишенями для осуществления «цветных революций» далеко не случайно были выбраны страны, в которых система государственного управления функционировала далеко не лучшим образом. Это были государства с полуавторитарными режимами, декларировавшие при этом приверженность демократическим ценностям в западном варианте (в реальности не соблюдая большинство прав и свобод собственных граждан) и имевшие при этом массу нерешенных внутренних социально-экономических и общественно-политических проблем и вызовов. В этих условиях стабильность и даже выживаемость режима во многом зависела от наличия решительного и твердого, уверенного в себе и своем окружении лидера. Такого лидера не оказалось ни в одной из стран, против которых были применены технологии по смене режима. «Цветные революции» произошли в условиях перехвата власти у того правительства, которое не решилось воспользоваться собственным правом на легитимное насилие в отношении протестующих.

Ненасильственный характер «цветных революций» (или создание иллюзии ненасильственного развития событий) нейтрализовало главный ресурс, которым государство располагало для отражения государственного переворота, — его силовые структуры. То, что Милошевич, Шеварднадзе, Кучма, Акаев, Бен Али, Мубарак и Янукович в полной мере (или вообще) не задействовали соответствующие ведомства против оппозиционных масс и их лидеров свидетельствует о том, что они либо не хотели их использовать, либо сомневались в их лояльности. Применение обоснованной силы во внутривластном конфликте, то есть именно то, что делает власть властью, априори было фактически заблокировано навязанной извне псевдогуманистической, псевдodemократической и антиправовой догмой о недопустимости применения силы против собственных граждан. Процесс разложения силовых структур сопровождался сильнейшим морально-психологическим воздействием на них со стороны оппозиции и ее западных покровителей. Начавшийся в этих условиях раскол элит, переход наиболее активной их части в оппозицию действующей власти вкупе с пассивной реакцией силовых структур стали важнейшими составляющими успеха «цветных революций».

¹ Косачев К.И. «Мягкая сила» с жесткими последствиями // Российский журнал правовых исследований. № 1. 2016. С. 17.

Большую роль в победе «цветных революций» сыграло объединение разрозненной оппозиции и ее мобилизация на борьбу с режимом. В ходе первой волны «цветных революций» организаторами и технологами «революций» (в этом процессе активнейшую роль играли западные специалисты) была сделана ставка на укрепление блока как можно большего числа оппозиционных партий и создание единого фронта оппозиции. Похожая стратегия, но уже с использованием новейших цифровых каналов в виде социальных сетей, была реализована во время «цветных революций 2.0». Политические силы, противопоставлявшие себя государственной власти, формировали основанные на взаимной поддержке альянсы, а интересы тактического характера отодвигались до момента завершения активной фазы акции. Во время первой волны «цветных революций» в определенный и очень нужный момент в стане оппозиции появлялась фигура харизматичного лидера — часто выходца из действующей власти, имевшего соответствующий опыт и обширные связи внутри политической и экономической элиты страны. В ходе «арабской весны» — «цветных революций 2.0» — у противников режима уже не было ярких лидеров (за редким исключением в виде, например, полувиртуального бунтаря из социальных сетей египтянина В. Гонима). Рупорами и организаторами массовых протестных манифестаций в Тунисе и Египте стали не политические фигуры, а молодые люди, имевшие возможность через систему коллективных блогов и социальных сетей распространять оперативную информацию, обращаться с призывами к тысячам своих сторонников и организовывать их на борьбу с режимом.

Критичной для успеха «цветных революций» оказалась возможность оппозиции мобилизовать значительное количество людей для уличных выступлений против правящих режимов. Основной движущей силой массовых протестов стал образованный средний класс и, особенно, молодежь. Решающую роль в выведении населения из состояния политической апатии сыграли молодежные организации — «Отпор», «Кмара», «Пора», «Кифайя» и другие, которые были созданы при непосредственном участии западных политтехнологов. Один из ведущих специалистов по ненасильственной борьбе с авторитарными режимами Р. Хелви прямо говорил о целесообразности участия в этом процессе зарубежных специалистов, имеющих богатые знания и навыки; причем для обучения и консультирования новых поколений «борцов за свободу» он рекомендовал привлекать «ветеранов ненасильственных конфликтов, зарекомендовавших себя в других странах»¹. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в ходе «революции роз» в Грузии активисты «Кмары» заранее наладили тесные контакты с оригинальной

¹ Helvey R.L. Op. cit. Pp. 121, 138.

версией самих себя — сербским «Отпором»; а через год уже сами молодые грузинские оппозиционеры совместно с сербами делились опытом с украинскими «коллегами» из «Поры». Арабские блогеры из Туниса и Египта, ставшие главными застрельщиками «жасминовой» и «финиковой» «революций», также проходили тренинги, организованные «ветеранами» «Отпора». Безусловно, от одной «цветной революции» к другой методы ненасильственной смены власти совершенствовались, а основные игроки набирались опыта, что значительно увеличивало вероятность победы очередного государственного переворота, основанного на технологиях «мягкой силы».

Существенное влияние на исход «цветных революций» оказал «эффект домино» — примеры уже произошедших успешных государственных переворотов. Шаблоном для всех «цветных революций» на постсоветском пространстве стала «бульдозерная революция» в Сербии в 2000 году. Украинские оппозиционеры в 2004 году имели близкий пример «революции роз» в Грузии 2003 года, а демонстрационный эффект «оранжевой революции» был близок во временном плане к «тюльпановой революции» в Киргизии 2005 года. А одним из решающих факторов, подстегнувших выступления в январе 2011 года в Египте, стала «жасминовая революция» в Тунисе, свершившаяся за одиннадцать дней до начала «финиковой революции».

Наконец, последней по списку, но далеко не по значению причиной триумфа «цветных революции» стала мощная и разносторонняя поддержка оппозиции со стороны западных стран, в первую очередь США. Иностранное вмешательство могло принимать различные формы: от финансирования гуманитарных проектов до угроз военного вмешательства во внутренний конфликт. Запад оказывал колоссальное идеологическое и моральное воздействие на лидеров стран, где проходили протесты, а также их ближайшее окружение, пуская в ход угрозы ареста зарубежных авуаров и счетов, отказа во въезде и даже перспективами международного трибунала. Западные союзники оппозиции присваивали и активно использовали статус верховного арбитра в споре между официальными властями и протестным движением. Разумеется, итоговый вердикт трактовался не в пользу режимов Милошевича, Шеварднадзе, Кучмы, Акаева, Бен Али, Мубарака и Януковича. Действия оппозиции, основанные на технологиях «мягкой силы», объявлялись легитимными, даже если ее представители нарушали закон. Ответные же действия законных правительств по защите своего суверенитета квалифицировались как нарушение тех или иных внутренних или международных норм, ведь фиксирование «непропорционального применения силы к протестующим» становилось вопросом не реальных фактов, а медийных интерпретаций со стороны контролируемых Западом глобальных СМИ.

Степень вовлеченности Запада в общественно-политические кризисы накануне и в ходе «цветных революций» (уместнее, пожалуй, говорить о вмешательстве во внутренние дела суверенных государств) была чрезвычайно высокой. По инициативе западных столиц создавались и поддерживались оппозиционные политические партии; активно спонсировались участвовавшие в политических процессах «независимые» неправительственные организации и средства массовой информации; проводились тренинги для активистов протестного движения и консультации кандидатов и их доверенных лиц; организовывались экзит-поллы и параллельные подсчеты голосов избирателей; оказывалось давление на иностранных и международных наблюдателей; демонстрировалась моральная поддержка оппозиционным избирательным комиссиям, СМИ, активным группам гражданского общества и т.д. и т.п. Финансовая и организационная поддержка шла в основном через каналы влиятельных американских и европейских аналитических центров, неправительственных структур и различного рода фондов, таких как Национальный фонд в поддержку демократии, Международный республиканский институт, Национальный демократический институт по международным делам, «Фридом Хаус», Фонд «Евразия», Институт «Открытое общество» и иные структуры Дж. Сороса, Британский Совет, Фонда Маршалла, Центр прикладных ненасильственных акций и стратегий (КАНВАС) и целый ряд других.

Известный американский политолог Ф. Фукуяма справедливо отмечал в работе «Америка на распутье»: «В каждом из этих случаев («цветные революции» — А.Н.) внешняя поддержка была решающей. При отсутствии сложной сети международных наблюдателей, которых можно оперативно мобилизовать, было бы невозможно продемонстрировать фальсификацию результатов выборов. Без независимых средств массовой информации было бы невозможно осуществить мобилизацию масс, и эти информационные органы также получали существенную поддержку извне. Без длительного строительства институтов гражданского общества, которые могли бы сплотиться в протесте против результатов выборов, не было бы уличных демонстраций и других открытых акций»¹.

При непосредственном участии Запада были подготовлены основные акторы «мягкой силы», участвовавшие в демонтаже правящих режимов. Одними из главных получателей западной помощи и полноценными участниками «цветных революций» стали неправительственные организации. Задолго до начала «революции» с помощью иностранных грантов НПО усердно и методично взращивали в своих странах про-

¹ Фукуяма Ф. Америка на распутье: демократия, власть и неоконсервативное наследие. М., 2008. С. 182.

западно настроенное гражданское общество. Именно через них распределялись получаемые из-за рубежа финансовые ресурсы на развитие самых разнообразных гуманитарных проектов с целью облегчить проникновение западного влияния во все сферы жизнедеятельности государств, выбранных в качестве мишеней для «цветных революций». В ходе активной стадии «цветных революций» НПО проводили семинары и тренинги по ненасильственному сопротивлению властям и управлению массовыми протестами; готовили наблюдателей за ходом голосования; проводили и публиковали выгодные оппозиции опросы общественного мнения и экзит-поллы; взаимодействовали с оппозиционными политическими партиями и СМИ. Эффективно используя новейшие политические, коммуникационные и информационные технологии, эти сетевые структуры привлекали в свои ряды и направляли протестную активность наиболее мобильной и действенной части населения — молодежи и студенчества.

Не менее активно в ходе «цветных революций» действовали и финансируемые из-за рубежа средства массовой информации. Как пишут отечественные исследователи А. Гапич и Д. Лушников, все политические режимы, уступившие власть «цветным революционерам», заплатились во многом благодаря тому, что, играя в видимость демократии, позволили существовать неподконтрольным им и относительно влиятельным СМИ¹. В активный период «цветных революций», обычно связанный с выборами, роль независимых (от собственного государства, но не от своих зарубежных спонсоров) средств массовой информации была особенно значительной, так как они стали существенным препятствием для правящих элит в их попытке подавить протесты и сохранить власть. «Независимые» СМИ регулярно публиковали дискредитирующие правящий режим материалы, заранее подготавливая общественность к злоупотреблениям властей, а в ходе выборов с их помощью «революционерам» удавалось донести до людей вести о фальсификации результатов голосования, что неизменно выступало триггером массовых протестов, которые умело координировались оппозиционными средствами массовой информации.

На втором этапе реализации западных технологий «мягкой силы» по смене политических режимов — в ходе «цветных революций 2.0» — огромную роль играли Интернет-технологии, в первую очередь, социальные сети. Они значительно расширили тактические возможности участников массовых протестов и кардинальным образом упростили процесс мобилизации противников режима и систему коммуникаций между оппозиционными активистами. Мобилизация активной молодежи, обучение ее методам координации манифестаций посредством

¹ Гапич А., Лушников Д. Технологии цветных революций. М., 2014. С. 31.

социальных сетей, создание многочисленных виртуальных оппозиционных неправительственных организаций, поддержка массовых выступлений в регионе американским политическим истеблишментом через глобальные Интернет-сервисы — все эти методы свидетельствовали о реализации на практике концепции «мягкой силы» Дж. Ная и его последователей, но уже в новых условиях цифровой эпохи.

В западных столицах и сегодня не устают повторять, что «цветные революции» выступают инструментом демократизации власти, способствуют восстановлению социальной справедливости и демократических свобод в странах с авторитарными режимами. Однако, как еще в 2004 году справедливо подчеркивал авторитетный отечественный исследователь А.Д. Богатуров, с тех пор как понятие «демократизация» стало использоваться во внешнеполитических целях западных стран, оно представляет собой ни что иное, как «идеологию американского национализма в его своеобразной, надэтнической, государственнической форме»¹. Реальной целью «цветных революций» являлось установление контроля над природными, финансовыми, человеческими и интеллектуальными ресурсами страны, ее фактическая оккупация под видом борьбы за демократические и либеральные ценности. Выдаваемые за процесс демократизации, модернизации, либерализации и приобщения к «мировому прогрессу», «цветные революции» стали орудием «мягкой силы» Запада, направленным на подрыв социально-политического, экономического устройства государства и его реального суверенитета. Сам переворот организаторы представляли как проявление гражданской позиции и социальный протест населения, но на самом деле это было ничем иным, как заранее срежиссированной и отработанной технологией по смене политического режима ненасильственными методами.

Следует отметить, что ореол ненасильственности «цветных революций» был окончательно и бесповоротно развеян на улицах и площадях Киева стараниями украинских националистов в ходе «Евромайдана» зимой 2014 года (хотя тенденцию к отказу от мирного символического противостояния с режимом обозначили уже «революции» в Киргизии 2005 и 2010 годов). На наших глазах произошла радикализация «цветных революций», трансформация их в насильственные формы захвата власти с преимущественным применением инструментов «жесткой», а не «мягкой силы». Скорее всего, мир стал свидетелем заката эпохи «цветных революций» в том в виде, в котором они состоялись в самом начале XXI века. Однако их идеологический бренд продолжает эксплуатироваться в медиа-пространстве и геополитических расчетах запад-

¹ Богатуров А.Д. Истоки американского поведения // Россия в глобальной политике. 2004. Т.2. № 6 (ноябрь-декабрь). С. 86.

ных государств, и, следовательно, продолжает работать и представлять опасность для политической стабильности целого ряда государств, в том числе, Российской Федерации.

Как известно, слово «революция» происходит от позднелатинского слова «*revolutio*», что означает «поворот», «превращение», «обращение». Революция — это коренное, качественно изменение, скачкообразный переход от одного качественного состояния к другому, от старого к новому; переломный поворотный момент в жизни общества и государства¹. Одно из самых популярных определений революции в XX веке дал известный ученый С. Хантингтон, детерминировав этот феномен как «быстрое, фундаментальное и насильственное изменение внутреннего положения страны, господствующих ценностей и мифов общества, его политических институтов, социальной структуры, руководства, деятельности власти и политики»². В эту терминологическую схему «цветные революции», разумеется, не укладываются. Они лишь мимикрируют под настоящую революцию; это не что иное, как государственный переворот с целью смены правящего режима, только имитирующий настоящую социально-политическую революцию. Ни целью «цветных революций», ни их результатом не было изменение общественно-политической и социально-экономической системы.

На примере стран, в которых победили «цветные революции», видно, что их истинная цель заключалась в демонтаже правящего режима и разрушении институтов государственной власти с целью вовлечения этого государства в орбиту геополитического влияния Запада. Последствия же таких трансформаций оказались удручающими. Как заявил в своем выступлении на 69-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН российский министр иностранных дел С.В. Лавров, «невольнo возникает ощущение, что целью различных «цветных революций» и прочих проектов смены неудобных режимов является провоцирование хаоса и нестабильности... Запад взял курс на «вертикальное структурирование человечества» под свои, далеко не безобидные стандарты»³. А спустя год, выступая 28 сентября 2015 года на юбилейной семидесятой Генеральной Ассамблеи ООН, президент России В.В. Путин абсолютно справедливо отметил, что «экспорт социальных экспериментов, попытки подстегнуть перемены в тех или иных странах, исходя из своих идеологических установок, часто приводили к трагическим последствиям,

¹ Словарь иностранных слов. М., 1954. С. 592.

² Huntington S.P. *Political Order in Changing Societies*. New Haven, 1968. P. 264.

³ Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на 69-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Нью-Йорк, 27 сентября 2014 года. URL: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/42A12ECFF2162A4B44257D6000655B82.

приводили не к прогрессу, а к деградации.... Вместо торжества демократии и прогресса — насилие, нищета, социальная катастрофа»¹.

Уничтожив функционировавшие до этого годами и даже десятилетиями политические режимы, «цветные революции» и их лидеры так и не предложили ни обществу, ни государству ничего, кроме абстрактных идей демократизации, под которой их организаторы и технологи понимали унификацию общества под стандарты и ценности западных либеральных демократий. «Цветные революции» не оправдали надежд населения на кардинальные изменения в лучшую сторону. Они лишь способствовали замене одной правящей группы на другую, перераспределению властных полномочий и финансовых потоков, изменению внешнеполитического вектора в соответствии с требованиями зарубежных кураторов. Никаких реальных улучшений социально-экономического положения, равно как и подлинной демократизации в этих странах так и не произошло. Вместо поступательного развития произошел откат назад по всем показателям. Новые власти полностью провалились в области государственного управления, что привело только к усугублению имевшихся до «революции» проблем. Все без исключения страны-жертвы «цветных революций» заплатили за них очень высокую цену — от ухудшения уровня жизни до резкого роста экстремистских настроений, террористической угрозы и даже потери части собственной территории.

Хорошо известно, что история никогда себя не повторяет, однако она очень любит алгоритмы и симметричные схемы. Проанализировав все «цветные революции», организованные Западом с помощью технологий «мягкой силы» в начале XXI века, можно сделать вывод о том, к каким последствиям привела реализация подобных сценариев геополитической инженерии. На международной арене вокруг стран-жертв «цветных революций» воцарился настоящий внешнеполитический хаос — «управляемый» и «неуправляемый». Главными итогами для самих государств, в которых произошли эти государственные перевороты, стали перманентная политическая турбулентность, социально-экономический коллапс, утрата реального суверенитета и превращение из субъектов в объекты мировой политики. А в ряде случаев — как на Украине — технологии по смене политических режимов и вовсе привели к кровопролитной гражданской войне и сползанию страны к категории «несостоявшегося государства».

¹ 70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Владимир Путин принял участие в пленарном заседании юбилейной, 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385>.

Библиография

1. «Арабскую весну» готовили не США или НАТО. Интервью с Е.М. Примаковым // Российский совет по международным делам. Официальный сайт. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=583#top-content.
2. «Дядюшка Сэм» или «дядя Ваня» нам не помогут: интервью экс-секретаря Совбеза Киргизии // ИА REGNUM. Официальный сайт. 15.03.2010 г. URL: <http://www.regnum.ru/news/1263241.html>.
3. «Оранжевая революция». Украинская версия. Сост. М.Б. Погребинский. М., 2005.
4. «Помаранчева» революція. Версії, хроніка, документи. Упоряд. Погребинський М. К., 2005.
5. «Революция роз» в Грузии в ноябре 2003 года // Сетевое издание «РИА Новости». URL: <http://ria.ru/spravka/20131123/978914952.html#ixzz3ORoC1xq7>.
6. «Фридом хауз» в Киргизии // Голос Америки. 03.04.2005. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/a-33-2005-04-03-voa4/656985.html#>.
7. 70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Владимир Путин принял участие в пленарном заседании юбилейной, 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385>.
8. Александров М. Что происходит в Грузии: к обстановке после парламентских выборов // Страны СНГ. Русские и русскоязычные в новом зарубежье. Информационно-аналитический бюллетень. № 86. 2003.
9. Антонич С. Пятое октября и перспективы демократизации Сербии // Сербия о себе. Ред.-сос. М. Цованович. М., 2005.
10. Антюхова Е.А. «Арабская весна»: новые механизмы смены авторитарных политических режимов // Вестник МГИМО-Университета. № 2 (41). 2015.
11. Антюхова Е.А. Технологии ведения США и НАТО информационно-сетевых операций в конфликтах «арабской весны» // Вестник Брянского государственного университета 2015. № 1.
12. Априянец К.В. «Твиттер-революции»: микроблоги как инструмент выражения протестных настроений гражданского общества // Вестник ВГУ. Серия: Филология. 2014. № 1.

13. Арешев А. Грузия: от «революции роз» до августа 2008 года и поддержки терроризма на Северном Кавказе // Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в постсоветский период. Сборник статей международного авторского коллектива / под общ. ред. В. Крашенинниковой. М., 2014.
14. Аскар Акаев дал перевороту отворот // Коммерсантъ, № 50 (3134). 23.03.2005. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/556855>.
15. Астахов Е.М. Субъективные заметки о некоторых аспектах «мягкой силы» // Вестник МГИМО(У). 2014. № 2.
16. Байков А.А. «Мягкая мощь» Европейского Союза в глобальном силовом равновесии: евро-российский трек // Международные отношения. № 2 (35). 2014.
17. Бакрадзе М., Кисилев А. Истоки «грузинской революции» // Независимый информационный проект «Номад». URL: <http://www.nomad.su/?a=2-200409070021>.
18. Беляков В. Египет: «рождение «второй республики» // Международная жизнь. Ноябрь 2012.
19. Беляков Н.В., Прохвятилов В.В. Новые СМИ и «арабская весна» // Информационные войны. № 4 (24). 2012.
20. Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. М., 2000.
21. Богатуров А.Д. Истоки американского поведения // Россия в глобальной политике. 2004. Т.2. № 6 (ноябрь-декабрь).
22. Богатуров А.Д., Дундич А.С., Троицкий Е.Ф. Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах. М., 2010.
23. Братерский М.В., Скриба А.С. Концепция «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии США // Вестник международных организаций. Т.9. № 2 (2014).
24. Будаев А.В. «Мягкая сила» во внешней политике России: истоки, особенности, перспективы // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 48. Февраль 2015.
25. В Грузии набирают силу неофашизм и необольшевизм // Электронная газета «Правда.ру». URL: <http://www.pravda.ru/news/world/17-11-2003/16642-0>.
26. В результате насилия в Тунисе погибли 78 человек // Интернет-канал «Вести.ру». URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=421208>.
27. В ЦИК Грузии зарегистрировались более 4 тысяч 370 наблюдателей // ИА REGNUM. URL: <http://regnum.ru/news/polit/175160.html#ixzz3OK02ZT1p>; Александров М. Что происходит в Грузии: к обстановке после парламентских выборов // Страны СНГ. Русские и русскоязычные в новом зарубежье. Информационно-аналитический бюллетень. № 86. 2003.

28. Васильев А.М. Цунами революций // Азия и Африка сегодня. 2011. № 3.
29. Верч Дж. Грузия после «революции роз» // Кавказ & Глобализация. Том 1(1), 2006.
30. Верч Дж. Грузия после «революции роз» // Международная конференция «Конфликты на Кавказе: история, современность и перспективы урегулирования», Баку (22-23 октября 2012 г.), Тбилиси (25-26 октября 2012 г.). // Центр социально-политических исследований. URL: http://www.ca-c.org/c-g/2006/journal_rus/c-g-1/07.verchru.shtml#nazad2.
31. Весел Р. Новый президент новой Грузии // Информационный сайт «Главред». www.glavred.info/archive/2004/01/15/145020-1.html.
32. Вестфрид М. Итоги «арабской весны»: анализ причин и особенностей // Право и управление. XXI век. № 1(30)/2014.
33. Внешнеполитический процесс в странах Востока. Под ред. Стрельцова Д.В. М., 2011.
34. Волочаева О.Ф. «Ненасильственное» изменение политических режимов как феномен информационного общества // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3.
35. Вукадинович Дж. Сербия без Милошевича, или По ком звонит колокол? // Сербия о себе. Ред.-сос. М. Цованович. М., 2005.
36. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на 69-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Нью-Йорк, 27 сентября 2014 года. URL: http://archive.mid.ru//brp_4.nsf/0/42A12ECFF2162A4B44257D6000655B82.
37. Гапич А., Лушников Д. Технологии цветных революций. М., 2010.
38. Гахокидзе Э. Грузия: политические партии до и после «революции роз» // Центральная Азия и Кавказ. № 2(38). 2005.
39. Глава украинского МВД показал послам США и ЕС видео с разгона «евромайдана» // Официальный сайт Телекомпании «Мир». 24.01.12.2013. URL: <http://mir24.tv/news/politics/9406621>.
40. Голдстоун Дж. Революции. Очень краткое введение. М., 2015.
41. Гоним В. Революция 2.0: документальный роман. СПб., 2012.
42. Госдепартамент США: результаты выборов в Грузии сфальсифицированы, 21.11.2003 // Новостной портал «Russia in the world». www.riv.ru/world10111.html.
43. Григорьев М.С. Евромайдан. М., 2014.
44. Громова А.В. Роль и место масс-медиа в подготовке и проведении «цветных революций». Дисс. на соискание ученой степени к. филолог. н. М., 2009.
45. Громыко Ан.А. «Мягкая сила» и сила права: к постановке проблемы // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2014. № 3.

46. Гусаров В.И. Важнейшие факторы «арабской весны» // Протестные движения в арабских странах: Предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола». М., 2012.
47. Давыдов А.А. Арабские революции 2011 г.: системная диагностика // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 г. М., 2012.
48. Давыдов Ю.И. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. 2004. Т.2. № 4.
49. Данилин И.В. Политика США в Закавказье (1991-2004 гг.) // Кавказский сборник. Том 1 (33). М., 2004.
50. Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М, 2003.
51. Демидов А.В. От «мягкой силы» к «управляемому хаосу» // Геополитический журнал. 2014.
52. Дзарасов С.С., Цаголов Н.С. Путь к авантюре. Михаил Саакашвили: страницы политической биографии. // Независимая газета, 2008-09-03 // Сетевая версия «Независимая газета» — ежедневная газета». www.ng.ru/tribune/2008-09-03/11_saakashvili.html.
53. Долгов Б.В. Причины подъема протестных движений в арабских странах // Протестные движения в арабских странах: Предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола». М., 2012.
54. Дунаевский И. Коктейли Молотова и гранты // Российская газета. 11.04.2011. URL: <https://rg.ru/2014/04/07/politolog-site.html>.
55. Евромайдан. Хроника // Газета «Факты и комментарии». URL: <http://fakty.ua/173091-evromajdan-posle-razgona-hronika>.
56. Ермаков Ю.А. «Мягкая сила» социально-политических манипуляций человеком // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2013. Т.119. № 4.
57. Желтов В.В., Желтов М.В. Интернет, протестные движения и арабская весна. // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского университета экономики и сервиса. 2014. № 1 (24).
58. Жильцов С.С. Неоконченная пьеса для «оранжевой» Украины. М. 2005.
59. Жусупалиев Э. Передел собственности в Кыргызстане: новая кровь // Информационное агентство «Фергана». URL: <http://www.fergananews.com/article.php?id=3948>.
60. Заключение Нацкомиссии по всестороннему изучению причин, последствий и выработке рекомендаций по трагическим событиям, произошедшим на юге республики в июне 2010 года // URL: http://www.vesti.kg/index.php?option=com_k2&view=item&id=3199:vazhnyiy-dokument-prochti-kazhdyiy&Itemid=83.

61. Закон України. Про внесення змін до Конституції України. 8.12.2004 // URL: <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=2222%2D15&p=1101898632259327>.

62. Заявление Омбудсмена (Акыйкатчы) Кыргызской Республики // Общественно-политическая газета «Моя столица». www.msn.kg/showwin.php?type=newsportal&id=7854.

63. Звягина Д.А. «Мягкая сила»: структурный анализ // Инициативы XXI века. 2012. № 3.

64. Здоровец Я. Кадровые резервы «цветных» революций в Центральной Азии. Персоны и структуры. М., 2006.

65. Зїзд у Северодонецьку не ставит питання про автономію. Поки що // Українська правда. 28.11.2004. URL: <http://www.pravda.com.ua/rus/news/2004/11/28/4383383>.

66. Иванов А.В., Лукин А.В., Никитин А.И. Киргизия на пути от автократии к парламентской республике // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 2.

67. Иванов И.С. Украинский кризис через призму международных отношений. М., 2015.

68. Ильченков П. «Экспресс-революция» в Сербии // Оранжевые сети. От Белграда до Бишкека / отв. ред.: Н.А. Нарочницкая. СПб., 2008.

69. Иррегулярные конфликты: «цветные революции». Анализ и оценка форм, приемов и способов ведения операций по смене режимов в суверенных государствах. Под. общ. ред. С.Н. Гриняева. М., 2015.

70. Исаев Л.М. Социальные сетевые технологии и революционный процесс в Египте // Протестные движения в арабских странах: Предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола». М., 2012.

71. Исаев Л.М., Шишкина А.Р. Египетская смута XXI века. М., 2012.

72. Карпович О.Г. Роль США в украинском кризисе // Международные отношения. № 2. 2016.

73. Карпович О.Г., Манойло А.В. Цветные революции. Теория и практика демонтажа современных политических режимов. М., 2015.

74. Карпович О.Г., Манойло А.В., Наумов А.О. Противодействие технологиям цветных революций в молодежной среде. Москва, 2015.

75. Кашина А. «Жасминовая революция» в Тунисе. Социально-политический аспект // Обозреватель-Observer. 7/2011.

76. Кинцер С. Перевороты. Как США свергают негодные режимы. М., 2016.

77. Клачков П.В., Подьяпольский С.А. Гуманитарные технологии и целостность государства. М., 2014.

78. Князев А., Масаулов С. Киргизия: самая обширная сеть НПО, военные базы и разложение государственности // Убийство демокра-

тии: операции ЦРУ и Пентагона в постсоветский период. Сборник статей международного авторского коллектива / под общ. ред. В. Крашенинниковой. М., 2014.

79. Концепция внешней политики Российской Федерации // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Официальный сайт. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDED7DA644257B160051BF7F.

80. Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Египетская революция 2011 года. Структурно-демографический анализ // Азия и Африка сегодня. 2011. № 6-7.

81. Косачев К.И. «Мягкая сила» с жесткими последствиями // Российский журнал правовых исследований. № 1. 2016.

82. Косачев: России нужны новые подходы к «мягкой силе» // Российская газета. 01.03.2012. URL: <https://rg.ru/2012/03/01/kosachev-site.html>.

83. Кремянская Е.А. Украина 2014: прецедент или новый вектор развития современного государства? // Право и управление. XXI век. № 1 (30). 2014.

84. Кубышкин А.И., Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США. М., 2013.

85. Кузьмин В. Роль США в осуществлении «цветных революций» в зарубежных странах // Зарубежное военное обозрение. 2008. № 9.

86. Куманичкин П.С. Феномен Евромайдана: предпосылки, генезис, перспективы // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2015. № 1.

87. Леонова О.Г. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке // Обозреватель-Observer. 2014. № 3.

88. Львовский и Ивано-Франковский горсоветы признали Ющенко президентом // Українська правда. 22.11.2004. URL: <http://www.pravda.com.ua/rus/news/2004/11/22/4383106>.

89. Люттвак Э. Государственный переворот. Практическое пособие. М., 2012.

90. Макарычев М. Проблема в неравенстве // Российская газета. 18.05.2011. URL: <http://www.rg.ru/2011/05/18/dubai-site.html>.

91. Малинкович В. О причинах «оранжевой революции» в Украине // «Оранжевая революция». Украинская версия. Сост. М.Б. Погребинский. М., 2005.

92. Мальшев Д.В. Революционные события 2010 года в Киргизии: основные предпосылки и реакция мирового сообщества // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2011. № 1.

93. Мамрадзе П. Шипы «революции роз». От несостоявшегося государства — к подельному: опыт борьбы с коррупцией в Грузии // Отечественные записки. 2012. № 2(47).

94. Манжулина О.А. Публичная дипломатия США. Дисс. на соискание ученой степени к.п.н. СПб., 2005.
95. Марков С. «Оранжевая революция» — пример революции глобального сообщества XXI века // «Оранжевая революция». Украинская версия. Сост. М.Б. Погребинский. М., 2005.
96. Марков С. Цветная революция — это новый тип политических технологий по смене политической власти // URL: <http://www.km.ru/glavnoe/2005/11/15/arkhiv/smarkov-tsvetnaya-revolyuetsiya-eto-novyi-tip-politicheskikh-tekhnologii-po>.
97. Мирзоев С. Гибель права: легитимность в «оранжевых революциях». М., 2006.
98. Михеев С. Жертва дурно понятой демократии // Киргизский переворот. Март — апрель 2005. Сост. Павловский Г.О. М., 2005.
99. Мурванидзе Б.Ю. Россия и США в ориентирах внешней политики Грузии в период президентства Эдуарда Шеварднадзе. Дисс. на соискание ученой степени к.и.н. Иваново, 2009.
100. Най Дж.С. Будущее власти. М., 2014.
101. Наумов А.О. «Мягкая сила» и «умная сила». Внешнеполитический опыт США // Стратегия России. №№ 1–2. 2016.
102. Наумов А.О. «Мягкая сила» и «цветные революции» // Российский журнал правовых исследований. № 1. 2016.
103. Наумов А.О. «Цветные революции» как угроза государственному суверенитету. Опыт Кыргызстана // Мировая политика. 2016. №2.
104. Наумов А.О. Оружие технотронного века. Социальные сети и «арабская весна» // Стратегия России. №11. 2015.
105. Наумов А.О. Фактор «мягкой силы» // Стратегия России. № 1. 2010.
106. Наумова А.Ю. «Оранжевая революция» в Украине. М., 2011.
107. Наумова А.Ю., Авдеев В.Е., Наумов А.О. «Цветные революции» на постсоветском пространстве. СПб., 2013.
108. Никифоров К.В. Сербия на Балканах. XX век. М., 2012.
109. Никонов В. «Оранжевая революция» в контексте жанра // «Оранжевая революция». Украинская версия. Сост. М.Б. Погребинский. М., 2005.
110. Никонов В.А. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? М., 2015.
111. Никонов В.А. Россия в современном мире // Стратегия России. № 7. Июль 2015. URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch.php?archive=1438588795&subaction=list-archive&.
112. Никонов В.А. Современный мир и его истоки. М., 2015.
113. Ниязи А. Развитие и безопасность в Центральной Азии: примеры Киргизии и Узбекистана // Безопасность Центральной Азии: новые вызовы, угрозы и риски. М., 2006.

114. О результатах выборов президента Украины 21 ноября 2004 года и избрании Президента Украины // «Оранжевая революция». Украинская версия. Сост. М.Б. Погребинский. М., 2005.

115. Обращение депутатов Донецкого областного совета к гражданам Украины // «Оранжевая революция». Украинская версия. Сост. М.Б. Погребинский. М., 2005.

116. Омаров Б. Увядающие тюльпаны // Ежедневная общественно-политическая газета «День». URL: <http://www.day.kiev.ua/290619?idsourse=151670&mainlang=rus>.

117. Омаров Н.М. Государства Центральной Азии в эпоху глобализации: поиски стратегии развития. Бишкек, 2008.

118. Оппозиция заявляет о государственной измене и требует Януковича и Азарова — в Раду // Украинская правда. 21.11.2013. URL: <http://www.pravda.com.ua/rus/news/2013/11/21/7002664>.

119. Панова Е.П. Сила привлекательности: использование «мягкой силы» в мировой политике // Вестник МГИМО(У). 2010. № 4.

120. Партия регионов назвала всех вражеских агентов в Украине // Интернет ресурс «Главком» 11.12.2013. URL: <http://glavcom.ua/publications/123151-partija-regionov-nazvala-vseh-vrazheskih-agentov-v-ukraine-polnyj-spisok.html>.

121. Паршин П.Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // Вестник МГИМО(У). 2014. № 2.

122. Политическое цунами. Аналитика событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Под. ред. С. Кургиняна. М., 2011.

123. Понкин И.В. Технологии «мягкой силы» как средство дисфункционализации и разрушения государства // Право и образование. 2014. № 12.

124. Пономарева Е. Секреты «цветных революций». Современные технологии смены политических режимов // Свободная мысль. № 1/2. 2012.

125. Пономарева Е., Рудов Г. «Цветные революции»: природа, символы, технологии // Обозреватель-Observer. 3/2012.

126. Пономарева Е., Рябинин Е. «Цветные революции» в контексте стратегии управляемого хаоса // Обозреватель-Observer. Декабрь 2015. № 12(311).

127. Посольство США осуждает силовой разгон «Евромайдана» в Киеве // Интерфакс. 30.11.2013. URL: <http://www.interfax.ru/world/344294>.

128. Почепцов Г. Революция.com: Основы протестной инженерии. М., 2005.

129. Прокофьев А.В. «Цветные революции» на постсоветском пространстве в начале XXI века на примере Грузии, Киргизии и Украины. Сравнительное исследование. Казань, 2011.

130. Пряхин В. Кыргызстан: политическая история двадцати лет независимости // Центральная Азия и Кавказ. Том 14. Выпуск 4. 2011.
131. Путин В.В. Выступление на совещании Послов и Постоянных представителей России. 9 июля 2012 г. URL: <http://www.kremlin.ru/news/15902>.
132. Радиков И., Лексютина Я. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 2.
133. Ражбадинов М.З. Анатомия египетской революции — 2011. Египет накануне и после политического кризиса в январе–феврале 2011 года. М., 2013.
134. Революция.com, или США — завоевание Востока. Документальный фильм. Франция, 2007 // URL: <http://www.youtube.com/watch?v=O3QxDgft148>.
135. Решение Всеукраинского съезда депутатов Верховной рады АР Крым, местных советов всех уровней // «Оранжевая революция». Украинская версия. Сост. М.Б. Погребинский. М., 2005.
136. Родькин П. Революция потеряла цвет. «Цветные революции» 2004–2014: гуманитарный и коммуникационный феномен войны нового типа. М., 2015.
137. Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить. Отв. ред. и рук. авт. кол. С.А. Караганов. М., 2008.
138. Россия изгоняет волонтеров «Корпуса мира» // URL: <http://lenta.ru/russia/2002/12/27/korpus>.
139. Русакова О.Ф. Концепт «мягкой силы» (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник института философии и права 1079136. 2010. № 10.
140. Саакашвили и Квасьяневский — первые президенты, поздравившие Ющенко с победой // Новостной проект «Подробности». URL: <http://podrobnosti.ua/podrobnosti/2004/12/27/169375.html>.
141. Сапронова М. Генезис арабских революций // Международные процессы. Сентябрь–декабрь 2011.
142. Сергей Хелемендик: Soft Power — мягкая сила „made in USA“. URL: <http://oko-planet.su/politik/politikdiscussions/109208-sergey-helemendik-soft-power-myagkaya-sila-made-in-usa.html>.
143. Ситнова И.В. Сравнительный анализ «цветных революций» на постсоветском пространстве // Власть. 2011. №5.
144. Словарь иностранных слов. М., 1954.
145. Социальный протест на современном Востоке. Под ред. Д.В. Стрельцова. М., 2016.
146. Степанюк К. Здравствуй, оружие! // URL: <http://www.izvestia.kz/node/14638>.

147. Стриха М. Украинские выборы: до и после // «Оранжевая революция». Украинская версия. Сост. М.Б. Погребинский. М., 2005.
148. Сулаберидзе Ю. К характеристике «революции роз»: природа политического раскола // Центральная Азия и Кавказ. №1(49), 2007.
149. Сысоев Г. На холмах Джорджии-3 // Власть. 17.11.2003. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/428211>.
150. Теленьга М.П. Публичная дипломатия США и безопасность суверенного государства (на примере «революции роз» в Грузии 2003 года) // Историческая и социально-образовательная мысль. Том 8. №3/2. 2016.
151. Тимофеев А.Ю. Хронология одного переворота. К десятилетию событий октября 2000 г. в Сербии // Славянский альманах. 2010. М., 2011.
152. Тимошенко не боится силовиков, а Ющенко — паханов // Украинская правда. 23.08.2004. URL: <http://www.pravda.com.ua/ru/news/2004/8/23/11354.htm>.
153. Токарев А. Влияние государственности на эволюцию политических режимов Грузии и Украины в 1991–2014 годах. М., 2015.
154. Труевцев К.М. Жасминовая революция в Тунисе // Арабский мир после Арабской весны. М., 2012.
155. Тягнибок: Режим Януковича готовит сдачу Украины Кремлю // Интернет ресурс «Главком». 29.11.2013. URL: <http://glavcom.ua/news/159463-tjagnibok-rezhim-janukovicha-gotovit-sdachu-ukrainy-kremlju.html>.
156. Украина без Кучмы. Год оранжевой власти. Январь 2005 — март 2006 года / Сост. Погребинский М., Толпыго А., К., 2007.
157. Украина превращается в новую Северную Корею, считает «Батькивщина» // Главред. 16.01.2014. URL: <http://glavred.info/politika/opoziciya-nazvala-golosovanie-v-rade-perevorotom-i-prigrozila-votumom-nedoveriya-268643.html>.
158. Українське суспільство 1994-2004. Моніторинг соціальних змін. К., 2004.
159. Федоровская И.М. Политический кризис на Украине // Россия и новые государства Евразии. №1. М., 2014.
160. Филимонов Г. «Мягкая сила» культурной дипломатии США. М., 2010.
161. Филимонов Г. Неофициальная внешняя культурная политика как компонент «мягкой силы» США // URL: <http://www.georgefilimonov.com/articles/non-official-extrenal-cultural-politics>.
162. Филимонов Г., Даниук Д., Юраков М. Переворот. СПб., 2016.
163. Филимонов Г.Ю. Актуальные вопросы формирования стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации // URL: <http://www.georgefilimonov.com/articles/important-issues-of-soft-power-strategy-in-the-foreign-policy-of-the-russian-federation>.

164. Филимонов Г.Ю., Карпович О.Г., Манойло А.В. Технологии «мягкой» силы на вооружении США: ответ России. М., 2015.
165. Филимонов Г.Ю., Цатурян С.А. Социальные сети как инновационный механизм «мягкого» воздействия и управления массовым сознанием. URL: <http://www.georgefilimonov.com/articles/social-networks>.
166. Фитуни Л.Л. «Арабская весна» в глобальном и региональном измерениях // Протестные движения в арабских странах: Предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола». М., 2012.
167. Фриман Ч. Дипломатия — утраченное искусство? // Россия в глобальной политике. №5. 2015.
168. Фролова О.А. «Мягкая сила» внешнеполитической деятельности США: институты и механизмы формирования // Вестник РУДН, серия Политология, 2013, №3.
169. Фукуяма Ф. Америка на распутье: демократия, власть и неоконсервативное наследие. М., 2008.
170. Харкевич М.В. «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции // Вестник МГИМО(У). 2014. №2.
171. Цатурян С.А. Стратегия ненасильственного сопротивления на Ближнем Востоке и в Северной Африке: роль США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2012. №9 (513).
172. Цветкова Н. А. Cultural imperialism: международная образовательная политика США в годы «холодной войны». СПб., 2007.
173. Цветкова Н. Публичная дипломатия США. От «мягкой силы» к «диалоговой пропаганде» // Международные процессы. Том 13. №3.
174. Цветкова Н.А., Ярыгин Г.О. Участие публичной дипломатии США в политической трансформации Украины, 1990-е — 2000-е годы // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. Сер.6. Вып.4.
175. Чернявский С. Киргизская революция 2010 года: причины и перспективы постреволюционного развития Киргизии // Центральная Азия и Кавказ. Том 13. Выпуск 2.
176. Чихарев И.А., Столетов О.В. Методологические проблемы изучения новых движущих сил мировой политической динамики // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. Вып. 1: Альтернативные модели формирования наций / Ред. и сост. М.В. Ильин. М., 2012.
177. Шарп Дж. От диктатуры к демократии. Екатеринбург, 2005.
178. Шарп Дж. С. Будущее власти. М., 2014.
179. Шеварднадзе Э. Когда рухнул железный занавес. Встречи и воспоминания. М., 2009.
180. Шишкина А.Р. «Арабская весна»: сценарии, основные акторы, движущие силы // Политическая наука. 2014. №4.

181. Шишкина А.Р., Исаев Л.М. Арабский мир в цифровую эпоху: социальные медиа как форма политической активности. М., 2014.
182. Шульц Э.Э. Технологии бунта (Технологии управления радикальными формами социального протеста в политическом контексте). М., 2014.
183. Шульц Э.Э. Технологии бунта: «цветные революции» и «арабская весна» // Угрозы и безопасность. №19 (256). 2014.
184. Шумилин А.И. Политика США на Ближнем Востоке в контексте «Арабской весны». М., 2015.
185. Элих Г. Сербия: переворот 2000 года — шаблон для «цветных революций» // Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в постсоветский период. Сборник статей международного авторского коллектива / под общ. ред. В. Крашенинниковой. М., 2014.
186. Ющенко принес присягу народу // Украинская правда. 23.11.2004. URL: <http://www.pravda.com.ua/ru/news/2004/11/23/13836.htm>.
187. Янукович уверяет, что временные трудности не заставят Украину свернуть с пути // Портал новостей LB.ua. 21.11.2013. URL: http://lb.ua/news/2013/11/21/242300_yanukovich_uveryaet_vremennye.html.
188. Янукович: Евроинтеграция для Украины цивилизационный выбор // Подробности. 30.08.2010. URL: <http://podrobnosti.ua/711460-janukovich-evrointegratsija-dlja-ukrainy-tsvivilizatsionnyj-vybor.htm>.
189. Ackerman P. Between Hard and Soft Power: The Rise of Civilian-Based Struggle and Democratic Change // URL: <http://2001-2009.state.gov/s/p/of/proc/34285.htm>.
190. Antelava N. How to stage a revolution // BBC News. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/3288547.stm>.
191. Ash T.G. “The Last Revolution” // New York Review of Books. October 19, 2000.
192. Aslund A. The Ancien Regime: Kuchma and the Oligarchs // Revolution in orange: the origins of Ukraine’s democratic breakthrough. Ed. by A. Aslund, M. McFaul. Washington, 2006.
193. Baker P. Tbilisi’s ‘Revolution of Roses’ Mentored by Serbian Activists // Washington Post. Nov. 24. 2003. URL: http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/articles/A11577-2003Nov24_2.html.
194. Booker C. Thanks to the EU’s bungling, Russia will inevitably win in Ukraine // The Telegraph. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/2016/08/27/thanks-to-the-eus-bungling-russia-will-inevitably-win-in-ukraine>.
195. Branigin W. U.S. Rejects Tally, Warns Ukraine // The Washington Post. November 25, 2004. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/articles/A10212-2004Nov24.html>.
196. Bujosevic D., Radovanic I. The Fall of Milosevic: The October 5 Revolution. L., 2003.

197. Bureau of Budget and Planning //U.S. Department of State. URL: <http://www.state.gov>.
198. CANVAS Belgrade University Program. URL: <http://www.canvasopedia.org/index.php/canvas-belgrade-university-program>.
199. CANVAS. Official web-site. URL: <http://www.canvasopedia.org>.
200. Cevallos A. Special Report. Whither the Bulldozer? Nonviolent Revolution and the Transition to Democracy in Serbia // United States Institute of Peace. URL: <http://www.usip.org/sites/default/files/sr72.pdf>.
201. Chomiak L., Entelis J. The Making of North Africa's Intifadas // Middle East Report. Vol.41 (Summer 2011).
202. Clinton H.R. American "Smart Power": Diplomacy and Development Are the Vanguard. May 04, 2009. URL: <http://www.state.gov/r/pa/scp/fs/2009/122579.htm>.
203. Clinton H. The art of smart power // URL: <http://www.newstatesman.com/politics/politics/2012/07/hillary-clinton-art-smart-power>.
204. Clinton H. U.S. leadership. Council on Foreign Affairs. January 31, 2013. URL: <http://www.cfr.org/united-states/remarks-american-leadership/p35382>; Clinton H. Testimony before the Senate Foreign Relations Committee. January 13, 2009. URL: <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/01/115196.htm>.
205. Cohen R. Who Really Brought Down Milosevic? New York Times Magazine, November 26, 2000 // URL: <http://www.nytimes.com/2000/11/26/magazine/who-really-brought-down-milosevic.html?pagewanted=all>.
206. CSIS Commission on Smart Power: a smarter, more secure America / cochairs, Richard L. Armitage, Joseph S. Nye, Jr, Washington, 2007 // URL: http://csis.org/files/media/csis/pubs/071106_csissmartpowerreport.pdf.
207. Darbo D. Pas de Roses sans Soros // Информационно-аналитический журнал «Infoguerre». URL: <http://www.infoguerre.fr/matrices-strategiques/pas-de-roses-sans-soros>.
208. Demes P., Forbrig J. Pora – "It's Time" For Democracy In Ukraine // Revolution in orange: the origins of Ukraine's democratic breakthrough. Ed. by A. Aslund, M. McFaul. Washington, 2006.
209. Diuk N. The Triumph of Civil Society // Revolution in orange: the origins of Ukraine's democratic breakthrough. Ed. by A. Aslund, M. McFaul. Washington, 2006.
210. Dobbs M. U.S. Advice Guided Milosevic Opposition. Political Consultants Helped Yugoslav Opposition Topple Authoritarian Leader // Washington Post. December 11, 2000. URL: <http://archive.is/20120524123929/www.washingtonpost.com/ac2/wp-dyn/A18395-2000Dec3?language=printer>.
211. Egypt protests: secret US document discloses support for protesters // The Telegraph. 28 Jan. 2011. URL: <http://www.telegraph>.

co.uk/news/worldnews/africaandindianocean/egypt/8289698/Egypt-protests-secret-US-document-discloses-support-for-protesters.html.

212. Egypt says fear of Tunisia-style revolt 'nonsense' // Daily News Egypt. 17.01.2011. URL: <http://www.dailynewsegypt.com/2011/01/17/egypt-says-fear-of-tunisia-style-revolt-nonsense>.

213. Engdahl W. A Century of War: Anglo-American Oil Politics and the New World Order. L., 2004.

214. Final Report of the Select Committee to Study Governmental Operations with respect to Intelligence Activities. U.S. Senate. Washington, 1976. V.4.

215. Fraser M. Weapons of Mass Distraction. Soft Power and American Empire. N.Y., 2005.

216. Fundamental Flaws in Ukraine's Presidential Election Process Subvert its Legitimacy. Press Release. November 23, 2004 // National Democratic Institute for International Affairs. URL: https://www.ndi.org/files/1774_uk_press_112304.html.

217. Gelvin J.L. The Arab Uprising: What Everyone Needs to know. Oxford, 2012.

218. Gillis A. Foreign Aid and Democratization: The Impact of Western Assistance on the Orange Revolution. Budapest, 2013.

219. Hale H.E. Democracy or autocracy on the march? The colored revolutions as normal dynamics of patronal presidentialism // Communist and Post- Communist Studies. 2006. Vol. 39. №3.

220. Helvey R.L. On Strategic Nonviolent Conflict: Thinking About the Fundamentals. Boston, 2004.

221. Howard Ph. The Arab Spring's Cascading Effects // Pacific Standard. Feb. 24, 2011. URL: <http://www.psmag.com/business-economics/the-cascading-effects-of-the-arab-spring-28575>.

222. Huntington S.P. Political Order in Changing Societies. New Haven, 1968.

223. In quotes: Reaction to Tunisian crisis // BBC News. URL: <http://www.bbc.com/news/world-africa-12197681>.

224. International Election Observation Mission, Statement of Preliminary Findings and Conclusions // ОБСЕ. Официальный сайт. URL: http://www.osce.org/documents/odihr/2004/11/3811_en.pdf.

225. Jones S. Georgia's «Rose Revolution» of 2003: Enforcing Peaceful Change // Civil Resistance and Power Politics: The Experience of Non-violent Action from Gandhi to the Present. Ed. by Roberts A., Garton T. Oxford & New York, 2009.

226. Kandelaki G. Georgia's Rose Revolution. A Participant's Perspective // United States Institute of Peace. Special Report. July 2006. URL: <http://www.usip.org/sites/default/files/sr167.pdf>.

227. Karatnycky A. The Fall and Rise of Ukraine's Political Opposition: From Kuchmagate to the Orange Revolution // Revolution in orange: the origins of Ukraine's democratic breakthrough. Ed. by A. Aslund, M. McFaul. Washington, 2006.

228. Karumidze Z., Wertsch J. Enough! The Rose Revolution in the Republic of Georgia. N.Y., 2005.

229. Kassim S. Twitter Revolution: How the Arab Spring Was Helped By Social Media // Policymic. 3 July, 2012 // URL: <http://www.policymic.com/articles/10642/twitter-revolution-how-the-arab-spring-was-helped-by-social-media>.

230. Kirkpatrick D., Sanger D. A Tunisian-Egyptian Link That Shook Arab History // The New York Times. Feb. 13. 2011. URL: http://www.nytimes.com/2011/02/14/world/middleeast/14egypt-tunisia-protests.html?pagewanted=all&_r=0.

231. Kuzio T. Everyday Ukrainians and the Orange Revolution // Revolution in orange: the origins of Ukraine's democratic breakthrough. Ed. by A. Aslund, M. McFaul. Washington, 2006.

232. LeBor A. Milosevic. New Haven, 2005.

233. Lynch M. The Arab Uprising. The Unfinished Revolutions of the New Middle East. N.Y., 2012.

234. Lynn W. Defending a New Domain: The Pentagon's Cyberstrategy // Foreign Affairs. Sept/Oct. 2010.

235. Marshall T. Shadowplay. Belgrade, 2003.

236. McFaul M. Ukraine Imports Democracy. External Influences on the Orange Revolution // International Security. Vol.32. №2 (Fall 2007).

237. Middle East Initiative Partnership. About Us. URL: <http://www.medregion.mepi.state.gov/mepi/about-us.html>.

238. Middle East Partnership Initiative Offers Tools for Supporting Reform, but Project Monitoring Needs Improvement // United States Government Accountability Office. August 2005. URL: <http://www.gao.gov/new.items/d05711.pdf>.

239. Mitchell L. Georgia's Rose Revolution // Current History. Vol.103. No.675 (October 2004).

240. Motyl A.J. Three Years After: Theoretical Reflections on Ukraine's Orange Revolution // Harvard International Review. Volume 29. Issue 4. Publication Year 2008.

241. Nichol J. Coup in Georgia [Republic]: Recent Developments and Implications // CRS Report for Congress. December 4, 2003. URL: <https://www.justice.gov/sites/default/files/eoir/legacy/2013/06/13/Coup%20in%20Georgia.pdf>.

242. Nichol J. Coup in Kyrgyzstan: Developments and Implications // CRS Report for Congress. April 14, 2005. URL: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/RL32864.pdf>.

243. Nye J.S. "Soft Power" // Foreign Policy. 1990. №8.
244. Nye J.S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. N.Y., 1990.
245. Nye J.S. Donald Rumsfeld and Smart Power // URL: <http://www.projectsyndicate.org/commentary/nye32>.
246. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y., 2004.
247. OSCE. Office for Democratic Institutions and Human Rights. Parliamentary Elections, the Kyrgyz Republic: Statement of Preliminary Findings and Conclusions. The Kyrgyz Republic Parliamentary elections 27 February and 13 March 2005 OSCE/ODIHR Election Observation Mission Final Report. URL: <http://www.osce.org/odihr/elections/kyrgyzstan/14835?download=true>.
248. Oweidat N., Benard C., Stahl D., Kildani W., O'Connell E., Grant A.K. The Kefaya Movement. A Case Study of a Grassroots Reform Initiative. URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2008/RAND_MG778.pdf.
249. Peace Corps. About Us. URL: <http://www.peacecorps.gov/about>.
250. Pope H. Pro-West Leaders In Georgia Push Shevardnadze Out // The Wall Street Journal. Nov. 24. 2003. URL: <http://www.wsj.com/articles/SB1069507873431700>.
251. Popovic S., Milivojevic A., Djinovica S. Nonviolent struggle. 50 crucial points. A strategic approach to everyday tactics. Belgrade, 2006.
252. Preliminary Statement of the NDI International Election Observer Delegation on Ukraine December 26, 2004. Repeat of the Presidential Runoff Election. December 27, 2004 // National Democratic Institute for International Affairs. URL: https://www.ndi.org/files/1787_uk_statement_122704.html.
253. Promotion of the Fair and Open Election of 2004. International Renaissance Foundation. Официальный сайт // URL: http://www.irf.kiev.ua/files/eng/news_381_en_pdf.pdf.
254. Reardon S. Was the Arab Spring really a Facebook revolution? // New Scientist. 13 April, 2012. URL: <http://www.newscientist.com/article/mg21428596.400-was-the-arab-spring-really-a-facebook-revolution.html>.
255. Remarks by the President at Cairo University, 6-04-09 // The White House. Office of the press secretary. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-cairo-university-6-04-09>.
256. Rising Democracy. Grassroot Revolutions // USAID. Official website. URL: http://www.usaid.gov/our_vvork/democracy_and_governance/publications/pdfs/democracy_rising.pdf.
257. Sale R. Clinton's Secret Wars: the Evolution of a Commander in Chief. N.Y., 2009.

258. Saleh L. *Soft Power, NGOs, and the US War on Terror* // Theses and Dissertations of the University of Wisconsin Milwaukee. 2012. December. URL: <http://dc.uwm.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1069&context=etd>.
259. Secretary Clinton Announces Civil Society 2.0 Initiative to Build Capacity of Grassroots Organizations. Marrakech, Morocco. November 3, 2009 // US Department of State. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2009/nov/131234.htm>.
260. Sha'ban A. *The Butterfly Effect: Kefaya. Past and Present*. Cairo, 2006.
261. Sharp G. *There Are Realistic Alternatives*. Boston, 2003.
262. Sharp G. *The Politics of Nonviolent Action*. Boston, 1973.
263. Shishkin Ph. In *Putin's Backyard, Democracy Stirs – With U.S. Help* // The Wall Street Journal. 25.02.2005. URL: <http://online.wsj.com/news/articles/SB110929289650463886>.
264. Smith C. *U.S. Helped to Prepare the Way for Kyrgyzstan's Uprising* // The New York Times. March 30, 2005. URL: http://www.nytimes.com/2005/03/30/world/asia/us-helped-to-prepare-the-way-for-kyrgyzstans-uprising.html?_r=0.
265. *Soft Power: теория, ресурсы, дискурс*. Под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург, 2015.
266. Stephenson S. *Tunisia, a Sad Year Later* // The New York Times. October, 31, 2012. URL: http://www.nytimes.com/2012/11/01/opinion/tunisia-a-sad-year-later.html?_r=0.
267. Sushko O., Prystayko O. *Western Influence // Revolution in orange: the origins of Ukraine's democratic breakthrough*. Ed. by A. Aslund, M. McFaul. Washington, 2006.
268. Sussman G., Krader S. *Template Revolutions: Marketing U.S. Regime Change in Eastern Europe* // *Westminster Papers in Communication and Culture*. V.5. №3 (September 2008).
269. The Broadcasting Board of Governors. *About us*. URL: <http://www.bbg.gov/about-the-agency>.
270. *The Colour Revolutions in the Former Soviet Republics: Successes and Failures*. Ed. by D. Ó Beacháin and A. Polese. N.Y., 2010.
271. *The European Commission's Delegation to Ukraine, Moldova, and Belarus, European Union Funded Projects in Support of the Presidential Elections in Ukraine* // Представительство Европейской Комиссии на Украине, Молдове и Беларуси. Официальный сайт. URL: <http://www.delukr.cec.eu.int/site/page31321.html>.
272. *The Fall of Milosevic. Chapter 3: Finished*. Документальный фильм. Великобритания, 2001. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1U54X7h8Ydg>.
273. *U.S. Government Assistance to and Cooperative Activities with Eurasia*. Bureau of European and Eurasian Affairs. January 2003. Report.

Ukraine // U.S. Department of State. URL: <http://www.state.gov/p/eur/rls/rpt/23629.htm>.

274. USAID Mission to Ukraine Data Sheet, FY 2004 Program // Официальный сайт USAID. URL: http://www.usaid.gov/our_work/democracy_and_governance/regions/ee/ukraine1.pdf.

275. USAID. Who we Are. URL: <https://www.usaid.gov/who-we-are>.

276. Warrick J., D. Eggen. Obama turned to envoy who could speak to Mubarak as a friend // The Washington Post. February 1, 2011. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2011/02/01/AR2011020106216.html>.

277. Warrick J., Miller G. Egypt's intelligence chief, Omar Suleiman, could be called on to smooth turmoil // The Washington Post. February 1, 2011. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2011/02/01/AR2011020106731.html>.

278. Way L. The Real Causes of the Color Revolutions // Journal of Democracy. 2008. Vol.19. №3.

279. Weintraub C. American Revolutions in Georgia and Ukraine: An Analysis of the Role of Public Relations and NGOs in the Political Regimes' Change in the Post-Soviet Space // Государственное управление. Электронный вестник Выпуск № 33. Август 2012 г. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2012/vipusk_33_avgust_2012_g/kommunikazionnii_menedjment_i_strategitcheskaja_kommunikazija_v_gosudarstvennom_upravlennii/weintraub.pdf.

280. Welt C. Regime Vulnerability and Popular Mobilization in Georgia's Rose Revolution // CDDRL Working Papers. Stanford University. Number 67. September 2006. URL: http://csis.org/files/media/csis/pubs/061005_ruseura_no67welt.pdf.

281. Wilson A. Ukraine's Orange Revolution. New Haven, 2005.

282. Wilson S. Obama administration studies recent revolutions for lessons applicable in Egypt // The Washington Post. February 13, 2011. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2011/02/13/AR2011021302783.html>.